ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ДМИТРИЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

РУССКАЯ РЕГУЛЯРНАЯ АРМИЯ В СИБИРИ (1725–1796 гг.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ
доктор исторических наук, профессор ЗУЕВ А. С.

Новосибирск
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……... 3

ГЛАВА 1. КОНТИНГЕНТЫ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В СИБИРИ

1.1. Гарнизонные части в 1725–1741 гг. …… 58

1.2. Гарнизонные и полевые части в 1742–1761 гг. ……. 79

1.3. Сибирский корпус в 1762–1796 гг. ……... 108

ГЛАВА 2. КАДРОВЫЙ СОСТАВ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

2.1. Состав гарнизонных частей ……... 132

2.2. Состав полевых частей ……... 166

2.3. Офицерский корпус регулярной армии:
факторы чинопроизводства …….. 197

ГЛАВА 3. МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

3.1. Финансирование армейских частей центральными
государственными ведомствами …….. 224

3.2. Снабжение воинских частей местной администрацией ……. 247

3.3. Организация провиантского довольствия военным командованием … 272

ГЛАВА 4. СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЗАНЯТИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

4.1. Поступление на службу и обязанности военнослужащих ……. 295

4.2. Воинская дисциплина в частях регулярной армии ……. 321

4.3. Повседневные занятия военнослужащих ……. 354

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……... 386

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ……... 399

ПРИЛОЖЕНИЯ ……... 428

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и научная значимость темы исследования. Важнейшим элементом любой государственности в мировой истории во все времена является армия. Именно армия обеспечивает сохранение государственного суверенитета, а также одновременно входит в состав системы политических и социальных институтов, которые существуют в каждой стране в отдельные периоды ее истории. Особую значимость «армейский» фактор приобретает в государствах, на определенном этапе своего развития становящихся империями. Имперская государственность напрямую связана с процессами строительства армии и нарастанием военной мощи – только сильная армия способна обеспечить выполнение основных задач, которые ставит перед собой империя: обладание значительными территориями и удержание под своей властью множества народов.

К государствам имперского типа относилась и Россия в XVIII в. Сейчас уже не подвергается сомнению тезис о значительной роли регулярной армии в системе политических и социальных институтов Российской империи. Однако до сих пор высокая степень милитаризации аппарата государственного управления и участие военнослужащих практически во всех сферах жизни страны отмечались историками лишь в отношении времени правления отдельных российских монархов: чаще всего, конечно, Петра I, затем Павла I и Николая I. Роль армии на протяжении других хронологических отрезков в рамках имперского периода истории России все еще остается вне поля зрения исследователей.

Кроме того, почти не уделялось внимания месту регулярной армии в политических и социальных процессах внутри имперского пространства, в региональном масштабе. Между тем, особенности положения частей регулярной армии в отдельных крупных регионах империи придавали этим процессам неоднородный характер, что необходимо учитывать при исследовании механизмов строительства и функционирования имперской государ-

ственности в России. Именно на региональном уровне вопросы, например, о роли армии как «социального лифта» в сословной структуре российского общества XVIII в., о соотношении интересов военного ведомства и других учреждений при выработке политического курса имперского государства к настоящему времени либо затронуты фрагментарно, либо остаются «белыми пятнами» в рамках рассматриваемого периода.

Особую значимость имеет решение этих вопросов применительно к Сибири. Положение этого региона на протяжении XVIII в. отличалось рядом особенностей, затруднявших функционирование здесь структур имперской государственности. Среди них следует назвать: отдаленность Сибири, низкую плотность населения, его полиэтничный и поликонфессиональный состав, постоянный дефицит и неоднородность состава вооруженных сил, необходимых для поддержания и укрепления властных институтов на данной территории. До конца первой четверти XVIII в. вооруженной опорой государства в регионе оставались только иррегулярные формирования – команды сибирских казаков. Такое положение диктовало верховной власти настоятельную необходимость замещения казачества частями регулярной армии, поскольку от решения этой задачи напрямую зависела эффективность контроля имперских институтов над жизнью всего населения региона.

Обращение к региональному (сибирскому) опыту армейского строительства послепетровской эпохи вносит значительный вклад в изучение процесса развития регулярной армии Российской империи в XVIII в., помогает определить, какое место занимали контингенты регулярной армии за Уралом в структуре вооруженных сил Российской империи в целом, как и насколько влияли на их положение особенности жизни и службы в Сибири. Эти особенности оказывали прямое влияние на складывание и функционирование механизмов взаимодействия военного командования и воинских частей с центральными и местными административными учреждениями, а также населением региона. Постоянные контакты между военнослужащими, с одной стороны, и чиновниками канцелярий, городскими обывателями и кресть-

янами – с другой, порождали специфические формы взаимных отношений в пространстве множества сфер повседневной деятельности. Их изучение необходимо для более точной оценки роли регулярной армии как в системе имперского аппарата власти, так и в социальной жизни.

Степень изученности темы. К настоящему времени опубликовано множество работ, посвященных как рассмотрению тех или иных конкретных сюжетов, так и носящих обобщающий характер, подводящих некоторые концептуальные основы под изучение феномена Российской империи. Расширение территории и геополитика России, государственное управление и состав населения страны, экономика, идеология – все эти аспекты уже изучались на базе широкого конкретно-исторического материала [1]. Однако значительно меньше внимания уделено вопросу о том месте, которое занимала в системе политических и социальных институтов Российской империи регулярная армия, о той роли, которую играл именно военный, «милитаристский» фактор в жизни страны в XVIII в.

Сам по себе интерес к роли армии в системе институтов монархических империй, конечно, не является новостью для исследователей уже почти полвека. Предложенная М. Робертсом теория «военной революции» впервые напрямую связала эволюцию политических и социальных институтов европейских стран эпохи нового времени с военно-технологическими достижениями XVI–XVII вв., которые легли в основу могущества политических режимов XVIII в. [2] В дальнейшем эта теория обрела как сторонников [3], так и про-

---

[1] См., напр.: Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004; Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004; *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007; Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. М., 2012. Хороший обзор существования государств имперского типа в различные исторические эпохи содержится в работе Д. Ливена, см.: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007. С. 75–325.

[2] *Roberts M.* Essays in Swedish History. Minneapolis, 1967.

[3] См., напр.: *Downing B.* The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992; *Parker G.* The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1996.

тивников [4], продолжает оставаться в фокусе внимания исследователей и в последние два десятилетия [5].

При этом исследователями уже отмечено, что в государствах-империях армия обязательно обладает теми же базовыми характеристиками, которые присущи данному типу государственности в целом – многонациональностью и поликонфессиональностью. Например, Р. Бассетт в своей недавней монографии выделяет в качестве ключевых особенностей, отличавших армию империи Габсбургов от ее европейских соседей, именно ее наднациональный характер и в высшей степени индифферентное отношение к тому, какую религиозную веру исповедовали солдаты и офицеры [6]. С этих позиций в последние десятилетия также рассматриваются место и роль армии в системе политических и социальных институтов России [7].

Историография проблемы делится на два крупных тематических блока. Первый из них включает работы, посвященные истории русской армии и государственной политике в сфере армейского строительства в XVIII в. [8] Вне хронологических рамок исследования остается петровское время первая четверть века, поскольку события Северной войны 1700–1721 гг. и произведен-

---

[4] См., напр.: *Henshall N.* The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. L., 1992.

[5] *Лангевише Д.* Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // Ab imperio. 2001. № 4. С. 7–28; *Burkhardt J.* Die Friedlosigkeit der frühen Neuzeit. Grundlegung einer Theorie der Bellizität Europas // Zeitschrift für Historische Forschung. 1997. Bd. 24. S. 509–574.

[6] *Bassett R.* For God and Kaiser: The Imperial Austrian Army, 1619–1918. New Haven; L., 2015. P. 3.

[7] Данная проблематика разработана, в том числе, даже по более раннему периоду, для Московского государства XVII в., см.: *Poe M.* The Consequences of the Military Revolution in Muscovy in Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. 38. No. 4. P. 603–618; Idem. The Military Revolution, Administrative Development and Cultural Change in Early Modern Russia // The Journal of Early Modern History. 1998. Vol. 2. No. 3. P. 247–273; *Dunning C., Smith N.* Moving Beyond Absolutism: Was Early-Modern Russia a «Fiscal-Military» State? // Russian History / Histoire Russe. 2006. Vol. 33. No. 1. P. 19–43.

[8] В диссертации используется термин «русская армия», поскольку в рамках давно сложившейся историографической традиции он применяется для обозначения вооруженных сил Российской империи XVIII–XIX вв. Хотя командный состав и офицерский корпус регулярной армии России включали представителей разных этнических групп, основную массу рядовых военнослужащих составляли лица, принадлежавшие к великорусскому этносу. С учетом этого обстоятельства данный термин избран для настоящего исследования.

ная в ходе нее царем-реформатором перестройка вооруженных сил государства изучены весьма подробно. А вот дальнейшая эволюция русской армии вплоть до конца XVIII – начала XIX вв. к настоящему времени исследована далеко не в полном объеме. В связи с этим необходимо отметить здесь также работы, не связанные напрямую с военно-исторической проблематикой, но посвященные изучению тех принципов, на основе которых строилась военная служба представителей отдельных сословных групп населения России в рамках имперского государства, а также рассмотрению взаимодействия центральных и местных административных структур при решении вопросов материального обеспечения армии, деятельности военных и гражданских органов управления.

Во втором тематическом блоке освещаются те публикации по истории Сибири XVIII в., которые содержат сведения или упоминания о расквартировании и постоянной дислокации на восточной окраине Российской империи частей регулярной армии, их структуре, кадровом составе, функциях и материальном обеспечении. Несмотря на различную ценность содержащихся в них сведений и авторских выводов, определенную тематическую «мозаичность» и (в некоторых случаях) противоречивость приводимых данных, эти работы позволяют установить степень изученности отдельных аспектов армейского строительства в Сибири и сосредоточить внимание на тех моментах, которые до сих пор оставались по большей части вне поля зрения историков-сибиреведов.

Характеристику отечественной историографии русской армии следует начать с многотомной работы А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», вышедшей в 30 частях с 1841 по 1862 гг. [9] В соответствующих пяти частях этого издания, хронологически охватывающих весь XVIII в., были приведены основные данные относительно реорганизации пехоты и кавалерии как родов войск в составе русской ре-

[9] Использовано ее второе издание как более выверенное и доступное современным специалистам: *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899–1900. Ч. 2–6.

гулярной армии в целом, а также отдельных воинских частей, полевых и гарнизонных полков и батальонов. Однако автор, характеризуя здесь, наряду с прочими, те части, которые дислоцировались за Уралом, никак не объяснял специфику их положения в структуре регулярной армии и присущие им особенности. А. В. Висковатов просто перечислял собранный им фактический материал, не пытаясь дать оценку тем или иным структурным преобразованиям русской армии или выделить их причины и цели.

Этими вопросами заинтересовалось уже следующее поколение русских военных историков второй половины XIX – начала XX вв., среди которых следует назвать имена М. И. Богдановича, Д. Ф. Масловского и А. К. Баиова [10]. Их сочинения нельзя считать в полной мере научными, поскольку все эти люди были военнослужащими, представителями армейского генералитета или преподавателями высших военно-учебных заведений, т. е. специалистами в области собственно военного дела. Государственная политика в сфере армейского строительства рассматривалась ими скорее как фон для характеристики состояния армии в целом и оценки ее боеспособности в ходе военных кампаний.

М. И. Богданович проследил те организационные изменения, которыми характеризовалось армейское строительство второй половины XVIII в., придя к выводу, что военные преобразования Екатерины II вывели русскую армию из кризиса, в котором она находилась после смерти Петра I [11]. В противовес данной позиции Д. Ф. Масловский доказывал, что даже к середине XVIII в. русская армия отнюдь не утратила тех качественных характеристик, которые придал ей царь-реформатор [12]. А. К. Баиов сделал вывод о взаимосвязи военных преобразований второй четверти XVIII в. с петровской эпо-

---

[10] *Богданович М. И.* Русская армия в веке императрицы Екатерины II. СПб., 1873; *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891–1894. Вып. 1–2; *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909–1913. Вып. 1–7.

[11] *Богданович М. И.* Русская армия… С. 3, 4.

[12] *Масловский Д. Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 199.

хой, детально изучив политику императрицы Анны Иоанновны и деятельность фельдмаршала Б.-Х. Миниха [13]. Специфика же региональных процессов армейского строительства (в частности, на территории Сибири) оставалась вне поля зрения этих исследователей, положению отдельных контингентов в структуре регулярной армии они не уделяли внимания.

Наряду с обобщающими работами, в дореволюционной историографии также можно отметить ряд исследований, посвященных специальным вопросам истории русской армии: эволюции отдельных родов войск, военно-инженерному искусству, сфере материального обеспечения, организации системы чинопроизводства, развитию специализированного военного образования [14]. Кроме того, к началу XX в. сложился обширный пласт так называемой «полковой историографии», включавший публикации, в которых рассматривалась история отдельных воинских частей в составе русской армии [15]. Однако среди этих публикаций, к сожалению, почти нет относящихся именно к воинским частям, дислоцированным на протяжении XVIII в. к востоку от Урала. Среди них выделяются лишь две работы, посвященные истории Ширванского мушкетерского (пехотного) и Иркутского драгунского полков [16].

---

[13] См.: *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1. С. 1–16 и далее.

[14] *Иванов П. А.* Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии. От Петра Великого до наших дней. СПб., 1864; *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. 3: Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II; *Соловьев Н. И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб., 1900. Вып. 1; *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Военный сборник. 1887. № 4. С. 266–290; *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880 гг. СПб., 1880. Ч. 1, 2; *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910 гг. М., 1910.

[15] Подробнее см. об этом: *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 308–311; *Беловинский Л. В.* Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90.

[16] Служба ширванца 1726–1909 г. [История 84-го пехотного Ширванского Его Величества полка]. Тифлис, 1910; *Альбовский Е. А.* История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск, 1902.

Комплексным исследованием по истории русской армии стало вышедшее в начале XX в. многотомное юбилейное издание «Столетие Военного министерства. 1802–1902», подготовленное коллективом военных историков под руководством генерал-лейтенанта Д. А. Скалона. В соответствующих томах этого издания были подробно изложены все накопленные к тому времени факты организационных изменений в структуре и кадровом составе русской армии на протяжении интересующей нас эпохи, а также дана характеристика системы ее комплектования, деятельности органов военного управления и т. д. [17] Авторам удалось показать основные этапы эволюции армии Российской империи в XVIII в., установить их логическую взаимосвязь друг с другом и дать оценку того, насколько успешной оказывалась государственная политика в сфере армейского строительства в отдельные конкретные периоды. Вместе с тем, и здесь фактически отсутствует региональный аспект, специфика положения воинских частей в Сибири никак не раскрывается.

На достижения дореволюционной историографии опирался в своем труде «История русской армии» (Белград, 1933–1938) русский военный историк-эмигрант А. А. Керсновский. Он также сделал ряд новых наблюдений и выводов относительно специфики отдельных этапов эволюции регулярной армии на протяжении XVIII в., указав, в частности, на серьезное влияние европейских военных школ в процессе армейского строительства при преемниках Петра I [18]. Некоторые из его наблюдений ныне признаются вполне обоснованными с точки зрения современных специалистов.

---

[17] Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России; Т. 4. Введение: Главный штаб. Исторический очерк. Вооруженные силы России до царствования императора Александра I; Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1: Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г.; Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1: Главный штаб. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно.

[18] См. современное переиздание его работы: *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4 т. М., 1999. Т. 1: От Нарвы до Парижа, 1700–1814 гг. С. 70, 91.

В советской историографии внимание на военно-исторические сюжеты было обращено лишь в середине XX в. Это вполне объяснимо, ведь согласно марксистско-ленинской доктрине, в любом эксплуататорском обществе армия выполняла две функции, внешнюю и внутреннюю, причем главной считалась именно последняя, заключавшаяся не в обороне страны от внешнего врага, а в охране существующего политического и социального порядка. Только в связи с испытаниями, выпавшими на долю страны и ее населения в годы Великой Отечественной войны, как власть, так и академические историки осознали необходимость изучения истории русской армии в поисках героических примеров, способных поддерживать боевой дух советского народа. Среди исследований, специально посвященных истории регулярной армии XVIII в., наибольшую ценность имеют работы Л. Г. Бескровного.

Его перу принадлежали соответствующие разделы в многотомных «Очерках истории СССР» [19], а в дальнейшем весь накопленный фактический материал был обобщен исследователем в его считающейся до настоящего времени классической монографии [20]. Данное исследование и сегодня остается единственным, специально посвященным истории русской армии XVIII в. Автор детально описал и охарактеризовал все организационные изменения в составе полевой пехоты, кавалерии и артиллерии, гарнизонных войск и инженерных частей, ландмилиции. Но и Л. Г. Бескровный не уделил внимания специфике положения воинских частей к востоку от Урала, хотя упоминал как Сибирский корпус, так и отдельные полки и батальоны, дислоцированные в Сибири. Кроме того, в некоторых случаях автор допускал фактические ошибки, в частности, касательно времени формирования отдельных армейских частей именно на территории Сибири и особенностей, отличавших их организационную структуру. Даже тени сомнения не подвергался его главный вывод: сложившиеся в петровскую эпоху система комплектования, ор-

[19] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. 307–320; Он же. Армия и флот // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С. 296–309.

[20] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958.

ганизация армии, принципы боевой подготовки и ведения боевых действий довольно долгое время сохранялись в неизменном виде [21], и лишь во второй половине XVIII в. были улучшены и усовершенствованы.

Авторитет Л. Г. Бескровного до такой степени довлел над советскими исследователями вплоть до конца 1980-х гг., что другие авторы, описывая состояние и развитие регулярной армии России в XVIII в., предпочитали просто цитировать его основные положения и выводы, нежели самостоятельно работать с источниковой базой [22]. На исследовании лишь военных конфликтов, а не истории вооруженных сил страны в целом было сосредоточено внимание единственного в СССР специализированного научного учреждения – Института военной истории Министерства обороны (ныне – Научно-исследовательский институт Военной академии Генштаба ВС РФ).

Определенные сдвиги к лучшему произошли за последнюю четверть века, с начала 1990-х гг. Хотя вплоть до настоящего времени отчасти сохраняется «перекос» в сторону исследований по истории войн [23], и продолжают активную деятельность именно «ведомственные» специалисты, работающие в учреждениях МО РФ [24], можно отметить существенное расширение «армейской» проблематики за счет более подробного изучения истории развития отдельных родов войск в составе русской армии XVIII в., вопросов, связанных с материальным обеспечением, бытовым устройством и повседневной жизнью военнослужащих. Некоторые из этих публикаций представляют определенную ценность с тематической и содержательной точки зрения.

---

[21] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 54.

[22] См., напр.: *Епифанов П. П.* Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1969; *Епифанов П. П., Комаров А. А.* Военное дело. Армия и флот // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 186–257.

[23] См.: *Золотарев В. А.* Генезис и тенденции развития военного искусства в России во второй половине XVIII столетия. М., 2011; История военной стратегии России. М., 2000; На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов. СПб., 2003; и др. работы подобного плана.

[24] *Малютин С. Н.* Деятельность высших органов военного управления Российской империи во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2000; *Зотов С. В.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010.

Безусловно выделяется на общем фоне монография О. Г. Леонова и И. Э. Ульянова по истории регулярной пехоты [25]. Основываясь на довольно значительном массиве как опубликованных, так и архивных источников, авторы проследили все организационные изменения, происходившие с данным родом войск на всем протяжении XVIII в., исправив ряд фактических ошибок и неточных утверждений, допущенных их предшественниками. Развитие в указанный период русской кавалерии освещено в нескольких работах [26], однако ни одна из них, к сожалению, не охватывает все вопросы, связанные со спецификой этого рода войск в целом. Гарнизонным войскам в составе русской армии посвящены исследования М. Е. Проскуряковой и И. Н. Плешакова [27], проследивших их формирование, служебные функции, условия повседневной жизни, взаимодействие с гражданскими властями и населением на материалах Карелии за первую половину XVIII в. и Поволжья во второй половине XVIII в. соответственно. Военная служба частей лейб-гвардии и их положение в структуре русской армии XVIII в. исследовались в работах Ю. Н. Смирнова [28].

Современными исследователями также изучаются вопросы, связанные с расквартированием войск и постойной повинностью [29], развитием системы

---

[25] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995.

[26] *Бегунова А. И.* Сабли остры, кони быстры…: (Из истории русской кавалерии). М., 1992; *Пенской В. В.* Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731–1801 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1996; *Кирпиченок А. И.* Возникновение и развитие регулярной русской кавалерии в XVIII в. // Клио. СПб., 2006. № 2 (33). С. 196–200.

[27] *Проскурякова М. Е.* «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII в. Петрозаводск, 2012; *Плешаков И. Н.* Рать саратовская: очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009.

[28] *Смирнов Ю. Н.* Гвардейские недоросли. Сверхкомплектная служба дворян середины XVIII в. // Родина. 2010. № 11. С. 10–12; Он же. Гвардия в военной истории и вооруженных силах Российского государства XVIII в. // Проблемы изучения военной истории: Сб. ст. Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Самара, 24–25 марта 2015 г.). Самара, 2015. С. 131–138.

[29] *Лапин В. В.* Постойная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. Вып. 2. С. 135–164; *Калашников Г. В.* К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (25–28 апреля 2002 г.).

военного образования и подготовки кадров [30], соблюдением дисциплины и правонарушениями военнослужащих [31], разработкой и применением военного законодательства и права [32]. Однако материалы этих публикаций зачастую слабо связаны друг с другом тематически и не дают читателю сколько-нибудь полной картины повседневной жизни и бытовых условий в русской армии XVIII в. в целом. Единственной попыткой реконструировать картину «военно-служебной повседневности» является работа С. В. Карпущенко [33]. К сожалению, она относится скорее к популярному жанру, представляя собой ряд очерков, в которых описываются пребывание солдат и офицеров русской армии на постое и в лагерях, процедуры выплаты им денежного жалования, используемые формы одежды, нормы питания, особенности уклада семейной жизни и т. д. Ссылок на используемые источники и литературу автор вообще практически не приводит. Это характерно и для других публикаций подобного рода [34].

Значительно лучше обстоит дело применительно к изучению кадрового состава русской армии, прежде всего, ее офицерского корпуса. Здесь в

Тверь; Кашин; Калязин, 2002. Ч. 1. С. 152–162; *Субботина (Яковлева) Л. Е.* Натуральный постой в XVIII–XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник ТамбГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.

[30] *Лушников А. М.* Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996; *Капитуров В. Г.* Исторический опыт подготовки офицерских кадров русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011.

[31] *Азнабаев Б. А.* Воинские правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. (по смотровым и формулярным спискам полков и батальонов Оренбургской губернии) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2004. № 1. С. 101–114; Он же. Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 494–520.

[32] *Серов Д. О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. № 2 (Т. LXXV). Февраль 2013. С. 113–121; Он же. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обозрения) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 165–173.

[33] *Карпущенко С. В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 13–150.

[34] См., напр.: *Охлябинин С. Д.* Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004.

первую очередь следует назвать содержательную монографию С. В. Волкова [35], которая обобщает немало сведений, относящихся именно к XVIII в., и освещает особенности системы комплектования, чинопроизводства, боевой подготовки, материального обеспечения и др. Сословное происхождение и механизмы продвижения по службе в офицерских чинах за первую половину XVIII в. изучались в работах Б. Г. Кипниса и Г. В. Калашникова [36]. Кадровому составу армейского генералитета посвящены недавние публикации А. М. Феофанова и С. В. Черникова [37]. На основании перечисленных исследований можно с достаточной уверенностью судить о ряде характерных особенностей, присущих офицерскому корпусу регулярной армии России, чтобы иметь возможность сопоставить с этой картиной данные по воинским частям, дислоцированным в Сибири.

Попытки взглянуть на историю русской армии в целом связаны с именами только двоих авторов – В. В. Пенского и И. В. Волковой. Эволюции русской армии на протяжении XVIII в. В. В. Пенской уделил внимание в нескольких своих публикациях [38]. По мнению автора, в качестве основных моделей армейского строительства, на которые ориентировались русские государственные деятели и военачальники, выступали: в первой половине XVIII в. – австрийская, во второй – прусская. Кроме того, В. В. Пенской отметил и некоторые негативные моменты «золотого века» русской армии (в

---

[35] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 2003.

[36] *Кипнис Б. Г.* О социальном составе и боевом опыте офицерского и унтер-офицерского корпуса российской армии в XVIII столетии // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М., 1992. С. 44–62; *Калашников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999; Он же. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) (Законодательство о поступлении на службу и его исполнение) // Кодекс-info. СПб., 1999. № 6. С. 70–80; Он же. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. СПб., 2000. № 3 (12). С. 116–124.

[37] *Феофанов А. М.* Российский генералитет XVIII в.: социальная динамика поколений // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2. Вып. 4 (14). С. 221–229; *Черников С. В.* Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 128–143.

[38] *Пенской В. В.* Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 119–137; Он же. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004. С. 242–277.

царствование Екатерины II) – отсутствие контроля за полковыми командирами и штаб-офицерами, казнокрадство, использование военнослужащих в небоевых целях. Борьбе с этими явлениями посвятил свою политику в отношении вооруженных сил государства Павел I. Однако работы В. В. Пенского все же относятся более к исследованию сферы боевого применения регулярной армии, эволюции ее организационных форм, развитию воинских уставов, военной подготовки и пр.

Монография И. В. Волковой, напротив, посвящена почти исключительно месту и роли регулярной армии в социальной и политической жизни Российской империи [39]. Опираясь на широкий круг современных социологических и политологических концепций как отечественных, так и зарубежных исследователей, она предложила оригинальную гипотезу, согласно которой именно регулярная армия, созданная в первой четверти XVIII в., являлась не только главной вооруженной опорой для государственной власти, но и фактически служила средством для перестройки на европейский лад всех тех сфер жизни, в которых действовали военнослужащие. По мнению И. В. Волковой, уже со времен Петра I регулярная армия в России выступала в качестве транслятора преобразовательных установок верховной власти в социальное пространство империи. Милитаризация аппарата государственного управления; передача в руки военнослужащих функций налогового сбора (подушных денег); значительная роль, которую играли в рамках локальных социальных сообществ отставные военнослужащие, прежде всего, дворяне – все эти своеобразные феномены, заявившие о себе еще в первой четверти XVIII в., сохраняли свое значение на протяжении длительного исторического периода.

Также данная проблематика достаточно активно изучалась в последние несколько десятилетий в англо- и германоязычной историографии. В этой связи можно назвать работы Д. Байрау, Д. Киипа, Э. Виртшафтер, У. Фуллера, Б. Дэвиса, Б. Мэннинга, Д. Хартли и других авторов. В частно-

[39] *Волкова И. В.* Русская армия в русской истории. М., 2005.

сти, монографии Д. Байрау и Д. Киипа посвящены взаимовлиянию реформ в сфере вооруженных сил и перестройки системы экономических, социальных и политических отношений в Российской империи [40]. Д. Байрау подчеркивал, что поскольку, «как и во всех европейских государствах, в России, начиная с петровских реформ, становой хребет империи составляли бюрократия и регулярное войско», то и механизм формирования вооруженных сил и несения воинской службы в Российской империи служил, по его мнению, для отбора и комплектования той элиты, на которую опиралась верховная власть, причем полиэтничной по своему происхождению [41]. Д. Киип считал возможным утверждать, что Российскую империю с начала XVIII в. следует относить к типу милитаристских государств, поскольку верховная власть со времен Петра I опиралась на регулярную армию при разрешении внутренних конфликтов и старалась сохранить контроль над общественной жизнью именно в военных целях.

Комплектованию регулярной армии и параметрам социального статуса рядовых военнослужащих в XVIII – первой половине XIX вв. посвятила ряд своих публикаций Э. Виртшафтер [42]. У. Фуллер и Б. Дэвис рассматривали те политические факторы, которые оказали наибольшее влияние на процесс армейского строительства в Российской империи и государственную политику в этой сфере с начала XVIII в. [43] Б. Мэннинг и Д. Хартли уделили специальное внимание периоду второй половины XVIII в., проанализировав направленность и характер военных реформ в правление Екатерины II, кадровый

---

[40] *Beyrau D.* Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Köln; Wien, 1984; *Keep J. L. H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985.

[41] *Байрау Д.* Империя и ее армия // Новый часовой. 1997. № 5. С. 20, 22.

[42] *Wirtschafter E. K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990; Idem. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. Vol. 59. No. 2 (Apr., 1995). P. 215–235.

[43] *Fuller W. C. Jr.* Strategy and Power in Russia 1600–1914. N. Y., 1992; *Davies B. L.* The Development of Russian Military Power, 1453–1815 // European Warfare, 1453–1815 / Ed. J. Black. L.; N. Y., 1999. P. 145–179. Как ни странно, этот период почти не охарактеризовал в своей фундаментальной работе Б. Тэйлор: *Taylor B. D.* Politics and the Russian Army: Civil-Military Relations, 1689–2000. Cambridge, 2003.

состав русской армии и систему ее материального обеспечения [44]. Почти все названные исследователи считали русскую армию XVIII в. важнейшим фактором не только внешней, но и внутренней политики Российской империи, начиная с эпохи Петра Великого. При этом авторы нередко сопоставляли модель вооруженных сил России с армиями ее европейских соседей, а также Османской империи [45], отмечая, что именно регулярная армия обеспечивала более прочную, нежели в других империях, социальную «спайку» различных сословных групп в единое целое под властью неограниченной монархии, получавшей значительно более широкие возможности для мобилизации подчиненных ей людских и материальных ресурсов на военные цели, нежели ее геополитические конкуренты.

Вопросы внутренней политики в связи с развитием вооруженных сил государства в эпоху Петра I и при его преемниках освещались в той или иной степени в целом ряде работ. Среди них, прежде всего, следует отметить две монографии Н. Н. Петрухинцева, посвященные детальному разбору политики правительства императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) и преобразованиям регулярной армии в 1730-х гг. [46] В частности, автор впервые связал разработку военной доктрины в первой половине 1730-х гг. с состоянием государственного бюджета и сословной политикой аннинского царствования,

---

[44] *Menning B. W.* The Imperial Russian Army, 1725–1796 // The Military History of Tsarist Russia / Ed. F. Kagan, R. Higham. N. Y., 2002. P. 47–76; Idem. G. A. Potemkin and A. I. Chernyshev: Two Dimensions of Reform and Russia's Military Frontier // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution / Ed. D. Schimmelpenninck van der Oye, B. Menning. Cambridge, 2004. P. 273–291; *Hartley J. M.* Russia: 1762–1825: Military Power, the State and the People. Westport; L., 2008. См. также большую статью Д. Киипа, посвященную состоянию русской армии в годы Семилетней войны: *Keep J. L. H.* The Russian Army in the Seven Years War // The Military and Society in Russia: 1450–1917 / Ed. E. Lohr, M. Poe. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 197–220.

[45] Собственно военной истории и развитию военного дела в Европе и за ее пределами в эпоху нового времени наибольшее внимание уделено в работах Д. Блэка, см., напр.: *Black J.* Warfare in the Eighteenth Century. L., 2006. Можно также вспомнить ставшие классическими монографии Д. Паркера и Д. Ралстона: *Parker G.* The Military Revolution…; *Ralston D. B.* Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914. Chicago, 1990.

[46] *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001; Он же. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 222–248, 635–708.

а также детально проследил, какое влияние оказывали эти факторы на различных этапах практической реализации предложений Воинской комиссии 1730–1732 гг. и во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Попытки верховной власти каким-то образом привести во взаимное соответствие структуру административных органов и вооруженные силы государства, финансы и положение всех сословий в стране (как дворянского, так и податных) при жизни и после смерти Петра I рассматривались в работах Е. В. Анисимова, А. Б. Каменского, И. В. Курукина, Д. А. Редина [47]. Позиции названных авторов в принципе близки, поскольку все они отмечали непоследовательность правительственного курса преемников Петра, невозможность примирить интересы военного ведомства и государственной казны.

Касаясь взаимоотношений государственной власти с различными сословными группами (прежде всего, с дворянством) в сфере государственной (и особенно военной) службы, необходимо назвать классическую монографию С. М. Троицкого, впервые детально проанализировавшего персональный состав чиновников центральных учреждений по целому ряду параметров: их сословному происхождению, факторам, обеспечивавшим продвижение по карьерной лестнице, материальной обеспеченности, уровню образования и др. [48] Выводы, сделанные С. М. Троицким, включали два принципиально важных тезиса: во-первых, о крайне неоднородном составе дворянского сословия на протяжении всей послепетровской эпохи, и во-вторых, о том, что более значимым фактором для определения места человека внутри дворянской корпорации в империи оказывались даже не показатели земле- и душевладения, а тот чин, которого ему удалось достичь на государственной

---

[47] *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. СПб., 1994; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; *Редин Д. А.* Эффективность местного управления в петровскую эпоху: парадоксы централизации // Quaestio Rossica. 2016. № 3. С. 190–216; *Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М. П.* «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 3–20.

[48] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М., 1974.

службе. Эти тезисы явно противоречили утвердившимся в советской исторической науке взглядам на российское дворянство в XVIII в. как ведущее «беспечный образ жизни за счет крепостного труда… паразитирующий слой общества, освобожденный от каких-либо обязанностей и проедающий труды многомиллионной массы крестьян» [49]. Зато в работах зарубежных историков данная позиция сразу получила признание [50] и сохраняет актуальность вплоть до настоящего времени [51].

Вопросы, связанные с законодательным регулированием дворянской службы, в частности, на военном поприще, стали активно разрабатываться в отечественной историографии с 1990-х гг. Чрезвычайно важной вехой в данном отношении явилась монография И. В. Фаизовой [52]. Развивая положения, высказанные С. М. Троицким, она проанализировала данные о движении дворянских кадров после издания Манифеста о вольности дворянства в 1762 г., соотношении среди них лиц, вышедших в отставку и продолжавших военную службу, и пришла к вполне четкому заключению – фактически вплоть до самого конца XVIII в. возможность избежать обязательной службы оказывалась для значительного числа русских дворян практически недостижимой. Сюжеты, связанные с изучением политики верховной власти по отношению к службе дворян и разработки механизмов регулируемых отставок после 1736 г., когда в царствование Анны Иоанновны был издан манифест об ограничении срока службы для дворян 25 годами, в последнее время подробно исследованы в публикациях М. В. Бабич и И. И. Федюкина [53]. Деятельно-

---

[49] См.: *Коган Ю. Я.* Дворяне // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 78; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 438.

[50] Ср.: *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 137–154.

[51] См.: *Ливен Д.* Российская империя… С. 396–397.

[52] *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

[53] *Бабич М. В.* Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х гг. // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13–17 сентября 2006 г.). СПб., 2006. Ч. 2. С. 13–17; Она же. Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ

сти дворянства в сферах политической жизни и гражданской активности за пределами рамок государственной службы посвящены работы А. И. Куприянова [54].

Наконец, следует указать и на некоторые работы, посвященные восточному направлению внешней политики Российской империи на протяжении большей части XVIII в., прежде всего, ее отношениям с Джунгарским ханством и Китаем (Цинской империей), казахскими жузами, калмыками и Монголией, находившейся под властью Китая [55]. Их материал позволяет ориентироваться во внешнеполитическом контексте взаимоотношений России с ее южными и восточными соседями за Уралом, а также соотнести периоды дипломатической напряженности (вплоть до возникновения прямой военной угрозы) и меры по укреплению обороноспособности российских границ в Сибири, включавшие неоднократные передислокации на восток частей регулярной армии, входивших затем в состав Сибирского корпуса.

Переходя к работам, в которых содержатся упоминания непосредственно о дислоцированных в Сибири частях регулярной армии, начиная с 1725 г., начать нужно с сочинения П. А. Словцова «Историческое обозрение

(1682–1750). М., 2013. С. 81–102; *Федюкин И. И.* «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею А. Б. Каменского. М., 2014. С. 83–142.

[54] *Куприянов А. И.* Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX в.: от сословной корпорации к институту гражданского общества? // Российская история. 2012. № 1. С. 30–43; Он же. Элита московского дворянства и ее роль в формировании публичной сферы // Культура и менталитет России нового и новейшего времени. М., 2018. С. 390–403.

[55] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата, 1971; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983; *Беспрозванных Е. Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середины XIX в. Хабаровск, 1986; *Мясников В. С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996; *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998; *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В. …». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. М.; СПб., 2005; *Бекмаханова Н. Е.* Присоединение Казахстана // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 245–257.

Сибири» (М., 1838. Кн. 1; СПб., 1844. Кн. 2) [56]. Здесь содержится ряд сведений о переводе за Урал армейских частей с обозначением мест их дислокации на протяжении второй четверти XVIII в. Помимо изложения сведений о воинских частях, Словцов остановился и на строительстве укрепленных линий по южной границе империи за Уралом в середине XVIII в. В целом, «Историческое обозрение Сибири», хотя и кратко, но достаточно точно описывало состав и структуру армейских частей в восточной части империи.

Авторы трудов по сибирской истории, вышедших во второй половине XIX в., также не обходили вниманием армейские регулярные части. Если у И. В. Щеглова дана только событийная канва, упоминается лишь о принятии решений касательно формирования или передислокаций на восток регулярных войск [57], то в соответствующих томах «Исторического очерка Сибири» генерал-майора В. К. Андриевича содержится гораздо более подробная информация, включающая, в том числе, первые данные о численности регулярных частей в составе Сибирского корпуса [58]. По существу, именно в сочинении В. К. Андриевича были сведены воедино фактически все доступные к концу XIX в. сведения о регулярных войсках в Сибири XVIII в.

Другим направлением, представители которого занялись изучением «армейской» проблематики, стала к началу XX в. история сибирского казачества. Авторы, писавшие о сибирских казаках, неизбежно вынуждены были обращаться и к сюжетам, связанным с пребыванием к востоку от Урала армейских частей, вместе с казаками выполнявших здесь целый ряд однотипных функций и боевых задач. В качестве примера можно указать работу Н. Г. Путинцева, где, в частности, сообщались биографические данные о представителях армейского генералитета, командовавших армейскими ча-

---

[56] Первое издание этого труда малодоступно для исследователей, поэтому предпочтительнее использовать второе издание: *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири: В 2 кн. СПб., 1886.

[57] См.: *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. С. 217, 238, 278.

[58] *Андриевич В. К.* Исторический очерк Сибири. Иркутск, 1886. Т. 2. С. 186–205; Томск, 1887. Т. 3. С. 74–118; СПб., 1887. Т. 4. С. 125–162.

стями в Сибири во второй половине XVIII в. [59] Г. Е. Катанаев в своей брошюре уделил внимание событиям 1770-х гг., когда армейские подразделения Сибирского корпуса принимали участие в попытке воспрепятствовать уходу калмыков из русского подданства и в столкновениях с отрядами пугачевцев [60].

Наибольшую ценность представляет, безусловно, капитальный труд А. П. Васильева по истории казачества Забайкалья [61]. Во втором томе своей работы автор не только детально проследил все этапы реорганизации армейских частей в Забайкалье, но и проанализировал на конкретных примерах механизмы принятия центральными органами государственной власти тех или иных решений, нацеленных на укрепление обороноспособности границ империи в этом отдаленном регионе [62]. Привлекая значительный массив архивных документов, А. П. Васильев сумел весьма подробно представить «биографию» дислоцированных здесь воинских частей, приведенные им сведения сохраняют немалую значимость и для современных специалистов.

Наконец, не стоит забывать и о публикациях локального, краеведческого характера, принадлежавших перу историков-любителей и просто интересовавшихся стариной. Стоит обратить внимание на одну из работ тобольского краеведа Е. В. Кузнецова [63]. В конце XIX в. он опубликовал несколько документов из архива городской полицмейстерской конторы, относившихся к середине XVIII в. и наглядно иллюстрировавших проблемы во взаимоотношениях между военными и гражданскими властями в Тобольске, а также содержавших любопытные зарисовки бытового поведения рядовых солдат и офицеров в повседневных условиях. В целом, можно констатировать, что ра-

---

[59] *Путинцев Н. Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. С. 37, 63, 67.

[60] *Катанаев Г. Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб., 1908. С. 27–29.

[61] *Васильев А. П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк: В 3 т. Чита, 1916–1918.

[62] См.: Там же. Чита, 1916. Т. 2. С. 151–156, 166–189.

[63] *Кузнецов Е. В.* Из Тобольской старины: Нападение на полицмейстера Бабановского. Тобольск, 1891.

боты, написанные до начала XX в., уже содержали богатый фактический материал по истории армейских регулярных частей в Сибири, а некоторые авторы, наряду с чисто военными аспектами (боевые задачи и их выполнение, охрана границ и взаимоотношения с соседними государствами и народами), также уделяли специальное внимание вопросам снабжения и организации управления войсками.

К сожалению, в дальнейшем, фактически вплоть до начала 1990-х гг., специальных исследований, посвященных армейским регулярным частям в Сибири XVIII в., просто не было. Поэтому приходится обращаться к публикациям по многим смежным сюжетам, в которых так или иначе присутствуют некоторые сведения по близкой тематике. Это относится, в частности, к ряду работ, в которых изучались проблемы заселения и освоения Сибири в XVIII в., а также крепостного строительства в регионе [64]. Некоторые авторы уделяли внимание роли военных чинов в функционировании таможен и пограничного торга на рубежах империи [65]. Данные же о передислокациях на восток армейских подразделений приводились не всегда, да еще с фактическими ошибками. Даже во втором томе академического издания «Истории Сибири» авторы (З. Я. Бояршинова и др.) сочли нужным лишь упомянуть о строительстве пограничных линий, а относительно воинских частей, несших там службу, было сказано только, что «правительство России в 1745 г. перевело на сибирскую линию регулярные воинские части (два пехотных и три конных полках) под начальством генерал-майора Киндермана» [66]. Вообще отсутствовала информация о гарнизонных войсках, равно как и о формиро-

---

[64] См., напр.: *Покишишевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. С. 49–50, 102–103; *Горбань Н. В.* Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Новоишимская линия крепостей // Вопросы географии. М., 1953. Вып. 31. С. 206–227; *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960. С. 3–16; *Сергеев А. Д.* Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975. С. 14–43; Он же. Оборонительные сооружения Колывано-Кузнецкой линии (XVIII в.) // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978. С. 43–49; *Прибыткова А. М.* Кузнецкая крепость // История СССР. 1975. № 1. С. 231–241; и др.

[65] См.: *Силин Е. П.* Кяхта в XVIII в.: из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947. С. 74, 87.

[66] История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 182.

вании полевых полков Сибирского корпуса в первые годы царствования Екатерины II. Организации провиантского снабжения войск внимание уделялось, прежде всего, с точки зрения того, какой эксплуатации подвергались при этом крестьяне-земледельцы и военнослужащие со стороны властей и командования. Подобный «перекос» в сторону социально-экономических, а не военно-политических сюжетов вообще был характерной особенностью большинства публикаций по сибирской истории, увидевших свет с 1950-х по 1980-е гг.

Значительный объем данных об организации работ по строительству форпостов и редутов на сибирских укрепленных линиях, переселении и административном переводе на земли в их окрестностях крестьян и казаков, деятельности военного командования на линиях и его взаимоотношениях с гражданской администрацией можно найти в трудах Ю. С. Булыгина, А. Д. Колесникова и Н. Г. Аполловой [67]. В частности, Н. Г. Аполлова прямо указывала, что «специфическая внешняя обстановка окраинного района обусловила на первых порах преобладание военно-служилой, правительственной колонизации» [68]. А. Д. Колесников обращал внимание на взаимосвязь между появлением военных укреплений и процессами земледельческой колонизации на юге Западной Сибири [69]. Повторяя стандартные формулы об эксплуатации самодержавием трудового населения, названные авторы, вместе с тем, приходили к выводам о значительной роли военного фактора в процессе заселения и хозяйственного освоения на южных границах российских владений в Западной Сибири на всем протяжении XVIII в.

Вопросы, связанные с разграничением полномочий военных и гражданских властей, а также с взаимодействием командования Сибирского кор-

---

[67] *Булыгин Ю. С.* Формирование земледельческого населения на Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 20–33; Он же. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 17–25, 91–102; *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 55–107; *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 122–163.

[68] *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение… С. 135.

[69] *Колесников А. Д.* Русское население… С. 63.

пуса и губернской администрации, довольно подробно рассматривались в публикациях Л. С. Рафиенко [70]. В частности, она справедливо указывала, что командиры воинских частей, дислоцированных в Сибири, как и представители армейского генералитета, напрямую подчинялись Военной коллегии, а не губернатору или Сибирскому приказу. Также автором были собраны интересные сведения об участии военных чинов в расследовании должностных преступлений целого ряда сибирских чиновников, а также о деятельности самих военнослужащих в тех случаях, когда им временно передавались какие-либо функции гражданского управления [71]. Работы Л. С. Рафиенко, по существу, положили начало разработке проблемы военного управления в Сибири XVIII в. и изучению роли военнослужащих в имперском административном механизме на восточной окраине государства.

Большинство рассмотренных выше публикаций, как правило, ограничивались только территориальными рамками Западной и Южной Сибири. Данные же о пребывании армейских частей в Забайкалье и Восточной Сибири снова ввел в научный оборот уже в 1980-х гг. Г. Ф. Быконя. В своей монографии он не только постарался выстроить хронологическую последовательность формирования и передислокации регулярных полков и батальонов к востоку от Урала, но и (по существу, впервые) проанализировал кадровый состав этих подразделений, уделив особое внимание их офицерскому корпусу [72]. Монография Г. Ф. Быкони внесла очень серьезный вклад в изучение

---

[70] *Рафиенко Л. С.* Следственные комиссии в Сибири в 30–60-х гг. XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1968. Вып. 3: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). С. 136–164; Она же. Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода: Бахрушинские чтения 1969 г. Новосибирск, 1973. С. 219–233; Она же. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 364–380; Она же. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 58–67.

[71] См.: *Рафиенко Л. С.* Следственные комиссии в Сибири… С. 150–161.

[72] См.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 170–220. Кроме того, он специально выделил те подразделения, которые дислоцировались в отдельных городах, в частности, в Красноярске: *Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П.* Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск, 1990. С. 67–69.

рассматриваемой проблематики, явившись, пожалуй, наиболее фундаментальным в советской историографии исследованием положения частей регулярной армии на восточной окраине Российской империи в течение всего XVIII в.

Зато на протяжении последних двух с половиной десятилетий, с начала 1990-х гг., можно констатировать значительное расширение тематического поля сибиреведческих исследований и резкий взлет интереса именно к военно-исторической проблематике, рассматриваемой на региональном уровне. В первую очередь, об этом свидетельствует множество трудов, посвященных истории сибирского казачества, в которых также приводились сведения о подразделениях регулярной армии, чаще всего в контексте пополнения кадрового состава последних именно выходцами из местных казаков [73]. Солидный материал о взаимодействии военного командования Сибирского корпуса с линейными и крепостными казаками в Западной Сибири содержался в работе Ю. Г. Недбая [74]. Г. Ф. Быконя в своей недавней монографии отвел целую главу для изложения материалов об армейских частях в Восточной Сибири, а также ввел в научный оборот значительный объем данных об их рядовом и унтер-офицерском составе [75]. Ряд публикаций содержали сведения о дислоцированных в конкретных городах и уездах Сибири воинских контингентах, включая роты и батальоны из состава армейских частей [76].

---

[73] См., напр.: *Огурцов А. Ю.* Штатная реформа 1736–1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 69–79; *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. С. 14–36; Он же. Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 22–27; История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX в. С. 144–145; *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 28–30, 48–50, 80–83; и др.

[74] *Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): В 2 т. Омск, 2001. Т. 1. С. 71–137.

[75] *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. С. 150–218.

[76] *Менщиков В. В.* Воинские ресурсы Южного Зауралья в середине XVIII в. // Земля Курганская. Курган, 1994. Вып. 7. С. 79–81; *Кауфман А. О.* Артиллерия Кузнецка XVII – первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 5–11; Он же. Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в. //

Активно изучался на протяжении последних двух десятилетий феномен сибирских укрепленных линий, особенно участие в их возведении и дальнейшая служба на линиях солдат и драгун, деятельность военного командования по организации пограничной охраны [77]. В работах, посвященных анализу деятельности аппарата местного управления в Сибири XVIII в., есть сведения о множестве лиц, пополнявших ряды сибирского чиновничества после отставки с военной службы, а также о целом ряде эпизодов и конкретных событий, позволяющих уточнить принципы взаимодействия военных и гражданских властей в тех сферах, где их компетенции пересекались [78]. Представителям генералитета, командовавшим регулярными армейскими частями за Уралом на протяжении XVIII в., посвящены статьи А. Ю. Огурцова и И. П. Каменецкого [79]. Но если в перечисленных публикациях большая часть упомянутых сюжетов разобраны авторами достаточно подробно и обстоятельно, пусть даже и не являлись для них предметом специального внимания,

---

Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2006. Вып. 8. С. 38–45; *Кузнецов Н. А.* Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108–139; *Акишин М. О.* Армия, общество, колонизация (Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 25–32.

[77] *Огурцов А. Ю.* Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1990; Он же. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 19–35; Он же. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9. С. 40–67; Он же. К вопросу о тактической фортификации линейных опорных пунктов // Там же. С. 69–78; *Муратова С. Р.* На страже рубежей Сибири: Строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск, 2007. С. 45–101, 112–139.

[78] См., напр.: *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 191–205, 222–233, 243–249, 268–300, 334–364; *Ананьев Д. А.* Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005. С. 175–232; *Пережогин А. А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. С. 89–134.

[79] *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…» (генерал-поручик Иван Иванович фон Шпрингер – командир сибирских войск) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2010. Вып. 1. С. 69–92; *Каменецкий И. П.* Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 1. С. 98–102; Он же. Командующие войсками сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири (1744–1819 гг.) // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 81–87.

то о работах, специально посвященных «сибирскому измерению» в истории русской армии этого, к сожалению, сказать нельзя.

Практически во всех исследованиях, где ведется речь либо об отдельных воинских частях Сибирского корпуса, либо о контингентах регулярной армии за Уралом в целом, обнаруживается довольно беспорядочный набор сведений, дававшихся, как правило, почти без ссылок и зачастую с грубыми ошибками [80]. Вот лишь несколько примеров подобного рода. Так, утверждалось, что Олонецкий и Луцкий драгунские полки, в 1745 г. переброшенные в Сибирь, были сформированы в Зауралье в начале 40-х гг. XVIII в., хотя специалистам прекрасно известно, что срок службы этих полков начался еще с петровской эпохи [81]. Говорилось о дислокации за Уралом Сибирского пехотного полка (ни одной части с таким названием мы не находим здесь на всем протяжении XVIII в.), а появление Азовского, Ревельского, Троицкого драгунских полков и семи гарнизонных батальонов относится к 1736 г. (хотя можно допустить, что это простая опечатка, поскольку правильная дата – 1763 г.) [82] Наконец, вывод из Сибири Ширванского и Нотебургского пехотных полков датируется 1760-ми гг. (в действительности – еще в первой половине 1750-х гг.) [83] Список таких «ляпов» можно продолжать и дальше, однако уже приведенные выше примеры свидетельствуют о слабом знакомстве с изучаемым предметом авторов многих публикаций по военно-исторической тематике.

Приятным исключением на этом фоне выглядят работы А. С. Зуева и С. В. Андрейчука. А. С. Зуев, хотя и уделял основное внимание воинским частям, действовавшим на крайнем северо-востоке Сибири (так называемая

---

[80] См., напр.: *Малолетко А. А., Малолетко А. М.* Воинство Алтайского горного округа (1726–1917). Томск, 2001; *Ростов Н. Д.* Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул, 2005; *Голиков В. И., Чернов К. А.* Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII–XX вв. Томск, 2012; и др.

[81] *Малолетко А. А., Малолетко А. М.* Воинство Алтайского горного округа… С. 74, 180. Правильные данные см.: *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 81, 94, 97; *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 275, 288.

[82] *Ростов Н. Д.* Земли Алтайской верные сыны… С. 6, 7.

[83] *Голиков В. И., Чернов К. А.* Томский пехотный полк… С. 22, 26.

Анадырская партия) [84], вместе с тем, довольно подробно остановился как на общих организационных изменениях, происходивших с армейскими частями за Уралом, так и на целом ряде вопросов «армейской повседневности», прежде всего, материальном снабжении войск [85]. Кроме того, названным автором были поставлены и некоторые новые проблемы, в частности, появление на военной службе в сибирских полках шведских военнопленных периода Северной войны и дальнейшее пребывание здесь их потомков [86].

Перу С. В. Андрейчука принадлежат немало статей, а также кандидатская диссертация, в которых детально рассматривались роль регулярных частей Сибирского корпуса в механизме защиты имперских границ за Уралом, структура и функции системы военного управления, участие военнослужащих и командования в хозяйственном освоении региона, внешнеполитических контактах и т. д. [87] Правда, С. В. Андрейчук ограничил рамки своего ис-

---

[84] *Зуев А. С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск, 2009. С. 131–147, 157–200.

[85] *Зуев А. С.* Регулярные формирования российской армии в Сибири в XVIII – начале XIX в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Мат-лы регион. науч. конф. (Новосибирск, 21 декабря 2008 г.). Новосибирск, 2009. С. 13–15; Он же. Численность и дислокация военнослужилых людей на северо-востоке Сибири в 1720–1760-х гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток, 2003. Т. 4. С. 80–103; Он же. Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – XVIII в. // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения 2005 г. Новосибирск, 2005. С. 39–58.

[86] *Зуев А. С.* «В русскую службу шел волею». Шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири // Социокультурные исследования: Сб. ст. Новосибирск, 1997. С. 64–76. На эту публикацию обращено внимание в монографии Г. В. Шебалдиной: *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М., 2005. С. 144–146.

[87] *Андрейчук С. В.* Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг.: опыт и проблемы // Вестник алтайской науки. 2009. № 3. С. 121–129; Он же. Иностранцы на службе в российской армии (на примере Сибирского корпуса во второй половине XVIII в.) // Алтайский архивист. 2010. № 1 (18). С. 164–168; Он же. Роль Сибирского корпуса в обеспечении военной безопасности и освоения юга Западной Сибири (1771–1796 гг.) // Вестник ТамбГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 8 (88). С. 174–179; Он же. Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42; Он же. Роль командования Сибирского корпуса в колонизационных процессах на юге Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в.: внешнеполитические и внешнеэкономические аспекты // Исторический ежегодник. 2011: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. С. 127–139; Он же. Источники комплектования и личный состав регулярных полков Сибирского корпуса (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Актуальные про-

следования только Западной и Южной Сибирью (до Томска и Кузнецка), хотя воинские части, входившие в состав Сибирского корпуса во второй половине XVIII в., дислоцировались также в Забайкалье. Кроме того, невозможно согласиться с предложенной им трактовкой понятия «Сибирский корпус» как специфической структуры военного управления, существовавшей и действовавшей, по мнению автора, с 1745 г. [88] Однако нельзя не признать, что, несмотря на указанные спорные моменты, публикации С. В. Андрейчука остаются на сегодняшний день наиболее значимыми для разработки «армейской» темы на сибирских материалах.

Наконец, имеет смысл уделить внимание и работам краеведческого характера. Особенно ценными выглядят материалы, собранные С. Ю. Исуповым и Э. В. Деминым по истории Алтая и Забайкалья соответственно. Бийский краевед С. Ю. Исупов в двух своих монографиях и целом ряде статей детально проследил историю строительства Бийской крепости и соседних с ней укреплений Колывано-Кузнецкой линии, динамику численности крепостного гарнизона и армейских частей, несших здесь службу в течение всего XVIII в. [89] Э. В. Демин опубликовал результаты своих многолетних

блемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. мат-лов I Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 25–27 августа 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 60–66; Он же. Сибирский корпус в период Пугачевского восстания (1773–1775 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Восьмые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина (Барнаул, 7–8 октября 2011 г.). Барнаул, 2011. С. 97–98; Он же. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2010.

[88] Вероятно, С. В. Андрейчук здесь просто солидаризовался с точкой зрения Ю. Г. Недбая, см.: *Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска… С. 84.

[89] *Исупов С. Ю.* Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999. С. 44–56; Он же. Крепость Бийская есть главная… Барнаул, 2009. С. 58–86, 98–115; Он же. Основные моменты истории Сибирского корпуса в первой половине XVIII в. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 232–245; Он же. К вопросу о расселении отставных военнослужащих по Колывано-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 289–293; Он же. Динамика изменения численности регулярных воинских контингентов Западной Сибири к началу второй половины XVIII в. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского: Тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сентября 2006 г.). Бийск, 2006. С. 163–167; Он же. Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия АлтГУ. Сер. История. Политология. 2010. № 4-3 (68). С. 91–94; Он же. Динамика изменения численности гарнизона Бийской крепости в первой половине XVIII в. // Ак-

изысканий в Улан-Удэ и ближайших районах Бурятии и Забайкалья в трех томах краеведческих очерков, которые, в частности, посвящены офицерам, командовавшим дислоцированными на границе с Китаем войсками, и формированию здесь отдельных частей, предназначенных для несения пограничной охраны [90]. Данные о воинских частях регулярной армии в Сибири XVIII в. собраны в обобщающей работе новосибирского историка-краеведа Ю. А. Фабрики [91]. Хотя в краеведческих публикациях также могут встречаться некоторые ошибочные суждения, связанные, как правило, с невозможностью для авторов детально ознакомиться с теми или иными архивными материалами, собранные в них сведения имеют зачастую немалую ценность и для профессиональных историков, позволяя обратить внимание на ряд моментов, ранее ускользавших из поля зрения исследователей.

Историографический обзор позволяет сделать вывод, что вплоть до настоящего времени проблема места и роли регулярной армии в системе политических и социальных институтов Российской империи XVIII в. на региональном уровне, в масштабах Сибири, еще не становилась предметом целостного анализа. Более того, до сих пор даже не предпринимались попытки соотнести положение воинских частей, дислоцированных на востоке страны, и присущие ему характерные особенности с процессами армейского строительства в общегосударственном масштабе. Обобщающие работы по истории русской армии и государственной политики в сфере армейского строительства в России XVIII в. написаны, как правило, без учета региональных особенностей. Исследования же, непосредственно посвященные регулярной ар-

---

туальные вопросы истории Сибири: Восьмые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина (Барнаул, 7–8 октября 2011 г.). Барнаул, 2011. С. 95–96.

[90] *Демин Э. В.* Забайкальское пограничье петровского гвардейца (И. Д. Бухольц) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2009. Кн. 1. С. 121–162; Он же. Кавалергарда век был долог… (Управитель пограничья, селенгинский воевода-комендант В. В. Якобий) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2010. Кн. 2. С. 36–70; Он же. Полки селенгинские (Якутский гарнизонный, Селенгинский драгунский гарнизонный, Селенгинский мушкетерский, Селенгинский пехотный) // Там же. С. 99–119.

[91] *Фабрика Ю. А.* Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001. С. 33–40.

мии в Сибири, носят (за единичными исключениями) фрагментарный характер и вряд ли могут претендовать на то, чтобы ответить на все вопросы, связанные с «социально-политическим измерением» существования за Уралом армейских частей на протяжении XVIII в.

Цель исследования – на основе изучения процесса строительства русской регулярной армии в Сибири с 1725 по 1796 гг. установить, какое положение занимала армия в системе политических и социальных институтов Российской империи в рамках данного региона, определить ее роль в развитии структур имперской государственности в Сибири на протяжении рассматриваемого периода. Достижению поставленной цели служат конкретные **исследовательские задачи**:

1. Выделить отдельные этапы государственной политики в процессе формирования, реорганизации и передислокации частей регулярной армии на территории Сибири, выявить причины, обусловившие принятие тех или иных организационно-управленческих решений;

2. Проанализировать показатели кадрового состава дислоцированных за Уралом армейских частей, дать обобщающую количественную и качественную характеристику контингента военнослужащих в соотношении с иррегулярными формированиями на территории Сибири в XVIII в.;

3. Установить механизмы материального обеспечения и военного управления частей регулярной армии в Сибири, оценить их эффективность в специфических условиях региона и соответствие задачам государственной политики в сфере армейского строительства;

4. Определить разновидности служебной деятельности и повседневных занятий военнослужащих, выяснить, на каких принципах строились взаимоотношения между самими военнослужащими, между военными и гражданской администрацией, населением Сибири.

Изучение собственно боевого применения армейских частей (несение пограничной стражи, вооруженные конфликты) в задачи исследования не входит, поскольку целью работы является определение положения армии в

системе политических и социальных институтов внутри страны. Поэтому участие армейских контингентов в боевых действиях, столкновениях с внешними противниками не рассматривается. Данные относительно казачьих формирований также отдельно не изучаются, привлекаясь лишь для определения соотношения численности и состава регулярных и иррегулярных контингентов в структуре вооруженных сил Российской империи в регионе.

Объект исследования – контингенты регулярной армии Российской империи, которые дислоцировались на территории Сибири в 1725–1796 гг.

Предмет исследования – процесс строительства русской регулярной армии в Сибири в указанный период. Он включает организацию и кадровый состав воинских частей, их материальное обеспечение, служебные обязанности и повседневные занятия военнослужащих.

Территориальные рамки в широком смысле охватывают всю Сибирь как ту часть государственной территории Российской империи, которая находилась к востоку от Урала до Тихого океана. В системе имперского административно-территориального деления это – Сибирская губерния, выделенные из ее состава Иркутская губерния (1764) и Колыванская область (1779), а после 1782–1783 гг. – Тобольское, Колыванское и Иркутское наместничества. Однако части регулярной армии дислоцировались лишь в конкретных местностях: прежде всего на юге Западной Сибири – в Тобольском и Тюменском уездах, в Прииртышье и на Алтае, а также в Забайкалье.

Хронологические рамки определяются спецификой этапов государственной политики в области армейского строительства на территории Сибири в XVIII в. Нижней хронологической границей является 1725 г., поскольку лишь после правления Петра I началось распространение на Сибирь сложившихся за время петровских реформ в европейской части страны кадровых и управленческих структур русской регулярной армии. Верхней хронологической границей является 1796 г. – вступление на российский престол императора Павла I, чье правление ознаменовалось перестройкой внутренней структуры всей русской регулярной армии. С началом этой перестройки воинские

части, дислоцированные в Сибири, потеряли значительную часть свойственных им ранее особенностей, стали комплектоваться и управляться на тех же основаниях, что и в других регионах страны.

Источниковую базу исследования составляют как **документальные**, так и **нарративные** письменные источники. К **документальным** источникам относятся законодательные, делопроизводственные и справочные, к **нарративным** – мемуары (источники личного происхождения).

Среди законодательных источников следует назвать, прежде всего, *именные* и *сенатские указы*, адресованные Военной коллегии, командованию Сибирского корпуса, сибирским губернаторам и губернским канцеляриям, а также *высочайше утвержденные доклады* упомянутых учреждений и инстанций, подававшиеся монархам. Они нужны для изучения и оценки тех принципов, которые лежали в основе государственной политики в сфере армейского строительства. В соответствующих томах первого «Полного собрания законов Российской империи» содержатся более 30 именных и сенатских указов и высочайше утвержденных докладов, посвященных решению тех или иных вопросов, касавшихся регулярной армии в Сибири [92]. Из этих законодательных актов можно узнать, какими соображениями руководствовалась верховная власть при разработке и проведении тех или иных организационных преобразований в армии в целом и в отношении контингентов, дислоцированных за Уралом, в частности. Однако при этом всегда нужно помнить, что реализация законодательных актов, их практическое воплощение в действительности могли оказываться отнюдь не стопроцентно точными, а некоторые могли остаться не исполненными вовсе.

Из всего многообразия делопроизводственной документации XVIII в. стоит выделить две основных группы: документы общераспространенных разновидностей, характерные для функционирования большинства центральных и местных государственных учреждений послепетровской эпохи, и спе-

[92] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-I). СПб., 1830. Т. 7–23; Т. 43. Ч. 1.

циальные разновидности документации, использовавшиеся только в рамках делопроизводства Военной коллегии и подчинявшихся ей канцелярий армейских частей (корпусных, полковых и батальонных). К общему делопроизводству относятся такие разновидности, как распорядительная (*указы* и *распоряжения*), отчетная (*промемории*, *рапорты* и *доношения*), протокольная (*журналы*, *определения* и *протоколы*) документация, а также *деловые (служебные) письма*.

Указы и *распоряжения* направлялись из Военной коллегии и ее структурных подразделений на места, адресуясь командованию воинских частей; от сибирских губернаторов и губернских канцелярий местным администраторам, уездным воеводам. *Промеморией* обменивались между собой либо равные по статусу ведомства (Военная и другие, например, отвечавшие за финансовую сферу, коллегии, а также Сибирский приказ до его упразднения), либо такие учреждения, чьи сферы компетенции относились к разным, напрямую не пересекавшимся отраслям управления (губернские и воеводские канцелярии, с одной стороны; корпусная и полковые канцелярии – с другой). *Рапорты* и *доношения* исходили от армейских офицеров и направлялись вышестоящему полковому или корпусному начальству, от полковых и корпусных командиров, а также сибирских губернаторов – Военной коллегии или Правительствующему Сенату. *Журналы*, *определения* и *протоколы* Сената отражали ход обсуждения, высказывавшиеся мнения и принятые решения по широкому кругу вопросов армейского строительства, представленных на рассмотрение Сената от Военной коллегии или от Сибирской губернской канцелярии. Материалы *деловой (служебной) переписки* включали обмен письмами между лицами, занимавшими высшие должности в аппарате как гражданского, так и военного управления в Сибири.

Большая часть указанных разновидностей делопроизводственных документов извлечены из материалов ф. 248 («Сенат и его учреждения») Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В сенатских книгах находятся документы, исходившие от воинских комиссий, создававшихся

на протяжении XVIII в. для разработки и проведения в жизнь каждого очередного комплекса реформ по военному ведомству; переписка Военной коллегии с Сенатом и подведомственными последнему учреждениями; доношения и рапорты с мест, от сибирских губернаторов и подчиненных им инстанций. В делах Секретной экспедиции Сената (оп. 113) сохранились материалы о мерах по организации охраны российских границ частями Сибирского корпуса [93] и обширная коллекция документов, посвященных строительству новых укрепленных линий на юге Западной Сибири в середине XVIII в. [94] Также были привлечены журналы, определения и протоколы Сената за 1732–1765 гг., содержащиеся в 15-томном издании «Сенатского архива» [95], освещающие государственную политику в сфере армейского строительства в указанный период.

Значительное количество относящихся к теме исследования делопроизводственных документов также содержится в делах ф. 415 («Сибирская губернская канцелярия»), ф. 517 («Кузнецкая воеводская канцелярия») и ф. 1092 («Пограничные канцелярии в Селенгинске и Иркутске») РГАДА. В частности, здесь отложились документы, описывающие заготовку, покупку и транспортировку провианта для нужд отдельных воинских частей, размещение солдат и офицеров на постой в сибирских городах, проведение процедур рекрутских наборов и т. д. Из состава других фондов удалось отобрать единичные дела, содержащие уникальные сведения, нигде более не встречающиеся (например, о проведении среди домохозяйств сибирского населения, представлявшего податные сословия, набора лошадей для нужд действующей армии) [96].

В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), где отложились материалы собственно Военной коллегии и ее отдельных структурных подразделений, указанные разновидности делопроиз-

---

[93] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 861, 885.
[94] Там же. Д. 1584.
[95] Сенатский архив. СПб., 1889–1913. Т. 2–15.
[96] РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 2270.

водственных документов содержатся в делах ф. 20 («Воинская экспедиция»). Здесь сосредоточены дела, касающиеся реорганизации отдельных армейских частей или генералитетских команд, дивизий и корпусов за 1730–1760-е гг. В ф. 12 («Комиссариатское повытье и экспедиции по комиссариатской части») хранится значительная часть делопроизводства Главного кригс-комиссариата – ведомства, отвечавшего за материальное обеспечение русской армии, контролировавшего закупки и поставки обмундирования, вооружения и амуниции.

Значительный объем документации Военной коллегии сделался доступнее для исследователей после публикации двух сборников сотрудником РГВИА К. В. Татарниковым. В первый из них вошли материалы, относящиеся к вещевому довольствию русской армии в XVIII в. и содержащие данные об изменениях, происходивших в обмундировании, вооружении, амуниции, знаменах и т. д., сгруппированные по родам войск, вплоть до отдельных воинских частей [97]. Второй сборник включает строевые уставы и наставления, которыми руководствовались в русской армии на всем протяжении XVIII в. при обучении и боевой подготовке подразделений, представлявших различные виды пехоты и кавалерии [98]. Самостоятельную ценность имеют также вводные статьи, предпосланные составителем опубликованным в этих сборниках материалам, в которых К. В. Татарников дал краткую, но информативную картину тех изменений, которые происходили с армией Российской империи в сферах вещевого обеспечения, строевой и боевой подготовки вплоть до конца XVIII в.

Кроме того, использовались коллекции делопроизводственных документов XVIII в., находящиеся в региональных сибирских архивохранилищах – Государственном историческом архиве Омской области (ГИАОО) и Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ). В первую очередь

---

[97] Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: Сб. док.: В 2 т. / Сост., вступ. ст., комм., оформл. К. В. Татарникова. М., 2009.

[98] Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII в.: Сб. матлов: В 2 т. / Сост., вступ. ст., комм., оформл. К. В. Татарникова. М., 2010.

надо обратить внимание на ф. 1 ГИАОО («Военно-походная канцелярия командира Сибирского корпуса»). В делах этого фонда содержатся документы, отложившиеся в канцелярии военного командования за середину и вторую половину XVIII в., как поступавшие в нее от разных воинских частей, так и адресованные полковым командирам, крепостным комендантам и др. Здесь находятся многочисленные рапорты и доношения о закупках и транспортировке провианта, доставке вещевого довольствия и т. д.

Материалы аналогичного содержания, относящиеся к воинским частям, дислоцированным в Забайкалье, были изучены в делах ф. 88 («Управление Верхнеудинского коменданта») в ГАРБ (г. Улан-Удэ). Из них можно почерпнуть сведения о провиантском снабжении и вещевом довольствии гарнизонных батальонов и команд, расквартированных в крепостях и форпостах по границе с Китаем за 1760–1790-е гг. Также в этих делах содержится часть переписки Селенгинской гарнизонной канцелярии с комендантом г. Верхнеудинска И. Апелгрином о служебных назначениях, перемещениях и увольнениях в отставку военнослужащих, комплектовании и расформировании отдельных подразделений на протяжении указанного периода [99].

Единственной публикацией этих источников регионального (сибирского) происхождения остаются «Материалы для истории Сибири», изданные полтора столетия назад Г. Н. Потаниным. Первые два раздела этого сборника («Состояние укреплений и войск» и «Пограничные дела и положение инородцев») включают, наряду с документами, относящимися к сибирскому казачеству и соседним кочевым этносам, также рапорты и донесения за 1745–1752 гг. полковых командиров и комендантов крепостей, адресованные генерал-майору Х. Киндерману, промемории из других учреждений и ведомств, направлявшиеся ему и его преемникам в должности командующего армейскими контингентами в Сибири [100]. Однако использование материалов Г. Н. Потанина оказывается сопряжено с рядом затруднений: отсутствие хотя

[99] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 92, 150.

[100] *Потанин Г. Н.* Материалы для истории Сибири // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1866. Кн. 4; 1867. Кн. 1, 2. С. 1–128.

бы минимального справочного аппарата и датирование большинства источников самим составителем, без указания дат в текстах подлинников, вряд ли позволяют считать это издание научным.

Делопроизводственная документация, относившаяся только к сфере деятельности Военной коллегии и подчиненных ей структур, отличается значительным своеобразием. В первую очередь она включает *формулярные* (послужные и смотровые) *списки* личного состава русской армии, с определенной регулярностью составлявшиеся в каждой из воинских частей и подававшиеся в соответствующие экспедиции канцелярии Военной коллегии. Поскольку подробный источниковедческий анализ содержания этих списков и возможности использования сосредоточенных в них данных уже был дан несколько лет назад К. В. Татарниковым при выходе в свет подготовленного им справочника [101], нет необходимости пересказывать здесь выделенные им основные характеристики этой разновидности документов.

В РГВИА формулярные списки сосредоточены в ф. 490 «Коллекция офицерских сказок» и ф. 489 «Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии». Материалы первого фонда охватывают в рамках изучаемого периода хронологический отрезок с 1730-х до середины 1780-х гг., второго – с середины 1780-х до середины 1790-х гг. В ф. 490 за период до 1756 г. удалось обнаружить и использовать 35 ед. хр., содержащих списки личного состава (как офицеров, так и рядовых) по шести гарнизонным (три пехотных и два драгунских полка, один пехотный батальон) и пяти полевым (три драгунских и два пехотных полка) частям, дислоцированным за Уралом.

Зато полностью сохранились так называемые «третные списки» офицеров за период 1750–1790-х гг. В ф. 490 было выявлено более 160 ед. хр., содержащих информацию, поступавшую от армейских частей в Сибири; еще почти столько же дел (только не по командам, а по отдельным частям) за

[101] *Татарников К. В.* Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: В 3 т. / Сост., вступ. статья, оформл. К. В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.

вторую половину 1780-х – первую половину 1790-х гг. находятся в ф. 489. Из этого массива дел была произведена выборка в количестве 23 ед. хр., или около 7 %. В выборку вошли несколько хронологических промежутков после каждой очередной реорганизации внутренней структуры Сибирского корпуса. В частности, были использованы сведения за вторую половину 1760-х, первую половину 1770-х и середину – вторую половину 1780-х гг. Такая выборка позволила установить, какое влияние оказывали эти реорганизации на кадровый состав сибирских частей на протяжении нескольких десятилетий, и выявить особенности комплектования Сибирского корпуса в последней трети XVIII в.

Другую разновидность военного канцелярского делопроизводства представляют собой *табели* и *ведомости*, столь же регулярно составлявшиеся по воинским частям и содержавшие данные о численности военнослужащих и их местонахождении в конкретный момент времени, обеспеченности личного состава вооружением и обмундированием, состоянии полковой или батальонной казны, обозов и цейхгаузов. В конце XIX в. увидел свет сборник, в котором были опубликованы несколько табелей по окладам денежного жалования военнослужащих, рассчитанных на основе приведенных там же штатов отдельных армейских подразделений по каждому из родов войск, введенных в действие в первые годы царствования Екатерины II [102].

Кроме того, были и некоторые документы, персонально выдававшиеся военнослужащим (прежде всего, офицерам) по тем или иным официальным поводам – *паспорта*, *аттестаты*, *патенты*. Выдача паспорта являлась для человека, состоявшего на действительной военной службе, необходимым условием, чтобы передвигаться внутри империи или за ее пределами, так что каждый офицер, получавший отпуск или направлявшийся после перевода в другую воинскую часть к новому месту службы, в обязательном порядке

[102] Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II / Материалы для рус. воен. истории, изд. А. Лебедевым по рукописи, ему принадлежащей. М., 1898. Составитель датировал приведенные в сборнике документы концом 1763 и началом 1764 гг.

наносил визит в канцелярию Военной коллегии в Петербурге (или в канцелярию своего полка / батальона), чтобы получить паспорт.

Аттестаты составлялись и подписывались сослуживцами какого-либо офицера при производстве его в следующий чин, удостоверяя, что кандидат хорошо знает военное дело и свою службу, не замечен в каких-либо нарушениях дисциплины или проступках против государственных законов, поэтому достоин повышения в звании. После утверждения офицера в новом чине ему выдавался соответствующий патент, который должен был постоянно храниться у его обладателя и удостоверять, что тот по праву носил свой штаб- или обер-офицерский ранг (начиная с прапорщичьего, XIV класса по Табели о рангах). В случае временного понижения в чине (дисциплинарная мера, часто применявшаяся в русской армии XVIII в.) патент у офицера отбирали, чтобы вновь вернуть после отбытия наказания.

Отдельно следует выделить также *личные прошения*, подававшиеся военнослужащими по тем или иным поводам. Стандартный формуляр – все просьбы адресовались на имя царствующего монарха – не должен вводить в заблуждение; в реальности такие прошения попадали, как правило, к командиру той части, где служил податель, или в соответствующую канцелярию одной из экспедиций Военной коллегии. Просьбы могли относиться к поступлению на службу (для иностранных офицеров, прибывавших в Россию); к предоставлению отпуска или к переводу в другую воинскую часть; к зачислению в армию кого-либо из родственников военнослужащего (сыновей, племянников и т. д.); наконец, к выдаче невыплаченного жалования или к смягчению определенного за то или иное правонарушение наказания. Особенно много подобных прошений сохранилось за вторую половину XVIII в., когда практически все армейские офицеры уже были грамотными, владели навыками чтения и письма, так что могли составлять свои просьбы сами, не прибегая к услугам военных писарей или иных посредников.

Наконец, еще необходимо упомянуть о *судебно-следственных делах* по военному ведомству, также включавших специфические разновидности до-

кументов. К ним относятся, в частности, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей во время следствия; краткие экстракты из них, подававшиеся на рассмотрение членам военного суда; выносимые судьями сентенции с формулировками приговоров; мнения вышестоящего командования или (в некоторых случаях) губернаторов относительно обоснованности приговоров и адекватности вынесенных наказаний степени тяжести преступлений, подававшиеся в Военную коллегию, где каждый приговор должен был быть утвержден для вступления в законную силу. Судебно-следственные дела, поступавшие в Военную коллегию от различных команд и воинских частей, содержатся в ф. 8 («Генерал-аудиторская экспедиция») РГВИА. Всего в этом фонде были выявлены более 350 ед. хр., относящихся к рядовым и офицерам частей Сибирского корпуса, из них отобраны и использованы около 15 дел (4 %). При отборе было установлено, что тематическое и содержательное разнообразие подобных дел может быть сведено к нескольким типологическим разновидностям, каждая из которых представлена в сделанной выборке.

К справочным источникам относятся ежегодно составлявшиеся в последней трети XVIII в. списки лиц, занимавших чиновничьи должности в аппарате центрального и местного государственного управления, а также обладателей штаб-офицерских чинов и генеральских званий на военной службе. Эти списки публиковались в изданиях учетно-справочного характера, таких, как «Списки Воинскому департаменту» и «Росписи чиновных особ» (адреса-календари), издававшихся со второй половины 1760-х гг. [103] Первые включают сведения о представителях армейского генералитета и лицах в штаб-офицерских чинах (начиная с секунд-майора), состоявших к началу конкретного года на военной службе или занимавших административные должности в аппарате военного управления империи; вторые содержат данные о чиновниках в составе центральных и местных органов государственной власти за

[103] Список Воинскому департаменту и находящимся в штате, при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам на 17… год. СПб., 1765–1796; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 17… СПб., 1765–1796.

каждый год. Немалую помощь при работе с этими изданиями оказывает справочник В. П. Степанова [104].

Из мемуаров были отобраны те произведения, авторы которых так или иначе были связаны в течение какого-то периода своей жизни с военной службой в Российской империи XVIII в. Записки и воспоминания офицеров, как русских, так и иностранцев, пребывавших в России, содержат ряд интересных зарисовок, позволяющих реконструировать некоторые черты повседневной деятельности военнослужащих, не всегда отраженные в документальных источниках. Авторы сумели передать типичные, часто повторявшиеся ситуации, возникавшие в ходе повседневных занятий военнослужащих, а также нарисовать характерные типы тех представителей дворянства и других групп российского социума, с которыми они оказывались знакомы, пока носили мундир.

Стоит отметить, в частности, фрагменты из воспоминаний А. Т. Болотова и М. В. Данилова о пребывании на армейской службе в середине XVIII в. [105]; Г. С. Винского – о нравах военной среды при Екатерине II [106]; С. А. Тучкова – о начале армейской карьеры в последнее десятилетие екатерининского царствования [107]. Примыкает сюда и критико-полемическая записка С. М. Ржевского, в которой автор разбирал состояние регулярной армии России в последней трети XVIII в. [108] Деятельности в Сибири губернатора Ф. И. Соймонова посвящена значительная часть его недав-

---

[104] Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795). Список по Месяцесловам / Сост. В. П. Степанов. СПб., 2003.

[105] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя самим им для своих потомков: В 3 т. / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013. Т. 1. С. 220–960; *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г. (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.) / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. В. Анисимова. Л., 1991. С. 313–345.

[106] *Винский Г. С.* Записки Г. С. Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 1. С. 92–123; Вып. 2. С. 150–164.

[107] *Тучков С. А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766–1808 / Под ред. и со вступ. ст. К. ***А***. Военского. М., 2011. С. 20–162.

[108] *Ржевский С. М.* Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 357–362.

но опубликованного мемуарного наследия [109]. Также можно обратить внимание на свидетельства иностранцев, либо находившихся на воинской службе в России, как адъютант фельдмаршала Б.-Х. Миниха Х.-Г. фон Манштейн (1730-е – начало 1740-х гг.) [110], либо наблюдавших русскую армию изнутри и близко соприкасавшихся с военной средой, как французы Ж. Ромм и Ф. Ланжерон (1780–1790-е гг.) [111]. Информация, приводимая всеми названными авторами, в ряде случаев позволяет дополнить картину, рисуемую официальными документами, особенно в части устройства армейского быта и взаимоотношений между людьми, служившими в составе конкретных воинских частей.

Наибольший интерес представляет единственная публикация, автором которой оказался офицер, состоявший в частях Сибирского корпуса – «Домовая летопись» капитана И. Андреева [112]. Эти мемуары содержат не только описание всего жизненного пути и военной карьеры автора на протяжении второй половины XVIII в., но и многочисленные свидетельства о его встречах с полковыми и корпусными командирами, чьи портреты и характеры он изображал весьма подробно. В его воспоминаниях присутствуют детали, которые невозможно найти в официальных документах, позволяющие реконструировать образ жизни и стереотипы поведения офицера регулярной армии, получившего неплохое образование и обладавшего достаточно широким кругозором (благодаря постоянным контактам с казахами и другими соседними народами за много лет службы в пограничных крепостях).

---

[109] Ф. И. Соймонов. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. (Труды ГИМ. Вып. 202) / Сост. Н. В. Горбушина, ***А***. Е. Чекунова. М., 2014.

[110] *Манштейн Х.-Г.* Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумова; послесл., указ. В. Наумова. М., 1997. С. 62–272.

[111] Жильбер Ромм о русской армии XVIII в. // Россия и Франция: XVIII–XX вв. / Отв. ред. П. П. Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 95–112; *Ланжерон А. Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская старина. 1895. Т. 84. № 3. С. 147–166; № 4. С. 145–177; № 5. С. 185–202.

[112] Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871.

Использованные в ходе работы источники позволили изучить все необходимые аспекты в рамках темы диссертационного исследования. Источниковая база является достаточной для достижения поставленной цели.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования является *теория модернизации*. Строительство регулярной армии по западноевропейскому образцу и активное использование ее для перестройки государственных и общественных институтов России в петровскую эпоху практически единодушно признаются исследователями в качестве одной из важнейших особенностей модернизационного процесса в российской истории. Как отмечала И. В. Волкова, «организация воинской службы, адекватная задачам модернизации, и дисциплинарный порядок, гарантирующий четкое исполнение приказов власти… делали армию главным локомотивом преобразовательного процесса… При активном участии военных агентов верховной власти в области гражданских отношений… утверждались те же начала, которые действовали в самой военной организации» [113].

Произведенная Петром I трансформация «пороховой империи» – Московского царства в государство современного типа – Российскую империю, причем именно путем войны и закрепления ключевой роли в осуществлении преобразований за регулярной армией, определила вектор дальнейшего развития страны: «Война оказывалась оборотной стороной и основным двигателем европеизации» [114]. Поэтому регулярная армия выступала в российском варианте модернизационного процесса одновременно и как инструмент, и как достигнутый результат. Только с учетом этих особенностей может быть объяснена роль армии в политических и социальных процессах послепетровской эпохи, когда происходило приспособление модели нового государства к реалиям России.

Исследование выполнено в рамках *новой социальной истории*, в центре внимания которой находятся не только большие социальные группы, но и

---

[113] *Волкова И. В.* Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 49.

[114] Новая имперская история Северной Евразии. Казань, 2017. Ч. 2. С. 36.

малые социальные общности и корпорации. Именно к последним относятся воинские части, рассматриваемые как составные элементы регулярной армии, в свою очередь, входившей в систему социальных институтов Российской империи XVIII в. Хорошим примером исследования по истории русской армии, выполненного в рамках данного направления, может служить монография Е. М. Болтуновой, посвященная двум полкам лейб-гвардии (Преображенскому и Семеновскому) в петровскую эпоху, рассматриваемым как социальная общность корпоративного типа [115]. Изучение регулярной армии и сферы военной службы в целом как одной из сфер социальных отношений и активности людей представляется вполне обоснованным, в том числе для периода XVIII в.

В соответствии с формулировкой цели исследования в работе был применен *институциональный подход*. Поскольку регулярная армия являлась одним из элементов системы политических и социальных институтов, то эти последние неизбежно подчиняли военную среду своим задачам: «Институты организуют взаимоотношения между людьми, структурируют повседневную жизнь… задавая набор социальных альтернатив, которые имеются у каждого человека» [116]. В России в XVIII в. армия, помимо чисто военных задач, выполняла внутри страны функции, связанные с организацией политического и социального пространства империи, с одной стороны, обеспечивая реализацию полномочий государственной власти в отношении подданных, с другой – формируя нормы и задавая модели социального поведения, как для военнослужащих, так и для тех групп населения, которые находились с ними в постоянном контакте.

Регионально-управленческий подход использован в отношении Сибири как крупного региона Российской империи в работах А. В. Ремнева, который справедливо подметил, что в рамках этого подхода возможно уделить специальное внимание таким вопросам, как «имперская практика в региональном

[115] *Болтунова Е. М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011.
[116] Теория и методология исторической науки. М., 2014. С. 134.

прочтении… динамика управленческой организации внутрирегионального пространства (властная административно-территориальная и иерархическая структура регионального пространства)» [117]. При этом не следует забывать о существенной дистанции между принятием управленческих решений в сфере армейского строительства в столице империи и их практическим воплощением в условиях Сибири, отдаленного от центра региона. А. В. Ремнев определял «центр» как «месторасположение высших и центральных учреждений государства, где принимаются стратегические управленческие решения», а «регионы» – как «большие территориальные общности, заметно выделяющиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике» [118].

В исследовании использовались *общенаучные*, *общеисторические* и *специальные исторические* методы. Из *общенаучных* методов следует назвать анализ (разделение объекта на составные части) и синтез (объединение этих частей в единое целое), индукцию (движение мысли от единичных фактов к их обобщению), классификационный и статистический. *Общеисторические* методы включают принципы историзма (рассмотрение явлений в динамике их изменений, в связи с конкретными условиями их существования) и объективности (рассмотрение исторической реальности для выявления объективных закономерностей, определяющих ее развитие, с опорой на факты в их совокупности). *Специальные исторические* методы, использованные в ходе исследования: историко-генетический, сравнительный, исторической периодизации, просопографический (биографический).

Историко-генетический метод позволил проследить процесс армейского строительства в региональном масштабе от появления первых частей регулярной армии в Сибири до того момента, когда части Сибирского корпуса утратили специфику своего положения в структуре русской армии. Сравни-

---

[117] *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск, 2004. С. 8.

[118] *Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // Ab imperio. 2000. № 3/4. С. 346.

тельный метод дал возможность установить особенности, свойственные армейским частям в Сибири на протяжении рассматриваемого периода, отличавшие их от частей регулярной армии, дислоцированных в Европейской России. С помощью метода исторической периодизации были выделены и обоснованы этапы развития изучаемого объекта. Просопографический (биографический) метод необходим для поиска и обобщения данных, позволяющих судить о карьере и жизненном пути как представителей военного командования, осуществлявших управление армейскими частями в Сибири, так и многих офицеров, несших здесь службу.

Кроме того, следует специально остановиться на содержании некоторых терминов, имеющих первостепенное значение для темы исследования. В частности, к ним относятся: *вооруженные силы*, *регулярная армия*, *воинская часть*, *армейское строительство*. Термин «*вооруженные силы*», введенный Ф. Энгельсом, определяется современными военными историками как «важнейшая вооруженная организация государства или группы государств», а их назначение и принципы строительства «определяются военной доктриной государства, экономическими и научно-техническими возможностями страны, особенностями военно-географического положения» [119].

Из этого определения вытекает отнесение вооруженных сил к одному из государственных институтов, причем такому, который способен при желании подавлять и замещать собой другие институты. С. Файнер отметил, что вооруженные силы располагают тремя преимуществами в сравнении с любой иной структурой: «Превосходством в организации, высоким символическим статусом и монополией на оружие» [120]. Хотя он невысоко оценивал созидательный потенциал вооруженных сил, указывая, что они в состоянии управлять лишь самыми примитивными обществами, а также испытывают явный недостаток легитимности своей власти, не имея морального права по-

[119] Военный энциклопедический словарь. М., 2001. Т. 1. С. 355.

[120] *Finer S. E.* The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics. New Brunswick; L., 2009. P. 6.

велевать [121], однако этот взгляд социолога XX в. не всегда оказывается справедливым применительно к более ранним историческим периодам.

Одним из составных элементов вооруженных сил государств нового времени была *регулярная армия* – «постоянная армия, имеющая установленные организацию, систему комплектования, порядок прохождения военной службы, обучения и воспитания личного состава, типовое вооружение и форму одежды военнослужащих, а также централизованную систему управления и обеспечения материально-техническими средствами» [122]. Данное определение содержит все отличительные признаки, на которые обращено внимание в работе. Однако парадоксальным выглядит то обстоятельство, что даже при изучении собственно вооруженных сил того или иного государства, а не только лишь истории военных конфликтов с их участием, исследователи не часто обращались к вопросам взаимодействия регулярной армии с политическими учреждениями или социальными организациями внутри страны [123]. Но, как справедливо констатировала И. В. Волкова, «несмотря на то, что армия является силовой структурой, ее роль не исчерпывается функциями принуждения и насилия. Она способна принять на себя и конструктивные обязанности, свойственные гражданским субъектам… принять участие в планировании и созидании социального и политического порядков» [124].

Основной структурной единицей регулярной армии является *воинская часть*, определяемая как «организационно самостоятельная боевая и административно-хозяйственная единица, содержащаяся по установленным штатам» [125]. В составе регулярной армии Российской империи в XVIII в. такими единицами были полки и отдельные батальоны. Именно из них состояли ар-

---

[121] *Finer S. E.* The Man on Horseback… P. 14.

[122] Военный энциклопедический словарь. М., 2001. Т. 2. С. 462.

[123] Это можно заметить уже в публикациях К. Даффи, одним из первых обратившегося к изучению истории регулярных армий европейских государств нового времени именно как составного элемента системы политических и социальных институтов этих стран в рассматриваемый период, см.: *Duffy C.* The Army of Maria Theresa: The Armed Forces of Imperial Austria, 1740–1780. N. Y., 1977; Idem. The Army of Frederick the Great. Chicago, 1996.

[124] *Волкова И. В.* Русская армия… С. 8.

[125] Военный энциклопедический словарь. М., 2001. Т. 1. С. 336.

мейские контингенты, дислоцированные за Уралом. Они выступают в качестве базовой основы для изучения *армейского строительства*, которое представляет собой «планомерный и целенаправленный процесс создания и развития военной организации государства (в данном случае, регулярной армии. – *А. Д.*); комплекс экономических, социально-политических, правовых, собственно военных и других мероприятий по поддержанию военной мощи страны» [126].

Исходя из этих определений, в работе исследованы особенности процесса армейского строительства в Сибири на протяжении рассматриваемого периода и положение, которое занимали контингенты регулярной армии в системе политических и социальных институтов на «восточной окраине» Российской империи.

Научная новизна диссертации. Впервые исследован процесс строительства регулярной армии Российской империи в региональном масштабе с 1725 по 1796 гг. Выявлен комплекс политических факторов, которые определяли содержание и особенности этого процесса на территории Сибири. Изучение кадрового состава армейских частей в регионе доказало, что военная служба оставалась основным каналом вертикальной социальной мобильности в российском обществе на всем протяжении послепетровской эпохи.

Анализ взаимодействия военного командования и органов административного управления, как центрального, так и местного уровней, показал, что армейские части, их офицеры и командиры обладали значительным влиянием в системе имперских институтов власти. Исследование взаимоотношений между военнослужащими и гражданским населением Сибири дало возможность установить, какую роль играли солдаты и офицеры регулярной армии в повседневной жизни региона, какие условия определяли формы контакта между обеими сторонами, варьировавшиеся от позитивного сотрудничества до конфликтов. Введение в научный оборот нового фактического материала уточняет и дополняет сложившуюся в историографии концепцию, относя-

[126] Военный энциклопедический словарь. М., 2001. Т. 2. С. 610.

щую регулярную армию к числу важнейших элементов системы политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Процесс армейского строительства на территории Сибири в рамках всего рассматриваемого периода подразделялся на три этапа. Первый этап (1725–1741 гг.) характеризовался незначительной численностью армейского контингента в Сибири, состоявшего только из гарнизонных частей. Второй этап (1742–1761 гг.) ознаменовался увеличением численности регулярной армии за Уралом путем перевода на восток полевых полков из Европейской России. Третий этап (1762–1796 гг.) начался с организации Сибирского корпуса, что привело к включению воинского контингента в Сибири в общую структуру имперской регулярной армии. В дальнейшем части Сибирского корпуса подверглись реорганизации – сначала гарнизонных полков в батальоны, затем (в 1770-х гг.) полевых полков в легкие полевые команды, из них – в полевые батальоны. После 1796 г. вместо Сибирского корпуса была учреждена 12-я территориальная (Сибирская) инспекция.

2. Кадровый состав армейских частей в Сибири был неоднородным. Гарнизонные полки, дислоцированные в регионе с 1725 г., комплектовались местными уроженцами: сибирскими казаками, посадскими и крестьянами. Переводы на восток полевых полков в 1744–1745 гг. и в первой половине 1760-х гг. сделали кадровый состав сибирских частей значительно более разнообразным. Военнослужащие в этих полках были уроженцами европейской части страны. С их появлением резко возросла доля представителей российского дворянства, оказавшихся на службе за Уралом, хотя и выходцев из непривилегированных сословий, достигших обер-офицерских чинов, тоже было немало. Среди дворян, служивших в сибирских частях, состоятельных помещиков, земле- и душевладельцев насчитывалось очень немного, большинство представителей «благородного шляхетства» принадлежали к мелкопоместным или даже беспоместным слоям.

3. Организация материального обеспечения (финансирование, поставки вооружения, вещевое довольствие, провиантское снабжение) армейских частей в Сибири постоянно встречала затруднения. Причиной этого были не только отдаленность региона и труднодоступность мест дислокации этих частей. Неразграниченность сфер военного и гражданского управления в государственном аппарате империи в целом, а также антагонизм интересов центральных учреждений и местных администраторов приводили к тому, что военному командованию не всегда удавалось добиваться выделения в полном объеме необходимых средств и ресурсов для снабжения войск. Значительную роль в ходе практической реализации мер по материальному обеспечению армии выполняли не Военная коллегия и другие центральные ведомства, а местные губернаторы, также сами командующие войсками.

4. Служебная деятельность и повседневные занятия военнослужащих проходили в постоянном взаимодействии с населением и местными властями, причем в условиях специфической социальной среды, характерной именно для Сибири. Прежде всего эта среда отличалась отсутствием наиболее бесправной части населения империи – владельческого (крепостного) крестьянства. Данной особенностью было обусловлено разнообразие форм контактов между военными и гражданскими лицами, приводивших как к позитивным, так и к негативным результатам. Военные командиры и их подчиненные были заинтересованы в сотрудничестве с местными органами власти и жителями тех городов и уездов, где располагались их части, однако в ряде случаев злоупотребляли своими полномочиями. К этому добавлялись два фактора, действовавших в масштабе всей страны: во-первых, дефицит ответственных исполнителей на региональном уровне государственного управления; во-вторых, слабость или почти полное отсутствие специализированных структур, отвечавших за жизнеобеспечение регулярной армии.

5. Изучение процесса армейского строительства в региональном масштабе, на материалах Сибири, позволило уточнить и дополнить сложившуюся в историографии точку зрения, согласно которой регулярная армия явля-

лась одной из важнейших составляющих, ключевым элементом системы политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в. Именно в Сибири на протяжении изучаемого периода армейские контингенты были использованы верховной властью в первую очередь для усиления государственного контроля над территорией и населением, сменяя собой иррегулярные формирования сибирского казачества в этой роли. Армейские части, которые должны отвечать за обеспечение обороноспособности государства, охрану границ и ведение внешних войн, здесь выполняли в большей степени полицейские и организационно-управленческие функции. Части регулярной армии выступали в качестве необходимого и чрезвычайно значимого элемента системы российской государственной власти, обеспечивая инкорпорацию в имперское пространство территории Сибири – наиболее отдаленного региона страны, где административные структуры империи не всегда были способны обеспечить адекватное выполнение возложенных на них задач.

Теоретическая значимость исследования. Основное содержание и выводы диссертации вносят существенный вклад в решение вопроса о ключевых факторах и особенностях российского варианта процесса империостроительства эпохи нового времени. На конкретном эмпирическом материале доказано, что верховная власть, даже в условиях нехватки людских и материальных ресурсов, уделяла заметное внимание строительству регулярной армии в Сибири, поскольку армия выступала опорой имперской государственности на отдаленной «восточной окраине» империи. На всем протяжении рассматриваемого периода отмечен процесс наращивания армейских контингентов на территории Сибири, к концу XVIII в. произошло почти пятикратное увеличение численности военнослужащих регулярной армии к востоку от Урала. Также возросла доля частей, дислоцированных в Сибири, в структуре всей регулярной армии Российской империи.

Следует указать и на несколько большую долю военнослужащих по отношению к общей численности населения региона, относительные цифры к концу изучаемого периода оказывались выше, нежели по всей стране. От-

сутствие реальных внешних угроз южным и восточным границам Российской империи на протяжении большей части XVIII в. (можно выделить лишь два кратковременных хронологических отрезка, когда возникала опасность прямого военного конфликта с Джунгарским ханством и с цинским Китаем) указывает на то, что причинами столь активного наращивания численности армейских контингентов в регионе являлись факторы внутриполитические и социальные, относившиеся к сфере взаимоотношений имперского государства и общества на востоке страны. Действие этих факторов предопределило динамику численности, организационного и кадрового состава частей регулярной армии в Сибири.

Вытеснение и замещение иррегулярных формирований казачества частями регулярной армии в качестве основной вооруженной опоры государственной власти в регионе может оцениваться как специфический вариант инкорпорации окраинной территории в имперское пространство российской государственности XVIII в. Передача как чисто военных, так и полицейских функций от казаков к солдатам и офицерам регулярной армии оказалась именно тем средством, которое было использовано верховной властью для установления постоянного контроля за жизнью и деятельностью всех подданных империи в Сибири, причем уже с середины XVIII в. этот контроль осуществлялся через военнослужащих, почти никак не связанных с местной социальной средой. Данная особенность делала контингенты регулярной армии в Сибири максимально эффективным средством в руках государственной власти для поддержания и укрепления имперского политического и социального порядка.

Вместе с тем армейские части к востоку от Урала являлись составным элементом в структуре всех вооруженных сил Российской империи, на них распространялись те же организационные и качественные трансформации, которые были характерны для всей русской регулярной армии. Наконец, как и в масштабе всей империи в целом, регулярная армия в Сибири являлась каналом вертикальной мобильности в сословной структуре общества в XVIII в.,

оказывала непосредственное влияние на социальную жизнь региона, о чем свидетельствовали активные занятия военнослужащих в сферах, не связанных с военным делом, и их повседневные контакты с гражданскими властями и населением. Лишь в XIX в. регулярная армия утратила активную роль в политической и социальной жизни внутри страны, для XVIII в. эта составляющая должна быть отмечена в качестве важнейшей, особенно на территории Сибири.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы для разработки и преподавания в вузах общих курсов по истории России и Сибири, а также специальных курсов по истории русской армии. Выявленные данные по кадровому составу армейских частей на территории Сибири в XVIII в. оказывают помощь при проведении краеведческих, генеалогических и просопографических (биографических) исследований. Предложенные в диссертации подходы могут послужить основой для научных работ, посвященных аналогичной проблематике, выполненных на материалах других регионов страны. Содержательная часть и выводы диссертации имеют важное значение для дальнейшего изучения проблем эволюции государственного строя России и процессов империостроительства, роли регулярной армии в российской истории нового времени.

Апробация работы. Основное содержание диссертации и полученные в ходе исследования результаты отражены в 44 научных публикациях (общий объем – 54,5 п. л.), среди них: одна монография объемом 24 п. л., 18 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых изданий ВАК (общий объем – 15,5 п. л.), 15 выступлений на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, 10 публикаций в сборниках научных статей. Материалы диссертации использовались автором для преподавания студентам Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета лекционных курсов «Военная история России» и «Армия в социально-политической структуре Российского государства».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Последние включают систематизированные сведения обо всех воинских частях (полках и батальонах), в разные годы дислоцировавшихся за Уралом, а также карты размещения воинских частей регулярной армии на территории Сибири в отдельные десятилетия XVIII в. Карта 2 составлена по данным автора В. Н. Темушевым, впервые опубликована: «Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и раннего нового времени» (гл. ред. А. В. Малов). М.: «Квадрига», 2011. Вып. 2. Карты 1 и 3 составлены по данным автора Д. А. Карнауховым, ранее не публиковались. Общий объем рукописи – 439 страниц (21 п. л.).

ГЛАВА 1
КОНТИНГЕНТЫ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В СИБИРИ

1.1. Гарнизонные части в 1725–1741 гг.

К моменту смерти Петра I в январе 1725 г. русская регулярная армия насчитывала в своем составе 73 полевых (40 пехотных и 33 драгунских) и 57 гарнизонных полков, в рядах которых состояли на действительной военной службе не менее 170 тыс. чел. [1] Однако из всех этих воинских частей к востоку от Урала была дислоцирована только одна – Сибирский гарнизонный драгунский полк. История его формирования уже изучалась исследователями [2], поэтому останавливаться здесь на этих аспектах нет необходимости. Следует только заметить, что у современников возникали сомнения относительно того, можно ли считать этот драгунский полк частью регулярной армии.

Так, генерал-майор Г. В. де Геннин, начальник Екатеринбургских горных заводов, для охраны которых использовались несколько рот Сибирского гарнизонного полка, еще при жизни Петра I «Правительствующему Сенату словесно доносил о драгунском полку, которой стоит по границе, что оной офицерами и ружьем не укомплектован, и только де имя носит драгунской полк, а служба их казацкая». В ответ Сенат своим указом от 28 апреля 1724 г.

---

[1] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 41–46; *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 21, 24. К ним также необходимо прибавить два полка лейб-гвардии (Преображенский и Семеновский), девять пехотных полков так называемого Низового корпуса на Северном Кавказе (они числились сверх штата), а также отдельные пехотные батальоны и драгунские эскадроны. Полный список всех армейских подразделений на конец января 1725 г. приводил А. В. Висковатов, см.: *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 2. С. 71, 72.

[2] *Дмитриев А. В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 190–197; *Пузанов В. Д.* Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // Зауралье в панораме веков. Курган, 2000. С. 71–75; *Акишин М. О.* Армия, общество, колонизация (Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 25–30.

предписал Военной коллегии «тот полк учинить регулярным и как людьми, так аммуницией и ружьем укомплектовать» [3]. Указанные в справочнике М. Д. Рабиновича несколько пехотных и драгунских полков, получивших «сибирские» наименования – Тобольский солдатский, Тобольский гарнизонный солдатский, Сибирский солдатский, Тобольский драгунский, Енисейский драгунский, Сибирский драгунский [4], собственно к Сибири не имели отношения, поскольку формировались и дислоцировались в европейской части страны.

Намерение использовать территорию Сибирской губернии для расквартирования там воинских частей Петр I возымел еще в 1720 г., когда при подготовке нового штатного расписания для армии было предположено содержать за Уралом три гарнизонных пехотных полка: Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский. Однако, как заметил еще Г. Ф. Быконя, ссылаясь на П. А. Словцова, отправлены на восток эти воинские части были лишь в 1724 г. [5] Задержка, составившая несколько лет, была вызвана тем обстоятельством, что только к 1724 г. были завершены расчеты, легшие в основу введенного в действие в июне этого года «Плаката о сборе подушном», согласно которому все армейские полки, как полевые, так и гарнизонные, распределялись по губерниям в зависимости от численности податного населения в каждой из них.

Вторым фактором, сыгравшим свою роль, оказался внешнеполитический. Как раз 20 января 1724 г. состоялся петровский указ о назначении комиссии для переговоров о заключении договора и определении линии границы с Китаем в Забайкалье. Памятуя, вероятно, о том давлении, которое пришлось испытывать российским посланникам несколько десятков лет назад

---

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-I). СПб., 1830. Т. 7. № 4736. С. 505. О мерах, предпринятых для выполнения данного указа, см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 711. Л. 497–499 об.

[4] *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 35, 47, 72, 87, 91, 98.

[5] *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. С. 152; *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1. С. 212, 239.

при заключении Нерчинского договора 1689 г., Петр посчитал нужным подкрепить позицию своей державы военной силой: «Для охранения сибирских пограничных мест послать подполковника Бухольца, да с ним отправить сибирскому губернатору из гарнизонных регулярных полков, конных 1 000, пехотных 1 000 ж человек, в том числе и тех, которые ныне у генерала-майора Геннинга… гарнизонные полки, вместо тех посланных, укомплектовать иными, набрав из тамошних детей боярских и из казацких детей» [6].

Из текста данного указа как будто следует, что в Сибирской губернии уже находились несколько гарнизонных полков. А. В. Висковатов помещал в Сибири три пехотных и один драгунский полк уже на момент восшествия на престол императрицы Екатерины I (28 января 1725 г.) [7]. Однако лишь в сенатском указе от 12 ноября 1725 г. обнаруживаются вполне определенные утверждения о пребывании именно в Сибирской губернии нескольких гарнизонных полков: «Рекрут и из тамошних детей боярских недорослей из Сибирской губернии не высылать, а употреблять недорослей в драгунской гарнизонной, а рекрут в пехотные полки; а что за полным комплектом останется, тем быть впредь для запасу к комплекту тех же полков» [8].

Не помогают прояснить ситуацию и данные существующих к настоящему моменту справочников. Так, у М. Д. Рабиновича сказано: «Полки гарнизонные солдатские: С.-Петербургский и Московский. Сформированы в 1712 г. из солдат сибирских гарнизонов… В 1712–1727 гг. – гарнизонные полки Сибирской губернии» [9]. Однако здесь составителем справочника была допущена ошибка, поскольку, во-первых, никаких «солдат сибирских гарнизонов» не существовало, по крайней мере, до 1724 г., и во-вторых, к Сибирской губернии эти полки даже на бумаге были приписаны только с 1720 г. Формирование Тобольского полка М. Д. Рабинович относил уже к 1720 г.: «Тобольский гарнизонный солдатский полк. Сформирован в 1720 г. Нес гар-

---

[6] ПСЗ-I. Т. 7. № 4429. С. 208–209.
[7] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 2. С. 72.
[8] ПСЗ-I. Т. 7. № 4801. С. 551.
[9] *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии… С. 70.

низонную службу в Сибирской губернии» [10]. Но вплоть до момента назначения командиром этого полка И. Д. Бухольца по указу Военной коллегии от 22 июля 1725 г. также нельзя с полной уверенностью утверждать, что полк находился именно в Тобольске.

Назначенный для переговоров посланник С. Л. Владиславич-Рагузинский, прибыв в Тобольск 24 января 1726 г., обнаружил, что «полк пехотный и рота драгунская, которых под командою полковника Бухолца по указу велено отправить на границу для осторожности и покрытия камисаров… не может быть готова прежде апреля месяца» [11]. Сам Бухольц, как утверждает Э. В. Демин, выехав в Сибирь в конце декабря 1725 г., прибыл в Тобольск и вступил в командование полком в мае 1726 г., после чего двинулся в поход к забайкальской границе, несмотря на то, что «предусмотренное и посланное из Москвы обмундирование полка настолько запоздало, что получено было уже после окончания похода», так что «Бухольц со своим полком вынужден был выступить в продолжавшийся около года поход даже не вполне экипированным» [12]. К декабрю 1726 г. Бухольц добрался до Иркутска, однако оттуда сумел выступить дальше только в марте 1727 г. С лета 1727 г. личный состав полка был задействован для постройки Петропавловской крепости на так называемой Чикойской Стрелке (в устье р. Чикоя), в 1728 г. также для возведения Селенгинской крепости и Кяхтинской слободы [13].

В 1727 г. оставшиеся в Западной Сибири оба пехотных и драгунский полки дважды сменили названия. В феврале 1727 г. указом императрицы Екатерины I драгунский полк стал именоваться 1-м Сибирским, пехотные: Санкт-Петербургский – 2-м Сибирским, Московский – Терским. Мотивом

---

[10] *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии… С. 72.

[11] Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы / Отв. ред. С. Л. Тихвинский; сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М., 1990. Т. 2. С. 269, 270.

[12] *Демин Э. В.* Забайкальское пограничье петровского гвардейца (И. Д. Бухольц) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2009. Кн. 1. С. 137.

[13] Там же; *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. С. 14; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 174, 175; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 152, 153.

послужило, как объяснял А. В. Висковатов, следующее обстоятельство: «Петр Великий, имея в виду расположить армию на вечные или непременные квартиры, предполагал переименовать все полевые полки по провинциям, в которых квартиры сии им назначались. В тех случаях, где на одну и ту же провинцию полагались не один, а несколько полков, они долженствовали принять одинаковые между собой названия, с различием только в номерах. В подобном же порядке предназначалось дать новые названия и гарнизонам, но только по именам тех провинций, из доходов которых они содержались» [14].

В ноябре того же года преемник Екатерины на престоле Петр II отменил ее распоряжение: «Первым действием… по устройству военной части было отменение войскам непременных квартир, а вследствие того и возвращение им названий, которые они носили прежде» [15]. Однако все четыре полка, дислоцированные в Сибирской губернии, получили теперь новые наименования: Сибирскому драгунскому полку вернули его прежнее название, бывший Санкт-Петербургский стал Тобольским, бывший Московский – Енисейским, а находившийся в Забайкалье бывший Тобольский с этого времени стал именоваться Якутским [16]. Под этими названиями все четыре полка просуществовали вплоть до их переформирования в 1760-х гг. при организации Сибирского корпуса.

К сожалению, никаких сведений о местах дислокации Тобольского и Енисейского полков на протяжении второй половины 1720-х гг., равно как и данных о принимавшихся в отношении этих частей высшими инстанциями решениях, обнаружить в доступных для исследования архивных документах не удалось. Можно только предполагать, что они дислоцировались тогда в Западной Сибири, возможно, уже выделив какую-то часть личного состава для пополнения гарнизонов пограничных крепостей по р. Иртышу. Сибирский драгунский полк, как упоминалось выше, был, скорее всего, задейство-

---

[14] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 2. С. 73, 74, 78.

[15] Там же. С. 86.

[16] Там же. С. 89; Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1904. Вып. 16. С. 93, 95, 96; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 174, 176; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 152, 154.

ван для несения караульной службы и охраны Екатеринбургских горных заводов.

Положение изменилось после вступления на престол в феврале 1730 г. императрицы Анны Иоанновны, за которым последовали передача руководства вооруженными силами империи в руки ставшего одним из приближенных новой государыни Б.-Х. Миниха, назначенного президентом Военной коллегии, и создание по его инициативе специальной Воинской сухопутной комиссии [17]. Эта комиссия не только занялась решением вопроса о приведении в соответствие материальных и финансовых потребностей для содержания армии с возможностями податной системы государства, но и постаралась свести к единым параметрам штатную численность и количество всех воинских частей, а также обеспечить их правильное распределение по территории империи. В частности, именно решением миниховской комиссии в 1731 г. были установлены отдельные штаты военного и мирного времени для полевых полков [18]. Гарнизонные части, в том числе четыре сибирских полка, эта мера не затрагивала.

Зато Миних в марте 1730 г., еще до начала работы комиссии, представил на утверждение императрице проекты гербов для знамен всех армейских полков. Вот как описывал их А. В. Висковатов: для Сибирских (в том числе драгунского гарнизонного) – «в золотом щите, на белом поле, два черные соболя, стоящие на задних лапах и держащие: двумя передними лапами – золотой лук и золотую Сибирскую корону, а другими двумя – по черной стреле, с красными перьями и копьями»; для Тобольских (в том числе гарнизонного) – «в золотом щите, на голубом поле, золотая пирамида, с разноцветной воинской арматурой»; для Енисейского гарнизонного – «в золотом щите, на белом поле, две красные белки, на зеленой земле и над ними выходящий из облаков

---

[17] Деятельность этой комиссии подробно изучена Н. Н. Петрухинцевым, см.: *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 142–179.

[18] *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1. С. 2–6, 15–17; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 55.

черный самострел»; для Якутского – «в золотом щите, на красном поле, серебряный престол и на нем золотое Евангелие» [19]. В таком виде они и были «конфирмованы» (утверждены) Анной.

Одно решение Воинской комиссии в отношении Якутского полка, как удалось установить, в действительности исполнено не было. Поскольку полк считался фактически несущим пограничную службу, обозначаясь в документах «командированным на китайскую границу» [20], комиссия Миниха постановила, чтобы Якутский полк, в отличие от других частей гарнизонных войск, состоял из трех батальонов вместо двух. Во всех работах, где об этом упоминалось, авторы без тени сомнения считали, что эта мера была реализована [21]. Однако в списках Якутского полка как за 1730-е, так и за 1740-е гг. приводится личный состав только двух, а не трех батальонов. Следовательно, данное решение осталось лишь на бумаге. Впрочем, это неудивительно, с учетом того, что людских ресурсов для пополнения полка уже на момент его пребывания в Забайкалье найти там просто не представлялось возможным.

С принятием в 1731 г. новых штатов Воинская комиссия постаралась упорядочить расквартирование гарнизонных войск по всем губерниям империи. Согласно принятому принципу деления, к 6-му гарнизонному департаменту были отнесены Сибирская и Архангелогородская губернии вместе с Москвой. В частности, из состава Тобольского и Енисейского полков в Сибири шесть рот оказались распределены так: «В Екатеринбург – капитана с ротою. В Омь (Омскую крепость. – *А. Д.*) – капитана с ротою. В Ямышев[скую крепость] – майора с 2 ротами. В Семипалатную (крепость. – *А. Д.*) – капитана с ротою. В Томск – майора с 2 ротами». Якутский полк должен был дислоцироваться следующим образом: «В Кузнецк – капитана с ротою. В Иркутск – капитана с ротою. В Селенгинск – один батальон. В Нерчинск – капитана с ротою». Что касается Сибирского драгунского полка,

---

[19] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 2. С. 107, 114, 115.

[20] См., напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 392. Л. 893 а – 903 об.

[21] См.: *Баиов А. К.* Русская армия в царствование… С. 16; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 54; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 175; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 153.

то о нем «в которых местах быть в командированиях надлежит, положено на разсуждение тамошняго губернатора» [22].

Г. Ф. Быконя относительно Якутского полка указывал, что «в пограничном Селенгинске остался батальон из четырех рот с полковой канцелярией, в Иркутске и Нерчинске разместили по роте с капитанами. Из-за недостатка в Якутской провинции продовольствия остальные роты вывели в Кузнецкий и Томский уезды Тобольской провинции» [23]. Однако здесь не учтено пребывание двух рот Якутского полка в Кяхтинском и Цурухайтуевском пограничных форпостах, а также наличие в Забайкалье одной роты из состава Сибирского драгунского полка. Кроме того, Нерчинские заводы и рудники дополнительно охранялись двумя ротами Екатеринбургской горной стражи [24].

Перевод в Кузнецк одной роты из состава Якутского полка подтверждается вполне точно информацией Г. Ф. Миллера, в сентябре 1734 г. засвидетельствовавшего, что гарнизон города был усилен «для более безопасной охраны границ ротой регулярной пешей милиции Якутского гарнизонного полка» [25]. Поясняя употребление Миллером термина «милиция», Н. А. Кузнецов отмечал: «Миллер вырос в другой стране, и ему в сравнении с немецкой армией сибирские солдаты казались ополченцами, поэтому он и называет их милицией» [26]. Что касается вывода хотя бы одной роты полка из

---

[22] Сборник военно-исторических… С. 101; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны… С. 155.

[23] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 176; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 154.

[24] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 277 об.; *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья… С. 15. С 1728 г. в Кяхте находилась рота под командой капитана Ф. Княгинкина, в Цурухайте – рота капитана М. Шкадера. См.: Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы / Отв. ред. С. Л. Тихвинский; сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М., 2006. Т. 3. С. 319, 328; *Демин Э. В.* Забайкальское пограничье петровского гвардейца… С. 141, 144, 147.

[25] *Миллер Г. Ф.* Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6) / Отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 23.

[26] *Кузнецов Н. А.* Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 109.

Забайкалья в Томск, это кажется сомнительным, равно как и утверждение Г. Ф. Быкони о размещении Енисейского полка именно в Енисейске [27]. Согласно архивным данным картина дислокации подразделений трех гарнизонных полков в Западной Сибири выглядела следующим образом: восемь рот Сибирского драгунского полка находились в крепостях и форпостах Иртышской пограничной линии, еще одна – в Екатеринбурге; из состава пехотных полков по одной роте стояли в Кунгуре и Екатеринбурге, две – в Томске, семь рот – на Иртышской линии в Ямышевской, Омской, Железинской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской крепостях и по форпостам, остальные роты значились при Тобольске [28].

Здесь Минихом был использован принцип рассредоточения гарнизонных войск на сибирском пограничье по множеству крепостей и форпостов, дабы создать тем самым подобие сплошной укрепленной линии. Однако в сибирских условиях применение такого принципа встречало неизбежные затруднения, прежде всего, из-за крайней немногочисленности армейских частей к востоку от Урала. Из переписки Сибирской губернской канцелярии с Сенатом и Военной коллегией явствует, что местная администрация неоднократно ставила перед центральным правительством вопрос о том, насколько эффективно могут эти части выполнять свою задачу – охранять границы русских владений в Сибири от возможных вторжений извне. Сибирские управленцы считали необходимым требовать в свое распоряжение дополнительные воинские контингенты, хотя среди них не было единого мнения о том, как ими распорядиться.

Так, уже в ноябре 1732 г. в Военную коллегию поступили доношения от иркутского вице-губернатора А. И. Жолобова, а также сибирского губернатора А. Л. Плещеева и вице-губернатора П. И. Бутурлина. Жолобов указывал, что ему предписано «по присланным в Сибирскую губернию Воинской комиссии пунктом пехотных две да драгунскую роту перевесть в Томск, в

[27] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 176; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 154.

[28] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 277 об., 279, 306; Кн. 500. Л. 17 об., 18, 112.

Кузнецк и в Чеуской острог, за тем останется на китайской границе из пехотнаго полку (Якутского. – *А. Д.*) в Селенгинску баталион, в Нерчинску рота, в Иркуцку рота ж» [29]., Однако вице-губернатор считал, что «помянутаго пехотнаго полку от границы разкомандировать и роты драгун оттуда свесть ни по которому образу невозможно», выдвигая следующие резоны: китайскую границу вообще нельзя оставлять без прикрытия, ибо «мунгалской (монгольский. – *А. Д.*) народ непостоянен»; в случае же, если правитель Джунгарского ханства Галдан-Цэрэн, одержав победы над китайцами, «мунгал разорит, то и пограничным российским не без опасения, чтоб он, усмотря при российских границах безлюдство, не учинил бы незапнаго нападения» [30]. В связи с этим Жолобов настаивал: «Для такой предосторожности на границе быть надлежит целому пехотному полку, да в прибавок определить один драгунской и один пехотной полки» [31].

Иную позицию занимал губернатор Плещеев. По его мнению, надлежало «в новопостроенныя Иртышския пять крепостей, также в Томск, и в Кузнецк, и в Чеуск, и к Барабинским степям, и к границам Калмыцкой и Казачей Орды перед прежним прибавить регулярных войск, в чем самая состоит нужда». На китайской же границе «ныне такой нужды нет, понеже с китайцами состоит мир, и утвержена граница, и прежде сего и з давных лет китайская граница содержана была без регулярных войск тамошними казаками и тунгусами и протчими иноземцами» [32]. Укрепить южные границы русских владений в Западной Сибири он намеревался как раз за счет перевода сюда нескольких рот из состава Якутского полка.

В случае, если в Петербурге возобладает мнение вице-губернатора Жолобова, Плещеев просил «прислать или набрать еще из рекрут Сибирской гу-

---

[29] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 326 об.

[30] Там же. Л. 326 об., 327. Как раз на начало 30-х гг. XVIII в. пришелся военный конфликт Джунгарского ханства с цинским Китаем, см. об этом: *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983. С. 91–97.

[31] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 327.

[32] Там же.

бернии один драгунской полк», поскольку Галдан-Цэрэн выдвигает непомерные территориальные притязания: «Требует чрез посланцев своих, которыя в прошлом 731 году из Москвы отправлены, чтоб учинить границу по Омь реке, за которою имеются от Тоболска Железинская, Ямышевская, Семипалатная, Усть-Каменогорская крепости и многия земли Сибирской губернии на несколко тысяч верст» [33]. Угроза действительно была достаточно серьезной, поскольку еще в 1730 г. джунгарские послы на переговорах в Москве требовали «снесть» не только русские крепости по Иртышу, но даже города Томск, Кузнецк и Красноярск [34]. Российское правительство, не желая втягиваться в вооруженные конфликты с соседями, поначалу воспринимало сибирские запросы скептически: в переписке Сената с Военной коллегией и Коллегией иностранных дел выражалось опасение, «ежели о прибавке в Сибири вновь полков ныне диспозицию чинить, то не податся ль одной или другой стороне какого подозрения?» [35].

Но уже в декабре 1732 г. в Петербург поступило новое прошение, где прямо говорилось о необходимости присылки в Сибирь даже не одного, а нескольких драгунских полков для охраны южного пограничья. Сложившаяся на тот момент ситуация характеризовалась следующим образом: «В Сибирской губернии имеютца один драгунской да пехотных три полка, и ис тех полков драгунской стоит на разных фарпостах растоянием на тысече верстах и более и бывают в непрестанных розъездах» [36]. Это произвело надлежащий эффект – в Петербурге пришли к мысли о том, что «надлежало б в Сибирскую губернию прибавить… один или два регулярныя полка».

В своем «мнении», поданном Сенату, Военная коллегия предложила следующий вариант: поскольку драгунские полки предполагалось обратить на формирование новых кирасирских полков, то в Сибирской губернии можно «набрать в прибавок к прежним один или два полка из тамошних дворян и

---

[33] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 327 об.
[34] *Гуревич Б. П.* Международные отношения… С. 72.
[35] См., напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 332.
[36] Там же. Л. 305 об., 306.

боярских детей… и учредя против других гарнизонных полков, содержать сверх новаго воинскаго стата из тамошних доходов». Не забыли и о необходимости укомплектования полков офицерскими кадрами: «А штап и обер офицеров во оныя полки может Военная коллегия определить или произвесть из полевых и гарнизонных полков, кои с награждением чина сами там служить пожелают» [37].

Весной 1733 г. последовало высочайшее одобрение данного предложения, закрепленное сенатским указом от 9 апреля. Сибирскому губернатору предписывалось набрать один или два гарнизонных полка из тамошних служилых людей, недорослей и даже из обывателей, которые «пожелают волею своею быть в службе». Предусмотрен был для новых полков и отдельный источник финансирования – выплачивать жалование вновь сформированным частям следовало из той суммы, которая полагалась на выведенные из Персии пять полков Низового корпуса, откуда «могут денги употреблены быть на помянутые в Сибири прибавочные полки, кои будут сверх воинского штату» [38].

Однако выполнить принятые решения оказалось гораздо сложнее, поскольку правительство, судя по всему, было плохо осведомлено о численности людских ресурсов Сибири. В 1732 г. Сенату было подано адресованное на имя императрицы прошение об уменьшении рекрутского набора с Сибирской губернии из-за ее малонаселенности [39]. Помимо того, что население Сибири поставляло рекрут для расквартированных здесь гарнизонных войск [40], на него приходилась и определенная квота в рамках рекрутских наборов, проводившихся в масштабе всей страны. Так, в марте 1732 г. было объявлено о необходимости взять из ямщиков Сибирской губернии по одному чел. с

---

[37] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 328, 328 об.

[38] Там же. Л. 344 об. Так называемый Низовой корпус ранее состоял из 17 пехотных полков, не входивших в штат полевой армии и финансировавшихся не из сумм подушного сбора. В 1733 г. было принято решение о расформировании пяти из этих 17 полков, см.: *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны… С. 131–133.

[39] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 448. Л. 165–166.

[40] «Население Сибирской губернии комплектовало свои местные войска…» (*Баиов А. К.* Русская армия в царствование… С. 20).

22,5 душ, что должно было дать 298 чел. [41] А между тем, даже сибирские гарнизонные полки не всегда оказывались полностью укомплектованы: в том же Якутском полку, по данным Сибирской губернской канцелярии, недоставало 14 рядовых [42].

Кроме того, с населения уральских и западносибирских слобод, приписанных к Екатеринбургским заводам, постоянно набирали людей «вместо рекрут в ученики к горным делам и для охранения заводов» [43]. Только за период 1726–1730 гг. с крестьян приписных слобод были взяты в рекруты 541 чел. вместо положенного числа в 349 чел. [44] И это не считая того, что на заводах постоянно находились рота Сибирского драгунского полка, а также полторы сотни офицеров и солдат из состава Тобольского и Енисейского пехотных полков [45]. Попытка правительства хотя бы частично сократить воинский контингент при заводах за счет набора рекрут и обучения их на месте военному делу, дабы заменить ими солдат и драгун, встретила решительное сопротивление начальника Сибирского обер-бергамта генерал-лейтенанта Г. В. де Геннина. В мае 1732 г. он отправил в Сенат свое доношение, в котором категорически настаивал: «Оные салдацкую и драгунскую роты никоим образом от заводов взять в губернию не надлежит, ибо в них состоит при заводах самая крайняя нужда» [46]. Более того, к строившимся в то время по р. Сысерти новым заводам, по его мнению, «сверх оных еще потребно быть роте ис Тоболска». Военная коллегия вынуждена была согласиться с его доводами, хотя и настояла на том, чтобы «впредь по числу собранных рекрут салдат отпускать в полки их, как о том прежде посланные указы повелевают» [47].

Как бы то ни было, ни в 1733, ни в 1734 гг. для формирования в Сибири новых гарнизонных частей ничего сделано так и не было. Только в 1735 г.

---

[41] Столетие военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. Приложения. С. 91, 92.

[42] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 448. Л. 180.

[43] Столетие военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. Приложения. С. 92.

[44] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 392. Л. 890 об.

[45] См.: Там же. Л. 890.

[46] Там же. Л. 891.

[47] Там же. Л. 893.

центральная власть снова вынуждена была вернуться к этому вопросу после очередного представления Сибирской губернской канцелярии о настоятельной необходимости присылки сюда еще нескольких драгунских полков [48]. Действительно, сил одного лишь Сибирского драгунского полка для прикрытия южной границы русских владений в Западной Сибири от набегов казахов и калмык, противодействия выступлениям башкир и татар оказывалось явно недостаточно. Местные власти характеризовали данную ситуацию в следующих словах: «Оной полк поставлен по фарпостам в разных местах… и многия афицеры и драгуны в раскамандированиях за збором подушных денег на вечных квартирах и за покупкою лошадей и в других нужны посылках, и за тем при драгунском полку афицеров и драгун ныне числитца налицо толко 340 человек» [49].

При обсуждении этого вопроса в Сенате поначалу вернулись еще к предложению 1733 г. о наборе двух полков в Сибирской губернии и выдаче им жалования из тех денег, что шли ранее на нужды выведенных из Персии пяти полков, которые «содержанием на подушные денги не положены, а довольствовались, будучи в том корпусе (Низовом. – *А. Д.*) из малороссийских и протчих государственных доходов» [50]. Казалось, задача может быть выполнена достаточно легко, ибо «прежних служб служилых людей», которых следовало взять в полки, в Сибири по-прежнему насчитывалось немало: 600 с лишним дворян и детей боярских и почти 9 тыс. конных и пеших казаков [51]. Из них вполне можно было отобрать 2,5 тыс. чел. для формирования двух гарнизонных полков. Однако сумма, требовавшаяся на ежегодное содержание этих частей, выглядела неподъемной – более 28 тыс. руб. [52]! Тем не менее, чиновники Сибирской губернской канцелярии настаивали на необходи-

[48] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 1–2 об.
[49] Там же. Л. 2.
[50] Там же. Оп. 7. Кн. 392. Л. 9 об.
[51] См.: Там же. Л. 10 об. Правда, Сенат оперировал данными за 1727 г., т. е. цифры были слегка устаревшими.
[52] Там же. Оп. 8. Кн. 500. Л. 10.

мости «учредить для охранения от набегов Казачей Орды в прибавок к драгунскому полку еще два полка драгунских да баталион салдацкой» [53].

Начавшееся в Зауралье в 1735 г. восстание башкир привело к необходимости срочного формирования Оренбургского гарнизонного драгунского полка, предназначенного для подавления этого выступления. Состав данного полка оказался укомплектован в значительной степени именно сибирскими казаками и их детьми [54]. Кроме того, непрерывно требовал пополнения штатов своих «работных людей» начальник Екатеринбургских заводов тайный советник В. Н. Татищев [55]. В 1735 г. он подал в Кабинет министров доношение, в котором жаловался, что «в людях имеется великой недостаток, от чего в работах чинится остановка», и требовал «от Сибирской губернии 100 человек рекрут». Кабинет-министры вынуждены были подтвердить специальным указом, чтобы из рекрут, набранных в Сибирской губернии, «тамошние гарнизонные полки комплектовать, а оставших за укомплектованием, сколько требовать будет… Татищев, отсылать к нему на казенные заводы» [56].

Все это ставило немалые препятствия задуманным правительством мерам по увеличению контингента гарнизонных войск на собственно сибирской территории. Начавшаяся в 1735 г. война с Османской империей также не способствовала уделению внимания сибирским нуждам со стороны центральной власти. В 1736 г. состоялось решение об учреждении в Сибири лишь одного (вместо двух, как предполагалось ранее) драгунского полка и пехотного батальона. В июне на имя императрицы из Сената было подано доношение о необходимости соответствующего указа [57]. Предлагаемые меры вкратце сводились к следующему: 1) довольствовать полк и батальон провиантом из казенных магазинов, заготовку фуража возложить на самих военно-

---

[53] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 23.

[54] В 1737 г. в этом полку числилось более 300 сибирских служилых людей (*Зуев А. С.* Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 23). См. также: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 192 (смотровой список Оренбургского полка за 1740 г.).

[55] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 128–132 об.

[56] ПСЗ-I. Т. 9. № 6830. С. 594.

[57] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 173–174 об.

служащих; 2) деньги на выдачу жалования, также на строение мундира и покупку лошадей «определить ис положенной на нынешния гарнизонныя полки суммы»; 3) мундир изготовить «из тамошних сермяжных сукон»; 4) вооружение и амуницию передать из старых запасов в казенных цейхгаузах, также частично отобрать из других полков [58]. Кроме того, было решено освободить роту Сибирского драгунского полка от дальнейшего несения службы при Екатеринбургских заводах – ее было указано «для содержания в Сибирской губернии по границе форпостов, отпустить к полку» [59].

Решение Кабинета министров о реализации изложенных выше пунктов состоялось 7 сентября 1736 г. Документ за подписями канцлера А. И. Остермана и кн. А. М. Черкасского гласил: «Оные полк и баталион содержать во всем на таком основании, как протчие гварнизонные полки». Кроме того, в случае нехватки средств предписывалось «потребную сумму из окладов оставших нерегулярных служилых людей… выключить и положить на содержание оных полку и баталиона» [60]. Как видно, формирование новых гарнизонных частей должно было затронуть не только отдельные городовые команды сибирских дворян, детей боярских и казаков, но и фактически все служилое население Сибири, поскольку именно за счет экономии средств, положенных людям «старых служб», власти намеревались обеспечивать жалованием вновь формируемые воинские части [61].

Все вопросы по снабжению этих частей провиантом, вооружением и обмундированием казна также постаралась переложить на местные власти: «Мундир на них строить ис тамошних сермяжных сукон, а на строение того мундира ныне денги употребить из неположенных в стат доходов той губернии… Ружье давать из починенного, а аммуничные вещи из атборных от

---

[58] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 177 об.

[59] ПСЗ-I. Т. 9. № 6882. С. 736.

[60] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 194.

[61] Это обстоятельство уже отмечали А. Ю. Огурцов и А. С. Зуев. См.: *Огурцов А. Ю.* Штатная реформа 1736–1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 73, 74; *Зуев А. С.* Штатная реформа… С. 22.

полков. Провиантом их доволствовать и на лошадей овес употреблять из десятинного (т. е. получаемого с казенной десятинной пашни. – *А. Д.*) хлеба, а сено на тех лошадей готовить им самим» [62]. Лишь комплектование офицерскими кадрами центр готов был взять на себя, для чего последовало распоряжение «в те Новоучрежденные полк и баталион афицеров определить Военной колегии ис таких, которые ис полевой армии к отставке присыланы бывают и гварнизонную службу снести могут» [63].

Как выяснил А. С. Зуев, набор служилых людей сибирских городов в рядовые солдаты и драгуны с самого начала встретился с большими трудностями. В конце 1737 г. сменивший Плещеева в должности сибирского губернатора П. И. Бутурлин предлагал было вернуть в Тобольск часть людей, ранее зачисленных в состав Оренбургского полка, затем стал просить об исключении из процедуры набора личного состава казачьих команд в крепостях по Иртышской линии и гарнизонов ряда пограничных городов (Тары, Томска, Кузнецка, Красноярска) [64]. Не проявляли никакого желания направлять в формируемые полк и батальон людей из состоявших в их ведении контингентов также и его подчиненные, провинциальные и уездные власти.

Сенат и Военная коллегия исходили из цифр, содержавшихся в ведомости, присланной в 1735 г. из Тобольска в Сибирский приказ: по ней в 21 городе на всю Сибирскую губернию насчитывалось около 8,5 тыс. «дворян, детей боярских и служилых людей конных и пеших», тогда как на укомплектование полка и батальона должно было потребоваться всего 1 866 чел. строевых и нестроевых [65]. Впрочем, даже там содержалась оговорка, что дворян и детей боярских планируется набирать только в трех городах Западной Сибири (Тобольск, Тюмень и Верхотурье), «а из прочих городов, за умалением оных, не определено». Однако на практике быстро выяснилось, что большую

---

[62] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 194, 194 об.

[63] Там же. Л. 194. Опубликованный текст сенатского указа на основании этого решения, повторявший все приведенные формулировки, см.: ПСЗ-I. Т. 9. № 7051. С. 924, 925.

[64] *Зуев А. С.* Штатная реформа… С. 23, 24.

[65] ПСЗ-I. Т. 10. № 7261. С. 156.

часть из этих 8,5 тыс. чел. привлечь на армейскую службу вообще невозможно. Спустя более полутора лет, уже в июле 1738 г., губернатор Бутурлин сумел собрать лишь 919 чел., при этом более 600 чел. представляли собственно Тобольскую провинцию. Из Енисейской провинции удалось истребовать чуть более 270 чел., а власти Иркутской провинции фактически саботировали распоряжения губернатора [66].

С переводом сюда на службу офицеров также возникали немалые сложности. Так, в сентябре 1737 г. Военная коллегия рапортовала Сенату, что «из армеи присылаются к отставке офицеры старые и дряхлые, болные и раненые, к воинской службе неспособные, а таких, кои бы гарнизонную службу продолжать еще могли, мало в присылке бывает». В связи с этим пришлось в полевом Ингерманландском и в прибалтийских («остзейских») гарнизонных полках «объявить штап, обер и ундер офицером, не желает ли кто из них в вышеозначенном новоучреждаемом драгунском полку и пехотном баталионе с повышением чина служить?» [67].

Эта мера принесла свои плоды: в ноябре того же года для дальнейшего прохождения службы в Сибири были отобраны около 40 чел.: двое штаб-офицеров в чине майора, более 20 обер-офицеров (четверо капитанов, четверо поручиков, 14 прапорщиков), 14 унтер-офицеров (сержанты) [68]. В поисках выхода из создавшегося положения Военная коллегия в августе 1738 г. предложила пополнять до штатной численности полк и батальон в ходе рекрутских наборов сыновьями сибирских дворян и казаков. Еще через два года, в июле 1740 г., Кабинет министров вынес об этом соответствующую резолюцию [69]. Полностью укомплектованы как рядовыми, так и офицерами данные части оказались лишь к 1742 г. – именно тогда по спискам личного состава полка и батальона обнаруживается налицо их полная штатная численность.

---

[66] *Зуев А. С.* Штатная реформа… С. 24.
[67] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 221.
[68] Там же. Л. 251 об, 256.
[69] *Зуев А. С.* Штатная реформа… С. 24.

Обе части получили название «Новоучрежденных гарнизонных», в дальнейшем так и именуясь в официальной документации Новоучрежденным драгунским полком и Новоучрежденным пехотным батальоном [70]. Г. Ф. Быконя в обеих своих монографиях почему-то называл эти полк и батальон «Тобольскими» [71]. А Л. Г. Бескровный утверждал: «Была образована Сибирская ландмилиция в составе одного конного полка и одного пехотного батальона… Кроме того, в 1734 г. для Сибири было создано три драгунских полка и один отдельный эскадрон (гарнизонных войск. – *А. Д.*)» [72]. Но, во-первых, конный полк и пехотный батальон изначально формировались именно в качестве гарнизонных частей. Во-вторых, в 1734 г. состоялось решение о формировании двух гарнизонных драгунских полков, Уфимского и Оренбургского (о последнем см. выше) [73], однако они предназначались для несения службы в Оренбургской губернии, а не в Сибири.

В 1741 г. контингент гарнизонных войск к востоку от Урала насчитывал уже пять полков и один отдельный батальон, в которых всего состояло несколько более семи тыс. чел. Численно эти армейские части пока еще уступали «иррегулярным» казачьим командам и гарнизонам, составленным из служилых людей «старых служб». Да и в структуре регулярной армии они составляли лишь около 3,5 % от общей ее численности. Их доля в составе населения Сибири не превышала 1,2–1,3 % (один кадровый военнослужащий на 85 чел. обоего пола) [74]. Большинство рот из состава Новоучрежденного драгунского полка были распределены, по мере их укомплектования, по крепостям Иртышской линии. Две роты были отправлены на восток, одна – в Красноярск, другая – в Кузнецк: «Из-за приграничного положения и сравнительной дешевизны хлеба в Красноярске с конца 30-х гг. (XVIII в. – *А. Д.*)

---

[70] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 2. С. 105.

[71] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 177; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 155.

[72] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 61.

[73] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 2. С. 105.

[74] Подсчитано по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 56–61; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 183.

разместили третью роту Сибирского “новоучрежденного драгунского” гарнизонного полка, в основном набранного не из обычных рекрутов, а из местных неверстанных казачьих детей и даже штатных казаков» [75].

Отправленная в Кузнецк в 1738 г. рота поручика П. Фадеева почти сразу же была переброшена оттуда в Бийский острог [76]. Поводом послужили вызывающие заявления прибывших в Кузнецк в июне 1738 г. посланцев джунгарского хана Галдан-Цэрэна, вновь предъявлявших от имени своего сюзерена претензии на российские владения в Южной Сибири и угрожавших войной. Сибирская губернская канцелярия приняла эти угрозы всерьез, так что, не дожидаясь санкции Военной коллегии, в ноябре того же года направила в Кузнецкий уезд еще две роты Новоучрежденного драгунского полка под началом премьер-майора Я. Дегграве [77]. Новоучрежденный пехотный батальон к 1741 г. был передан в ведение оренбургского губернатора И. И. Неплюева и размещен в нескольких крепостях только что построенной Уйской линии для прикрытия Южного Зауралья от набегов с юга, из казахских степей. Таким образом, в 1741 г. четыре гарнизонных полка и батальон, дислоцированные в Зауралье, Западной и Южной Сибири, выполняли задачу по прикрытию всей линии границы Российской империи в этих регионах (см. карту 1 в приложении). Якутский полк, продолжавший оставаться в Забайкалье, помимо несения пограничной стражи, также выделял часть своего личного состава для службы на Камчатке и на крайнем северо-востоке Сибири [78].

Думается, есть основания утверждать, что в действиях центрального правительства при решении вопросов о размещении гарнизонных войск в

---

[75] *Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П.* Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX вв.). Красноярск, 1990. С. 67.

[76] *Кауфман А. О.* Артиллерия Кузнецка XVII – первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 8; Он же. Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2006. Вып. 8. С. 43.

[77] *Огурцов А. Ю.* На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9. С. 46, 47.

[78] *Зуев А. С.* Численность военнослужилых людей на северо-востоке Сибири в 1720–1760-х гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX вв. (Ист.-археол. исслед.). Владивосток, 2003. Т. 4. С. 89.

Сибири и наращивании здесь численности армейского контингента налицо оказывались непоследовательность и противоречивость. Ситуация, сложившаяся в сфере обеспечения безопасности российских границ в Сибири, показывала, что интересы сибирской администрации не встречали полной поддержки ни у военного ведомства, ни у других центральных учреждений. Поэтому требования сибирских властей об увеличении армейских контингентов на вверенной им территории, выдвигавшиеся с 1732 г., были удовлетворены только в 1736 г., а реализация соответствующих решений окончательно завершилась к 1741–1742 гг. Таким образом, можно констатировать, что вплоть до 40-х гг. XVIII в. государственная власть не считала нужным уделять специальное внимание положению регулярной армии на «восточной окраине» империи. Только в первой половине 1740-х гг. отношение петербургского правительства к данному вопросу изменилось.

1.2. Гарнизонные и полевые части в 1742–1761 гг.

Приход к власти после недолгого правления младенца Ивана Антоновича в ноябре 1741 г. императрицы Елизаветы (1741–1761), дочери Петра I, открыл собой новый этап внутриполитической жизни страны, но поначалу не привел к каким-либо значительным переменам в сфере военного дела в России. Уже в декабре 1741 г. в окружении императрицы заговорили о необходимости возвращения к воинскому штату и уставу Петра I, отмены всех нововведений Воинской комиссии 1730-х гг. В январе 1742 г. Сенат сформулировал соответствующее предложение, а в марте Военная коллегия совместно с представителями армейского генералитета приступила к выработке предложений о штатах для отдельных родов войск и изменению устава (миниховской «Экзерциции пешей») [79]. Однако ничего принципиально нового в результате так и не возникло. Фактически все, что успел сделать в 1730-х гг. Миних, было по-прежнему оставлено в силе. Лишь накануне Семилетней войны, в середине 1750-х гг., следующая Воинская комиссия стала внедрять в армию прусские военные начала, однако этот процесс был прерван и свернут уже в годы войны.

В этом отношении не выглядит удивительным то обстоятельство, что и в отношении контингентов регулярной армии в Сибири петербургское правительство, в сущности, так и не выработало сколько-нибудь внятной политической линии, реагируя лишь на сиюминутные проблемы или на инициативы местной администрации. Первое может быть проиллюстрировано наращиванием численности армейского контингента за Уралом, второе – развертыванием масштабного строительства пограничных укрепленных линий [80]. Надо заметить, что решения о передислокации армейских частей с

[79] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 62.

[80] Вопросы, связанные с возведением Иртышской, Новой (Тоболо-Ишимской) и Колывано-Кузнецкой линий, уже довольно подробно изучаются в последние полтора-два десятилетия, см.: *Муратова С. Р.* На страже рубежей Сибири: Строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск, 2007. С. 45–101, 112–139; *Огурцов А. Ю.* Иртышская по-

1744 г. будут приниматься верховной властью как раз с учетом тех планов укрепления границ, которые подавались в Петербург незадолго до этого.

Отправной точкой, как установлено исследователями, послужила встреча в г. Шадринске 17 марта 1743 г. только что назначенных губернаторами И. И. Неплюева (оренбургского) и А. М. Сухарева (сибирского) [81]. Оба собеседника сошлись во мнении, что для надежной защиты российских границ за Уралом от набегов казахов и претензий Джунгарского ханства необходимо модернизировать уже существующие укрепленные линии, а также соединить их между собой путем возведения нескольких новых линий. Соответствующие доношения с приложенными к ним картами тех местностей, где планировалось строительство, были отправлены в Петербург, где получили одобрение высших инстанций – Сената, Военной коллегии, Коллегии иностранных дел [82]. Выполняться эта программа должна была силами дополнительно передислоцированных за Урал воинских частей.

Событиям середины XVIII в., когда была предпринята передислокация значительных воинских контингентов из состава действующей армии на территорию Западной Сибири, в существующих исследованиях посвящают, как правило, лишь несколько строк. А. Д. Колесников датировал перевод в Сибирь пяти полевых полков «для усиления обороны» 1743–1744 гг. [83]; Б. П. Гуревич упоминал о предписании отправить в Сибирь три драгунских полка в 1744 г., добавляя, что «туда же перебрасывались другие воинские части» [84]. Наконец, В. А. Моисеев остановился на последствиях, которые возымела переброска войск в складывании русско-джунгарских отношений в эти

граничная линия // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 19–35; Он же. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9. С. 40–67.

[81] *Муратова С. Р.* На страже рубежей… С. 47, 65; *Огурцов А. Ю.* Иртышская пограничная линия. С. 27; Он же. На Кузнецкой линии. С. 52, 53.

[82] Комплекс документов, относящихся к линейному и крепостному строительству 1740–1750-х гг., отложился в одной из книг Секретной экспедиции Сената, см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 1584.

[83] *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 68.

[84] *Гуревич Б. П.* Международные отношения… С. 76.

годы, однако почти не уделил внимания собственно маршу этих полков в Сибирь [85].

В монографии Г. Ф. Быкони дается чуть более подробная информация: «В 1745 г. в Сибирь под командованием генерал-майора Х. Х. Киндермана вступили “для охранения границ” полевые два пехотных и три конных полка. Ширванский и Петербургский пехотные полки разместились в Тобольске и Тобольском дистрикте, а драгунские Луцкий, Олонецкий и Вологодский – на создаваемой Колывано-Воскресенской военной линии» [86]. Однако, во-первых, в Сибирь переводился Нотебургский, а не Петербургский пехотный полк; во-вторых, драгунские полки размещались не на Колывано-Воскресенской линии, а на форпостах по р. Тоболу и Ишиму, заменяя там как раз выведенные на Алтай гарнизонные части. В другой работе сказано, что Олонецкий и Луцкий драгунские полки были сформированы в Зауралье в начале 40-х гг. XVIII в. [87], хотя специалистам прекрасно известно, что срок службы этих полков начался еще с петровской эпохи [88].

Передвижение войск, располагавшихся на территории страны в относительной близости к границам Сибирской губернии, началось весной 1744 г. Указом императрицы Елизаветы, полученным Военной коллегией из Сената 11 марта, предписывалось «для предосторожности во всех пограничных местах от киргис-кайсацких воровских набегов» выдвинуть на Закамскую линию, построенную в 1730-х гг. от Самары до Мензелинска, три драгунских полка – Луцкий, Вологодский и Олонецкий. Первые два на тот момент были расквартированы в Казанской губернии под командованием бригадира И. Барденевича; последний дислоцировался в Нижегородской губернии, подчиняясь генерал-майору Н. Стрешневу. За расположение полков на новом

---

[85] *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 115, 116.

[86] *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население… С. 155.

[87] *Малолетко А. А., Малолетко А. М.* Воинство Алтайского горного округа (1726–1917). Томск, 2001. С. 74, 180.

[88] *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии… С. 81, 94, 97; *Татарников К. В.* Русская полевая армия… С. 275, 288.

месте и снабжение их провиантом и фуражем ответственность возлагалась на оренбургского губернатора, тайного советника И. И. Неплюева. Соответствующий приказ Военной коллегии был отправлен к нему спустя две с половиной недели [89].

В середине апреля, находясь в Кичуйском фельдшанце [90] на Закамской линии, Неплюев получил этот приказ. Выезжая оттуда 19 апреля в Оренбург, он оставил распоряжение премьер-майору Исакову и капитану Цвейбергу (офицерам Казанского гарнизонного драгунского полка): «Когда оные полки прибудут, чтоб им показать, где им стать и лошедям доволное пасбище иметь по обеим сторонам Закамской линии между рек Шешмы и Черемшана, не чиня утеснения и обид обывателям» [91]. Хотя полкам предписано было «выступить в марш по первой вешней траве», однако они двинулись в путь лишь в мае. Генерал-майор фон Штокман, командовавший частями, располагавшимися на Закамской линии и в Оренбургской губернии, сообщил Неплюеву, что Вологодский полк прибыл к месту назначения 6 июня, Луцкий – 14 июня. Кроме того, он отметил, что хотя «оные полки людми и лошадми состоят почти в полном комплете, но ис того многие росходы людем показаны» [92]. Действительно, из 1 118 чел. рядовых и офицеров Луцкого полка налицо оказались только 856 чел. при 820 лошадях, из 1 116 чел. Вологодского полка – 744 чел. при 840 лошадях. Олонецкий полк, в начале июня только выступивший в поход, насчитывал 1 148 чел. при 769 лошадях [93].

Проведя на Закамской линии лето 1744 г., эти драгунские полки должны были возвратиться на зиму в Казанскую губернию. По крайней мере, из этого исходил губернатор Неплюев, еще в августе запрашивая Военную кол-

---

[89] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 2. Л. 10, 10 об.

[90] Фельдшанец – земляное полевое укрепление, предназначенное для обороны (XVII–XVIII вв.). «Термин фортификационный, слово немецкое. Полевые укрепления, или полевые окопы» (*Тучков С. А.* Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российский, какое оных употребление и к чему служат. М., 2008. С. 352).

[91] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 2. Л. 14.

[92] Там же. Л. 46 об.

[93] Данные по: Там же. Л. 54–55 об.

легию о том, куда переводить их «на винтер-квартиры». Не получая ответа, он сам уже в сентябре запросил Казанскую губернскую канцелярию, чтобы та «приказала заблаговремянно тем полкам в ведомстве своем винтер-квартиры назначить по сю сторону реки Камы… и определить в зиму камисаров и денги к их содержанию» [94]. Однако все изменилось, когда в конце августа сибирский губернатор А. М. Сухарев получил от комендантов Верхне-Иртышских крепостей известия о намерении правителя Джунгарского ханства Галдан-Цэрэна «иттить войною на Усть-Каменогорскую, Семиполатную и Ямышевскую крепости и на Колывано-Воскресенской завод» [95].

Это обстоятельство традиционно выделяется исследователями в качестве главной причины, повлекшей за собой переброску в Сибирь армейских частей. Н. Г. Аполлова прямо указывала: «В 1744–1745 гг. русское правительство было встревожено слухами о намерении джунгарского хун-тайджи Галдан-Церена разрушить крепости по Иртышу» [96]. В. А. Моисеев подчеркивал, что многочисленные сведения поступали от самых разных информаторов: русских служилых людей, алтайских урянхайцев, казахов и др. [97] Как утверждал Ю. С. Булыгин, «в июле 1744 г. в Усть-Каменогорскую крепость прибыли три алтайца с р. Нарыма. Они рассказали, что их зайсан Бобай получил приказ готовиться летом 1744 г. к войне с Россией. Объектами нападения в первую очередь должны были стать Усть-Каменогорская, Ямышевская, Семипалатинская крепости и Колывано-Воскресенский завод» [98]. Известия эти действительно вызвали в Петербурге сенсацию и панику, а также повлекли за собой целый ряд мгновенно принятых решений.

Уже 2 октября 1744 г. Военная коллегия получила из Сената несколько указов, собственноручно подписанных императрицей Елизаветой. В них содержались требования немедленно отправить в Западную Сибирь пять поле-

---

[94] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 4. Л. 76 об.

[95] Там же. Ч. 5. Л. 5.

[96] *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 125.

[97] *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство… С. 113, 114.

[98] *Булыгин Ю. С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 17, 18.

вых полков: три драгунских и два пехотных. Для этого были предназначены упомянутые выше драгунские части, а также Ширванский и Нотебургский пехотные полки. Рассчитывая, что драгунские полки успеют к месту своего нового назначения еще до наступления зимы, Военная коллегия предписала им «следовать в Сибирскую губернию в самой крайней скорости, и выступить оным полкам в поход по получении указа на другой или конечно на третей день, и в пути, кроме самой нужды для отдохновения людям и лошадям, отнюдь нигде не мешкать» [99]. Обеспечить их на марше необходимым провиантом и фуражем должен был губернатор Сухарев. Для этого от каждого полка к нему следовало отправить нарочных, которые информировали бы его о маршрутах следования, после чего губернатор мог бы успеть заготовить на всем протяжении этих маршрутов «провианта и фуража надлежащее число». Заменить эти части на Закамской линии было решено силами трех других драгунских полков, дислоцированных тогда в Алатырской провинции – Ревельского, Троицкого и Московского [100].

Гораздо сложнее обстояло дело с двумя пехотными полками. Находившиеся тогда на юге европейской части страны, в крепости Св. Анны близ устья Дона, они получили приказ двигаться в Сибирь уже после того, как выступили в конце сентября на зимние квартиры к г. Острогожску Воронежской губернии. При этом значительная часть полковых запасов (оружие, амуниция, мундиры, сукно и пр.) остались в цейхгаузах крепости, оба полка выступили в поход почти налегке. К середине октября они уже вступили в Воронежскую губернию, где и получили распоряжение из Петербурга: «Не мешкая во Острогожску и не ожидая оставших от тех полков полковых тягостей, разведывая, где надлежит, способным и ближайшим путем маршировать в Сибирскую губернию в самой крайней скорости, не мешкая нигде ни за чем без замедления» [101]. При этом для ускорения движения рекомендовалось даже оставить в пути всех больных. Доставить же к полкам оставленные

[99] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 4. Л. 78 об.
[100] См.: Там же. Ч. 3. Л. 75; Ч. 4. Л. 79, 79 об.
[101] Там же. Ч. 5. Л. 45–47.

ранее запасы требовалось силами подъемных лошадей Санкт-Петербургского и Шлиссельбургского пехотных полков, переводившихся из Киева в крепость Св. Анны.

Поскольку обоим полкам должно было понадобиться несколько месяцев, чтобы добраться до сибирских границ, тем более в условиях наступающей зимы, Военная коллегия сочла возможным разрешить «в случае жестоких морозов и стуж показанным полкам от марша удержатца, и премены тех тяжких морозов и стужи ожидать в квартирах, дабы от того людем не учинить повреждения и трат» [102]. Впрочем, их марш проходил довольно быстро: уже к концу ноября оба полка находились в окрестностях г. Тамбова, откуда и должны были выступить на восток. Фактором, способным несколько замедлить их передвижение, могла стать нехватка в полковой казне наличных денег для оплаты прогонов за подводы. Поскольку имевшейся в обоих полках суммы (844 руб.) было явно недостаточно, Воронежской губернской канцелярии пришлось ассигновать по полторы тысячи рублей каждому полку [103].

С аналогичными проблемами, впрочем, столкнулись и три драгунских полка. Начать с того, что из-за передислокации на Закамскую линию они не получили жалования за майскую (т. е. вторую) треть 1744 г., а начиная оттуда поход в Сибирь, должны были остаться без жалования и за сентябрьскую треть. В связи с этим Главный комиссариат, с недавних пор отвечавший за финансирование войск (после отделения от Военной коллегии) [104], в начале ноября предписал Казанской губернской канцелярии для выдачи жалования за майскую и сентябрьскую трети «отпустить из наличных подушного и других, какия ни есть, зборов денег» [105]. Кроме того, они также оставили нема-

---

[102] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 79 об.

[103] Там же. Ч. 8. Л. 130, 130 об. Размеры выплат были установлены следующие: «Летом – по 1 коп., а зимой – по 1/2 коп. с версты, а за простой на дворе, как за рабочий день». См.: *Соловьев Н. И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб., 1900. Вып. 1. С. 91.

[104] Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 1. С. 30; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 71.

[105] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 75.

лую часть своих вещевых запасов: Луцкий полк в Казани, Вологодский – в ее пригороде Малмыже, а Олонецкий – в г. Балахне Нижегородской губернии.

Затем к делу подключилась Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Поскольку принявший на себя командование тремя драгунскими полками на время марша в Сибирь полковник Джозеф (Джо) Крофт сообщил, что «пушек при тех полках ныне ни одной не имеется», то решено было снабдить каждый полк двумя медными 3-фунтовыми пушками. Военная коллегия распорядилась было снять нужное количество пушек с Закамской линии, однако Артиллерийская канцелярия решила иначе. Пушки решено было отправить из Москвы вслед за двигавшимися в Сибирь полками, причем уже не шесть, а 10 орудий, поскольку артиллерия также понадобилась и двум пехотным полкам. Аналогичное предписание выдали и в отношении трех драгунских полков, перебрасывавшихся в Оренбургскую губернию. Перевезти всю эту артиллерию Канцелярия рассчитывала силами 96 лошадей (по шесть на каждое орудие), а от Военной коллегии требовала прислать офицера с 12 рядовыми для сопровождения.

Отправка пушек затянулась, поскольку Артиллерийская канцелярия в дальнейшем изменила свои первоначальные планы. В Москве не было известно, какими маршрутами двигаются в Сибирь драгунские и пехотные полки, и канцелярия опасалась, чтобы «бес подлинного о их тракте известия оную артилерию напрасно не провести до Тоболска и до Оренбурха, и тем бы служителем и лошадям излишняго отягощения и труда, також и время продолжения не учинить» [106]. Поэтому ее чиновники попросили полковника Крофта, «чтоб от оных полков для принятия помянутой артилерии с лошадми оставлены были в пристойном месте надлежащие конвои». В итоге только в середине декабря 1744 г. подпоручик Великолуцкого пехотного полка И. Ахманов повез на восток вверенные его попечению 16 медных пушек и 32

[106] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 169.

медных 6-фунтовых мортиры «кугорного манира» [107]. Также груз включал соответствующие артиллерийские принадлежности: колеса с осями, свинцовые и кожаные покрышки, снарядные ящики, фитили, втулки и т. д. [108]

Не удалось сразу отправить вслед двигавшимся в Сибирь полкам и оставленные ими вещи – понадобилось несколько распоряжений, адресованных из Главного комиссариата местным губернаторам, в которых стандартно повторялось: «Всевозможное всякими мерами приложить старание, чтоб те вещи всеконечно отправлены были в самой скорости под опасением за умедление тяхчайшаго ответа» [109]. Все эти неоднократно встречающиеся в изученных документах формулировки наводят на мысль, что бюрократические механизмы как военного, так и гражданского управления не всегда действовали с надлежащей быстротой и эффективностью, что замедляло переброску в Сибирь армейских частей, которой верховная власть придавала столь большое значение.

Принять командование как над переводимыми в Сибирь полевыми, так и над уже расквартированными там гарнизонными полками должен был генерал-майор Христиан Киндерман (Christian Kindermann). Саксонец по происхождению, он вступил в русскую службу еще в годы царствования Петра Великого и, последовательно пройдя все ступени чиновной лестницы, дослужился к началу 1740-х гг. до генеральского звания [110]. Сенатским указом от 27 сентября 1744 г. предписывалось, выдав жалование за треть года вперед, отправить Киндермана из Петербурга в Москву, объявив ему, что он «употреблен будет к команде в Сибирь для некоторой нужнейшей экспеди-

---

[107] Так называли в то время одну из разновидностей малых мортир: «Названа по имени изобретателя ее голландского инженера Кугорна… Изобретатель предлагает пользу употребления оных во время осады крепости» (*Тучков С. А.* Военный словарь… С. 186).

[108] Подробную роспись см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 177, 178.

[109] Там же. Ч. 8. Л. 64.

[110] Высказываемое предположение о принадлежности Киндермана к остзейскому дворянству не кажется достаточно обоснованным. Его сыновья, несшие военную службу в Вологодском драгунском полку, по формулярным спискам определялись как «саксонской нацыи шляхтичи». См., напр.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 314. Л. 3 об., 4, 72 об., 73. Незадолго до этого он принимал участие в русско-шведской войне 1741–1743 гг., см.: *Проскурякова М. Е.* «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII в. Петрозаводск, 2012. С. 46.

ции» [111]. Однако еще до его отъезда в Сибирь туда же направился бригадир Иван Юрлов, который должен был начальствовать над всеми сибирскими частями до прибытия командующего [112]. Указ о выдаче им обоим денег из Штатс-контор-коллегии подписала 11 ноября императрица Елизавета: Киндерману следовало получить тысячу рублей, Юрлову – 400 [113]. Приняв от Военной коллегии подробную инструкцию, генерал-майор Киндерман выехал из Москвы 22 ноября [114].

Прибыв ровно через месяц в Екатеринбург, Киндерман застал там Олонецкий драгунский полк, а Вологодский и Луцкий полки следовали за ним «не в далном растоянии» [115]. Здесь ему пришлось разбирать обвинения, выдвинутые в адрес полковника Крофта оренбургским губернатором Неплюевым при поддержке Сената. Еще в середине ноября Неплюев отправил в Сенат рапорт, в котором утверждал, что Крофт, получив распоряжение о переброске трех драгунских полков в Сибирь, вместо этого сначала двинулся обратно к Казани. Губернаторский гонец, солдат Пензенского пехотного полка Самсонов, нашел Олонецкий полк в 30 верстах от Казани, а самого Крофта обнаружил только в городе. Оправдываясь, полковник утверждал, что проделал этот маневр, дабы все полки могли «в самой крайней скорости» получить денежное жалование, провиант и фураж, которые могла отпустить им Казанская губернская канцелярия, но на получение которых трудно было бы рассчитывать, уже начав марш в Сибирь [116]. Однако Неплюев не принял во внимание эти объяснения, указав, что Крофт «более 400 верст излишним путем идет, и тем людей и лошадей утруждает». Кроме того, полковник имел неосторожность распорядиться отдать под суд премьер-майора Олонецкого полка А. Сташкеева якобы за кражу и растрату денег, выданных ему для за-

[111] Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 199.
[112] Там же. С. 228.
[113] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 8. Л. 32.
[114] Там же. Л. 47.
[115] Там же. Д. 283. Ч. 1. Л. 25.
[116] Сенатский архив. Т. 6. С. 271.

купки фуража (81 руб. 46 коп.), а последний в ответ сам подал на командира донос, обвинив его «в разных непорядках» [117].

Согласно решению Сената от 3 декабря, полковника Крофта велено было «судить военным судом и для того от команды его отрешить, а те полки поручить в команду другому» [118]. Однако, поскольку этот указ был получен уже прибывшим в Екатеринбург генерал-майором Киндерманом, он сам разобрал дело. По приговору военного суда за Крофтом «никакой винности не нашлось», и он продолжал исполнять обязанности полкового командира [119]. Вместе с тем Киндерман обнаружил, что нет необходимости так спешить – сибирская администрация еще раньше убедилась, что опасность немедленного начала войны с Джунгарским ханством сильно преувеличена [120], а теперь это стало ясно и в столице. Сибирский губернатор Сухарев еще до прибытия командующего предлагал полковнику Крофту, получив провиант и фураж от Екатеринбургской таможни, следовать с драгунскими полками в Тюменский, Краснослободский и Туринский уезды, где им предстояло расположиться «на винтер-квартиры» [121]. По приказу Киндермана Олонецкий полк 24 декабря выступил из Екатеринбурга к Тюмени, а за ним по-прежнему должны были следовать два других полка [122]. Когда же в начале февраля 1745 г. вслед за драгунскими прибыли оба пехотных полка, Киндерман «для их далняго походу и отдохновения» расположил Нотебургский полк в Тюмени, а Ширванский – в Екатеринбурге [123].

Завершающий этап наступил весной 1745 г., когда Киндерман, воспользовавшись ранней весной, с 15 марта начал переброску гарнизонных частей, располагавшихся вдоль южной границы по р. Тоболу и Ишиму, в Верх-

---

[117] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 8. Л. 141–144.

[118] Сенатский архив. Т. 6. С. 273.

[119] Данный эпизод впоследствии неизменно фигурировал в послужном списке Крофта. См., напр.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 337. Л. 1 об., 2.

[120] См. рапорт коменданта Ямышевской крепости и командира Новоучрежденного гарнизонного драгунского полка полковника Т. Зорина от 3 октября 1744 г.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 7. Л. 4.

[121] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 8. Л. 145 об., 146.

[122] См.: Там же. Д. 283. Ч. 1. Л. 25 об., 26.

[123] Там же. Ч. 2. Л. 138 об., 139.

не-Иртышские крепости, а их место здесь стали занимать полевые полки. Всем трем драгунским полкам командующий предписал «из нынешних квартир в Ялуторовской дистрикт и к Ышимским фарпостам и к уезду до Тары и Чернолуцкой слободы движение иметь» [124]. За ними последовал Ширванский полк, а большую часть контингента Нотебургского полка решено было употребить для конвоирования перевозок на речных судах провианта, собранного в Тобольске и ближайших к нему городах, в крепости по Иртышу [125]. К лету Луцкий драгунский полк расположился между Тоболом и Ишимом, а Олонецкий, Вологодский и Ширванский полки прикрывали границу на всем протяжении от Коркиной слободы на Ишиме до Омской крепости. Сам Киндерман расположил свой штаб и походную канцелярию в г. Таре [126]. В последующие несколько лет все эти полевые части сохраняли свои места постоянной дислокации, выделяя часть контингентов либо для пополнения гарнизонов Верхне-Иртышских крепостей, либо для расквартирования в Тобольске, Таре, Тюмени и других крупных городах Западной Сибири (см. карту 2).

Итак, процесс перевода на территорию Сибири армейских полевых частей далеко не во всех аспектах можно было назвать хорошо подготовленным. Более того, в ходе этих событий выявились противоречия между различными государственными учреждениями, как на уровне местного управления, так и в отношениях между центральной властью и губернской администрацией. Решение о переброске на южные границы России в Зауралье и Западной Сибири полевых полков было спонтанным, принятым под влиянием сиюминутных обстоятельств. Этим объясняется выбор тех воинских частей, которые для этого предназначались, – драгунских полков, уже находившихся на Закамской линии. Относительно пехотных полков можно предполагать, что был принят во внимание их статус, поскольку они принадлежали к составу бывшего Низового корпуса, еще в 1730-х гг. выведенного из прикаспийских провинций, и считались сверхштатными. Лишь в конце 1745 г., уже

[124] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 283. Ч. 2. Л. 139 об., 140.
[125] См.: Там же. Л. 139; Ч. 3. Л. 101 об.
[126] Сенатский архив. Т. 6. С. 502.

находясь в Сибири, они, наряду с другими аналогичными частями, были обращены в штатные [127]. При этом, как справедливо отметил В. А. Моисеев, «переброска столь значительного числа войск без собственных запасов фуража и продовольствия поставила местные власти Сибири в трудное положение». Однако «запущенную машину невозможно было остановить… Войска, испытывая большие трудности в снабжении, ускоренным маршем шли на Восток» [128].

Следует уделить внимание также передислокации гарнизонных воинских частей, осуществлявшейся в эти годы по распоряжениям местной администрации российских пограничных губерний: Оренбургской и Сибирской. Этот аспект, как правило, вообще «выпадает» из поля зрения историков, поскольку обычно отмечается лишь инициатива центральной власти в деле укрепления обороны границ. Только в работе А. Д. Колесникова мы находим глухое упоминание об интересующих нас событиях [129]. Современные исследователи увязывают деятельность оренбургского и сибирского губернаторов (И. И. Неплюева и А. М. Сухарева соответственно) с началом строительства Иртышской укрепленной линии, подчеркивая при этом, что оба ведомства координировали свои усилия [130]. В действительности же интересы обеих губернских администраций далеко не всегда совпадали, и это накладывало дополнительный отпечаток на предпринимаемые в те годы шаги в сфере армейского строительства на территории Западной Сибири.

Вопрос о необходимости переброски дополнительных контингентов гарнизонных войск на пограничные территории Прииртышья был поставлен еще в 1743 г. Сибирский губернатор А. Сухарев и его оренбургский коллега И. Неплюев в своем донесении от 17 марта предлагали вернуть в пределы

---

[127] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 3. С. 15, 16.

[128] *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство… С. 116.

[129] «Особенно энергичные меры по усилению обороны проводятся в южном Зауралье. Туда выводится из Тобольска Сибирский драгунский полк» (*Колесников А. Д.* Русское население… С. 69).

[130] См.: *Огурцов А. Ю.* Иртышская пограничная линия. С. 26–28. Данному сюжету посвящен целый раздел в монографии С. Р. Муратовой: *Муратова С. Р.* На страже рубежей… С. 45–62.

Сибирской губернии ранее находившиеся в крепостях Уйской линии, относившихся к ведению Оренбургской комиссии, несколько рот Тобольского и Енисейского пехотных полков. Заменить их предполагали батальоном Уфимского пехотного полка, поскольку другой батальон этого же полка уже располагался в Верхояицких крепостях. Соответствующие указы из Сената и Военной коллегии, разрешавшие эту передислокацию, были отправлены обоим губернаторам в конце августа того же года [131]. Данная мера была совсем не лишней, поскольку силы четырех гарнизонных полков, прикрывавших южные границы русских владений в Западной Сибири, были распылены небольшими отрядами по многочисленным крепостям и форпостам.

Летом 1744 г. их расположение, по данным Сибирской губернской канцелярии, выглядело следующим образом. В Тобольске, где находились штабы обоих пехотных полков, налицо было 900 солдат и офицеров, в крепостях по Иртышу находились еще 633 чел., а в Оренбургскую губернию были откомандированы 595 чел. Сибирский драгунский полк был расположен в пограничных форпостах по р. Тоболу (930 рядовых драгун и офицеров), штаб его стоял в Цареве Городище (там оставались 230 чел.). Новоучрежденный драгунский полк был точно так же расставлен по форпостам на р. Ишим (всего там пребывал 491 чел.), немалое число драгун с офицерами были откомандированы в Иртышские крепости и в г. Кузнецк (377 чел.), так что при штабе полка в Коркиной слободе оставались только 268 чел. [132] Очевидно, что в случае серьезного нападения из степей на русские границы трудно было рассчитывать на быстрый сбор надлежащих сил и эффективное отражение атак противника.

Исполнение принятых в 1743 г. решений задержалось, поскольку оренбургский губернатор Неплюев попросил Сухарева прислать к нему из Сибирской губернии «в запас» контингент ясачных татар и казаков: «Для должного

[131] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 1. Л. 35, 36.

[132] Данные по: Там же. Ч. 3. Л. 40–42. В работе Н. Г. Аполловой упомянуто, что общая численность регулярных и нерегулярных войск в Иртышских крепостях составляла 1 440 чел. Понятно, что солдат и драгун там было вряд ли более половины от этого числа. См.: *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение… С. 141.

киргис-кайсаком (казахам. – *А. Д.*) за их злодейство отмщения и для осторожности от них на границах, когда нужда востребует, умножить военных людей здешными ясашными татарами, также и казаками». Однако Сухарев наотрез отказал ему в этой просьбе [133]. Более того, поскольку весной 1744 г. уже отчетливо ощущалась угроза войны между Джунгарским ханством и казахскими владетелями, сибирский губернатор опасался, как бы этот конфликт не затронул российскую территорию, поэтому считал необходимым сохранить все имеющиеся в его распоряжении силы [134].

Согласившись с мнением Сухарева, Сенат в августе 1744 г. предписал «в случае нужды Сибирской губернии вспоможение чинить имеющимися в команде тайного советника Неплюева и другими состоящими войсками», отвергнув просьбу последнего о высылке к нему подкреплений: «Ясашных татар и казаков к Неплюеву ныне не посылать, а быть им во всякой готовности в Сибирской губернии к предостережению от зенгорского войска» [135]. С этими событиями совпало получение известий о намерении правителя Джунгарского ханства Галдан-Цэрэна «иттить войною на Усть-Каменогорскую, Семиполатную и Ямышевскую крепости и на Колывано-Воскресенской завод» [136]. В связи с этим на Иртыш стали перебрасывать и расположенные в Западной Сибири гарнизонные части.

Согласно плану, утвержденному в Петербурге, оба драгунских полка (Сибирский и Новоучрежденный) должны были следовать в Ямышевскую крепость; кроме того, в другие крепости перебрасывались три роты из состава Тобольского и Енисейского пехотных полков, располагавшиеся ранее в Ишимских форпостах, и еще пять рот (включая большую часть Новоучрежденного пехотного батальона) – из гарнизона Тобольска. Весь этот контин-

---

[133] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 1. Л. 58–59 об.

[134] О джунгарско-казахских конфликтах 1740-х гг. и позиции России в данном вопросе см.: *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи.) Алма-Ата, 1971. С. 163–178.

[135] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 1. Л. 61 об.

[136] Там же. Ч. 5. Л. 5. Об этом также упоминает Н. Г. Аполлова (*Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение… С. 125).

гент был отдан в распоряжение командира Сибирского полка полковника Я. Павлуцкого. Заменить выведенные на Иртыш войска призван был Уфимский гарнизонный драгунский полк под началом премьер-майора Н. Пекарского, который предполагалось разместить по форпостам на Тоболе и Ишиме [137]. Вскоре, правда, губернатор Сухарев принял решение и этот полк сразу же перебросить на Иртышскую линию. Но выполнить это последнее решение не удалось.

Полковник И. Останков, командовавший дислоцированными на Уйской линии подразделениями Оренбургского и Уфимского драгунских полков, распорядился отправить в Сибирскую губернию с майором Пекарским только 857 чел., оставив в своем распоряжении еще 452 чел. Объясняя свое решение, он писал оренбургскому губернатору Неплюеву: «Оная осторожность толь наипаче в команде ево потребна, что ныне поблизости от Уйской линии немалое число киргис-кайсаков кочюют, а из Уфимской правинции назначенных к нему рот за далным растоянием вскорости получить он не надеется» [138]. Неплюев поддержал своего подчиненного, указывая, что сначала необходимо перебросить на Иртыш драгунские полки Сибирской губернии, а уже после этого ставить вопрос о пополнении гарнизонов Тобольских и Ишимских форпостов. Хотя он не отказывался отправлять в Сибирскую губернию Уфимский полк, поскольку на Уйской линии его мог сменить Казанский драгунский полк, но считал это в данный момент несвоевременным [139].

Кроме того, Неплюев считал, что силами одних только гарнизонных полков невозможно обеспечить защиту южных рубежей Оренбургской губернии, поэтому интересовался мнением Сената, «не соблаговолено ль будет из армейских полков при Закамской линии стоящих человек с тысечю туда хотя зимою отправить?» [140]. Он просил на Уйской линии «регулярных людей прибавить и столко иметь, чтоб оными ту линию при нынешних конъюкту-

[137] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 4. Л. 69 об.
[138] Там же. Ч. 5. Л. 6.
[139] Там же. Л. 8.
[140] Имеются в виду два полевых драгунских полка (Луцкий и Вологодский), дислоцированные на границе Казанской и Оренбургской губерний.

рах не толко в безопасности содержать, но и сибирские фарпосты в случае нужды без сикурсования не оставить» [141]. Переводить же в Сибирскую губернию Уфимский полк Неплюев соглашался только тогда, когда станет точно известно, что на Иртыш уже выведены оба упомянутых выше драгунских полка.

Сибирский губернатор Сухарев отреагировал немедленно. В своем рапорте Военной коллегии от 6 октября 1744 г. он упомянул о том, что командирам обоих полков уже отправлены указы, предписывающие им привести свои части в полную готовность к походу, дабы иметь возможность выступить в любую минуту [142]. При этом Сухарев оговаривал, что переброска обоих полков произойдет только тогда, когда в ней возникнет неотложная необходимость. Однако в последние месяцы 1744 г. оба полка так и не были выведены на Иртыш, это произошло позднее.

Сибирская администрация убедилась, что опасность немедленного начала войны с джунгарами преувеличена. В октябре 1744 г., полковник Т. Зорин, находившийся в Ямышевской крепости, прислал губернатору рапорт, из которого явствовало, что «от зенгорских калмык к нападению для разорения на Верхне-Иртышские крепости и на Колывано-Воскресенские заводы и на прочие российские жилища опасностей… не признавается» [143]. Прибывший из Джунгарии томский купец В. Мельников доложил полковнику, что «находитца в их краях болезнь оспа, и ни в которую де сторону походу быть не чаятелно. А города де у них за тою оспою все заперты, а хотя де и свободные люди есть, токмо малое число» [144]. Столь же спокойными оказались и следующие полгода: весной и летом 1745 г. в Сибирской губернской канцелярии получали стандартные рапорты о том, что «в тамошних во всех

---

[141] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 5. Л. 8 об., 9 об. Сикурсование – оказание помощи. «Сикурс – термин тактический, слово французское, значит помощь. Поспешать на сикурс есть поспешать подать помощь какой-либо части войска, атакованной неприятелем» (*Тучков С. А.* Военный словарь… С. 311).

[142] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 7. Л. 3.

[143] Там же. Л. 4.

[144] Там же. Ч. 8. Л. 52 об.

Верх-Иртышских крепостях от зенгорской стороны опасности нет и состоит все благополучно» [145].

Тем не менее, весной 1745 г. передислокация упоминаемых выше гарнизонных частей наконец-то была осуществлена. Однако связано это было не с обстановкой, складывавшейся близ российских границ, а с прибытием в Сибирскую губернию назначенного командующим всеми регулярными и нерегулярными войсками генерал-майора Х. Киндермана во главе пяти полевых армейских полков: Вологодского, Луцкого и Олонецкого драгунских, Нотебургского и Ширванского пехотных. Их подразделения и стали занимать те уезды и форпосты, откуда выводились на границу гарнизонные полки.

Приказом Киндермана от 15 марта 1745 г. Сибирскому и Новоучрежденному драгунским полкам велено было «движение иметь в Ямышеву и в Семиполатную крепость в команду полковника Павлуцкого, и ис которых по тамошним обращениям употреблены быть имеют от Усть-Каменогорской до Колывано-Воскресенских заводов, також и в Бикатуйской крепости и к фарпостам по Бии реки и около тамошних пограничных российских мест» [146]. По состоянию на октябрь 1745 г. в гарнизонных частях, расположенных в Западной Сибири, числилось 4 977 чел., в том числе в Тобольском полку – 1 330, Енисейском – 869, в Новоучрежденном батальоне – 425, в Сибирском драгунском полку – 1 169, Новоучрежденном драгунском – 1 184 чел. [147] Таким образом, начатая в 1743 г. передислокация сибирских гарнизонных частей завершилась уже в 1745 г. (см. карту 2).

С. Р. Муратова так описывает ее результаты: «Старый Сибирский драгунский полк, находящийся между Тоболом и Ишимом, назначили на дистанцию между Ишимом и Иртышом, на его место продвинули Оренбургский драгунский полк с прибавкою Сибирского пехотного батальона, который находился при Исетской провинции. На новые “зенгорские линии”, то

---

[145] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 283. Ч. 2. Л. 52, 181.

[146] Там же. Л. 139 об.

[147] *Потанин Г. Н.* Материалы для истории Сибири // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1866. Кн. 4; 1867. Кн. 1, 2. С. 35.

есть на границу с Джунгарией, отправили оба Сибирских драгунских полка… а Новую Уйскую линию прикрыли Уфимским драгунским полком и несколькими ротами Казанского драгунского полка» [148]. В этом описании почти все верно, за исключением двух моментов. Новоучрежденный пехотный батальон, еще в 1743 г. вернувшийся в Тобольск, был отправлен в Иртышские крепости, затем к 1748 г. – в Кузнецк, а в Ишимские форпосты были передвинуты те роты Тобольского и Енисейского пехотных полков, которые находились ранее в Оренбургской губернии. Кроме того, туда же были выдвинуты роты Оренбургского и Уфимского драгунских полков, а на Уйской линии также были оставлены подразделения из состава обоих этих полков.

Изложенные события демонстрируют тенденции, характерные для государственной политики в отношении вооруженных сил, дислоцированных на «восточной окраине» империи. Во-первых, интересы местной администрации Оренбургской и Сибирской губерний зачастую расходились между собой, поскольку каждый из губернаторов заботился прежде всего о защите вверенных его попечению участков границы, далеко не всегда принимая во внимание обстановку у своего соседа. Во-вторых, в 1744 г. данная ситуация повлекла за собой вмешательство центральной власти, вынужденной принять решение об отправке в Сибирь пяти армейских полков, дабы подтолкнуть шедшую слишком медленно передислокацию местных гарнизонных частей ближе к угрожаемым рубежам. Хотя к началу 1745 г. сибирскому губернатору стало очевидно, что военного конфликта с джунгарами можно не опасаться, механизм переброски войск был уже запущен, и остановить его не было возможности. Итогом этих событий стало не только укрепление обороны южных границ Западной Сибири, но и начало строительства Иртышской укрепленной линии, развернутое генерал-майором Киндерманом уже с 1746–1747 гг., в том числе силами оказавшихся там солдат и драгун «Сибирского гарнизона».

---

[148] *Муратова С. Р.* На страже рубежей… С. 131.

В конце 1740-х – начале 1750-х гг. происходила переброска некоторых подразделений из состава армейских полков Сибири на крайний северо-восток региона. С начала 1730-х гг. там оперировала так называемая Анадырская партия, созданная для подчинения чукчей и коряков. До конца 1740-х гг. она состояла в основном из казаков, но затем в ее состав стали переводить офицеров и солдат из сибирских полков. Как отмечал А. С. Зуев, «в 1748–1750 гг. прошла оживленная дискуссия по вопросу, откуда и сколько послать людей на усиление Анадырской партии… Местные власти не только пытались затянуть дело с выполнением правительственных предписаний, но даже шли на их прямое нарушение» [149]. В 1749 г. был сформирован сводный отряд численностью не менее 150 чел. из солдат Тобольского и Енисейского полков, а также Новоучрежденного батальона, который под началом капитана Якутского полка В. Шатилова к концу 1750 г. прибыл из Иркутска в Анадырский острог. А в конце 1752 г. состоялось назначение командиром Анадырской партии капитана Ширванского полка И. Шмалева, которому придали еще почти 250 чел. из состава этого полка, а также из Новоучрежденного драгунского.

Правда, выступить к месту назначения Шмалев смог лишь в 1753 г., а прибыл в Анадырск и вовсе только в начале 1756 г. [150]. Одновременно с этим, в 1755 г. находившиеся в Анадырской партии, на Камчатке, в Якутском и Охотском ведомствах офицеры и солдаты, «коих по последним табелям показано» 610 чел., были исключены из списков своих частей, их предписывалось «числить особою Камчадальского и других отдаленных сибирских мест командою», которая впредь должна была комплектоваться рекрутами [151]. В результате этих нововведений был создан особый воинский контингент, об-

---

[149] *Зуев А. С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск, 2009. С. 136.

[150] *Зуев А. С.* Численность военнослужилых людей… С. 94–97; Он же. Присоединение Чукотки… С. 157–159; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 178; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 157.

[151] *Зуев А. С.* Численность военнослужилых людей… С. 97; Он же. Присоединение Чукотки… С. 158, 159; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 178; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 157.

щее начальство над которым вручалось командиру Анадырской партии. В 1759 г. в составе этого контингента насчитывалось 513 чел.

К середине 1750-х гг. под началом бригадира Джозефа Крофта, сменившего в должности умершего в 1752 г. генерал-майора Киндермана, находились Сибирский, Новоучрежденный, Луцкий, Вологодский, Олонецкий драгунские полки, Тобольский, Енисейский пехотные полки и Новоучрежденный батальон, дислоцировавшиеся в Тобольске, Тобольском подгородном и Краснослободском дистриктах, Тюмени, Туринском уезде и на пограничных линиях. Ранее переведенные сюда вместе с другими частями Ширванский и Нотебургский полевые пехотные полки еще в 1754 г. вернулись в Казанскую губернию [152]. По «расписанию» от 27 мая 1754 г. на Кузнецкой и Колыванской линиях, в том числе на охране алтайских заводов и рудников [153], находились Новоучрежденный драгунский полк, команды Новоучрежденного батальона, Тобольского и Енисейского полков (всего 1 704 военнослужащих нижних чинов), на Иртышской – Луцкий и Сибирский драгунские полки (1 388), на Новой Сибирской – Вологодский и Олонецкий драгунские полки (1 428), на старых Тарской, Ишимской и Тобольской линиях – команды Луцкого и Вологодского полков. Можно констатировать, что с середины 1740-х гг. части регулярной армии уже превосходили по численности контингенты линейных и городовых казаков Сибири (более 10 тыс. чел. против 8–9 тыс. чел. соответственно), превратившись в основную вооруженную опору имперской государственной власти за Уралом. Их доля в составе всей регулярной армии России повысилась до 4 %, а в соотношении с общей численностью населения Сибири возросла до 1,5 % (один кадровый военнослужащий на 70 чел. обоего пола) [154].

---

[152] *Андрейчук С. В.* Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 39.

[153] См. об этом: *Пережогин А. А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. С. 89.

[154] Подсчитано по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 64–67; История Сибири… Т. 2. С. 183.

Начавшая свою работу в 1754 г. очередная Воинская комиссия, помимо разработки новых пехотных и кавалерийских уставов, озаботилась также изменением кадрового состава русской армии по отдельным родам войск. В частности, как указывал Л. Г. Бескровный, относительно кавалерии в 1755 г. были приняты следующие решения: «Уменьшить количество драгунских полков, расформировать два полка в Сибири» [155]. Вне штатного расписания, отметил С. Ю. Исупов, оказались как раз Луцкий и Олонецкий драгунские полки, которые, однако, не были расформированы, но сохранились в прежнем составе [156].

Согласно предложению комиссии, вместо 29 драгунских полков следовало первоначально сохранить 20, а оставшиеся девять переформировать: три – в кирасирские полки, шесть – в гренадерские [157]. Затем было принято решение о сохранении не 20, а только 18 драгунских полков, причем именно за счет расформирования двух упомянутых выше. Их личный состав надлежало «распределить в новопрожектируемые губернские (т. е. гарнизонные, состоящие в подчинении губернаторов. – *А. Д.*) полки». Однако при рассмотрении этого вопроса на заседаниях Конференции при высочайшем дворе 4 и 6 апреля 1756 г. было получено соизволение императрицы Елизаветы Петровны «оные два полка, ныне сверх нового положения излишними остающияся, до усмотрения и определения… содержать в нынешнем состоянии и с нынешним жалованьем на воинской сумме» [158]. На основании этого решения 10 апреля того же года в Военной коллегии было вынесено определение: сохранять оба полка в прежнем штате, но прекратить их дальнейшее пополнение, чтобы содержать полностью укомплектованным один лишь Вологодский полк.

---

[155] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 64.

[156] *Исупов С. Ю.* Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999. С. 47; Он же. Динамика изменения численности регулярных воинских контингентов Западной Сибири к началу второй половины XVIII в. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского: Тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сентября 2006 г.). Бийск, 2006. С. 167.

[157] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 582. Л. 9, 9 об.

[158] Там же. Л. 10.

В начале января 1757 г. генерал-аншеф В. В. Фермор запросил генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина о дальнейшей судьбе этих полков, поскольку они, в составе команды недавно назначенного вместо умершего Крофта генерал-лейтенанта И. Риддера, были причислены к дивизии Фермора согласно расположению всех воинских частей русской армии на зиму 1756/1757 гг. Фермор опасался, чтобы с прекращением комплектования обоих полков, они «не могли приттить людьми и лошадьми впредь в несостояние, и что за тем… Сибирскую линию, как весьма обширную, содержать будет некем», а также интересовался, «мундиром и аммуницией в тех двух полках, коим сроки выйдут, снабдевать ли, и по недостатку в тамошних местах войск против прежнего штату людьми и лошадьми комплектовать ли, и откуда рекрут требовать ли?» [159].

Соглашаясь с доводами Фермора, Военная коллегия тогда же, к концу января 1757 г., представила Сенату свое «мнение». Выражая опасение, что из-за прекращения комплектования оба полка могут со временем «прийти в великий некомплект», а люди начнут терпеть крайний недостаток в снабжении мундирными вещами и прочей амуницией, члены коллегии просили восстановить снабжение полков всем необходимым. Судя по всему, это действительно было сделано в том же 1757 г., даже несмотря на то, что генерал-лейтенант Риддер не успел попасть в Сибирь, получив другое назначение [160]. Временно командование над дислоцированными к востоку от Урала воинскими частями принял бригадир К. Л. фон Фрауендорф. Уже весной 1758 г. под его начало был переведен также Троицкий полевой драгунский полк, ранее расквартированный в Уфе. А в апреле того же года именным указом императрицы Елизаветы в Сибирь был отправлен генерал-майор И. И. Веймарн, бывший генерал-квартирмейстер полевой армии в Восточной Пруссии [161].

---

[159] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 582. Л. 8 об., 9.

[160] *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…» (генерал-поручик Иван Иванович фон Шпрингер – командир сибирских войск) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2010. Вып. 1. С. 91.

[161] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 582. Л. 19, 19 об.

По мнению А. Ю. Огурцова, Веймарн пострадал вместе с главнокомандующим, фельдмаршалом С. Ф. Апраксиным, за немотивированное отступление после одержанной над пруссаками победы при Гросс-Егерсдорфе, угодив «в почетную ссылку» [162]. Впрочем, мотивировалось его назначение «по произшедшему с Китайским двором по зенгорским делам несогласию и опасению к нападению китайцов на Сибирския границы», из-за чего было решено вручить командование над всеми воинскими контингентами в Сибири «нарочно посылаемому туда кому либо способному и исправному из генералитета» [163]. Обсуждавшаяся в Сенате в сентябре 1758 г. идея назначить главнокомандующим сибирскими частями иркутского вице-губернатора, генерал-майора И. П. Вульфа [164], поддержки не получила, так что к концу года Веймарн официально вступил в должность.

Обострение отношений с цинским Китаем подталкивало местную администрацию к поиску новых ресурсов, которые можно было бы задействовать для повышения обороноспособности вверенной им территории. Уже в марте 1759 г. сибирский губернатор Ф. И. Соймонов предложил Военной коллегии сформировать четыре ландмилицких полка и разместить их в Забайкалье. Но лишь осенью 1760 г. состоялось решение Сената о формировании Якутского конного ландмилицкого полка, причем для этого 400 чел. должны были выделить из своего состава драгунские полки, дислоцированные в крепостях Иртышской линии: полевые – Луцкий и Олонецкий, и гарнизонные – Сибирский и Новоучрежденный. На протяжении 1761 г. шло комплектование этого полка до требуемой штатной численности в 1 тыс. чел., а летом 1762 г. он был расположен в Селенгинске [165].

Чтобы не допустить ослабления войск, дислоцированных в Западной Сибири, Веймарн и Соймонов просили о переводе на Новую линию из Орен-

---

[162] *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…». С. 71, 72.

[163] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 888. Л. 2, 2 об. Тогда же было утверждено решение о переводе Троицкого полка.

[164] Там же. Д. 873. Л. 4, 4 об.

[165] *Васильев А. П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916. Т. 2. С. 152–156; *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население… С. 160, 161.

бургской губернии Азовского полевого драгунского полка, а также распорядились привести в готовность казачьи команды, находившиеся в Ишиме, Ялуторовске, Таре, Кузнецке и Томске. После получения в апреле 1761 г. известий о вступлении китайской армии в Восточный Казахстан и приближении ее к Горному Алтаю, решено было срочно командировать в Усть-Каменогорскую крепость бригадира Фрауендорфа [166]. Однако вскоре выяснилось, что опасность китайского нападения сильно преувеличена, так что Азовский полк был оставлен на прежнем месте [167]. Таким образом, к 1762 г. в Сибири насчитывалось уже девять полков регулярной армии и еще один конный ландмилицкий (т. е. нерегулярный) полк. Командование над ними в этом году временно снова принял Фрауендорф, произведенный в генерал-майоры, поскольку Веймарн, повышенный в 1762 г. до генерал-поручика, был возвращен из Сибири в столицу вскоре после вступления на престол императрицы Екатерины II [168].

Почему же именно в это время резко обострились отношения России с цинским Китаем? Цинские войска, разгромив в 1755–1758 гг. Джунгарию, вышли к российским границам на Алтае. Горный Алтай превратился в объект территориального спора между Россией и Китаем. В это же время участились набеги монголов (хара-цириков) на русские пограничные караулы и деревни в Забайкалье, а российская сторона предприняла попытки организовать судоходство по Амуру (деятельность «Секретной Нерчинской экспедиции») и рассматривала планы аннексии Северной Монголии – Халхи, подчинявшейся Цинам. В 1756 г. «зенгорцы» (жители бывшей Джунгарии) в массовом порядке были приняты в российское подданство. В 1757 г. российское правительство отказалась выдать Китаю Амурсану, одного из организаторов борьбы джунгар против маньчжуров, а также своих новых подданных – джунгар

[166] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 861. Л. 1, 6–7 об., 35–40 об.

[167] *Андрейчук С. В.* Становление Сибирского корпуса… С. 40.

[168] *Путинцев Н. Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. С. 37; *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…». С. 74.

и алтайцев. Цинское правительство, в свою очередь, отказало России в просьбе разрешить плавание русских судов по Амуру [169].

В Забайкалье, подвергавшемся наибольшей угрозе, к этому времени по-прежнему стояли Якутский полк и два капральства Екатеринбургской горной стражи, а рота Сибирского драгунского полка была выведена в Западную Сибирь. Горная стража несла службу на Нерчинских заводах и рудниках, полк был разбросан отдельными командами по Селенгинскому и Нерчинскому уездам, в том числе, по данным «смотрового списка» полка за 1755 г.: три роты – в Селенгинске и Петропавловской крепости, две роты – в Троицко-Савской крепости и на Кяхтинском форпосту, по полуроте – в Нерчинске и на Цурухайтуевском форпосте и около двух рот – по пограничным караулам. При этом более трети солдат и офицеров Якутского полка (433 из 1 158 чел.) в 1755 г. находились в дальних командировках, из них: в Иркутске – 62, на северо-востоке Сибири – 297, в том числе в Анадырской партии – 96, в Охотске и Ямском остроге – 46, на Камчатке – 120 [170]. В 1755 г. командир полка и начальник Селенгинской пограничной канцелярии В. В. Якоби добился от правительства реорганизации своего полка: полковые чины, находившиеся в северо-восточных районах Сибири, были исключены из состава полка, который вместо них был доукомплектован рекрутами и доведен до трехбатальонного состава [171].

Угроза войны с Китаем заставила российские власти обратить внимание на «умножение войск на сибирской границе» и фортификационное укрепление самой границы. Еще в начале 1750-х гг. сибирский губернатор В. А. Мятлев предложил перевести в Забайкалье на постоянное жительство до 1,5 тыс. сибирских казаков с семьями. Сенат согласился было с этим и да-

---

[169] *Гуревич Б. П.* Международные отношения… С. 102–160; *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство… С. 149–168; *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 162–167; *Беспрозванных Е. Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середины XIX в. Хабаровск, 1986. С. 103–108.

[170] *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья… С. 20; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 178–180.

[171] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 4068. Л. 38 об., 43; *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 3. С. 18.

же издал соответствующий указ (от 18 августа 1754 г.). Однако вскоре данное решение было отменено. В 1756–1757 гг. В. В. Якоби неоднократно подавал в вышестоящие инстанции проекты усиления обороны Забайкалья. Он предлагал построить крепости по Амуру, сформировать дополнительно к имевшимся в Забайкалье регулярным частям четыре пехотных полка и перевести с западносибирских линий 5 тыс. «выписных» казаков. На случай войны с Китаем Якоби считал необходимым иметь в Забайкалье 30 тыс. регулярного и пять тыс. чел. нерегулярного войска «с надлежащею артиллерией». Военная коллегия, затем Коллегия иностранных дел в 1757 г. поддержали проект Якоби.

Сенат, заслушав мнения военного и внешнеполитического ведомств и согласившись в целом с увеличением войск на забайкальской границе, остановился на проекте сибирского губернатора Ф. И. Соймонова, как более реальном и осуществимом. Ф. И. Соймонов в своем донесении в Сенат от 9 марта 1759 г. предлагал сформировать четыре конных ландмилицких полка из «выписных» казаков, набранных из государственных крестьян Томского и Кузнецкого уездов, и один тысячный регулярный полк на базе четырех рот, взятых из полков, находившихся в Западной Сибири («армейских драгунских Луцкого и Олонецкого, да гарнизонных Сибирского и Новоучрежденного полков»), добавив к ним 400 иркутских и енисейских казаков, а если не хватит – то посадских и цеховых Енисейска и Иркутска. Полки должны были дислоцироваться вдоль забайкальской границы [172].

А. П. Васильев датировал 1757 г. формирование в Забайкалье нового гарнизонного полка в дополнение к уже дислоцированному там Якутскому пехотному полку, написав буквально следующее: «На укомплектование его были выделены люди из числа 1 439 солдат, расположенных в Западной Сибири: на Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линиях. Кадром послужил

[172] *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья… С. 26, 27; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 180, 181.

один батальон, командированный из Тобольска» [173]. Г. Ф. Быконя, опираясь на приведенную цитату, в обеих своих монографиях утверждал, характеризуя события того же года, что «из местных казаков и присланных с соликамских заводов крестьян сформировали новый драгунский полк… Ядром же его стал прибывший из Тобольска батальон» [174]. Однако совершенно точно известно, что вплоть до начала 1760-х гг. никаких других полков, помимо Якутского гарнизонного, в Забайкалье не было.

Как удалось установить, в 1758 г. к Якутскому полку в Забайкалье присоединилась лишь одна рота, составленная из солдат двух гарнизонных полков и пехотного батальона, ранее несших службу в Тобольске. Чины же самого Якутского полка, согласно ведомости, поданной бригадиром В. В. Якоби по запросу Военной коллегии летом того же года, были распределены следующим образом [175]. Ряд офицеров находились в длительных командировках как в Сибири и на Дальнем Востоке, так и в европейской части страны. Так, прапорщик Г. Клепиков с двумя солдатами пребывал в Охотском порту «при секретном карауле»; в Нижне-Ковымском зимовье караулил арестанта капитан А. Паршуков с пятью солдатами; из Тобольска в Забайкалье следовали семь обер-офицеров и 20 солдат, переведенных распоряжением губернатора Соймонова в состав недавно сформированного третьего батальона полка; в Нерчинске находился прапорщик 7-й роты полка М. Сонцов, а при нем 23 солдата; в Цурухайтуевском форпосте нес караул при границе поручик Ф. Курбатов с 28 солдатами, а капитан П. Бегунов с командой из 23 солдат там же состоял «у непропуску за границу серебра и денег»; прапорщик В. Митяшев, имея под началом 67 рядовых, числился «при полковом хлебопашестве»; поручик В. Слободской с 60 солдатами – в Иркутске «для караула и рассылок». Сразу несколько отдельных команд дислоцировались в Кяхтинском форпосте. Капитан И. Венгерской имел в своем распоряжении

---

[173] *Васильев А. П.* Забайкальские казаки… Т. 2. С. 140.

[174] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 180; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 159.

[175] Данные приведены по: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 553. Ч. 2. Л. 36–42.

103 солдата для охраны самого форпоста; поручик И. Тренс с 77 солдатами состоял там для «разъезду и смотрения между границами воровства»; поручик С. Мякинин и при нем 48 солдат несли службу на пограничной таможне.

Фактически половина личного состава Якутского полка была разбросана отдельными подразделениями по пограничным караулам и главным городам Иркутской провинции, так что прибытие сюда тобольской роты вряд ли могло изменить положение вещей. Относительно ее дальнейшей судьбы можно предположить, что к середине 1760-х гг. она вошла в состав отдельной Нерчинской команды, сформированной специально для охраны тамошних заводов. Организация же новых армейских частей в Забайкалье началась только с 1760 г., когда приступили к набору людей в Якутский конный ландмилицкий полк, позднее переформированный в карабинерный.

Итоги правительственной политики по отношению к дислоцированным в Сибири воинским частям за время царствования Елизаветы Петровны, таким образом, можно оценивать как достаточно противоречивые. С одной стороны, наращивание численности полевых войск за Уралом в 1744–1745 гг. (правда, два пехотных полка уже вскоре были выведены из Сибири) привело к складыванию достаточно многочисленного армейского контингента на границах российских владений в Западной и Южной Сибири, в том числе для прикрытия развернутого там строительства новых укрепленных линий. С другой стороны, вплоть до начала 1760-х гг. оставалась нерешенной проблема обеспечения безопасности Забайкалья от потенциальной угрозы со стороны цинского Китая. Усилия по наращиванию численности войск в Забайкалье почти не давали результата. Более того, в целом ряде случаев возникали серьезные противоречия как между центральной властью и местной администрацией, так и между управителями Сибирской и Оренбургской губерний и военными командирами. Все это свидетельствовало о необходимости формирования новой управленческой структуры для войск, дислоцированных в Сибири, которая позволяла бы более эффективно решать стоящие перед военным командованием и местными властями задачи.

1.3. Сибирский корпус в 1762–1796 гг.

Период с 1762 г. стал временем максимальных изменений в составе регулярной армии России вообще и дислоцированных за Уралом контингентов в частности. Продолжавшееся 34 года правление императрицы Екатерины II (1762–1796) открыло новую страницу в истории вооруженных сил Российской империи. Кратковременное пребывание на престоле императора Петра III (1761–1762) не запомнилось современникам ничем, кроме попыток перестройки армии по прусским образцам (новый состав полков, мундиры и знамена), коснувшихся лишь немногих воинских частей, и введения для полков вместо прежних названий по городам и местностям наименований по званиям и фамилиям назначаемых к каждому полку шефов [176]. Однако, как заметил В. В. Пенской, «уважение к фридриховской системе было настолько велико, что и падение Петра III ничего не изменило» [177].

Хотя уже в первые недели своего царствования Екатерина II подписала указы, формально отменявшие все распоряжения ее покойного супруга по военному ведомству, однако в дальнейшем «многое из введенного Петром было сохранено Екатериной II, отлично понимавшей, что в начале проведения реформ важна не столько суть, сколько форма их подачи, а Петр III, совсем не желавший знать психологию своих подданных, не сумел соответствующим образом преподнести свои идеи» [178]. Как выразился В. Н. Малышев, «она обнулила начинания Петра III только затем, чтобы в нужное время провести их от своего имени» [179]. Действительно, уже в ноябре 1762 г. было объявлено о создании очередной Воинской комиссии, которая

---

[176] Так было предписано переименовать, в частности, несколько драгунских полков в Сибири: Вологодский – генерал-майора фон Веймарна, Луцкий – генерал-майора кн. Путятина, Троицкий – генерал-майора Вилима Брынка. См.: Сборник военно-исторических… С. 72; *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 3. С. 98, 99.

[177] *Пенской В. В.* Армия Российской империи… С. 128.

[178] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 124.

[179] *Малышев В. Н.* Реформы Петра III в армейской одежде // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13–17 сентября 2006 г.). СПб., 2006. Ч. 3. С. 22.

«положила начало бурной деятельности по созданию новых уставов, инструкций, наставлений, штатов и табелей; деятельности, не прекращавшейся во все правление императрицы. Никогда прежде и никогда позднее русская армия не претерпевала столько изменений, как в эти годы» [180].

Имеющиеся данные не позволяют точно определить общую численность регулярных войск в Сибири в результате их передислокаций в первой половине 1760-х гг. Удалось установить, что в Забайкалье в это время находилось около 3,5 тыс. регулярных чинов, в том числе (согласно полковым спискам за июнь 1763 г.) в Якутском конном полку – 833, в Якутском пехотном – 1 736 [181]. В Западной Сибири на пограничных линиях, по данным Военной коллегии, в 1765 г. располагались 5 141 чел., в том числе на Колывано-Кузнецкой линии – 916, на Иртышской – 2 612, на Новой Сибирской – 1 613 [182], все они принадлежали к драгунским полкам. Кроме того, в крепостях Ямышевской, Семипалатной, Омской, в городах Тобольске, Селенгинске, Иркутске и Нерчинске дислоцировались артиллерийские гарнизонные команды, в которых в 1762 г. насчитывалось 286 чинов. Как отмечалось выше, теперь численность контингентов регулярной армии к востоку от Урала уже превосходила численность линейных и городовых казаков, так что именно армейские части сделались главной силой, используемой как для защиты границ, так и для поддержания порядка на территории Сибири.

Поскольку в июле 1762 г., по свидетельству И. Андреева, временно командовавший воинскими частями в Западной Сибири генерал-майор К. Л. фон Фрауендорф долго колебался, присягать ли новой императрице [183],

---

[180] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 125, 126.

[181] РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 407. Л. 1–6; *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья… С. 28.

[182] *Путинцев Н. Г.* Хронологический перечень… С. 48.

[183] «В июле получен чрез куриера манифест о вступлении 28 июня на всероссийский престол государыни императрицы Екатерины Алексеевны, по чему тогда фон Фрауендорф сделал сумнительство и не шел к присяге, но бывший тогда за дежур-майора капитан полку Троицкаго, Василий Алексеевич князь Чегодаев, учинив собрание офицеров, намерился его арестовать и отослать в Петербург, которой уже почти принужденно, пошед в церковь к молебствию, присягал» (Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871. С. 16).

то стало ясно, что сохранить свою должность ему не удастся. Преемник для него был подобран через год, им стал генерал-поручик И. И. фон Шпрингер, сделавшийся первым командующим образованного за Уралом Сибирского корпуса [184]. Уже осенью 1763 г. были приняты несколько важных решений, определивших кадровый состав и организационную структуру Сибирского корпуса. Во-первых, 19 сентября назначенному его командующим генерал-поручику фон Шпрингеру была вручена личная инструкция императрицы, в которой, среди прочего, говорилось о необходимости иметь в составе корпуса еще троих генерал-майоров. Каждый из них должен был командовать бригадой, состоявшей из нескольких полков [185]. Таким образом, в структуре корпуса произошло усложнение системы военного управления с добавлением передаточного звена между командующим и полковыми командирами. Во-вторых, в ноябре того же года Екатерина утвердила доклад Военной коллегии о формировании пяти пехотных и двух конных карабинерных полков, предназначавшихся для укрепления обороноспособности Забайкалья.

А. П. Васильев, первым описавший фактическую канву и ход этих событий, констатировал, что поводом к увеличению численности воинских контингентов послужили неоднократные указания сибирского губернатора Ф. И. Соймонова и селенгинского коменданта бригадира В. В. Якоби на опасность, угрожавшую российским границам со стороны цинского Китая, разгромившего к концу 1750-х гг. Джунгарское ханство и подчинившего себе всю Монголию [186]. Поэтому в Петербурге в ноябре 1763 г. было принято решение о формировании пяти пехотных и двух конных карабинерных полков, предназначавшихся для укрепления обороноспособности Забайкалья. При этом один карабинерный полк предполагалось создать на базе Якутского ландмилицкого полка, уже находившегося на забайкальской границе.

---

[184] О служебной биографии Шпрингера до этого назначения см.: *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…». С. 71.

[185] ПСЗ-I. Т. 16. № 11931. С. 381.

[186] *Васильев А. П.* Забайкальские казаки… Т. 2. С. 138–140, 166, 167.

Кадрами для комплектования новых шести полков должны были послужить беглые старообрядцы, возвращенные в Россию после недавнего завершения Семилетней войны (1762 г.) с территории Речи Посполитой – так называемые «польские выведенцы» [187]. Вместе с женами и детьми их предписывалось отсылать в Калугу к генерал-майору И. А. Кисленскому, назначенному ответственным за их дальнейшую отправку в Сибирь [188]. Из Калуги их должны были партиями переводить в Казань, а далее через Верхотурье в Тобольск [189]. В Тобольске надлежало распределить их по ротам, которые возглавляли армейские офицеры, выдать им обмундирование и вооружение, свести роты в полки, а затем направить в Забайкалье. Весь механизм намечавшихся к осуществлению мероприятий был детально разработан в донесении Военной коллегии Сенату в январе 1764 г. [190]

Однако на перевод «польских выведенцев» в Забайкалье требовались огромные суммы денег, которыми государственная казна не располагала. Для покупки продовольствия на пути в Сибирь из ведомства Коммерц-коллегии было ассигновано почти 35 тыс. руб. [191], но нужны были еще средства на изготовление для формируемых полков мундира и вооружения, на регулярные выплаты жалования и пр. В начале 1764 г. Екатерина II попыталась решить эту проблему путем увеличения денежной массы, приказав отчеканить на Колывано-Воскресенских заводах 250 тыс. руб., необходимых для первоначального обеспечения указанных полков. Но летом того же года генерал-прокурор А. И. Глебов, одновременно занимавший должность генерал-кригс-комиссара (начальника Главного комиссариата – органа, ведавшего делами

---

[187] О переселении старообрядцев с территории Речи Посполитой в Забайкалье см., напр.: *Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 38–47.

[188] ПСЗ-I. Т. 16. № 11979. С. 436; Т. 43. Ч. 1. С. 37. Для всех семи полков уже были приготовлены названия и чертежи знамен с гербами: пехотные Иркутский, Селенгинский, Нерчинский, Томский и Енисейский, карабинерные Якутский и Тюменский. См.: Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: Сб. док.: В 2 т. / Сост., вступ. ст., комм., оформл. К. В. Татарникова. М., 2009. Т. 2. С. 375–377.

[189] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 127 об.

[190] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1631. Л. 95–106 об.

[191] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 152.

материального снабжения армии), доносил Военной коллегии, что горное начальство предоставило в распоряжение Сибирской губернской канцелярии лишь 80 тыс. руб., оказавшихся у него в наличии. Поэтому Главному комиссариату пришлось выплачивать суммы из подушных сборов: так, по требованию генерал-фельдцейхмейстера (отвечавшего за производство артиллерии и вооружения) А. Н. Вильбоа было выдано 25 тыс. руб., необходимых для оплаты за изготовление на тульских оружейных заводах ружей, пистолетов и шпаг для двух пехотных полков, а также карабинов, пистолетов и палашей, требовавшихся Якутскому конному полку, дислоцированному в Забайкалье и реорганизуемому из ландмилицкого в карабинерный [192].

Организация вещевого довольствия также столкнулась с проблемами. Если сапог, патронных сумок и ранцев в комиссариатских магазинах (складах) имелось достаточное количество, то медных блях и пуговиц (для шапок и сумок), галунов, галстуков и штиблет, барабанов и водоносных фляг, готовых для отправки, не было. В результате пришлось принять решение о заключении через аукцион контрактов с производителями, пожелавшими бы взяться за выполнение «госзаказа» [193].

На решение всех этих вопросов ушло почти полгода (весна и лето 1764 г.), что значительно затянуло отправку в Тобольск первых партий будущих военнослужащих. В конце июля 1764 г. сибирский губернатор рапортовал Военной коллегии: «Я доныне ни малого числа мундирных и аммуничных вещей в наличии у себя не имею, и достать здесь не можно, в чем в укомплектовании в роты людей и в формировании их будет остановка» [194]. В сложившейся ситуации центральной власти пришлось поставить в качестве первоочередной задачи формирование в Тобольске лишь двух пехотных полков, которые в дальнейшем следовало направить в Забайкалье – Селенгинского и Иркутского. Для ускорения отправки в Тобольск всех необходимых вещей Военная коллегия, с одобрения императрицы, распорядилась выдать

[192] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 2. Л. 162–163.
[193] Там же. Ч. 1. Л. 149.
[194] Там же. Ч. 2. Л. 197, 197 об.

генерал-кригс-комиссару Глебову 55 тыс. руб. из Штатс-контор-коллегии и еще 45 тыс. из запасов монеты, перечеканенной на Екатеринбургских заводах, указав «те вещи по изготовлении отправлять к сибирскому губернатору без потеряния удобного к тому времяни» [195]. Это решение по предложению кн. А. А. Вяземского, к тому времени сменившего А. И. Глебова в должности генерал-прокурора и одновременно занимавшего пост генерал-квартирмейстера (начальника тыловой инфраструктуры) армии, было 2 октября 1764 г. поддержано Сенатом [196]. В дальнейшем, начиная с 1765 г., всю сумму, необходимую для содержания двух пехотных и Якутского карабинерного полка (ежегодно она составляла чуть более 100 тыс. руб.) [197], предписывалось получать от казны из средств «подушного сбора» [198].

Принять командование над определявшимися в Селенгинский пехотный полк людьми должен был полковник И. В. Якоби, сын бригадира и селенгинского коменданта В. В. Якоби, заблаговременно отправленный отцом в Тобольск [199]. В конце ноября 1764 г. он встретил там первые две партии «польских выведенцев» (всего 470 чел. обоего пола), однако годными в военную службу из них оказались менее трети – лишь 151 чел. Впрочем, распоряжением сибирского губернатора в полк оказались записаны и те люди, кого изначально рассматривали в качестве будущих крестьян-поселенцев, так что уже к середине декабря формирующийся полк насчитывал 312 рядовых [200]. Остальные партии продолжали прибывать в Сибирь на всем протяжении следующего 1765 г. В начале 1766 г. губернатор Чичерин подвел итог. Ведомость, представленная им в Военную коллегию, содержала следующие цифры: всего из Калуги в Тобольск было отправлено 10 917 чел. (5 995 мужчин и 4 922 женщин); прибыли к месту назначения 8 227 чел. (4 596 мужчин, 3 631

[195] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 320.
[196] Там же. Д. 742. Л. 6, 6 об.
[197] ПСЗ-I. Т. 43. Ч. 1. № 11990. С. 44.
[198] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 319 об.
[199] О возложенных на него обязанностях см.: ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 366 об. – 372.
[200] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 3. Л. 446.

женщин); по дороге умерли или сбежали 2 690 чел. (1 399 мужчин, 1 291 женщин). Из 4,5 тыс. душ мужского пола было определено на военную службу в два пехотных полка всего 40 % (1 803 чел.), всех остальных пришлось отправить в Забайкалье «за неспособностию быть в службе на поселение» [201].

В связи с тем, что что «польских выведенцев», набранных в полки, было недостаточно, сибирские власти обратились к другим источникам комплектования: 296 чел. были зачислены в рядовые из состава четырех полевых драгунских полков, дислоцированных в Западной Сибири. Интересно отметить, что большинство среди них составляли лица, находившиеся под арестом «за разные продерзости», таковых насчитывалось 268 чел. (из них 54 гренадера). Тех же, кто добровольно согласились перейти в формировавшиеся пехотные полки, оказалось лишь 28 чел. (из них 6 гренадер) [202]. В соответствии с высочайше утвержденными штатами, каждый из двух пехотных полков должен был насчитывать 272 гренадера и 1 360 мушкетеров [203].

Намного успешнее производилось комплектование пехотных полков офицерскими кадрами. Уже к августу 1764 г. в Тобольске была сформирована первая группа офицеров, назначенных на службу в оба полка, насчитывавшая 42 чел. В ее составе числились один подполковник, два премьер-майора, три секунд-майора, один капитан, пять поручиков, четыре подпоручика, три прапорщика, 10 вахмистров (из полевых драгунских полков), шесть ротных квартирмейстеров и семь подпрапорщиков. Правда, несколько человек так и не прибыли к новому месту службы (в том числе подполковник фон Аппель и секунд-майор Н. Тютчев), а многие находились в различных «командированиях» от Москвы и Петербурга до Забайкалья (на китайской границе) [204]. В ноябре того же года сибирский губернатор доносил Военной коллегии, что он распорядился «выключить» из состава будущих полков неявившихся офицеров, а также капитана А. Сидорова и поручика

[201] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 4. Л. 467.
[202] Там же.
[203] ПСЗ-I. Т. 43. Ч. 1. № 11990. С. 44, 45.
[204] Список всех этих офицеров с указанием их местонахождения см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 183–184.

В. Пьянкова «за болезнию и неспособностию». Остальных офицеров он успел вызвать в Тобольск и определить в формировавший первым Селенгинский пехотный полк [205]. Кроме того, ему было разрешено производить в офицерские чины тех унтер-офицеров и даже рядовых военнослужащих гарнизонных частей Сибири, которые прошли обучение в школах геодезии и геометрии.

Впрочем, понимая, что составить офицерский корпус из одних лишь сибиряков будет невозможно, Военная коллегия предписала зачислять в полки с повышением в чинах тех офицеров, которые сопровождали направлявшиеся в Тобольск партии «польских выведенцев». Так, в апреле 1765 г. сюда прибыла большая группа офицеров из 66 чел. во главе с капитаном Мартышевым, в том числе 15 поручиков, 16 подпоручиков и 34 прапорщика. Правда, с производством многих из них в следующие чины возникло затруднение, поскольку в дороге они были уличены в различных проступках и преступлениях. Однако губернатор Д. И. Чичерин посчитал, что данное обстоятельство не может являться препятствием, поскольку «то по большей части последовало от слабой команды (т. е. неспособности командира партии капитана Мартышева добиться соблюдения дисциплины от своих подчиненных. – *А. Д.*)… и что они по прибытии в Таболск так себя исправно и добропорядочно вели, как надлежит чесным афицерам» [206].

Для сопровождения «польских выведенцев» до Тобольска Военная коллегия с осени 1763 г. искала добровольцев среди офицеров гарнизонных частей, а также полевых пехотных полков Санкт-Петербургской дивизии, обещая им перевод в следующий чин при поступлении на службу в Сибири. В частности, пятеро из упомянутых выше офицеров ранее несли службу в Смоленском пехотном полку и добровольно согласились на сделанное им предложение, после чего были отправлены в Калугу к генерал-майору

[205] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 330.
[206] Там же. Л. 33. Список этих офицеров см.: Там же. Л. 2 об. – 19 об.

И. А. Кисленскому, чтобы оттуда начинать марш на восток [207]. Следует заметить, что такое предложение охотно принимали многие офицеры, оставшиеся «за штатом» после окончания Семилетней войны в 1762 г. или переведенные из полевых частей в гарнизонные – ведь возвращение на службу в полевые полки, пусть даже дислоцированные в Сибири, давало возможность увеличить свои оклады жалования и позволяло рассчитывать на более быстрое продвижение в чинах.

Принятые меры возымели свое действие, и в марте 1766 г. Д. И. Чичерин смог отрапортовать Военной коллегии, что девять из 12 рот Селенгинского полка уже сформированы и выступили из Тобольска в поход на восток, равно как и три роты Томского (ранее называвшегося Иркутским) пехотного полка, «а две на будущей неделе выступят же» [208]. Оставшиеся три роты Селенгинского и семь рот Томского полков доукомплектовывались на протяжении 1766 г., чтобы также отправиться в назначенные им места. Заметим, что Томский пехотный полк переводился уже не в Забайкалье, а на Колывано-Кузнецкую пограничную линию. Решение об этом было принято в ноябре 1764 г. [209] В начале 1767 г. полк был расквартирован на линии: семь рот – в форпостах и редутах, пять – в Усть-Каменогорской крепости при штабе командира полка полковника А. Клавера и его непосредственного начальника генерал-майора А. М. Хераскова [210]. Селенгинский полк прибыл в Забайкалье осенью 1766 г., где почти половину его личного состава (пять рот) сразу расположили на наиболее слабо защищенных участках границы с Китаем [211]. На сибирской службе Селенгинский и Томский полевые пехотные полки пробыли всего несколько лет, к 1770 г. они были выведены из Сибири для участия в начавшейся русско-турецкой войне (1768–1774 гг.).

---

[207] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 2. Л. 23, 23 об.
[208] Там же. Д. 729. Ч. 1. Л. 55.
[209] Там же. Д. 709. Ч. 1. Л. 318 об.
[210] См.: Там же. Ч. 4. Л. 494.
[211] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 183; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 163, 164.

Итак, наращивание контингентов регулярной армии в Сибири, предпринятое в середине 1760-х гг., обернулось на деле формированием лишь двух полков (вместо шести) и реорганизацией одного уже существовавшего полка. Какие факторы привели к подобному результату? Обычно исследователи, вслед за А. П. Васильевым, писали о том, что ослабление напряженности в отношениях с цинским Китаем привело Екатерину II и ее военных советников к мысли о возможности сократить размах своих военных приготовлений в Сибири и обеспечить безопасность российских границ в регионе минимальными силами. Изученные выше материалы позволяют скорректировать эти выводы.

Не отрицая того факта, что внешнеполитическая ситуация (нарастание, а затем снижение напряженности в отношениях с Китаем, война с Турцией), а также имперские амбиции безусловно влияли на принятие военно-стратегических и тактических решений, следует принимать в расчет и факторы иного порядка. В первой половине 1760-х гг. имели место те же тенденции, что и на протяжении нескольких предыдущих десятилетий, а именно: верховная власть и центральные государственные ведомства в своих планах явно переоценивали людские и материальные ресурсы, которыми они располагали, и пытались реализовать заведомо невыполнимые замыслы, исходя из этих завышенных оценок.

Уже через год после начала перевода в Сибирь «польских выведенцев» выяснилось, что большинство из них не в состоянии нести военную службу, поэтому не могут быть использованы в качестве контингента для формирования новых полков. Серьезные трудности возникли при поиске источников денежных средств, требовавшихся для полноценного обеспечения этих воинских частей всем необходимым. Организовать доставку вещевого довольствия и оружия из Европейской России удалось далеко не сразу.

Косвенно эти тенденции свидетельствуют о недостаточном понимании императрицей Екатериной II в первые годы ее царствования специфики положения Сибири в составе империи. Лишь убедившись в том, с какими труд-

ностями приходится сталкиваться при увеличении здесь численности регулярной армии, императрица и ее советники стали искать другие способы укрепления обороноспособности границ, сделав упор на реорганизацию сибирского казачества, несшего пограничную службу на юге Сибири. Уже в первой половине 1760-х гг. в Забайкалье были сформированы пять иррегулярных кавалерийских полков из тунгусов и бурят, которых причислили к казакам. Впрочем, это не привело к численному преобладанию иррегулярных войск над частями регулярной армии в регионе.

Также в 1764 г. было принято решение о переформировании трех гарнизонных пехотных полков и Новоучрежденного батальона в отдельные гарнизонные батальоны – всего последних здесь появилось семь: 1-й, 2-й и 3-й Тобольские (дислокация – Тобольск, Тюмень, Тара), Томский (Томск, Красноярск, Нижнеудинск), Иркутский (Иркутск), 1-й и 2-й Селенгинские (Селенгинск, Удинский острог, Кударинская и Акшинская крепости) [212]. Затем к ним был добавлен еще один батальон, предназначенный для охраны горных заводов и получивший название Колывано-Воскресенского [213]. Эта мера была связана с принятием в декабре 1763 г. новых штатов как для полевых, так и для гарнизонных войск [214]. Кроме того, 19 октября 1764 г. Екатериной был «конфирмован» (т. е. подписан) доклад Сената, в котором предлагалось направить в Западную Сибирь Азовский и Ревельский драгунские полки, ранее дислоцированные в Казанской губернии [215]. Тогда же, в связи с прекращением военных действий против чукчей и коряков, была упразднена Анадырская партия, а ее чины к весне 1771 г. раскассированы по гарнизонам Гижигинской и Нижнеколымской крепостей.

---

[212] ПСЗ-I. Т. 16. № 12230. С. 893; Т. 43. Ч. 1. С. 79, 80; *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 4. С. 33.

[213] ПСЗ-I. Т. 16. № 12230. С. 893; Т. 43. Ч. 1. С. 79, 80; *Пережогин А. А.* Военизированная система… С. 92.

[214] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 326; *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население… С. 164.

[215] *Андрейчук С. В.* Становление Сибирского корпуса… С. 40.

Рассмотрим сложившуюся новую структуру корпуса более подробно. В указанном выше докладе Сената места дислокации, предназначенные для каждого из 11 полков, определялись следующим образом: Азовский полк должен был следовать в Петропавловскую крепость, Ревельский – в Омск. В крепостях по Иртышу располагались Сибирский полк (Железинская крепость), Троицкий (Ямышевская) и Вологодский (Усть-Каменогорская), к последнему должен был добавиться в будущем Томский пехотный полк. На Колывано-Кузнецкую линию назначались Луцкий (в Бийскую крепость) и Олонецкий (в Кузнецк) полки. В Иркутск с упомянутой линии переводился Колыванский (бывший Новоучрежденный) полк, в Селенгинске к уже расквартированному там Якутскому карабинерному полку должен был присоединиться в дальнейшем Селенгинский пехотный полк [216]. Передвижение Азовского и Ревельского полков началось уже зимой 1764/1765 гг., после того как их личный состав был «удовольствован» денежным жалованием и всеми необходимыми для похода вещами от комиссии обер-кригс-комиссара Неплюева в Казани. Соответствующее распоряжение было отдано генерал-кригс-комиссаром и генерал-прокурором империи А. И. Глебовым 9 ноября 1764 г. [217]

Передислокацию требовалось осуществить в максимально короткие сроки. Уже в мае 1765 г. генерал-поручик Шпрингер рапортовал в Военную коллегию, что «Азовской 31 марта, а Ревельской 15 апреля, на Новую линию частию прибыв, начали по крепостям и редутам располагаться, а в последних апреля месеца числах и совершенно уже Азовской в крепости Святаго Петра, а Ревельской в Омской расположились» [218]. Это позволило командующему отдать приказ к выступлению остальным шести драгунским полкам, направлявшимся в назначенные им места дислокации. Уже к осени 1765 г. все полки прибыли в соответствующие пункты, за исключением Колыванского драгунского полка, с которым вышла заминка.

---

[216] Данные по: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 318 об.; Д. 742. Л. 3.
[217] См.: Там же. Д. 742. Л. 34, 34 об.
[218] Там же. Л. 87.

Отправившись из Кузнецка 11 июня 1765 г., полк в сентябре того же года добрался лишь до Красноярска. Объяснялось это, прежде всего, плохим состоянием конского состава. Как доносил Шпрингер в Военную коллегию, «по бытности оного в расположении по Кузнецкой и Колыванской линиям по частому употреблению по пограничности в партии в ежедневныя разъезды от воски казенного правианта и прочаго государевы лошади были в худобе, в каком состоянии и на марш выступили» [219]. В связи с этим командующий принял решение оставить полк на зиму в Красноярске.

Более того, Шпрингер предложил сохранить его там и далее, указывая, что расположение полка в Иркутске не дает возможности использовать его для укрепления обороны границы в Забайкалье. Красноярск же, по мнению командующего, имел более выгодное расположение. Шпрингера поддержал иркутский губернатор генерал-майор Фрауендорф, опасавшийся, что для полка не удастся заготовить достаточный объем провианта, поскольку немалый объем собираемого урожая ежегодно шел на «партикулярные» (т. е. частные) заводы генерал-кригс-комиссара Глебова для винокурения. Однако Военная коллегия, твердо придерживаясь первоначального решения, отклонила их соображения и настояла на дальнейшем переводе Колыванского драгунского полка в 1766 г. именно в Иркутск [220].

В итоге описанное выше распределение всех армейских полков по территории Сибири сохранилось в неизменном виде до 1769 г. [221] (см. карту 3). Вскоре после начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. из Сибири были выведены два недавно сформированных пехотных полка (Селенгинский и Томский), так что здесь остались лишь девять кавалерийских полков (карабинерный и восемь драгунских) и семь гарнизонных пехотных батальонов. Таким образом, в Сибири не было проведено в жизнь до конца решение екатерининской Воинской комиссии о том, чтобы «совсем исключить драгун из

[219] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 742. Л. 117. Маршрут, пройденный полком за эти месяцы, см.: Там же. Л. 106–108 об.

[220] См.: Там же. Д. 709. Ч. 1. Л. 118, 118 об.

[221] *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1894. Вып. 2. Приложение 2. С. 20; *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…». С. 77.

состава полевой конницы… заменить драгун в полевых войсках карабинерами… и ни под каким видом не употреблять карабинер для внутренней службы» [222].

Другим важным нововведением стало деление корпуса на бригады, состоявшие из нескольких полков и находившиеся под командованием одного из представителей армейского генералитета. Согласно предложениям Сената, одобренным Екатериной в октябре 1764 г., в подчинении у генерал-поручика Шпрингера, имевшего постоянную квартиру в Омске, должны были находиться четверо генерал-майоров, несших службу в Петропавловской, Усть-Каменогорской и Бийской крепостях, а также в Селенгинске. Последнее место предназначалось для произведенного недавно в генерал-майоры бригадира В. В. Якоби, бывшего командира Якутского пехотного полка и селенгинского коменданта, который теперь становился командиром всех воинских частей, дислоцированных в Забайкалье [223]. Трое остальных отправились на сибирскую службу из европейской части страны.

В мае 1765 г. Шпрингер доносил Военной коллегии о том, что над Азовским и Ревельским полками принял командование генерал-майор П. Девиц, находившийся в Петропавловской крепости; Троицкий, Вологодский и Сибирский полки были вверены генерал-майору А. М. Хераскову, прибывшему в Усть-Каменогорскую крепость; Луцким и Олонецким полками распоряжался состоявший в Бийской крепости генерал-майор И. А. Деколонг [224]. Таким образом, генерал Девиц (также выходец из прибалтийских немцев, начал службу в 1736 г.) отвечал за состояние дел на Новой линии, генерал Херасков (старший брат известного русского поэта М. М. Хераскова, впоследствии участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг.) контролировал Иртышскую линию, находясь в самой южной из ее крепостей, а генерал Деколонг (по происхождению француз, с 1733 г. служил в Инженерном корпусе, участник Семилетней войны 1756–1762 гг.) надзирал

[222] *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства… Вып. 2. С. 63, 64.
[223] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 318 об.; Д. 742. Л. 3 об.
[224] Там же. Д. 742. Л. 87 об.

за Колыванской и Кузнецкой линиями [225]. Тем самым внутренняя структура Сибирского корпуса была приведена в соответствие с принятой в русской армии после 1763 г. дивизионно-корпусной организацией [226].

В начале 1770-х гг. структура Сибирского корпуса претерпела новые изменения. Поводом к реорганизации его полевых частей (расформированию девяти ранее состоявших здесь кавалерийских полков, восьми драгунских и карабинерного) послужила неудачная попытка задержать их силами переселение волжских калмык в пределы цинского Китая, на территорию бывшей Джунгарии весной–летом 1771 г. В докладе Военной коллегии от 31 августа того же года, поданном на высочайшее имя, указывалось, что эти части, расставленные небольшими отрядами по многочисленным пограничным крепостям и форпостам, не в состоянии нести службу надлежащим порядком [227]. Г. Е. Катанаев так интерпретировал произошедшее: «Возмущенный таким бездействием Оренбургских и Сибирских регулярных войск и обнаружившеюся непригодностью их к быстрым передвижениям тогдашний первоприсутствующий Военной Коллегии Св. кн. Потемкин, настоял на немедленном переформировании этих войск с строгим разделением их на войска “горнизонные” и “полевые”» [228].

В результате Военная коллегия предложила расформировать эти кавалерийские полки, переведя их личный состав частью в пять гарнизонных ба-

---

[225] Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II. М., 1898. С. 17, 18, 27; *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…». С. 76.

[226] Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 1. С. 61, 62; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 327, 328.

[227] ПСЗ-I. Т. 43. Ч. 1. № 13649. С. 188. Впрочем, капитан И. Андреев приписывал это желанию командующего корпусом генерал-майора С. К. Станиславского скрыть собственные промахи и нераспорядительность: «Он за ушедшими Калмыками собирал с полков по три эскадрона войск… подряжал ставить на них провиянт и фураж, поморил было всех людей с голоду, кои ничего не сделав, стояли в степи напрасно… сделан же был на драгунские полки подряд на поставку сена к совершенному вреду вошедших в сей подряд частных людей… а напоследок зарепортовал в Коллегию, что он Калмыков преследовать не мог единственно по слабости войск драгунских полков, по чему по сей его рекомендации и учинено разформирование и сделаны гарнизоны к великому всех несчастию, и легкия полевыя команды пешия» (Домовая летопись… С. 24, 25).

[228] *Катанаев Г. Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб., 1908. С. 28.

тальонов (1-й и 2-й Омские, Петропавловский, Семипалатинский, Бийский), частью – в семь легких полевых пехотных команд (или когорт). Штат каждой команды предусматривал наличие двух мушкетерских рот (по 136 строевых рядовых в каждой), а также отдельных егерского (48 чел.), драгунского (60 чел.) и артиллерийского (32 чел.) подразделений. Командование осуществлял командир в штаб-офицерском чине, под его началом состояли 11 обер-офицеров (двое капитанов, трое поручиков, трое подпоручиков, адъютант в обер-офицерском чине, двое прапорщиков) и 24 унтер-офицера (включая семерых капралов). Всего, вместе с чинами унтер-штаба (лекари, писари и др.) и нестроевыми (мастеровые: слесари, кузнецы, плотники, коновалы), полный штат команды должен был насчитывать 556 чел. [229] Наложенная Екатериной II резолюция «быть по сему» утвердила эти предложения.

В документах встречаются упоминания о том, каким образом производился этот перевод. В своем донесении от 22 мая 1772 г. генерал-поручик И. А. Деколонг привел следующие цифры: «Во объявленные легкие полевые 6 команд (т. е. с 9-й по 14-ю включительно. – *А. Д.*) при формировании оных поступило людей из восьми драгунских полков 3 006, присланных из Санкт-Петербурга образцовых 21, из Якутского карабинерного полку 245, из вновь набранных с Сибирской губернии рекрут 64, итого 3 336» [230]. К сожалению, лишь у отдельных офицеров в их формулярных списках зафиксировано, в составе каких подразделений они несли службу ранее. Так, об адъютанте 12-й команды И. Самарине сказано: «При формировании оной команды причислен из Троицкого драгунскаго полку… в силе повеления главной команды до разрушения совсем того полку находился при оном в крепости Ямышевской». А капитан той же команды А. де Гаррига был «причислен из полку Колыванского, и находится в силе повеления главной команды в крепости

[229] Данные по: ПСЗ-I. Т. 43. Ч. 1. № 17369. С. 261–267; *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 4. С. 12. Предполагалось снабдить их личный состав обмундированием и амуницией, изготовленными по специальным образцам, перечень вещей см.: Материалы по истории русского военного мундира… Т. 2. С. 154–156.

[230] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 134 об.

Омской»[231]. Однако в большинстве случаев такие указания отсутствуют. Можно предположить, что многие офицеры ранее служили в полках Сибирского корпуса, причем как правило в низших унтер-офицерских чинах.

Созданные семь когорт расположились в Селенгинске, Красноярске, Кузнецке, Омской, Ямышевской, Усть-Каменогорской и Св. Петра крепостях[232]. И хотя, как отмечал С. В. Андрейчук, подразделения сибирских легких когорт в мае 1774 г. нанесли поражение отрядам Е. Пугачева, сыграв определенную роль в том, чтобы воспрепятствовать распространению пугачевского движения в Зауралье и Западной Сибири[233], но рассчитывать на них как на достаточно надежную силу для прикрытия южной границы Российской империи в регионе, по-видимому, оказывалось затруднительно. Этими факторами, вероятно, и объясняется принятое уже в 1775 г. решение о расформировании данных подразделений.

Кроме того, могла сыграть свою роль и установка, которой руководствовался Г. А. Потемкин, приступая к изменениям в принципах внутреннего устройства и организации русской армии после завершения первой русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: «Дробных частей соединением в целость и постановлением оных на генеральном войск основании не токмо самая служба ощутительно вспомоществуема будет тем, что избавится целой половины унтер-штабов, в одну токмо тягость служащих; число же действительно сражавшихся не уменьшась ни мало, соединится в настоящий корпус, да и казна избегнет напрасных почти на содержание их издержек»[234]. Эпизод с четы-

---

[231] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 440 об., 441, 447 об., 448. По свидетельству И. Андреева, «множество по сему формированию осталось за комплектом Офицеров весьма достойных, кои в гарнизон награждены чинами… от драгунских полков многия вещи пропали без употребления безгласно» (Домовая летопись… С. 25).

[232] *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 2. С. 287, 288; *Альбовский Е.* История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск, 1902. С. 14–17; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 184; *Андрейчук С. В.* Становление Сибирского корпуса… С. 41.

[233] *Андрейчук С. В.* Особенности укомплектования и снабжения… С. 127. «Разбитый под Троицком на голову, лишившись всех своих пушек и едва сам не попавши в плен казакам и драгунам 10-й Омской команды, Пугачев вынужден был оставить пределы Сибири навсегда» (*Катанаев Г. Е.* Краткий исторический обзор… С. 29).

[234] ПСЗ-I. Т. 43. Ч. 1. № 14236. С. 199.

рехлетним существованием в Сибири легких полевых команд иллюстрирует процесс поисков (при этом не всегда удачных) верховной властью и военным командованием таких моделей организации и управления, которые в наибольшей степени отвечали бы военно-политическим задачам на восточной окраине империи, связанным как с обороной границ, так и с поддержанием внутреннего спокойствия в регионе.

В Сибири из упраздненных когорт создали полевые егерские и мушкетерские батальоны и 10-эскадронный драгунский полк. Последний в 1777 г. был назван Сибирским [235]. В результате преобразований и передислокаций 1760-х – первой половины 1770-х гг. состав сибирских регулярных частей заметно изменился, в нем стала преобладать пехота, тогда как кавалерия оказалась представлена всего одним полком. По данным середины 1780-х гг., в Западной Сибири на пограничных линиях располагались Сибирский драгунский полк (девять эскадронов), Петропавловский, Семипалатинский, Бийский и два Омских гарнизонных пехотных батальона, Семипалатинский и Колывано-Воскресенский мушкетерские полевые батальоны, гарнизонные артиллерийские команды. Кроме того, на линиях стояли 1-й и 2-й Сибирские егерские, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й мушкетерские батальоны (сформированы в 1784–1785 гг.) [236]. Три гарнизонных батальона дислоцировались в Тобольске, Тюмени и Таре, Колывано-Воскресенский горный батальон – в Барнауле.

В Восточной Сибири в эти же годы числились: в Красноярском уезде – Томский гарнизонный батальон; в Иркутском уезде – Иркутский гарнизонный батальон и артиллерийская полурота; в Забайкалье – один эскадрон Сибирского драгунского полка, Екатеринбургский полевой батальон, два Селенгинских гарнизонных батальона, две артиллерийские полуроты [237]. В Нерчинском горном округе стоял Нерчинский горный батальон. В Охотско-

---

[235] ПСЗ-I. Т. 20. № 14562. С. 484, 485; *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 4. С. 12, 13, 22; *Альбовский Е.* История Иркутского полка… С. 18; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 312.

[236] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 4. С. 13, 14.

[237] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 186; *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья… С. 34.

Камчатском крае по крепостям и острогам были распределены отдельные гарнизонные команды. Помимо названных частей и подразделений, в сибирских городах и уездах караульно-полицейскую службу несли 25 штатных городовых рот и команд [238]. Всего общая численность регулярных войск в Сибири в середине 1780-х гг. по приблизительной оценке составляла около 13,5 тыс. чел. В составе всей регулярной армии их доля несколько сократилась (до 3,5 %), а в структуре населения Сибири на них приходилось 1,2 % (один кадровый военнослужащий на 85 чел. обоего пола) [239].

В конце 1786 г. началось формирование еще одного 10-эскадронного драгунского полка – Иркутского. В 1787 г. его эскадроны были размещены на Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линиях, один эскадрон (перечисленный из Сибирского полка) стоял в Забайкалье. К 1790 г. полк был полностью укомплектован до штатной численности в 1 882 чел. [240] В 1785 г. в Западную Сибирь вновь был направлен и в 1786 г. дислоцирован на Пресногорьковской (Ново-Ишимской) линии Ширванский мушкетерский полк [241]. Таким образом, к концу рассматриваемого периода (на 1796 г.) в структуру Сибирского корпуса входили один мушкетерский и два драгунских полевых полка, два егерских и семь мушкетерских полевых батальонов, 12 гарнизонных пехотных батальонов и два отдельных горных батальона. Общую численность их личного состава можно определить цифрой в 17–18 тыс. чел. Это составило 3,8 % от численности регулярной армии России, а в структуре си-

---

[238] Городовые роты и команды вряд ли могут быть отнесены к частям регулярной армии, так как в их составе находились уже не числившиеся на действительной военной службе отставные солдаты или инвалиды. Поэтому им не уделено специальное внимание в рамках данного исследования.

[239] Подсчитано по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 314–327; История Сибири… Т. 2. С. 183.

[240] *Альбовский Е.* История Иркутского полка… С. 35, 67, 70. Ошибочным является утверждение А. В. Висковатова о том, что «из половины Сибирского драгунского полка учрежден Иркутский драгунский полк» (*Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 4. С. 22).

[241] Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. С. 206.

бирского населения снова давало долю в 1,5 % (один кадровый военнослужащий на 70 чел. обоего пола) [242].

Уже в период правления Павла I (1796–1801) все эти батальоны снова будут сведены в заново формируемые полки 12-й (Сибирской) инспекции. В результате, достигнув к концу правления Екатерины II своей максимальной численности, Сибирский корпус имел унифицированную внутреннюю структуру и систему военного управления, подобно другим высшим соединениям русской армии конца XVIII в. Единственным отличием от дивизий, дислоцированных в Европейской России, было преобладание побатальонного деления над полковым, хотя основной тактической единицей вооруженных сил Российской империи вплоть до эпохи антинаполеоновских войн начала XIX в. считался именно полк.

* * *

Количественные и качественные изменения в составе контингентов регулярной армии в Сибири на всем протяжении изучаемого периода дают основание для следующих выводов. Во-первых, динамика нарастания численности частей русской армии за Уралом изначально была связана с необходимостью укрепления обороноспособности и защиты границ Российской империи, однако с течением времени действие этого фактора ослабевало. Если до первой половины 1760-х гг. передислокация в Сибирь все новых армейских частей являлась, как правило, реакцией центральной власти на те или иные внешние угрозы, возникавшие в восточных регионах империи, то в дальнейшем Сибирский корпус подвергался тем же организационным трансформациям, которые происходили в последней трети XVIII в. со всей русской армией в целом.

[242] Подсчитано по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 314–327; История Сибири… Т. 2. С. 183.

Во-вторых, изученные выше эпизоды демонстрируют разительное несоответствие между намерениями и целями армейского строительства в Сибири с точки зрения верховной власти и центральных правительственных учреждений, с одной стороны, и теми людскими и материальными ресурсами, которые удавалось привлечь и использовать для решения поставленных задач – с другой. Подобную тенденцию можно отметить в 1744–1745 гг. при передислокации на восток полевых полков под началом генерал-майора Х. Киндермана; в конце 1750 – начале 1760-х гг. при попытках реализации ряда проектов по наращиванию численности армейского контингента в Сибири, подававшихся в Петербург местной администрацией; в середине 1760-х гг. при формировании новых частей из «польских выведенцев».

В-третьих, только после организации Сибирского корпуса можно говорить о хотя бы относительном разграничении полномочий между военным командованием и гражданской администрацией Сибири, поскольку в течение всей второй трети XVIII в., даже с появлением в регионе представителей командующего генералитета, облеченных соответствующими полномочиями от Военной коллегии, местные администраторы (прежде всего, сибирские губернаторы) считали себя вправе напрямую вмешиваться в решение тех или иных вопросов, относившихся к сфере армейского строительства. Это, в свою очередь, порождало ведомственную неразбериху, иногда переходившую в прямые конфликты. Однако, несмотря на отмеченные сложности и противоречия, можно утверждать, что в 1770–1780-х гг. Сибирский корпус занял определенное место в структуре всей регулярной армии Российской империи.

Решение о переводе в Сибирскую губернию нескольких гарнизонных полков, принятое еще в 1724 г., было обусловлено финансовыми соображениями и логикой расквартирования армейских частей по всей территории страны. К ним добавились и внешнеполитические факторы, связанные с необходимостью заключения договора о границе с цинским Китаем. В результате Якутский гарнизонный полк стал нести пограничную охрану в За-

байкалье, тогда как остававшиеся в Западной Сибири полки почти не выдвигались к границам империи (за исключением Сибирского драгунского). На протяжении 1730-х гг. можно говорить о совпадении двух факторов: обострения обстановки на южных границах российских владений в Западной Сибири, что вынуждало местную администрацию ходатайствовать об усилении находившихся в ее распоряжении воинских контингентов, и проводившихся фельдмаршалом Б.-Х. Минихом реформ количественного и качественного состава армии. Результатом действия этих факторов стало формирование в Сибирской губернии дополнительных гарнизонных частей – драгунского полка и пехотного батальона. Впрочем, вряд ли их появление кардинально изменило ситуацию в Западной Сибири. Да и в численном отношении армейские части все еще уступали сибирским казакам и другим иррегулярным войскам (7 тыс. чел. против 8–9 тыс. чел. соответственно), пока не став главной вооруженной опорой имперской государственной власти к востоку от Урала. Их доля в структуре регулярной армии несколько превосходила долю населения региона в общем составе населения империи (3,5 % против 3 % соответственно). При этом в Сибири один кадровый военнослужащий приходился на 85 чел. обоего пола, тогда как средний показатель по всей территории империи в целом составлял один на 90 чел.

Вопрос о необходимости дальнейшего укрепления границ империи в Западной Сибири, поставленный в первой половине 1740-х гг. оренбургским губернатором И. И. Неплюевым и его сибирским коллегой А. М. Сухаревым, привел центральное правительство к мысли о строительстве укрепленных линий, которое будет продолжаться в течение почти двух десятилетий. Именно для несения пограничной службы на новых линиях предназначалась значительная часть гарнизонных войск за Уралом. Одновременно нараставшая угроза русским владениям со стороны Джунгарского ханства вызвала срочную передислокацию на восток в 1744–1745 гг. пяти полевых армейских полков под командованием генерал-майора Х. Киндермана. Плохо подготов-

ленная и проведенная в спешке, эта передислокация, тем не менее, значительно увеличила армейские контингенты в Сибири.

С этого времени части регулярной армии уже превосходили по своей численности линейных и городовых казаков, другие иррегулярные формирования (почти 11 тыс. чел. в сравнении с 8–9 тыс. казаков), став главной вооруженной опорой имперской государственной власти в регионе. Теперь за Уралом находилось уже 4 % личного состава всей регулярной армии России, а их доля в структуре населения Сибири давала 1,5 % (один кадровый военнослужащий на 70 чел. обоего пола). Средние показатели для всей территории империи составляли 1,25–1,3 % (один на 75–80 чел.). Также был введен в действие принцип единоначалия в управлении сибирскими частями, которые теперь состояли в составе команды того из представителей армейского генералитета, который назначался сюда специальным решением Военной коллегии.

С середины 1750-х гг., в связи с обострением обстановки в Забайкалье, где до сих пор находился один лишь Якутский гарнизонный полк, местные власти снова начали подавать в столицу проекты наращивания численности регулярной армии. Однако правительство императрицы Елизаветы Петровны, чье внимание было отвлечено на ведение Семилетней войны (1756–1762), неохотно реагировало на подобные предложения. В итоге дело ограничилось лишь формированием одного Якутского конного полка, к тому же получившего статус подразделения ландмилиции, а не регулярной армии. Кроме того, оказались выведены «за штат» Луцкий и Олонецкий драгунские полки, все еще остававшиеся в Западной Сибири.

Зато в первой половине 1760-х гг. наблюдались значительные перемены. Организация Сибирского корпуса после назначения командующим генерал-поручика И. фон Шпрингера означала не только унификацию системы управления сибирскими частями, но и свидетельствовала о распространении на территорию Сибири всех мероприятий, осуществлявшихся в военной сфере страны в целом. Преобразование гарнизонных полков в батальоны, фор-

мирование из полевых полков легких команд, а в дальнейшем, на их основе, мушкетерских и егерских полевых батальонов – все эти меры реализовывались в отношении армейских частей в масштабе всей империи. Это показывает, что подразделения Сибирского корпуса, начиная с 1760-х гг., фактически утратили свойственное им ранее особое положение в составе русской армии. Впрочем, некоторые отличия от дивизий, дислоцированных в европейской части страны, Сибирский корпус все же сохранил, что было связано, в первую очередь, с отсутствием необходимости активного участия в боевых действиях против внешних врагов империи.

Применительно к последней трети XVIII в. также можно говорить о нормализации обстановки на российских границах за Уралом. Исчезновение угрозы открытой войны и постепенная нормализация отношений с цинским Китаем, налаживание более-менее постоянных контактов с казахскими жузами, уже принявшими российское подданство, прекращение боевых действий на крайнем северо-востоке Сибири – все это означало в определенной степени снижение боевой ценности частей Сибирского корпуса. При этом уже с 1760-х гг. части регулярной армии превосходили своей численностью иррегулярные воинские формирования (казачьи войска и др.) – 13,5 тыс. чел. к 1780-м гг., до 18 тыс. чел. к 1796 г., что свидетельствовало о превращении армейских частей в основной ресурс имперской государственности не столько для обороны границ, сколько для поддержания и укрепления внутреннего политического и социального порядка в регионе. Не случайно некоторые из армейских частей, дислоцированных в Западной Сибири, были задействованы для борьбы с восстанием Пугачева в середине 1770-х гг. В структуре всей регулярной армии империи на Сибирский корпус в разные десятилетия его существования приходилась доля от 3,5 до 4 % личного состава. Сохранялась более высокая цифра для показателя доли военнослужащих в общей структуре населения – 1,5 % (один кадровый военнослужащий на 70 чел. обоего пола), тогда как средняя цифра для всей территории империи к концу XVIII в. составляла 1,25 % (один на 80 чел.).

ГЛАВА 2
КАДРОВЫЙ СОСТАВ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

2.1. Состав гарнизонных частей

Развернутая Петром I уже с первых лет Северной войны (1700–1721) система рекрутских наборов, посредством которых комплектовались как полевая армия, так и гарнизонные войска, с самого начала охватила фактически всю территорию страны, в том числе и Сибирь [1]. Уже в 1704 г. дьяком А. Ратмановым производился в Тюмени набор в солдаты, давший более 1 700 чел., из которых почти две трети были отправлены в Москву, а еще треть – оставлены «во второй отпуск» [2]. В том же году из этих «сибирских солдат» в Вологде был сформирован пехотный «полк господина полковника Чемесова» [3]. В сенатских книгах содержатся сведения о доставке из Сибири в Санкт-Петербург партии рекрут в числе 612 чел., набранных в 1713 г. [4], о проведении по городам Сибирской губернии рекрутского набора капитаном лейб-гвардии А. Шамординым в 1720–1721 гг. [5] Однако, поскольку вплоть до начала правления Екатерины I за Уралом находился только Сибирский гарнизонный драгунский полк, все эти наборы давали пополнения для войск, располагавшихся в европейской части России, куда и направлялись рекруты-сибиряки. Проследить же особенности комплектования и параметры кадрового состава трех гарнизонных пехотных полков, отправленных в Сибирь в

---

[1] Ее основные характеристики см.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 25–33; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 17–19.

[2] Именные списки взятых в солдаты по этому набору см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1429. Л. 499–556. О процедуре набора см.: Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Кн. 1. № 49. С. 210–213.

[3] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16. Ч. 1. Л. 622.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 29. Л. 177–246.

[5] Там же. Оп. 4. Кн. 155. Л. 1175–1206. См. также: Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. № 61. С. 262–264.

середине 1720-х гг., не представляется возможным из-за полного отсутствия источников.

Единственные обнаруженные данные о личном составе гарнизонных полков Сибири середины 1720-х гг., в частности, о производстве в офицерские чины, содержатся в двух доношениях сибирского губернатора кн. М. В. Долгорукова. Из первого, отправленного в Петербург из Тобольска 10 декабря 1725 г., следовало, что указом Военной коллегии в июне 1725 г. ему было предписано самому распорядиться о повышении в чинах обер-офицеров для заполнения имеющихся вакансий: «В Сибирской губернии во всех четырех полках обор афицеров произвесть на порозжие ваканцыи, написать всех четырех полков вместе, а не порознь, ис прапорщиков в порутчики, ис порутчиков в капитаны» [6]. В итоге губернатор своей властью повысил 10 чел. из поручиков в капитаны, 12 чел. из прапорщиков в поручики, а также произвел назначения полковых квартирмейстеров и адъютантов для трех пехотных полков.

В драгунском полку этого сделано не было по следующей причине: «Оной полк от Тоболска стоит на станцыях для охранения от неприятеля слабод в далном разстоянии, да и афицеры во оном полку нерегулярные, кроме одъютанта Григорова да прапорщика Грекова, которые присланы из Военной коллегии, и праизводить повышением невозможно». В связи с этим губернатор сообщал, что от него «для разбору и подлинного свидетелства помянутых драгунского полку афицеров о высылке в Тоболск в драгунской полк к полковнику Матигорову указ послан» [7]. Во втором доношении, датированном 5 апреля 1726 г., сибирский губернатор перечислил имена и звания 15 чел. из унтер-офицеров (сержантов), получивших по итогам баллотирования, одобренным им самим, первый обер-офицерский чин прапорщика [8]. Судя по всему, подобные эпизоды могли иметь место и в последующие не-

[6] РГВИА. Ф. 12. Оп. 1. Св. 15. Д. 409. Л. 14 об.

[7] Там же. Л. 15. Полковник Ф. Матигоров, сменивший к 1725 г. в должности командира Сибирского драгунского полка полковника Л. Парфентьева, был одним из тех, кто начали драгунскую службу еще с момента формирования данного полка в 1698 г.

[8] Список этих лиц см.: РГВИА. Ф. 12. Оп. 1. Св. 15. Д. 409. Л. 26–27 об.

сколько лет, когда гарнизонные части продолжали оставаться в ведении не армейского генералитета, а «местных губернаторов, – для кордонной и вообще местной службы» [9].

В сравнении с полевыми, гарнизонные части имели уменьшенные штаты. Согласно утвержденным Воинской комиссией фельдмаршала Б.-Х. Миниха в 1731 г. новым штатам, строевых рядовых в гарнизонном пехотном полку должно было числиться 1 102 чел. [10]. Для полевых пехотных частей требуемое число строевых рядовых составляло 1 152 чел. в мирное время и 1 280 чел. – в военное [11]. Однако в документах Военной коллегии, как правило, их объединяли вместе с унтер-офицерами, а также нестроевыми рядовыми в одну общую цифру, равнявшуюся для гарнизонных полков 1 208 чел. Сибирские гарнизонные части обычно были полностью укомплектованы: так, по состоянию на начало 1736 г. Енисейский и Якутский пехотные полки насчитывали унтер-офицеров и рядовых (строевых и нестроевых) как раз по 1 208 чел., и лишь в Тобольском пехотном полку недоставало 5 чел. [12] Гораздо труднее оказывалось укомплектовать эти полки штаб- и обер-офицерами.

Сохранившиеся архивные данные о составе Енисейского и Якутского полков дают следующую картину [13]. По результатам смотра от 15 сентября 1733 г. гарнизонный Енисейский пехотный полк насчитывал 1 128 строевых рядовых, в том числе 128 гренадер и еще 40 «закомплектных» солдат [14]. Большинство из них находились на службе не менее 10 лет, оказавшись в армейских рядах еще при жизни Петра I. Самые ранние даты поступления рядовых Енисейского полка на военную службу относятся еще к 1709 г., а ос-

---

[9] Столетие военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Введение. Приложения. С. 29.

[10] *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1. С. 16; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 61.

[11] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 255.

[12] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 402. Л. 1113, 1120.

[13] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22, 36, 41а, 163.

[14] Все нижеприведенные данные взяты из книги инспекторского смотра полка: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22.

новную долю среди них составляли те, кто попали в армию в результате рекрутских наборов 1715, 1716, 1719, 1722 и 1723 гг. Впрочем, в каждой роте полка насчитывалось также порядка 8–10 чел., сравнительно недавно пополнивших личный состав, как правило, в промежутке между 1729 и 1732 гг.

Данные о социальном происхождении рядовых солдат в полковых документах носят довольно ограниченный характер, в отличие от соответствующих характеристик офицеров. Тем не менее, изученные именные списки Енисейского и Якутского полков показывают, что большинство рядовых были взяты на военную службу здесь же, в Сибири. Так, Енисейский полк был укомплектован сыновьями русских крестьян и казаков, причем география их происхождения оказывалась весьма разнообразной: в рядах полка вместе несли службу выходцы из Тобольска, Томска, Тюмени, Верхотурья, Туринска, Кузнецка, Енисейска, Красноярска, Пелыма, Тары, Шадринска и Кунгура. Только в 8-й роте полка встречались несколько уроженцев европейской части страны, в основном, из Москвы [15].

Еще одна интересная деталь: хотя строевых рядовых насчитывалось более 1 100 чел., однако на момент проведения смотра «при полку» оказались только 500 чел., все же остальные находились в различного рода «командированиях». Аналогичная картина наблюдалась и в Якутском пехотном полку [16]. На 1 января 1734 г. в полку числились 1 114 строевых рядовых, в конце того же года – 1 090, на рубеже 1737–1738 гг. – 1 076. На протяжении 1733–1734 гг. большинство среди них составляли опять-таки ветераны, попавшие в солдатскую службу в промежутке между 1715 и 1725 гг.; лишь считанное число людей в каждой роте пополнили состав полка в ходе недавних рекрутских наборов начала 1730-х гг. А к 1738 г. почти во всех ротах находилось еще по 10–12 чел., взятых на военную службу в середине десятилетия. Таким образом, рядовой состав полков «Сибирского гарнизона» почти ничем не выделялся на общем фоне среди других частей русской армии.

---

[15] См.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22. Л. 179–197.

[16] Все нижеприведенные данные взяты из книг инспекторского смотра полка: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36, 41а, 163.

По новым штатам, утвержденным в 1731 г., штаб- и обер-офицеров в гарнизонном пехотном полку должно было быть в мирное время 27 чел., в военное – 29 чел. [17] Для сравнения: в полевых полках эти цифры составляли 38 и 39 чел. соответственно [18]. Однако в полках все время сохранялись свободные вакансии. Динамику изменений кадрового состава офицеров «Сибирского гарнизона» можно проследить более детально как раз на материалах Якутского полка, поскольку сохранились данные нескольких инспекторских проверок состояния полка на протяжении 1730-х гг. Мера эта была новшеством, появившимся в русской армии с начала правления Анны Иоанновны (1730–1740), что уже отметил Л. Г. Бескровный: «Для ежегодной проверки полков учреждалась инспекция, которая снабжалась специальной инструкцией» [19]. Составленные по результатам проверок полковые «сказки» направлялись в Петербург в Военную коллегию. Для удобства их данные сведены в форме таблицы. По изученным архивным материалам картина оказывается следующей.

До 1737 г. даже штаб-офицерские чины (подполковника и секунд-майора) в полку оставались вакантными. Постоянно ощущался недостаток офицеров в чине капитана, и даже поручиков и прапорщиков не хватало на все восемь рот полка. Существовал, правда, своего рода «резерв», поскольку при полку находились также некоторые «закомплектные» офицеры, т. е. те, кто носили обер- или унтер-офицерские чины, получали соответствующее жалование, однако не были приписаны ни к одной роте, получая назначение тогда, когда открывалась какая-либо вакансия. Однако все это были люди уже в немолодом возрасте (как правило, свыше 40 лет), ветераны, несшие службу с петровского времени. Так, в 1733–1734 гг. в Якутском полку чис-

---

[17] *Баиов А. К.* Русская армия… С. 16; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 61.

[18] *Баиов А. К.* Русская армия… С. 2; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 57.

[19] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 56. Механизм инспекторских смотров был описан Г. В. Калашниковым, см.: *Калашников Г. В.* Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. СПб., 2000. № 3 (12). С. 121, 122.

лился «сверх полного комплекту» прапорщик П. Холмовский, которому уже исполнилось 50 лет. Его воинский стаж отсчитывался с 1703 г., когда его взяли на службу из рейтарских детей г. Тобольска, а свой чин прапорщика он получил в 1725 г. [20] Вполне понятно, что шансов на дальнейшее продвижение по служебной лестнице у таких людей фактически не было.

Таблица 1

Численность офицерского корпуса Якутского пехотного полка в 30-е гг. XVIII в. *

Чины	**Численность (чел.)**		
	1733 г.	*1734 г.*	*1737 г.*
Штаб-офицеры: Полковник	1	1	1
Подполковник	–	–	1
Премьер-майор	1	1	1
Секунд-майор	–	–	1
Обер-офицеры: Капитан	6	5	5
Поручик	7	7	7
Прапорщик	7	7	7
Всего [21]**:**	22	21	23

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36, 41а, 163.

Стоит уделить специальное внимание тому, какие люди попадали на службу в Якутский полк в офицерских чинах.

[20] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 167 об., 168; Д. 41а. Л. 165 об., 166.

[21] Офицеров в чине подпоручика в Якутском полку, как и в других гарнизонных частях, не было.

Командиром полка на всем протяжении 1730-х гг. бессменно был бригадир И. Д. Бухольц, одновременно занимавший должность коменданта г. Селенгинска. Биография его достаточно подробно изложена М. О. Акишиным и Э. В. Деминым [22], так что остановимся здесь лишь на некоторых деталях. На сибирской службе он находился достаточно давно: еще в 1715–1716 гг. он возглавлял отправленную к оз. Ямыш военную экспедицию, силами участников которой были заложены Ямышевская и Омская крепости. В 1738 г. ему уже исполнилось 65 лет. Происходя из «шляхетства», он, в отличие от большинства своих подчиненных, был довольно состоятельным помещиком. Земельные владения его располагались в пяти уездах европейской части страны (Вязьма, Смоленск, Можайск, Кашин, Дмитров), в них проживало 500 душ крепостных крестьян мужского пола (далее – м. п.). [23] В этом смысле он ничем не выделялся на фоне командиров других гарнизонных или полевых полков.

Правой рукой полковника Бухольца был В. Мерлин (1680 г. р.). На протяжении большей части рассматриваемого десятилетия он отсутствовал в расположении полка, находясь по воле Сибирской губернской канцелярии с февраля 1733 г. в «командировании» на Камчатке. Впрочем, это не мешало ему продвигаться по службе: получив чин премьер-майора в марте 1729 г., в мае 1736 г. он уже был произведен в подполковники. Подобно своему начальнику, он также являлся дворянином-помещиком, но его благосостояние было гораздо скромнее. Владея имениями в двух уездах (Вяземском и Шацком), он располагал лишь полусотней душ крепостных м. п. [24] Его положение тоже было вполне типичным для армейского офицера тех лет, если он

---

[22] *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 105, 106; *Демин Э. В.* Забайкальское пограничье петровского гвардейца (И. Д. Бухольц) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2009. Кн. 1. С. 121–162.

[23] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об., 2; Д. 41а. Л. 1 об., 2; Д. 163. Л. 1 об., 2. Г. Ф. Быконя ошибочно утверждал, что Бухольц умер в 1735 г. См.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск, 1985. С. 73.

[24] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. л. 1 об., 2; Д. 41а. Л. 1 об., 2; Д. 163. Л. 1 об., 2.

не имел счастья принадлежать к одному из видных аристократических родов Российской империи.

Следующим в ряду полковых штаб-офицеров шел А. А. Зыбин [25]. Выходец из дворянских детей г. Серпухова, он изначально нес службу в другом сибирском гарнизонном полку – Енисейском пехотном, в составе которого 1 января 1732 г. получил чин секунд-майора. Вскоре после этого он был откомандирован в крепости Иртышской линии, затем перешел в Якутский полк уже в чине премьер-майора. По данным Г. Ф. Быкони и М. О. Акишина, повышение и перевод он получил в 1736 г. Относительно его земельных владений в смотровом списке полка за 1738 г. сказано: «Испомещен в Серпуховском городе… а сколко имеетца мужеска полу душ того за далностию деревень при службе в Сибире неизвестно» [26]. М. О. Акишин утверждал, что за А. А. Зыбиным числилось в Серпуховском уезде шесть душ м. п. [27]

Схожей оказалась судьба также переведенного из Енисейского в Якутский полк секунд-майора М. Окунькова. Ранее он исполнял должность полицмейстера в Тобольске, где часто конфликтовал с горожанами. Как утверждал М. О. Акишин, он «был переведен в Якутский полк с производством из капитанов в майоры» [28]. Однако эти события произошли не одновременно. Секунд-майором Окуньков стал в ноябре 1736 г., указ Сибирской губернской канцелярии о его переводе в другой полк датирован 18 июня 1737 г., однако даже в 1738 г. он все еще не прибыл к новому месту службы, поскольку по новому указу губернской канцелярии от 16 ноября 1737 г. продолжал службу в Енисейском полку «до прибытия штапов» (т. е. до момента приезда сюда другого офицера, предназначенного заменить его в составе полка) [29]. Таким образом, в 1738 г. Окуньков, как и подполковник Мерлин, числился в Якутском полку лишь номинально.

---

[25] О нем см. также: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 83; *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 199.

[26] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 об., 2; Д. 163. Л. 1 об., 2.

[27] *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 204.

[28] Там же. С. 173.

[29] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 1 об., 2.

Так обстояло дело со штаб-офицерами. Обер-офицеров полка можно перечислить всех поименно: капитаны М. Цей, П. Икингрин, Л. Клепиков, И. Тренс, Г. Корнеус, Т. Маремьянинов; поручики М. Цанг, И. Остяков, И. Купер, М. Лебедев, К. Шкадер, И. Горбунов, А. Греченинов, Ф. Попов, В. Басов; прапорщики С. Ковальцов, Д. Фоголзанг, Ф. Тарский, И. Гольц, Т. Черепанов, М. Немчинов, М. Иконников, М. Шкадер. Большинство из них на протяжении 30-х гг. XVIII в. сохраняли свои чины, не получая повышения. Исключение составили М. Цанг, в 1736 г. произведенный из поручиков в капитаны, а также прапорщики М. Немчинов, М. Шкадер и С. Ковальцов, поочередно занимавшие друг за другом должность полкового комиссара. Поручики Ф. Попов и В. Басов появились в составе полка в мае 1736 г.

Эти люди достаточно давно несли военную службу: возраст большинства из них уже превышал 40 лет. Исключение составлял один лишь поручик А. Греченинов (1702 г. р.). Все они были взяты в армию еще в первой четверти XVIII в., между 1704 и 1720 гг. Подобная ситуация вообще была характерна для всей первой половины XVIII в., поскольку, как справедливо отмечал Г. Ф. Быконя, «в гарнизонные части направлялись офицеры… уже неспособные к тяготам полевой службы» [30]. Впрочем, в 30-х гг. XVIII в. полки «Сибирского гарнизона», в том числе Якутский, по-видимому, совсем не получали пополнений из состава полевых армейских частей. На это указывают, в частности, данные о происхождении перечисленных выше офицеров: 10 чел. были уроженцами Сибири, и лишь трое – выходцами из европейской части России.

Так, капитан Л. Клепиков происходил из дворянских детей г. Тобольска, Т. Маремьянинов был сыном тобольского конного казака. Поручик И. Остяков – сын драгуна из Ялуторовской слободы Тобольского уезда, А. Греченинов и Ф. Попов были взяты на службу из детей боярских Том-

[30] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 201. Когда во второй половине 1730-х гг. шло формирование Оренбургского гарнизонного драгунского полка, сенатским указом Военной коллегии специально предписывалось в новый полк «определить офицеров таких, которые из армии к отставке присланы бывают и гарнизонную службу снести еще могут». См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 221.

ска и Тобольска соответственно. В. Басов и вовсе был сыном тобольского крестьянина. Прапорщик Ф. Тарский происходил из пеших казаков Томска, Т. Черепанов – из тобольских казачьих детей, М. Немчинов ранее был сыном боярским в Тобольске, М. Иконников – там же конным казаком. Исключение на этом фоне составляли трое выходцев из Москвы: поручики И. Купер – «полковничей сын», М. Лебедев – из дворовых боярских людей, а также прапорщик С. Ковальцов – из боярских людей «дому стольника Алексея Нарышкина» [31].

Другой интересной особенностью является присутствие среди офицеров полка немалого числа лиц нерусского происхождения [32]. Конечно, это было характерным явлением практически для всех полков русской армии как в эпоху Петра I, так и в правление Анны Иоанновны, однако применительно к частям, расквартированным в Сибири, о нем упоминают крайне редко. А между тем, только в Якутском полку на протяжении 1730-х гг. служили девять чел. «швецкой» и «лифлянской нацыи», причем среди капитанов их было вообще большинство. Здесь оказались попавшие в русский плен под Полтавой в июне 1709 г. шведы: рейтары Г. Корнеус (он, правда, был по происхождению финном) и И. Гольц, драгун П. Икингрин; разделившие их судьбу в середине 1710-х гг. лифляндцы: прапорщики М. Цей и М. Цанг (оба – дворянского происхождения), драгун Д. Фоголзанг; саксонец И. Тренс. Лишь

[31] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 об., 3, 5 об., 6, 27 об., 28, 47 об., 48, 67 об., 68, 85 об., 86, 105 об., 106, 143 об., 144; Д. 41а. Л. 3 об., 4, 28 об., 29, 52 об., 53, 71 об., 72, 88 об., 89, 110 об., 111; Д. 163. Л. 2 об., 3, 4 об., 5, 35 об., 36, 61 об., 62, 87 об., 88, 113 об., 114, 139 об., 140, 191 об., 192.

[32] Для населения Российской империи XVIII в. главным критерием самодиентификации, конечно, было подданство, а не этническое происхождение. Подавляющее большинство лиц нерусского происхождения точно так же принадлежали к числу верных подданных империи, как и представители великорусского этноса. Тем не менее, сознавая условность подобного выделения, все же необходимо отмечать среди военнослужащих армейских частей в Сибири тех людей, относительно которых в формулярных списках специально обращалось внимание на их происхождение – «остзейцев» (прибалтийских немцев), выходцев из ряда стран Европы и др.

братья М. и К. Шкадеры были «добровольцами», сыновьями капитана-лифляндца, отправившимися на сибирскую службу «своей волей» [33].

Штаты сибирских гарнизонных полков и в дальнейшем, на протяжении 1740-х гг., не вполне соответствовали требуемым цифрам. Так, по данным инспекторских проверок в 1742 г. в Тобольском пехотном полку числилось 1 088 рядовых, а в 1748 г. – 1 026 (недоставало еще 62 чел.) [34]; в Якутском в 1743 г. – 1 056 (некомплект составлял 32 чел.), в 1748 г. – 1 049 (не хватало 39 чел.) [35]; в Енисейском в том же 1748 г. – 1 044 (в том числе «сверх комплекту» четверо чел., а требовалось еще 44) [36]. Новоучрежденный драгунский полк в 1742 г. насчитывал 920 рядовых, в 1748 г. – 914 (недоставало шестерых чел.) [37]; а в Сибирском полку в 1742 г. рядовых драгун было даже чуть больше, чем требовалось по штатам – 933 чел. (за счет того, что гренадерская рота составляла 113 вместо 100 чел.) [38]. Особые штаты имел отдельный Новоучрежденный пехотный батальон: он состоял всего из четырех мушкетерских рот, а гренадер в нем вообще не было. Поэтому в 1742 г. в его рядах несли службу 672 солдата (по 168 чел. в роте), а в 1748 г. по спискам числились 537 рядовых [39]. В последнем случае, вероятно, штатная численность роты была уменьшена до цифры в 144 чел., установленной для полевых пехотных полков, следовательно, не хватало еще 39 рядовых. Результаты большинства инспекторских смотров показывали, что сибирские гарнизонные части почти постоянно недосчитывались по несколько десятков солдат и дра-

---

[33] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 об., 3, 5 об., 6, 27 об., 28, 67 об., 68, 85 об., 86, 105 об., 106, 123 об., 124; Д. 41а. Л. 1 об., 2, 3 об., 4, 28 об., 29, 71 об., 72, 88 об., 89, 128 об., 129; Д. 163. Л. 4 об. – 6, 35 об., 36, 61 об., 62, 113 об., 114, 165 об., 166. Подробнее об этих людях см.: *Зуев А. С.* «В русскую службу шел волею». Шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири // Социокультурные исследования: Сб. ст. Новосибирск, 1997. С. 64–76. О поступлении шведских военнопленных на службу за годы пребывания в ссылке в Сибири см.: *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М., 2005. С. 136–141.

[34] Д. 246, 335. Подсчет автора.

[35] Там же. Д. 251, 321. Подсчет автора.

[36] Там же. Д. 316. Подсчет автора.

[37] Там же. Д. 241, 281. Подсчет автора.

[38] Там же. Д. 210. Подсчет автора.

[39] Там же. Д. 242, 302. Подсчет автора.

гун. Впрочем, это не должно удивлять, ведь даже в армейских полках наблюдалась хроническая неукомплектованность мушкетерских рот, а полную штатную численность, как правило, имели только гренадерские подразделения [40].

При характеристике офицерского корпуса сибирских частей в данный период сразу же бросается в глаза одна особенность – отсутствие здесь людей, носивших чин полковника; командирами пехотных полков становились подполковники и даже майоры. Тобольским полком в указанные годы командовал подполковник М. Лебедев, как раз в 1740 г. переведенный из Енисейского полка и сменивший умершего в том же году прежнего командира, полковника и капитана лейб-гвардии И. Батасова [41]. Несмотря на весьма почтенный возраст (1674 г. р.), Лебедев продолжал службу и в первой половине 1750-х гг., являясь самым старым офицером в гарнизонных войсках Сибири [42]. Сын рейтара из г. Михайлова, он начал военную службу еще в 1697 г., а чин подполковника был пожалован ему в 1732 г. В отличие от многих своих сослуживцев, он так и не обзавелся земельными владениями и крепостными крестьянами. Енисейским полком в 1748 г. командовал подполковник С. Т. Угримов, уроженец Сибири (он был сыном казачьего полковника из Тюмени, родился в 1702 г.) [43]. Службу он нес с 1719 г., когда вступил в армию солдатом, в 1730 г. получил повышение из поручиков в капитаны, а в 1740 г. был произведен в подполковники [44]. Вероятно, командиром полка он стал после того, как занимавший ранее эту должность бригадир А. М. Сухарев сделался в 1742 г. сибирским губернатором.

Старшим офицером Якутского пехотного полка в 1743 г. был подполковник В. Мерлин (очевидно, вскоре умерший), а в 1748 г. – секунд-майор

---

[40] «От полкового начальства постоянно требовали поддерживать штатную численность гренадерских рот вне зависимости от численности мушкетерских» (*Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 70).

[41] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 1 об., 2; Д. 335. Л. 1 об., 2.

[42] См.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 202.

[43] См. о нем: Там же. С. 83; *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 196. Г. Ф. Быконя ошибочно утверждал, что Угримов родился в 1708 г.

[44] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22. Л. 29 об., 30; Д. 316. Л. 1 об., 2.

А. Греченинов. Последний, судя по всему, доставлял своим подчиненным немало хлопот. В 1748 г. Селенгинской гарнизонной канцелярией велось следствие «за учиненные им в противность указов и военных регулов поступки и за всегдашные ево пьянство и невоздержание», после чего его дело должно было поступить на рассмотрение Сибирской губернской канцелярии [45]. Его карьера была типичной для офицера-сибиряка: происходя из детей боярских г. Томска, на военную службу он поступил в 1720 г., как только ему исполнилось 18 лет, в 1732 г. стал поручиком, с 1739 г. был капитаном, а в 1746 г. его произвели в майоры [46]. Таким образом, из четверых лиц, занимавших командные должности в гарнизонных пехотных полках Сибири, двое были местными уроженцами. К ним, впрочем, еще можно добавить подполковника М. Окунькова, сына тобольского казачьего пятидесятника, командовавшего в 1748 г. Новоучрежденным пехотным батальоном [47].

Несколько лучше дело обстояло в драгунских полках: по крайней мере, незанятых полковничьих вакансий там не было. Сибирским полком с 1741 г. командовал полковник Я. С. Павлуцкий (1698 г. р., сменил подавшего в отставку полковника И. Арсеньева), представитель старинного сибирского клана, родоначальником которого стал сосланный сюда в середине XVII в. польский шляхтич [48]. Командир Новоучрежденного полка полковник Т. Зорин (1687 г. р.) происходил из дворян Волоколамска [49]. Остальных штаб-офицеров сибирских полков можно перечислить поименно: в Тобольском пехотном – премьер-майор И. Нелюбов и секунд-майор В. Сергеев; в Енисейском пехотном – премьер-майор В. Туесов и секунд-майор А. Самойлов; в Сибирском драгунском – премьер-майор А. Карпов и секунд-майор Я. Беклемишев; в Новоучрежденном – подполковник Я. Деграве и премьер-

[45] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 321. Л. I об., 1.

[46] Там же. Д. 251. Л. 43 об., 44; Д. 321. Л. I об., 1.

[47] Там же. Д. 302. Л. 1 об., 2. См. о нем: *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 173.

[48] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 210. Л. 1 об., 2. Впоследствии он стал генерал-майором и обер-комендантом Тобольска, см.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 202; *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 344.

[49] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 1 об., 2; Д. 281. Л. 1 об., 2.

майор И. Кенеман. Вакантными на протяжении 1740-х гг. оставались чины подполковника в Сибирском и секунд-майора в Новоучрежденном полках. Из всех перечисленных к сибирским уроженцам относились двое: премьер-майор Туесов происходил из церковных причетников г. Верхотурья, секунд-майор Сергеев – из тобольских казаков [50].

Шестеро других офицеров принадлежали к дворянским фамилиям Европейской России. И. Нелюбов – помещик Алатырского уезда, имел там 70 душ крестьян м. п., на службу в Сибирь был переведен еще в 1739 г. с производством из капитанов в секунд-майоры, а уже в 1744 г. стал премьер-майором. А. Самойлов владел 42 душами м. п. в Рузском уезде Московской губернии. Также были москвичами А. Карпов и Я. Беклемишев, первый – из помещиков Тульского уезда, второй – из московских дворянских детей [51]. Наконец, подполковник Деграве и майор Кенеман были нерусского происхождения: первый – из лифляндских дворян, определен на сибирскую службу в 1737 г. [52], второй – выходец из германского герцогства Саксен-Кобург [53].

Картину обер-офицерского корпуса хорошо рисуют данные по трем сибирским полкам (Тобольскому, Енисейскому, Якутскому пехотным) за 1748 г. [54] Общая численность обер-офицеров для гарнизонного пехотного полка должна была составлять 27 чел. В сибирских полках оставались свободными целый ряд вакансий: например, в Якутском не хватало двоих капитанов и двоих прапорщиков, в Тобольском – двоих капитанов и поручика. Что же касается возраста, служебной карьеры и сословного происхождения тех людей, которые носили в этих частях обер-офицерские чины, то изученные данные показывают следующее.

---

[50] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 1 об., 2; Д. 335. Л. 1 об., 2.

[51] Там же. Д. 210. Л. 1 об., 2; Д. 246. Л. 3 об., 4; Д. 316. Л. 1 об., 2; Д. 335. Л. 1 об., 2.

[52] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Л. 251 об.; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281. Л. 1 об., 2.

[53] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281. Л. 1 об., 2. Он был одним из тех офицеров, которые выступали против злоупотреблений сибирского губернатора Сухарева, и тот его «якобы за описку в титуле е. и. в. арестовал и более полугода держал под караулом» (*Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 247).

[54] Данные за этот год по Сибирскому и Новоучрежденному драгунским полкам не сохранились, поэтому сюда не включены.

Таблица 2

Численность обер-офицеров сибирских гарнизонных пехотных полков, 1748 г. *

Чины	**Полки**			
	Тобольский	*Енисейский*	*Якутский*	**Всего:**
Капитан	7	8	7	22
Поручик	8	9	9	26
Прапорщик	9	8	7	24
Всего [55]**:**	24	25	23	72

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316, 321, 335.

Таблица 3

Возрастные показатели обер-офицеров сибирских гарнизонных пехотных полков, 1748 г. *

Возраст	**Численность (чел.)**			
	Тобольский	*Енисейский*	*Якутский*	**Всего:**
До 20 лет	–	–	–	–
От 21 года до 30 лет	–	2	2	4
От 31 года до 40 лет	10	9	1	20
От 41 года до 50 лет	6	6	3	15
51 год и более	8	8	17	33
Всего:	24	25	23	72

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316, 321, 335.

[55] Офицеров в чине подпоручика в гарнизонных частях не было. Лишь в гренадерских ротах подпоручики занимали вакансии прапорщиков, поэтому в таблице они причислены х к остальным ротным прапорщикам. Кроме того, в Якутском полку двое поручиков состояли на вакансиях прапорщиков.

Таблица 4

Сроки службы обер-офицеров сибирских гарнизонных пехотных полков, 1748 г. *

Срок службы	**Численность (чел.)**			
	Тобольский	*Енисейский*	*Якутский*	**Всего:**
До 10 лет	3	2	2	7
От 11 до 20 лет	7	8	1	16
От 21 года до 30 лет	5	7	3	15
От 31 года до 40 лет	8	7	12	27
41 год и более	1	1	5	7
Всего:	24	25	23	72

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316, 321, 335.

Как правило, значительную долю в каждом полку составляли офицеры в возрасте до 40 лет; исключением в этом плане был Якутский полк, в его рядах преобладали старые заслуженные ветераны, которым уже исполнилось 50 лет. Объясняется это, без сомнения, чрезвычайной отдаленностью тех мест, где располагался указанный полк, и, в связи с этим, очень редкими присылками сюда новых офицеров [56]. Сроки пребывания многих из этих лиц на службе также исчислялись несколькими десятилетиями, хотя в составе Тобольского и Енисейского полков был ряд людей, сравнительно недавно пополнивших собой ряды регулярной армии.

География происхождения этих офицеров выглядела так: подавляющее большинство составляли сибиряки, а выходцев из европейской части страны были единицы. Последних насчитывалось: в Тобольском полку – пятеро, в

[56] Это обстоятельство уже отмечал Г. Ф. Быконя, см.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 208.

Енисейском – 10 чел., в Якутском – семеро. Дворян из Европейской России, среди них было всего 13 чел. Кроме того, в каждом полку двое–трое чел. из европейских губерний представляли «тяглые» сословия, а в Якутском полку еще продолжали нести службу последние из шведских военнопленных, попавших сюда во времена Северной войны: капитан Д. Фоголзанг (лифляндец, до 1713 г. служивший драгуном в шведской армии) и прапорщик И. Гольц (до 1708 г. шведский рейтар) [57].

Таблица 5

Происхождение обер-офицеров сибирских гарнизонных пехотных полков, 1748 г. *

Происхождение	**Численность (чел.)**			
	Тобольский	*Енисейский*	*Якутский*	**Всего:**
Дворяне и дети боярские	8	7	7	22
Военнослужащие (казаки, солдаты, драгуны)	12	11	10	33
Крестьяне, дворовые	2	2	2	6
Прочие (посадские, священнослужители и др.)	2	4	2	8
Лица нерусского происхождения	–	1	2	3
Всего:	24	25	23	72

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316, 321, 335.

[57] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 321. Л. 20 об., 21, 90 об., 91. Подробнее об этих людях см.: *Зуев А. С.* «В русскую службу шел волею»… С. 64–76.

Почти половину среди обер-офицеров в каждом полку составляли выходцы из семей военнослужащих – либо сибирских казаков, либо солдат и драгун регулярной армии. Среди обер-офицеров Тобольского полка к «благородному шляхетству» принадлежали Г. Хатунский, в свои 34 года уже ставший капитаном, числивший за своим отцом в Коломенском и Каширском уездах 180 душ крепостных м. п. [58]; поручик Ф. Облязов, чей отец владел 125 душами м. п. в Саранском и Пензенском уездах [59]; поручик П. Эбгарт, «маэорский сын из Москвы». Судьба последнего весьма примечательна. В 1743 г. за продажу казенного провианта он был разжалован из поручиков Смоленского пехотного полка в солдаты и определен для прохождения дальнейшей службы на Камчатку, однако в 1744 г., когда он прибыл в Тобольск, командующий сибирскими частями генерал-майор Х. Киндерман добился от императрицы Елизаветы «всемилостивейшего указа», которым ему отпускалась вина, после чего он был зачислен в Тобольский гарнизонный полк в своем прежнем чине [60].

В Енисейском полку обращал на себя внимание поручик гренадерской роты Б. Сухарев, сын всесильного сибирского губернатора генерал-майора А. М. Сухарева. Видимо, этим объяснялось его быстрое продвижение в чинах – поручиком он стал в 1744 г., когда ему исполнилось всего 26 лет [61]. Его ровесником был прапорщик кн. Ф. Чегодаев, потомок рода касимовских царевичей. Он также попал в Сибирь за некоторые проступки («был в фергере и криксрехте… за просрочку в отпуску в доме и за продажу чужих людей»), за что поплатился разжалованием в солдаты Вятского пехотного полка, но по указу императрицы был вместо этого переведен в гарнизонные войска Сибири с сохранением прежнего чина [62]. У капитана М. Корякина, дворянина из

[58] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 29 об., 30.
[59] Там же. Л. 175 об., 176.
[60] Там же. Л. 117 об., 118.
[61] Там же. Д. 316. Л. 5 об., 6.
[62] Там же. Л. 27 об., 28.

Московской губернии, были во владении 50 душ крепостных м. п. [63] Наконец, капитан К. фон Эндин, сын штаб-офицера «саксонской нации», был в 1746 г. отчислен в Енисейский гарнизонный полк из недавно переброшенного в Сибирь полевого Нотебургского пехотного полка [64].

При таком переводе офицер автоматически получал следующий чин, поскольку служба в гарнизонных частях считалась не столь престижной, как в частях полевой армии, и власти старались таким образом компенсировать ему понижение служебного статуса. В Якутском полку служили капитан гренадерской роты В. Шатилов, происходивший из рязанских дворян [65], поручик И. Поляков и прапорщик Т. Мозовский – оба владели землями и крепостными; первый имел 66 душ м. п. в Ростовском уезде, второй числил за собой 25 душ в Новгородском уезде [66]. Последний попал в Сибирь, будучи разжалованным из капитанов Ревельского гарнизона в 1741 г. [67]

Таков был кадровый состав гарнизонных частей за Уралом в середине XVIII в. Теперь дополним полученную картину сведениями за вторую половину столетия, уже после переформирования гарнизонных полков в батальоны. Данные за 1772 г. показывают, что гарнизонные войска Сибири состояли из 12 пехотных батальонов: 1-го, 2-го и 3-го Тобольских, Томского (находились в городах Западной и Южной Сибири), 1-го и 2-го Омских, Петропавловского, Семипалатинского, Бийского линейных пограничных (дислоцировались вдоль южной границы русских владений в регионе, по крепостям Пресногорьковской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой линий), 1-го и 2-го Селенгинских, Иркутского (в Забайкалье). Всего по спискам 1772 г. в них состояло: штаб-офицеров – 53 чел., обер-офицеров – 268 чел. (не считая еще 15 чел. батальонных адъютантов и аудиторов при обер-комендантах Тобольска и Иркутска). Правда, необходимо отметить, что «в комплекте» (т. е. на полагавшихся по чинам должностях) числилось менее половины из них,

[63] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 111 об., 112.
[64] Там же. Л. 176 об., 177.
[65] Там же. Д. 321. Л. 2 об., 3.
[66] Там же. Л. 112 об., 113.
[67] Там же. Д. 251. Л. 109 об., 110.

только 145 чел., а еще 176 чел. либо занимали свободные вакансии в чинах ниже тех, которыми обладали сами, либо были включены в списки «сверх комплекта».

Столь значительное число «сверхкомплектных» в сибирских гарнизонных батальонах не должно удивлять, поскольку в 1772 г., судя по всему, еще не завершился перевод в них офицеров из бывших кавалерийских полков. Так, в списках пяти линейных пограничных батальонов состояли 99 чел., однако «в комплекте» находились только 26 чел., остальные 73 чел. были «сверхкомплектными». А в четырех западносибирских батальонах насчитывалось 158 чел., из них 87 чел. «сверх комплекта». По-видимому, большинство среди этих последних составляли как раз те, кого еще не успели определить в другие воинские части, в силу этого временно причисленные к гарнизонным батальонам. Для сравнения: в трех забайкальских батальонах состояли 64 офицера, но к «сверхкомплектным» относились только 16 чел. Тем не менее, поскольку в формулярных списках, поданных командующим Сибирского корпуса генерал-поручиком И. А. Деколонгом в Военную коллегию за 1772 г., они перечислялись все вместе, то необходимо включить их в общий подсчет.

Данные о происхождении всех этих офицеров давали следующую картину: наиболее многочисленной была группа выходцев из семей военнослужащих – преимущественно сыновья рядовых солдат, а также драгун, капралов и унтер-офицеров – всего их оказалось 140 чел. из 321, т. е. чуть менее половины (почти 44 %). На втором месте следовали представители дворянского сословия (76 чел., почти 24 %), близки к ним по происхождению также дети штаб- и обер-офицеров, которые, впрочем, всегда в списках выделялись отдельно (37 чел., более 11 %) [68].

---

[68] Обер-офицерскими детьми назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов – от XIV до XI по Табели о рангах, дававшие не потомственное, а только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство. См.: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 66.

Таблица 6

Численность офицеров сибирских гарнизонных батальонов, 1772 г. *

Чины	**Батальоны**			
	Тобольские и Томский	*Линейные пограничные*	*Селенгинские и Иркутский*	**Всего:**
Штаб-офицеры: Полковник	–	1	–	1
Подполковник	1	1	–	2
Премьер-майор	1	1	–	2
Секунд-майор	19 (17)	22 (19)	7 (4)	48 (40)
Обер-офицеры: Капитан	28 (8)	34 (24)	15 (1)	77 (33)
Поручик	48 (25)	29 (24)	22 (4)	99 (53)
Прапорщик	61 (37)	11 (6)	20 (7)	92 (50)
Всего:	158 (87)	99 (73)	64 (16)	321 (176)

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324, 325. В скобках указано число «сверхкомплектных».

Выходцев из других сословных групп – купечества и посадских, церковнослужителей, казаков и крестьян – насчитывалось 39 чел. (12 %), лиц нерусского происхождения (приезжих из европейских государств, а также прибалтийских немцев – «остзейцев») было 29 чел. (9 %). При этом следует заметить, что если в составе семи батальонов, существовавших с 1764 г., солдатские дети устойчиво преобладали (112 чел. из 222, т. е. фактически половина), то в пяти линейных пограничных батальонах, которые стали формироваться только в 1771 г., напротив, численность офицеров-дворян была даже чуть большей, нежели сыновей рядовых военнослужащих: 35 чел. против 28.

Таблица 7

Происхождение офицеров
сибирских гарнизонных батальонов, 1772 г. *

Происхождение	**Численность (чел.)**			
	Тобольские и Томский	*Линейные пограничные*	*Селенгинские и Иркутский*	**Всего:**
Дворяне	31 (17)	35 (26)	10 (1)	76 (44)
Штаб- и обер-офицерские дети	13 (6)	14 (11)	10 (3)	37 (20)
Военнослужащие (унтер-офицеры, солдаты, драгуны)	80 (48)	28 (22)	32 (9)	140 (79)
Прочие (посадские, священнослужители, крестьяне)	25 (13)	3 (3)	11 (3)	39 (19)
Лица нерусского происхождения	9 (3)	19 (11)	1	29 (14)
Всего:	158 (87)	99 (73)	64 (16)	321 (176)

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 324, 325. В скобках указано число «сверхкомплектных».

Подобная картина вполне соответствовала общим тенденциям комплектования офицерского корпуса русской армии второй половины XVIII в. Исследователями уже отмечено, что во времена Екатерины II «большинство офицеров хороших фамилий группировались в гвардейском кругу; немногие из них попадали в армейские полки, да и то, как правило, старшими офице-

рами. Их подчиненными в этом случае становились офицеры из мелкопоместного дворянства и произведенные из солдат» [69]. Что уж говорить о гарнизонных войсках, служба в которых на всем протяжении столетия считалась куда менее престижной, чем в полевых частях! Впрочем, существовал один канал пополнения «Сибирского гарнизона» даже представителями знатных фамилий – это была ссылка на службу в Сибирь за какие-либо серьезные преступления.

Одним из таких ссыльных был 20-летний подпоручик И. Опочинин, числившийся в Бийском батальоне на вакансии прапорщика (штат гарнизонного батальона чинов подпоручика не предусматривал). Сын генерал-майора А. В. Опочинина, владельца свыше 5,5 тыс. крепостных душ м. п., он еще в 1765 г. в 13-летнем возрасте был зачислен отцом в адъютанты, получил разностороннее образование: «Грамоте читать и писать по-российски, по-французски, по-немецки перфекте (отлично, совершенно. – *А. Д.*), по латыни, италиански, аглицки, гречески отчасти, по-еврейски, арифметики, геометрии, алгебры, фортификации, архитектуры и артиллерии посредственно, пиитику, физику воздушную и инструменталную, логику и философию, богословию слушал также, историю и географию совершенно, механики и химии часть умеет» [70]. Однако весной 1772 г. именным указом императрицы «за важный дерзостный проступок» он был сослан в Сибирь с зачислением в линейный батальон, причем с запретом на производство в следующие чины и на возвращение в европейские губернии [71].

Однако таких людей среди сибирских офицеров насчитывались единицы. Подавляющее большинство среди служивших в гарнизонных частях дворян составляли мелкие земле- и душевладельцы, либо те, кто вообще не имели за собой крепостных. К помещикам среднего достатка (владельцам 100 и более крепостных) относились всего три человека: капитаны 1-го Тобольско-

---

[69] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 128, 129.

[70] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 547 об., 548.

[71] См. о суде над ним и приговоре: *Барсуков А. П.* Рассказы из истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 199–240.

го батальона Н. Абрамов (100 душ м. п. в Коломенском и Вологодском уездах), 2-го Тобольского А. Похвиснев (совместно с братом владел в Белгородской губернии 770 душами м. п.), поручик того же батальона Н. Бестужев (также владелец 100 душ м. п.) [72]. Среди остальных преобладали владельцы двух–трех десятков крестьян, а многие вообще имели менее десятка душ. Это относилось даже к командному составу и штаб-офицерам. Так, командир Томского батальона подполковник И. Жидовинов числил за собой всего 10 душ м. п., столько же имел командир Семипалатинского батальона подполковник З. Яковлев [73]. У 26 чел. (чуть более трети) крепостных не было вовсе. И это при том, что, в отличие от первой половины XVIII в., среди гарнизонных офицеров доля местных (сибирских) уроженцев была теперь весьма невелика, а прибывшие из европейских губерний дворяне составляли устойчивое большинство. Сибиряков, заявлявших о своем происхождении из дворян или детей боярских, в изученных списках оказалось всего 10 чел. Правда, некоторые из них также становились душевладельцами: секунд-майор 1-го Тобольского батальона А. Матигоров показывал за собой 24 души крестьян, а поручик Семипалатинского батальона С. Павлуцкий – 34 души м. п. за своим отцом [74]. Но такие случаи выглядели все же исключением из правила.

Относительное большинство, как отмечалось выше, составляли в офицерском корпусе сибирских гарнизонных батальонов именно солдатские дети, упорной службой пробивавшие себе дорогу к обер- или даже штаб-офицерским чинам и перспективе пожалования дворянского достоинства. У некоторых карьера складывалась вполне удачно, другим приходилось преодолевать немалые затруднения. Командир 3-го Тобольского батальона А. Мартышев, например, уже в 45 лет получил чин секунд-майора, командир 2-го Селенгинского батальона Д. Круглов сделался секунд-майором в возрасте 51 года [75]. Впрочем, многим офицерам помогало продвигаться по слу-

[72] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 325. Л. 478 об. – 480, 495 об., 496.
[73] Там же. Д. 324. Л. 450 об., 451, 536 об., 537.
[74] Там же. Л. 464 об., 465, 542 об., 543.
[75] Там же. Л. 452 об., 453; Д. 325. Л. 210 об., 211.

жебной лестнице участие в тех или иных военных кампаниях, прежде всего в Семилетней войне 1756–1762 гг. Это свидетельствовало о том, что даже к последней четверти XVIII в. возможность «выслужить» дворянство по Табели о рангах, дарованная выходцам из непривилегированных сословий Петром I, все еще продолжала сохранять свое значение, и находились те, кому удавалось ей воспользоваться.

А вот, например, во 2-м Тобольском батальоне П. Нашильников к 64 годам сумел добраться только до чина поручика, в Иркутском батальоне Ф. Сыромятников в возрасте 57 лет числился подпоручиком на вакансии прапорщика. Во 2-м Селенгинском батальоне М. Быков дослужился до капитанского чина в 52 года, во 2-м Тобольском батальоне И. Жаворонков получил тот же чин в возрасте 53 лет [76]. Понятно, что рассчитывать поправить свое материальное благосостояние или выслужить дворянство таким людям было сложно. Впрочем, бывали случаи, когда представители непривилегированных сословий становились даже батальонными командирами. Так, 1-м Тобольским батальоном командовал секунд-майор Ф. Серебряков, «из церковников Сибирской губернии» (майорский чин он выслужил к 48 годам), а командир 2-го Омского батальона С. Красноперов в 42 года сделался уже премьер-майором, «обогнав» в продвижении по служебной лестнице своего собственного отца (он был сыном обер-офицера) [77]. Очевидно, многое зависело от того, как складывались конкретные жизненные обстоятельства и карьерная биография этих офицеров.

Наконец, нельзя забывать о лицах нерусского происхождения, также в некотором числе попадавших на службу в «Сибирский гарнизон». Хотя их доля, как указывалось выше, была немногочисленной, однако показателен тот факт, что к ним принадлежали пятеро из 12 батальонных командиров. Трое из них представляли прибалтийских немцев, один был выходцем из бранденбургских дворян, еще один – представителем фамилии грузинских

[76] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 467 об., 468, 487 об., 488; Д. 325. Л. 212 об., 213, 223 об., 224.

[77] Там же. Д. 324. Л. 452 об., 453, 537 об., 538.

князей. Командир 1-го Омского батальона – полковник Т. фон дер Рооп (фон Дероп), курляндец (в 1780-х гг. он был комендантом Бийской крепости); Бийского батальона – секунд-майор И. Клеитин, лифляндец; Петропавловского – секунд-майор К. фон Трайблут («предки ево были пруской нацыи ис Померании из шляхетства, а он родиною лифляндец»); Иркутского – секунд-майор К. Арензее (уроженец Бранденбурга); 2-го Тобольского – премьер-майор кн. Е. Ратиев (Ратишвили) [78].

Всего среди 29 чел. к «остзейским» выходцам относились восемь, шестеро прибыли в Россию из Пруссии и других германских земель, еще пятеро показывали себя шведами (из них один – уроженец шведской Померании, т. е. скорее немец по этнической принадлежности). Встречались среди них представители славянских этносов: трое поляков и даже один эмигрант из Сербии. Наконец, двое были грузинскими дворянами (один из них упомянут выше), один – венгр, переехавший в Россию из Австрии, еще один (поручик 1-го Тобольского батальона И. Чапкин) – «из дворян персицкой нации», перешедший в православие. У двоих человек этническое происхождение не было указано. На русскую службу они попадали различными путями. Так, мекленбуржец М. фон Эстеррайх до приезда в Россию почти 20 лет провел в прусской армии, получил чин штабс-капитана, а в 1760 г. (в разгар Семилетней войны!) был «в российскую службу поручиком принят», к 1769 г. дослужился до секунд-майора [79]. В его послужном списке не уточнялось, был ли этот переход добровольным, или он оказался в числе военнопленных. Секунд-майор Арензее прибыл в Россию в 1750 г., первоначально сделавшись переводчиком при генерал-аншефе Л. А. фон Бисмарке; польский шляхтич С. Домский, начав военную карьеру у себя на родине, успел побывать в прусской армии («взят в полон в Прускую державу»), откуда в 1760 г. перебрался в Россию [80].

---

[78] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 451 об., 452, 536 об. – 539; Д. 325. Л. 210 об., 211.

[79] Там же. Л. 457 об. – 459.

[80] Там же. Л. 482 об. – 485; Д. 325. Л. 210 об., 211.

Несколько человек совсем недавно (в 1771 г.) перешли на русскую службу из армий других европейских государств, причем с понижением чина из капитанов в поручики: уроженец герцогства Брауншвейг А. Фишер из «брауншвейгской герцогской службы» в Петропавловский батальон, венгерский шляхтич П. фон Бейнцки – из австрийской армии («римской императорской службы») в 1-й Омский [81]. В Семипалатинский батальон командир Сибирского корпуса генерал-поручик И. А. Деколонг определил своего сына Ивана, в 20 с небольшим лет уже получившего чин поручика, но находившегося не в Сибири, а в Ревеле «при порученной комиссии». Житель г. Данцига (Гданьска) Д. Захариус (сын тамошнего купца) добровольно пошел на службу волонтером и за 12 лет дослужился до капитанского чина [82]. Своеобразно сложилась судьба упомянутого выше И. Чапкина. Крестившись в православную веру и пойдя на службу в 1741 г. 17-летним юношей, он, судя по всему, вскоре попытался вернуться к своей родной вере (исламу). За это потенциальный вероотступник был приговорен к смерти: «В Свияжском полку за отриновение веры греческаго исповедания приговорено ему было учинить смертную казнь» [83]. Однако императрица Елизавета Петровна помиловала его, так что он отделался разжалованием из прапорщиков в сержанты и ссылкой в сибирские гарнизонные части.

А вот на 1784 г. наблюдалась уже иная картина. Тогда в Западной Сибири по-прежнему располагались девять из 12 гарнизонных батальонов Сибирского корпуса (еще три находились в Забайкалье). 1-й, 2-й и 3-й Тобольские, а также Томский батальоны были сосредоточены в Тобольске и Томске соответственно, а 1-й и 2-й Омские, Бийский, Петропавловский и Семипалатинский расквартированы по крепостям на укрепленных линиях. Всего по спискам в их составе насчитывалось 17 штаб-офицеров в рангах премьер- и секунд-майоров и 143 обер-офицера, от капитанов до прапорщиков, всего 160 чел., комплектных и состоявших «сверх комплекта».

---

[81] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 540 об., 541.
[82] Там же. Л. 546 об., 547, 564 об., 565.
[83] Там же. Л. 481 об., 482.

Таблица 8

Численность офицеров сибирских гарнизонных батальонов, 1784 г. *

Чины	**Батальоны**		
	Тобольские и Томский	*Линейные пограничные*	**Всего:**
Штаб-офицеры: Полковник	–	–	–
Подполковник	–	–	–
Премьер-майор	–	1	1
Секунд-майор	7 (4)	10 (6)	17 (10)
Обер-офицеры: Капитан	10	19	29
Поручик	10 (1)	16	26 (1)
Прапорщик	41 (22)	46 (19)	87 (41)
Всего:	68 (27)	92 (25)	160 (52)

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494, 508. В скобках указано число «сверхкомплектных».

При этом сразу бросается в глаза то обстоятельство, что картина сословного происхождения этих лиц разительно отличалась от ситуации нескольких предшествующих десятилетий и выглядела весьма своеобразно. Прежде всего, обращало на себя внимание заметное падение доли представителей российского дворянства среди обер-офицеров «Сибирского гарнизона» – на все девять батальонов их насчитывалось всего 28 чел. (менее 18 %). Еще трое показывали себя сибирскими дворянами и детьми боярскими, а 20 чел. числились сыновьями штаб- и обер-офицеров. Однако к дворянам, обладавшим земельными владениями и крепостными крестьянами, всех их

отнести было невозможно. Из 51 чел., чьи отцы имели «природное» или выслуженное дворянское достоинство, настоящими представителями «благородного шляхетства», владельцами имений оказались менее половины (22 чел.). Для сравнения: в 1772 г. доля «природных» дворян в гарнизонных батальонах Сибири составляла почти 24 % [84]. Налицо «размывание» дворянского контингента сибирских батальонов выходцами из семей, лишь недавно приобретших «благородный» статус, и сокращение в офицерской среде числа обладателей земель и крепостных душ.

Если в предыдущие десятилетия можно было обнаружить на службе в Сибири ряд лиц, относившихся к помещикам среднего достатка, владельцев сотни и более крепостных душ м. п., то теперь единоличным обладателем более сотни душ м. п. оказался только один человек – состоявший на вакансии сержанта во 2-м Тобольском батальоне прапорщик В. Чуфаровский, владелец 120 душ в Воронежской губернии. Впрочем, он попал сюда не по своей воле: согласно высочайшему указу, его, бывшего капрала лейб-гвардии Преображенского полка, 12 лет назад отправили в Сибирь как замешанного в деле о заговоре в пользу возведения на престол великого князя Павла Петровича: «По некоторым важным делам лейб-гвардии Преображенскаго полку по лишении капральскаго чина был наказан розгами и послан в Сибирь, коего без особливаго указа ни в какия чины производить и из Сибири во всю жизнь внутрь России отлучать не велено» [85].

Из всех остальных мог не причислять себя фактически к неимущим дворянам, имея хотя бы более 20 душ м. п., один офицер – поручик Бийского батальона И. Щетнев, владелец 25 душ в Ярославской губернии [86]. Прочие либо показывали за собой буквально несколько семейств крепостных, либо

---

[84] Аналогичная картина наблюдалась и в трех гарнизонных батальонах, дислоцированных в Забайкалье. По данным за 1786 г., из 36 обер-офицеров к «природным» дворянам относились лишь пятеро чел., еще шестеро показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми. См.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 510. Л. 19–25, 230–251.

[85] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 508. Л. 829 об., 830. Об этом деле см., напр.: *Мыльников А. С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 330.

[86] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 374 об., 375.

утверждали, что душевладельцами являются их отцы, матери или братья. Шестеро и вовсе не располагали собственными крепостными.

Таблица 9

Происхождение офицеров сибирских гарнизонных батальонов, 1784 г. *

Происхождение	**Численность (чел.)**		
	Тобольские и Томский	*Линейные пограничные*	**Всего:**
Дворяне	10 (3)	21 (4)	31 (7)
Штаб- и обер-офицерские дети	9 (2)	11 (4)	20 (6)
Военнослужащие (ун-тер-офицеры, солдаты, драгуны)	36 (17)	44 (11)	80 (28)
Прочие (посадские, священнослужители, крестьяне)	11 (3)	5 (2)	16 (5)
Лица нерусского происхождения	2 (2)	11 (4)	13 (6)
Всего:	68 (27)	92 (25)	160 (52)

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 494, 508. В скобках указано число «сверхкомплектных».

Подобная картина наглядно демонстрировала, как низко упал в предпоследнем десятилетии XVIII в. престиж гарнизонной службы в стране в целом и за Уралом в частности. Если еще в середине столетия в сибирских гарнизонных частях можно было встретить даже представителей княжеских фа-

милий, то к середине 1780-х гг. даже выходцы из российских дворянских семейств уже стали здесь редким явлением.

Равным образом служба в «Сибирском гарнизоне» перестала быть привлекательной для лиц нерусского происхождения. За 15–20 лет, прошедших с момента расформирования полков Сибирского корпуса, число европейцев и прибалтийских немцев («остзейцев») в гарнизонных частях резко уменьшилось. В изученных списках за 1784 г. их удалось обнаружить лишь 13 чел. Причем, как правило, оказывалось, что эти люди уже бесповоротно решили связать свою судьбу с Россией до конца жизни. Швед Г. Лилиенгрейн, капитан Петропавловского батальона, «принял веру греческаго исповедания и состоит вечно в российском подданстве»; поляк И. Пршемисский из Семипалатинского батальона заявлял, что «по отставке в свое отечество отъехать не желает, а состоит вечно в российском подданстве» [87]. Его сослуживец И. Вейкман, австриец, родившийся в г. Гданьске (Данциге), поступил вольноопределяющимся на службу в русской армии и также «по отставке в отечество ехать не желает, а обязался быть в вечном российском подданстве». Только прапорщик Бийского батальона К. Блюм, уроженец Ганновера, оговорил, что «в российскую службу вступил времянно, покамест желание ево будет, а по отставке в свое отечество отъехать желает» [88]. Отметим, что в списках фигурируют также один из представителей известной впоследствии фамилии военачальников – 25-летний эстляндец П. Буксгевден, прапорщик Томского батальона, и разжалованный из секунд-майоров в прапорщики Е. де Гаррига, сын полковника Ф. де Гарриги, принадлежавший к известному в Сибири клану испанских дворян, каталонских выходцев [89].

Ровно половину среди офицеров составляли выходцы из семей рядовых военнослужащих, солдат и драгун. Этот факт доказывает, что даже к концу XVIII в. служба в регулярной армии империи имела значение как один из каналов вертикальной социальной мобильности: по прошествии более по-

[87] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 333 об., 334, 336 об., 337.
[88] Там же. Л. 356 об., 357, 362 об., 363.
[89] Там же. Л. 369 об., 370; Д. 508. Л. 797 об., 798.

лувека со времен петровских реформ все еще сохранялась возможность выслужить причисление к дворянству по Табели о рангах. Хотя время правления Екатерины II справедливо именуют «дворянским веком», но на офицерском корпусе армии, особенно гарнизонных частей, это обстоятельство не слишком сказывалось. При этом некоторым из этих людей удавалось продвинуться даже до высших обер-офицерских званий в сравнительно короткие сроки. Так, Я. Микишенков достиг капитанского чина во 2-м Омском батальоне, когда ему исполнилось только 35 лет, в 1780 г. Прапорщик Петропавловского батальона М. Шухов был произведен в первый обер-офицерский чин в 1779 г., будучи в возрасте 31 года [90]. Впрочем, возраст большинства лиц в чинах прапорщиков и поручиков на момент составления списков колебался в пределах от 40 до 50 лет, поэтому рассчитывать на успешное продолжение карьеры в течение долгого времени им вряд ли приходилось. Указанные случаи выглядели скорее исключением, нежели правилом. Лишь в 3-м Тобольском батальоне находились еще двое дослужившихся до прапорщиков перед тем, как им исполнилось 30 лет – Я. Мокринский (сын капрала) и Г. Вавилов (солдатский сын из Тобольска) [91].

Наряду со сравнительно молодыми офицерами в составе сибирских батальонов можно было встретить и заслуженных ветеранов, начинавших карьеру еще в 1730-х гг., помнивших времена императрицы Анны Иоанновны и фельдмаршала Б.-Х. Миниха. Капитан 1-го Тобольского батальона Д. Недозрелов служил с 1729 г., в 1784 г. ему было уже 74 года! Подпоручик на вакансии прапорщика в Томском батальоне И. Даев нес службу с 1733 г., ему исполнилось к этому моменту 76 лет. Прапорщику того же батальона А. Вялову, сыну сибирского казака из г. Нарыма, исполнился 71 год, в своем нынешнем чине он состоял уже более 20 лет [92]. Заметим, что таких людей можно было встретить лишь в батальонах, дислоцированных во внутренних городах Сибири. Из состава офицеров – выходцев из непривилегированных

[90] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 338 об., 339, 360 об., 361.
[91] Там же. Д. 508. Л. 835 об., 836.
[92] Там же. Л. 789 об. – 791, 807 об. – 809.

сословий, несших службу на пограничных линиях, самыми пожилыми были трое человек в возрасте 57 лет: поручик Бийского батальона Г. Бруцын (из крестьян при демидовских заводах), прапорщик того же батальона С. Глазков и поручик 1-го Омского батальона С. Черноусов (оба – солдатские дети) [93]. Впрочем, это вполне объяснимо, ведь служба на пограничных линиях и в крепостях вряд ли была по силам людям, уже перешагнувшим 60-летний рубеж.

Несколько иначе выглядела картина происхождения штаб-офицеров рассматриваемых девяти батальонов. Из 18 чел. пятеро принадлежали к российскому дворянству, один происходил из сибирских дворян, а еще трое относились к штаб- и обер-офицерским детям. Правда, должности батальонных командиров занимали всего трое: секунд-майор И. Зеленой (из дворян Псковской губернии) во 2-м Омском, премьер-майор С. Красноперов в 1-м Омском и секунд-майор Н. Поляков в Семипалатинском (оба из обер-офицерских детей). Остальные шестеро числились «сверх комплекта». Упомянутый майор Зеленой даже указывал за собой «по последней ревизии написанных по городу Омску в подушной оклад мужеска полу 21 душу», а секунд-майор на капитанской вакансии при 3-м Тобольском батальоне А. Матигоров (сибирский дворянин) имел за собой «крестьян 24 души Ялуторовского дистрикта в деревне Коптелях» [94]. Среди них был и обладатель княжеского титула – «сверх комплекта» секунд-майор Бийского батальона Н. Дивеев. Двое «остзейских» дворян, уроженцев Лифляндии: командир того же батальона секунд-майор И. Клеитин и состоявший на капитанской вакан-

[93] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 350 об., 351, 375 об., 376, 377 об., 378.

[94] Там же. Л. 328 об., 329; Д. 508. Л. 849 об., 850; Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам на 1784 год. СПб., 1784. С. 177, 184. И. Зеленой впоследствии был комендантом г. Тары и все еще проживал там в 1806 г., когда его посетил, возвращаясь из своей поездки в Сибирь, известный мемуарист Ф. Вигель, так охарактеризовавший его: «О самой России, где он никогда не бывал, говорил он почти как о чужом государстве; признавался, однако же, что перед смертью хотелось бы ему хотя раз взглянуть на *Питенбурх*» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 393).

сии в Петропавловском батальоне секунд-майор М. Фишер, завершали список представителей привилегированных сословий [95].

Двое батальонных командиров были выходцами из семей церковнослужителей. Секунд-майору А. Соколову (Петропавловский батальон) уже исполнилось 70 лет, однако он все еще продолжал службу; секунд-майор Ф. Серебряков (1-й Тобольский батальон) был на шесть лет моложе [96]. 2-м Тобольским батальоном командовал секунд-майор Д. Пушкарев, сын унтер-офицера, командирами 3-го Тобольского и Томского батальонов состояли секунд-майоры И. Журавлев и Ф. Лебедев соответственно, оба из солдатских детей [97]. Все это также были люди весьма преклонного возраста, для которых их нынешние должности являлись пределом карьерных достижений.

К концу XVIII в. кадровый состав офицерского корпуса гарнизонных батальонов Сибирского корпуса по ряду параметров заметно отличался от других армейских частей. Значительное преобладание, особенно среди обер-офицеров, выходцев из непривилегированных сословий, низкий уровень материального благосостояния даже представителей дворянства, медленное повышение в чинах – все эти факторы, видимо, делали сибирскую гарнизонную службу малопривлекательной. Также обращает на себя внимание резкое падение числа выходцев из сибирского населения среди офицеров гарнизонных частей. Это заставляет предполагать, что данные части на территории Сибири в последней трети XVIII в. были превращены в главную опору имперской государственной власти для поддержания внутреннего порядка. Отсутствие прочных и долговременных связей между их командирами и офицерами и той социальной средой, в которой они находились здесь, делало гарнизонные войска надежным орудием, гарантирующим стабильность существующего порядка в регионе.

---

[95] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 326 об., 327, 343 об., 344; Список Воинскому департаменту… СПб., 1784. С. 182.

[96] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 327 об., 328; Д. 508. Л. 806 об., 807; Список Воинскому департаменту… СПб., 1784. С. 183, 184.

[97] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 508. Л. 786 об., 787, 822 об., 823, 847 об., 848; Список Воинскому департаменту… СПб., 1784. С. 183.

2.2. Состав полевых частей

С появлением за Уралом в 1744–1745 гг. полевых полков регулярной армии кадровый состав сибирских частей значительно изменился по многим количественным и качественным показателям. Кратко остановимся на истории некоторых из этих воинских частей, в частности, двух драгунских полков. Луцкий и Олонецкий драгунские полки были сформированы в 1706–1707 гг., принимали активное участие во многих сражениях Северной войны (1700–1721). Луцкий был укомплектован в 1706 г. в Копорье из «шляхетства» и казаков Новгородского разряда [98], Олонецкий в 1707 г. был переформирован из рейтарского полка, набранного в 1700 г. в Смоленске [99]. В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. они находились в непосредственной близости к театру боевых действий – на Украине, наряду с другими частями составляя резерв для армии фельдмаршала Б.-Х. Миниха [100]. По данным именных списков Луцкого полка за 1748 г. и Олонецкого полка за 1749 г. [101] можно судить об кадровом составе рядовых и офицеров уже во время пребывания на территории Сибири.

Структура драгунских полков в середине XVIII в. выглядела следующим образом: каждый полк делился на несколько эскадронов, в общей сложности насчитывавших 10 рот по 82 рядовых [102]. С приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны в конце 1741 г. во всех полках, армейских и гарнизонных, пехотных и кавалерийских, были выделены отдельные роты гренадер [103]. Соответственно, уже с 1742 г. драгунский полк состоял из 11 рот.

---

[98] *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 94; *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 275.

[99] *Рабинович М. Д.* Полки… С. 81, 97; *Татарников К. В.* Русская полевая армия… С. 288.

[100] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 402. Л. 1110.

[101] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309, 339.

[102] *Татарников К. В.* Русская полевая армия… С. 23.

[103] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 63, 65; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 69.

Гренадерские роты, благодаря своему привилегированному положению [104], имели несколько большую численность – 100 чел. На момент проведения смотра в Луцком полку оказались налицо 916 рядовых драгун, в Олонецком – 913, т. е. оба были практически полностью укомплектованы [105]. Службу здесь несли рекруты, взятые, в основном, из крестьян нескольких губерний европейской части страны: Московской, Киевской, Воронежской, Белгородской, Казанской, Новгородской и др. К моменту передислокации в Сибирь среди драгун можно было встретить как ветеранов, начавших службу еще со второй половины 1720-х гг., так и молодых новобранцев, поступивших в полки уже в начале 1740-х гг.

Весьма интересны данные о том, когда и кем пополнялись оба полка, уже будучи расквартированными в Сибири. Например, в 1746 г. в Луцкий полк поступили 190 вновь набранных рекрут, причем большинство среди них составили отнюдь не сибирские уроженцы. Так, 56 чел. были выходцами из казанских крестьян, 48 – крестьяне Вятского уезда, 40 – из крестьян и посадских Хлыновского уезда. В 1747 г. в рядах полка оказались еще пятеро чел., причем трое из них представляли «благородное шляхетство»: один проживал в Пронском уезде, другой был костромским дворянином, третий был зачислен в полк из дворянских недорослей [106]. А вот уже в 1748 г. отмечено появление сибиряков почти в каждой роте. Всего в этом году были взяты на службу 16 уроженцев Тобольска: один из них был сыном местного казака, все остальные – сыновья солдат.

Таким образом, уже через два года после переброски сюда полевых частей они стали пополняться в ходе рекрутских наборов местными уроженцами. Еще более наглядно иллюстрируют эту тенденцию перемены в личном составе дислоцированных здесь полевых пехотных полков (Ширванского и Нотебургского), когда они в 1747 г. были преобразованы в трехбатальонные

---

[104] Это обстоятельство уже отмечалось исследователями. См.: *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 70.

[105] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309, 339. Здесь и далее подсчет автора.

[106] Там же. Д. 309. Л. 87 об., 88, 119 об., 120, 165 об., 166.

именно за счет пополнения сотнями рекрут-сибиряков [107]. Небезынтересно отметить, что гарнизонные полки Сибири как раз с этого времени стали пополнять, как правило, рекрутами, взятыми из европейских губерний, т. е. произошла своеобразная «рокировка».

Перейдем теперь к анализу данных по штаб- и обер-офицерам полков. Интересная особенность, сразу же бросающаяся в глаза – командовали обоими полками офицеры нерусского происхождения, причем поступившие на службу еще при жизни Петра I. Командиром Луцкого полка был полковник И. фон Эйкин, австриец по происхождению («из шляхетства цесарской нацыи»). Ему было уже 67 лет, в Россию он приехал в 1724 г., а вступил в командование полком в 1743 г. [108] За почти четверть века, проведенные в России, он, судя по всему, так и не овладел русским языком – «грамоте и писать» умел, как было отмечено в его формулярном списке, только по-немецки. Олонецким полком командовал бригадир Д. Крофт, выходец с Британских островов, 56 лет от роду. Приехав в Россию в 1723 г., он получил чин полковника при Анне Иоанновне (в 1737 г.) и в дальнейшем продолжал успешно продвигаться по служебной лестнице – последствия воцарения Елизаветы, сопровождавшегося отставками многих лиц нерусского происхождения, служивших в армии, его не коснулись [109]. Кроме него, в «полковом штабе» находились подполковник И. Х. Штруф, уроженец Мекленбурга [110], и премьер-майор И. Р. фон Хенинберх, лишь несколько месяцев назад произведенный из секунд-майоров Азовского драгунского полка, но еще не прибывший к новому месту службы [111]. Такое преобладание людей нерусского происхождения среди полковых штаб-офицеров в середине XVIII в. не было

[107] См., напр., данные по Нотебургскому пехотному полку: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 306. О сути этой реформы см.: *Масловский Д. Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 129; Он же. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 225, 227; Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 4. Введение. С. 167; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 69.

[108] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 1 об., 2.

[109] Там же. Д. 339. Л. 1 об., 2.

[110] Там же.

[111] Там же. Л. 2 об., 3.

редким явлением – например, Ширванским пехотным полком командовал испанец Х. де Гаррига, с момента своего приезда в Россию в 1740 г. носивший чин полковника [112].

Русские в штаб-офицерских чинах были представлены подполковником Луцкого полка С. Измайловым, богатым помещиком (в нескольких уездах Европейской России за ним числились более тысячи крепостных душ м. п.), и его сослуживцами, премьер-майором Д. Гурьевым и секунд-майором П. Арцыбашевым [113]. Их состояние было куда скромнее: Гурьев имел 60 душ м. п. в Арзамасском уезде, Арцыбашев – 67 душ м. п. в Тверском уезде. Сюда же можноотнести и секунд-майора Олонецкого полка Р. Башмакова, имевшего 64 души м. п. в Новгородском уезде [114]. Возраст этих офицеров колебался в пределах 45–55 лет, а воинский стаж насчитывал уже более 30 лет, поскольку все они служили еще с петровской эпохи. Только подполковнику Измайлову не исполнилось еще 40 лет, а в ряды армии он вступил в конце 1720-х гг. На момент проведения смотра он, вместе с секунд-майором Арцыбашевым, находился «в Казанской губернии при генералной ревизии» (отправлены они были туда еще в 1744 г., т. е. до сих пор так и не прибыли в Сибирь).

Не имея возможности подробно останавливаться на биографиях всех обер-офицеров, постараемся дать общую картину по ряду параметров: сословному происхождению, возрасту и стажу военной карьеры. Для начала представим численность людей в интересующих нас чинах по обоим полкам в форме таблицы.

Общая численность обер-офицеров в драгунском полку должна была составлять 33 чел. В обоих полках практически не было свободных вакансий, в то время как для гарнизонных частей Сибири нехватка офицеров была обычным явлением.

---

[112] См.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 337. Л. 1 об., 2.
[113] Там же. Д. 309. Л. 1 об., 2.
[114] Там же. Д. 339. Л. 2 об., 3.

Таблица 10

Численность обер-офицеров сибирских драгунских полков на 1748/1749 гг. *

Чины	**Полки**		
	Луцкий 1748 г.	*Олонецкий 1749 г.*	**Всего:**
Капитан	9	10	19
Поручик	9	11	20
Прапорщик	10	11	21
Всего [115]**:**	28	32	60

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309, 339.

Заметим, впрочем, что ряд офицеров числились в полках лишь «виртуально», поскольку с момента определения так и не прибыли к новому месту службы. В Луцком полку таковыми являлись капитан А. Шишкин, переведенный по распоряжению генерал-майора Х. Киндермана «из состоящих сверх комплекту капитанов» Вологодского драгунского полка в 1746 г., однако до сих пор не явившийся сюда, хотя предоставленный ему отпуск с возможностью жить в своем доме завершился уже в январе 1748 г. [116], и прапорщик И. Мусин-Пушкин, еще с 1744 г. находившийся в Московской губернии «при генеральной ревизии» [117]. В Олонецком полку отсутствовали сразу девять чел., однако этому есть свое объяснение. Все они были повышены в чине в апреле 1749 г., лишь за несколько месяцев до проведения инспекторского смотра (он пришелся на конец августа) и, судя по всему, еще не успели прибыть на службу. Среди них были переведенные из Вологодского

[115] Офицеров в чине подпоручика в драгунских полках не было вообще. Лишь в гренадерских ротах подпоручики занимали вакансии прапорщиков, поэтому в таблице они причислены к остальным ротным прапорщикам.

[116] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 168 об., 169.

[117] Там же. Л. 89 об., 90.

драгунского полка гренадерский подпоручик И. Матюнин, капитан П. Булгаков, поручики Т. Веригин и Р. Некрасов, прапорщики Л. Белый, М. Храповицкий и Г. Сухов [118]. Из Луцкого полка должны были прибыть поручики Л. Фролов и Л. Фабрициус [119].

Офицеры, которым уже исполнилось 40 и более лет, служили в армии еще с 1720-х гг. (или даже ранее), многие успели застать в живых Петра I. Те, кто были помоложе, начинали свою военную карьеру, как правило, уже в 1730-е гг., в царствование Анны Иоанновны. Исключение составляли поручик Луцкого полка С. Никитин, зачисленный на службу в 1729 г. 12-летним подростком, и его сослуживец прапорщик кн. Ф. Козловский, начавший свою карьеру в 1727 г. в возрасте 13 лет. Самым молодым из драгунских обер-офицеров оказался 22-летний прапорщик Олонецкого полка С. Ульянов – в армию он попал в 1742 г., будучи 15 лет от роду; самыми пожилыми – капитаны Луцкого полка А. Ощерин (56 лет) и Олонецкого полка М. Мерлин (55 лет). Многократно упоминавшаяся мемуаристами-современниками практика фиктивного зачисления дворянских отпрысков на военную службу с раннего детства к середине XVIII в. еще не получила особенного распространения – из почти полусотни полковых офицеров начинали таким образом свою армейскую биографию единицы. Да и в гвардии успели отметиться только двое офицеров – прапорщики Луцкого полка Е. Яншин и А. Полянский, до 1747 г. служившие рядовыми в лейб-гвардии Семеновском полку [120].

Данные о сословном происхождении этих офицеров, в общем, совпадают с цифрами, приведенными Г. Ф. Быконей для 1754 г. [121] В Луцком полку российскими дворянами были почти все находившиеся в тот момент (1748 г.) на службе обер-офицеры – 25 чел., еще один (поручик К. фон Траубенберг) происходил из лифляндцев.

---

[118] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339. Л. 10 об., 11, 44 об., 45, 104 об., 105, 118 об., 119, 134 об., 135, 152 об., 153.

[119] Там же. Л. 89 об., 90, 173 об., 174.

[120] Там же. Д. 309. Л. 41 об., 42, 57 об., 58, 89 об., 90, 121 об., 122; Д. 339. Л. 59 об., 60, 134 об., 135.

[121] См.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 199, 200.

Таблица 11

Возрастные показатели обер-офицеров сибирских драгунских полков на 1748/1749 гг. *

Возраст	**Численность (чел.)**		
	Луцкий 1748 г.	*Олонецкий 1749 г.*	**Всего:**
До 20 лет	–	–	–
От 21 года до 30 лет	6	5	11
От 31 года до 40 лет	8	10	18
От 41 года до 50 лет	9	5	14
51 год и более	3	3	6
Всего:	26	23	49

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309, 339.

Таблица 12

Сроки службы обер-офицеров сибирских драгунских полков на 1748/1749 гг. *

Срок службы	**Численность (чел.)**		
	Луцкий 1748 г.	*Олонецкий 1749 г.*	**Всего:**
До 10 лет	–	4	4
От 11 до 20 лет	12	9	21
От 21 года до 30 лет	10	8	18
От 31 года до 40 лет	4	2	6
41 год и более	–	–	–
Всего:	24	25	72

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309, 339. Упомянутые выше отсутствовавшие офицеры сюда не включены.

В Олонецком полку картина была несколько более пестрая, но и здесь среди офицеров преобладали представители российского «благородного шляхетства»: 12 чел. из 23, в тот момент (1749 г.) находившихся в полку. К ним также можно добавить прапорщика Н. Белоусова, «из шляхетства полской нацыи, жителство имеет в Киеве», и нескольких лиц, принадлежавших к нерусским дворянским фамилиям: капитаны И. фон Дипенбрук и И. фон Линеман (Пруссия), А. фон Круль (Мекленбург), поручики Ю. Паскау (Курляндия), И. Реберг (Пруссия), прапорщик И. фон Клингенберг (Австрия) [122]. Всего, таким образом, выходцами из дворян показали себя 19 чел.

Не имели счастья принадлежать к дворянскому сословию четверо офицеров полка: капитан А. Хотьянов (из подьяческих детей г. Путимля), поручики М. Черкашенинов («малоросийской нацыи»), И. Дубняков (из солдатских детей г. Новопавловска Воронежской губернии), прапорщик М. Измайлов (сын орловского попа) [123]. Заметим, что похожая картина наблюдалась и в армейских пехотных полках; там, правда, выходцев из «тяглых» сословий было несколько больше. Так, в Ширванском пехотном полку незадолго до его перевода в Сибирь (1743 г.) таковых насчитывалось среди обер-офицеров восемь чел., а в Нотебургском пехотном полку в 1748 г. – пятеро [124]. Впрочем, это не должно удивлять – исследователями уже отмечено, что в XVIII в. кавалерия по-прежнему считалась привилегированным родом войск в русской армии, подобно тому, как это было в полках «нового строя» на протяжении предыдущего столетия [125].

Большинство офицеров-дворян обоих драгунских полков сами были помещиками, владельцами крепостных, или же поместьями владели их бли-

---

[122] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 25 об., 26; Д. 339. Л. 10 об., 11, 28 об., 29, 74 об., 75, 118 об., 119, 151 об., 152.

[123] Там же. Д. 339. Л. 59 об., 60, 89 об., 90, 152 об., 153, 173 об., 174.

[124] См.: Там же. Д. 254, 306. Подсчет наш.

[125] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 195. См. также: *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 404; *Дмитриев А. В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 53, 54.

жайшие родственники. Правда, их имущественное положение трудно назвать завидным. По числу крепостных почти все офицеры относились к мелкопоместным. Менее 50 душ крестьян м. п. имели 20 чел., от 50 до 100 душ м. п. – еще 12. О прапорщике Луцкого полка М. Тихомирове было сказано: «Жителство имеет в городе Симбирску, за ним мужеска полу душ не имеетца». Только четверо офицеров Луцкого полка могли считать себя вполне состоятельными земле- и душевладельцами. У подпоручика гренадерской роты А. Семенова было 130 крепостных душ м. п. в Старицком и Зубцовском уездах Тверской провинции; капитан Е. Домогацкий владел 193 душами м. п. в Козельском уезде; за капитаном кн. В. Мещерским были записаны 139 душ в с. Преображенском Бежецкой пятины Новгородского уезда; упоминавшийся выше прапорщик кн. Ф. Козловский был «испомещен в разных уездех, за ним мужеска полу 300 душ». В Олонецком полку самым богатым помещиком мог считать себя поручик С. Сербин, имевший 62 души м. п. в с. Никольском Шацкого уезда [126].

Словом, вряд ли армейская служба приносила русским дворянам значительную выгоду или позволяла поддерживать в надлежащем состоянии собственные поместья, если только они не имели счастья принадлежать к знатным и богатым семействам. Этим обстоятельством, вероятно, объясняется и то, что у ряда полковых офицеров сроки службы уже превышали предел в 25 лет, установленный для дворян манифестом императрицы Анны Иоанновны (1736 г.). Например, капитан Луцкого полка А. Лукин, чья военная карьера началась еще в 1722 г., вполне мог просить отставки на законных основаниях, однако вряд ли рассчитывал на благополучную жизнь после этого – у него было лишь 12 душ м. п. в Муромском уезде. Поручик И. Челюскин, служивший с 1719 г., находился в аналогичном положении, имея всего семь душ м. п. в Вологодском уезде. Зато их сослуживец из унтер-офицеров, вах-

[126] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 9 об., 10, 41 об., 42, 105 об., 106, 137 об., 138; Д. 339. Л. 29 об., 30.

мистр П. Мнихов, мог позволить себе не беспокоиться о своем будущем: за его матерью в разных уездах были записаны 250 душ крепостных м. п. [127]

Несмотря на такое достаточно скромное материальное положение, армейские офицеры в середине XVIII в. вполне соответствовали предъявляемым требованиям, прежде всего, по уровню образования. Если в гарнизонных частях еще можно было встретить даже в обер-офицерских чинах людей, которые «читать не умеют, токмо пишут свой чин, имя и прозвание», то в полевых полках они, как правило, не могли подняться выше унтер-офицерских чинов. Так, в рассматриваемых драгунских частях лишь один человек – прапорщик Олонецкого полка Л. Масленицкий – был неграмотным, что фактически закрывало ему дорогу к дальнейшему продвижению. В 1749 г. ему уже исполнилось 50 лет, срок его боевой службы исчислялся 26 годами, а прапорщиком он стал 10 лет назад, причем, вероятно, никаких перспектив на повышение теперь не имел. Точно так же, например, в Нотебургском пехотном полку неграмотным был только один из обер-офицеров – поручик И. Воронин [128]. Что касается офицеров нерусского происхождения, то они, похоже, не только довольствовались владением своими родными языками, но и считали нужным изучать русский. По крайней мере, лишь один из упоминавшихся выше – капитан Олонецкого полка фон Дипенбрук – не владел русским языком, все остальные умели говорить и писать на языке той страны, в которой они служили.

Во второй половине XVIII в. кадровый состав полевых частей за Уралом претерпел значительные изменения, связанные, прежде всего, с организацией Сибирского корпуса и теми структурными преобразованиями, которые начались с первых же лет царствования Екатерины II. Возьмем данные о штаб-офицерах (полковниках, подполковниках, премьер- и секунд-майорах), а также носителях высшего обер-офицерского чина (капитанах и ротмистрах), содержавшиеся в списках 11 полевых полков Сибирского корпуса

[127] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 25 об., 26, 57 об., 58, 137 об., 138.
[128] Там же. Д. 306. Л. 84 об., 85; Д. 339. Л. 89 об., 90.

за январскую треть 1767 г. [129] Всего там перечислены 107 чел., на момент составления указанных списков находившихся на действительной службе, из них 37 чел. – штаб-офицеры, 70 чел. – капитаны и ротмистры. Капитанские чины также имели корпусной обер-аудитор и адъютант командующего корпусом, на этом основании включенные в общий перечень.

Таким образом, эти люди представляли весь командный состав сибирских полевых частей: полковые командиры, офицеры полковых штабов и ротные командиры. Любопытно отметить, однако, что лица дворянского происхождения среди них не составляли абсолютного большинства, а данные относительно сословного происхождения этих офицеров дают интересную и достаточно пеструю картину. Представителей российского «благородного шляхетства» насчитывалось 47 чел. (почти 44 %), хотя к ним можно также добавить четверых «обер-офицерских детей» [130]. Второй по численности группой оказались лица нерусского происхождения – «остзейские» немцы и выходцы из европейских стран, таковых насчитывалось 35 чел. (чуть менее трети). Вместе с тем, еще 21 чел. (почти 20 %) оказались выходцами из «неблагородных» сословий, сумевшими, впрочем, достичь штаб- и обер-офицерских чинов.

Среди капитанов и ротмистров числились более полутора десятков лиц «неблагородного» происхождения: кроме солдатских детей, здесь встречались сыновья крестьян и посадских, купцов и подьячих, церковнослужителей, армейских унтер-офицеров. Даже должность обер-аудитора Сибирского корпуса (т. е. лица, ответственного за произведение следствия и ведение переписки командующего по судебным и дисциплинарным делам) капитанско-

---

[129] Изученные списки содержатся в: РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 131–596 об. Список Якутского карабинерного полка датируется не январской, а майской третью 1767 г. Именные списки младших обер-офицеров (поручиков и прапорщиков) за названный год, к сожалению, не сохранились. Соответствующие данные в ф. 490 встречаются только с 1769 г., когда состав воинских частей в структуре корпуса уже претерпел некоторые изменения: в частности, из Сибири были выведены Томский и Селенгинский пехотные полки.

[130] Здесь и далее все подсчеты сделаны по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 135 об. – 341.

го ранга занимал выходец из солдатских детей И. Волынкин, уроженец Тобольска, начавший службу рядовым в Новоучрежденном полку 30 лет назад [131]. Некоторые из них достигали высшего обер-офицерского чина в самом молодом возрасте, хотя также начинали простыми солдатами. Так, в Томском пехотном полку А. Серебряков (из крестьянских детей) сделался капитаном в 27 лет, а В. Паклин из Олонецкого драгунского полка (сын унтер-офицера) получил этот чин в 28 лет [132].

После издания пять лет назад (1762 г.) Манифеста о вольности Петра III представители дворянского сословия, казалось бы, должны были в массовом порядке покидать государственную службу. Однако, как свидетельствуют изученные данные, ничего подобного не произошло. Более того, в чинах от капитана и выше доля дворян среди армейских офицеров приближалась к половине. Чем можно объяснить эту тенденцию? Некоторые из современных исследователей либо усматривали в качестве главной причины специфику политического сознания русского дворянства XVIII в., диктовавшего необходимость неразрывной связи с государственной службой [133], либо просто констатировали, что после 1762 г. «многие дворяне, освободившись от обязательной службы, обратились к ведению хозяйства в своих имениях» [134].

Можно предположить, что картина была гораздо прозаичнее – более половины русских дворян середины – второй половины XVIII в. просто не могли позволить себе жить на доходы со своих мелких и мельчайших имений, поэтому вынуждены были оставаться на службе. Совершенно справедливо замечание Д. Ливена относительно образа русского провинциального

---

[131] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281. Л. 30 об., 31, 95 об., 96; Оп. 3. Д. 83. Л. 196 об., 197.

[132] Там же. Оп. 3. Д. 83. Л. 138 об., 139, 187 об., 188.

[133] См., напр.: *Марасинова Е. Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33; Она же. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 81–92.

[134] *Медушевский А. Н.* Российская империя в сравнительном освещении. Власть и собственность в абсолютистском государстве // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 806.

дворянина, «как правило, владевшего… не слишком плодородными и богатыми землями, которые к тому же приходилось делить между детьми и наследниками». Именно это заставляло большинство дворян стремиться на государственную службу, ведь провинциальный дворянин «мог рассчитывать на выгодную и престижную карьеру на царской военной или гражданской службе» [135].

Сведения об имущественном положении офицеров-дворян в полках Сибирского корпуса полностью подтверждают приведенное выше замечание. Из 44 чел., числивших за собой какое-то число крепостных душ (у троих собственных крестьян не было вовсе), 23 чел. (т. е. более половины) показывали себя владельцами 20 и менее крепостных м. п. Еще 20 чел. оказались владельцами от 21 до 100 душ, хотя подавляющее большинство среди них составляли помещики, у которых число крепостных не превышало 50. И только четверо принадлежали к средним или богатым земле- и душевладельцам, правда, у троих из них имения были записаны за кем-то из родителей. Единственным полноправным владельцем среди них был командир Ревельского драгунского полка полковник И. Нагаткин, числивший за собой в Симбирском уезде 110 душ м. п. [136] Секунд-майор Томского пехотного полка Н. Марков показывал, что у его отца 700 душ м. п., его сослуживец капитан кн. А. Голицын – 400 душ м. п. за отцом, капитан Селенгинского пехотного полка А. Бахтеев – 1 000 душ м. п. за матерью [137].

Однако перечисленные случаи являлись, конечно, исключением. Типичным для армейского штаб-офицера тех лет в материальном плане выглядело положение подполковника Азовского драгунского полка В. Абарина (50 душ м. п.), премьер-майора Луцкого драгунского полка А. Рычкова (45 душ

---

[135] См.: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007. С. 396–397.

[136] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 135. Л. 85 об., 86; Д. 136. Л. 92 об., 93; Д. 309, Л. 1 об., 2; Д. 393, л. 9 об., 10; Оп. 3. Д. 83. Л. 159 об., 160; Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам на 1767 год. СПб., 1767. С. 47.

[137] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 136 об., 137, 139 об., 140, 213 об., 214.

м. п.), секунд-майора Сибирского драгунского полка Ф. Ланского (60 душ м. п.) [138]. Среди обер-офицеров из 14 чел., владевших более чем 20 душами крепостных, только половина (семеро) числили эти души за собой, а не за родителями или братьями. И только у двоих из них число душ составляло 50 и более – капитан Ревельского драгунского полка Е. Белов показал себя владельцем 60 крепостных м. п., а капитан Троицкого драгунского полка Н. Кологривов имел 50 душ [139]. Наконец, весьма показателен следующий факт: из девяти чел. дворянского происхождения в майорских чинах семеро владели 20 и менее душами крепостных м. п. И. В. Фаизова приводила подсчеты, согласно которым доля лиц, владевших менее чем 20 душами крепостных м. п., составляла более половины от численности всех дворян-помещиков в стране (59 %). Заметим, что цифра в 20 душ как раз и считалась границей, отделявшей неимущих землевладельцев от тех, кто хоть сколько-нибудь соответствовали тогдашнему «прожиточному минимуму» [140]. Фактически ту же картину нарисовал в отношении гражданской бюрократии С. М. Троицкий, говоря о преобладании «средних и особенно мелких душевладельцев среди чиновничества России в XVIII в.» [141].

Еще одной интересной особенностью является значительная (как уже отмечалось выше, около трети) доля лиц нерусского происхождения, состоявших на службе в полках Сибирского корпуса. Причем если в чинах капитанов и ротмистров их насчитывалось менее 30 % (19 чел.), то среди штаб-офицеров их было более 40 % (16 чел., правда, один из них принадлежал к «малороссийскому», т. е. украинскому дворянству). Среди полковых командиров они вообще составили подавляющее большинство – восемь из

---

[138] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 161 об., 162, 169 об., 170, 175 об., 176; Список находящимся в штате… СПб., 1767. С. 48, 50, 53.

[139] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 178 об., 179, 180 об., 181.

[140] *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 48–51.

[141] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 302.

10 чел. [142] Вопреки расхожему мнению, что подобную картину можно было наблюдать только во времена «немецкого засилья» в 1730-е гг. при правлении императрицы Анны Иоанновны, и во второй половине XVIII в. прибалтийские немцы и западноевропейцы продолжали занимать видные места в русской армии. Даже если исключить из их числа четверых «иноземцев старых выездов» (так обозначались сыновья и внуки бывших иностранных подданных, родившиеся уже на территории России) и упомянутого малороссийского шляхтича (секунд-майор Селенгинского пехотного полка М. Березинский), цифра все равно получалась достаточно внушительной.

География происхождения этих людей выглядела весьма разнообразной. Одним из определяющих факторов здесь, конечно, выступал индикатор религиозного вероисповедания, поскольку выходцев из тех европейских государств, где давно возобладал протестантизм (Швеции, Великобритании, Нидерландов, Пруссии и ряда германских княжеств), на службе в России XVIII в. всегда было больше, нежели представителей католических держав (Австрии, Франции, Испании). Не забудем и о многочисленной диаспоре «остзейцев» (курляндцев и лифляндцев), на всем протяжении XVIII в. сохранявших значительное влияние в придворных и военных кругах империи. Последних в рядах сибирских офицеров насчитывалось 14 чел., в том числе адъютант командующего Сибирского корпуса генерал-поручика И. фон Шпрингера А. Беренц, поступивший в русскую армию в 1758 г. 18-летним юношей. Уже в 1760 г. он побывал в Берлине, занятом на несколько дней русскими войсками, а в 1761 г. находился при осаде и взятии Кольберга [143]. Кроме того, здесь же фигурировали представители известной в Сибири фамилии Якоби – полковник Селенгинского пехотного полка И. Якоби и служивший под его началом капитан П. Якоби были родными братьями, сыно-

[142] Командир Олонецкого драгунского полка полковник П. Арцыбашев к весне 1767 г. уже оставил свою должность, так что управление полком временно было возложено на подполковника И. Штендера.

[143] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 198 об., 199.

вьями генерал-майора и коменданта г. Селенгинска В. В. Якоби, перебравшегося в Россию еще в первой четверти XVIII в. [144]

Аналогичный пример наблюдался в Колыванском драгунском полку, где под началом испанца, уроженца Барселоны полковника Ф. де Гарриги служили в капитанских чинах двое его сыновей. В Вологодском полку числился капитан А. де Вильнев, сын томского коменданта полковника Т. де Вильнева [145]. Небезынтересно отметить, что представители семьи де Вильнев оставались католиками, тогда как другие французы на русской службе оказывались, как правило, протестантами, бежавшими с родины от религиозных преследований. К ним относились, в частности, командир Луцкого полка полковник А. Скалон (кальвинист) и капитан Ревельского полка Ж. де Бособр (лютеранин) [146].

Наконец, несколько человек представляли Пруссию – недавнего противника Российской империи в ходе Семилетней войны, либо происходя из тамошних уроженцев, либо перебравшись на русскую службу после того, как провели некоторое время под знаменами короля Фридриха II. Так, мекленбургский дворянин М. Эстренг, дослужившись в прусской армии до чина штабс-капитана, перешел на русскую службу в октябре 1760 г. (т. е. еще в разгар войны). В его послужном списке, правда, не уточнялось, был ли этот переход добровольным или же явился результатом, например, попадания в плен. Выходец из ангальт-цербстских дворян (а значит, соотечественник императрицы Екатерины II) К. Л. фон Дафир в том же чине был принят на службу в августе 1763 г., уже после окончания войны [147]. Заметим, что в 1742–1744 гг., еще до отъезда будущей императрицы в Россию, молодой фон Дафир был пажом при дворе ее матери в Цербсте. Очевидно, Екатерина была неравнодушна к своим соотечественникам: фон Дафир не только был зачис-

[144] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 207 об., 208, 211 об., 212. И. В. Якоби впоследствии стал генерал-губернатором Иркутского и Колыванского наместничеств.

[145] Там же. Л. 157 об., 158, 184 об., 185, 191 об., 192.

[146] Там же. Л. 156 об., 157, 185 об., 186.

[147] Там же. Л. 178 об., 179, 187 об., 188.

лен в русскую армию поручиком, но и всего через полтора года уже произведен в капитаны [148].

Данные относительно возраста и стажа воинской службы всех офицеров можно выразить в форме следующих таблиц.

Таблица 13

Возрастные показатели командного состава полков Сибирского корпуса на 1767 г. *

Возраст	**Численность (чел.)**		
	Штаб-офицеры	*Обер-офицеры*	**Всего:**
До 20 лет	–	1	1
От 21 года до 30 лет	2	16	18
От 31 года до 40 лет	15	30	45
От 41 года до 50 лет	10	16	26
51 год и более	10	7	17
Всего:	37	70	107

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83.

Преобладающую долю среди офицеров корпуса составляли люди среднего или даже приближавшегося к зрелому возраста, находившиеся на службе более 10, но менее 30 лет. Впрочем, при интерпретации полученных данных необходимо иметь в виду широко распространенную во второй половине XVIII в. практику записи дворянских детей на службу в низших чинах (рядовыми и унтер-офицерами) еще до достижения ими совершеннолетия, в ряде случаев и в детском возрасте. Так, упомянутые выше подполковник Абарин и премьер-майор Рычков числились состоявшими на военной службе с 11-

[148] Документы о его переходе на русскую службу см.: РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 250. Д. 399. Л. 126–143.

летнего возраста, хотя очевидно, что реально исполнять свои обязанности они могли начать только с 15–16 лет, к тому времени уже получив чины: первый – сержанта, а второй – даже поручика.

Таблица 14

Сроки службы командного состава полков Сибирского корпуса на 1767 г. *

Срок службы	**Численность (чел.)**		
	Штаб-офицеры	*Обер-офицеры*	**Всего:**
До 10 лет	1	6	7
От 11 до 20 лет	7	30	37
От 21 года до 30 лет	17	29	46
От 31 года до 40 лет	10	5	15
41 год и более	2	–	2
Всего:	37	70	107

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83.

Иногда этим же способом ускоряли свое продвижение по карьерной лестнице и лица нерусского происхождения. Капитан де Вильнев, благодаря хлопотам отца, получил чин ротного каптенармуса в возрасте 7 лет, а вступил на действительную службу впоследствии уже в чине прапорщика. «Остзейские» уроженцы, секунд-майор Вологодского полка П. фон Пипер и капитан Азовского полка Т. Гейскин, оказались записаны в рядовые по достижении 12 лет и «проскочили» все унтер-офицерские звания, попав в ряды русской армии уже вахмистрами [149].

Наконец, по периоду 1780-х гг. были изучены сведения о лицах в чинах штаб- и обер-офицеров, состоявших в двух драгунских полках, двух егерских

[149] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 173 об., 174, 188 об., 189.

и двух мушкетерских батальонах – это практически половина из состава всех полевых частей Сибирского корпуса. Подобная выборка дала достаточно репрезентативную картину, позволившую судить о качественных параметрах офицерского корпуса сибирских частей этих лет. Конкретно были использованы данные по Иркутскому и Сибирскому драгунским полкам, 1-му и 2-му егерским, а также 5-му и 6-му мушкетерским батальонам за 1788 г. (только список Иркутского полка относится уже к началу 1789 г.). По данным формулярных списков в составе этих частей числились 19 штаб-офицеров и 186 обер-офицеров, всего 205 чел.

Отличительной чертой этого периода оказывается заметное преобладание среди них людей «благородного» происхождения. Так, из 17 штаб-офицеров, у которых указано сословное происхождение (относительно еще двоих данных нет), шестеро принадлежали к российскому дворянству, семеро показывали себя выходцами из «остзейских» (прибалтийских) и европейских дворян. Среди обер-офицеров к российским дворянам принадлежали 79 чел. (включая также сибирских уроженцев), а еще 32 чел. называли себя обер-офицерскими детьми. Следовательно, более половины обер-офицеров (111 из 186 чел., почти 60 %) могли с полным основанием считать себя представителями «благородного российского шляхетства». Из оставшихся 37 чел. были выходцами из семей чиновников, военнослужащих (как правило, рядовых солдат), церковнослужителей. Еще 24 чел. относились к лицам нерусского происхождения – западноевропейцы, поляки, «остзейцы». Относительно 14 чел. данных нет, поскольку на момент составления списков они отсутствовали в расположении своих частей.

В этом отношении сразу бросается в глаза существенное отличие по сравнению с кадровым составом офицеров гарнизонных батальонов Сибирского корпуса. Там в середине 1780-х гг. доля дворян, даже вместе с обер-офицерскими детьми, составляла менее трети [150]. Но в полевой службе чис-

[150] См. соответствующие данные: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 325–381; Д. 508. Л. 786–850.

ленность выходцев из «благородного шляхетства» заметно нарастала уже после первого десятилетия царствования Екатерины II, это заметно по кадровому составу дислоцировавшихся в Сибири частей.

Таблица 15

Происхождение обер-офицеров сибирских полевых частей, 1788/1789 гг. *

Происхождение	**Численность (чел.)**			
	Драгунские полки	*Егерские батальоны*	*Мушкетерские батальоны*	**Всего:**
Дворяне	26	27	26	79
Штаб- и обер-офицерские дети	25	4	3	32
Военнослужащие (унтер-офицеры, солдаты, драгуны)	9	7	4	20
Прочие (чиновники, священнослужители, крестьяне)	6	5	6	17
Лица нерусского происхождения	13	4	7	24
Всего:	79	47	46	172

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292, 1989, 2366, 2562.

С другой стороны, тот факт, что почти пятую часть обер-офицеров составляли лица, достигшие дворянства, поднимаясь по карьерной лестнице из рядовых, показывает, что даже к концу XVIII в. регулярная армия продолжа-

ла сохранять определенное значение в качестве канала вертикальной социальной мобильности, позволявшего выходцам «снизу» преодолевать сословные перегородки.

Однако можно ли считать офицеров-дворян сибирских полков и батальонов соответствовавшими распространенному образу «блестящих дворян, высокообразованных, знающих многие языки и одинаково чувствовавших себя и под ядрами и на великосветских балах» [151]? Разумеется, нет – в этом надо согласиться с цитируемыми авторами. Дело в том, что практически все эти люди происходили из провинциальных дворянских фамилий, зачастую владевших ничтожным числом крепостных душ, так что ни о каком светском образовании и материальном достатке в данном случае речи идти не могло. Лучше всего иллюстрируют это показатели относительно душевладения. Из 79 дворян к земле- и душевладельцам относились 74 чел. (у двоих сибирских и троих малороссийских дворян владельческих прав не было), правда, по шестерым из них в списках отсутствует соответствующая информация. Имеющиеся данные дали следующую картину.

Полноправными собственниками имений и крепостных душ могли показать себя только 13 чел., в том числе четверо владели собственностью совместно со своими родными братьями. Еще семеро, номинально числясь помещиками, вообще не располагали ни одной ревизской душой. Все остальные только ожидали вступления в права владения, поскольку имения принадлежали кому-либо из их родителей, как правило, отцу, редко – матери. При этом более 100 душ м. п. числили за собой или за родственниками всего шестеро чел.; от 50 до 100 душ – тоже шестеро чел.; еще у 10 чел. этот показатель составлял от 20 до 50 душ м. п.; у подавляющего большинства (39 чел.) во владении находилось менее 20 душ крепостных. При этом следует учитывать, что для второй половины XVIII в. только наличие более сотни душ позволяло отнести дворянина к помещикам среднего достатка, те же, кто имели не более двух десятков крепостных, считались даже не мелкопомест-

[151] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 128.

ными, а просто беднотой. Соответственно, среди рассматриваемых лиц к последним относились 46 чел. из 68 – фактически две трети. Уже одно это ясно дает понять, какой дворянский контингент попадал на службу в полевые части Сибирского корпуса в описываемый период.

Редкие исключения не меняли общей картины. Отец поручика 1-го егерского батальона Е. Ушакова был собственником 350 душ м. п. в Новгородской губернии; отец «малороссийского шляхтича» Н. Селивановича, поручика 2-го егерского батальона, владел 203 душами в Новгород-Северском наместничестве [152]. Несколько отпрысков сравнительно обеспеченных помещиков находились в составе 6-го мушкетерского батальона: поручики Н. Коренев (250 душ за отцом в Орловском наместничестве), Н. Белевцов (отец владел 258 душами м. п. в Курском и Харьковском наместничествах), П. Абаза (у отца 106 душ в Воронежском наместничестве), В. Симановский (102 души во владении отца в Таврическом и Киевском наместничествах) [153]. Среди полноправных собственников имений выделялся лишь капитан 2-го егерского батальона И. Назаров, которому принадлежали 60 душ в Белозерском уезде Новгородской губернии [154]. Прапорщики Иркутского драгунского полка П. Смолков и Ф. Перепечин показывали за собой 27 душ в Самарской округе и 22 души в Балашевском уезде Саратовской губернии соответственно [155].

Самое интересное, что подобная же картина наблюдается и среди штаб-офицеров, которые, казалось бы, имели больше шансов превратиться в состоятельных земле- и душевладельцев. Так, в 1-м егерском батальоне его командир, подполковник В. Буйносов, писал о себе: «Из дворян Новогородскаго уезда, за мною мужеска полу 25 душ»; его подчиненный, секунд-майор И. Малеванов, владел там же 10 душами; подполковник и командир 6-го мушкетерского батальона Л. Калантаев имел 20 душ м. п. в Болховском

[152] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1989. Л. 30 об., 31, 78 об., 79.
[153] Там же. Д. 1292. Л. 81 об. – 83, 85 об., 86.
[154] Там же. Д. 1989. Л. 69 об., 70.
[155] Там же. Д. 2366. Л. 18 об. – 20.

уезде; у секунд-майора Н. Аристова собственником 15 душ в деревне близ Костромы числился его отец [156]. Отец полковника и командира Сибирского драгунского полка Я. Боувера (судя по всему, из обрусевших западноевропейцев) располагал 26 душами под Смоленском, а секунд-майор Иркутского драгунского полка М. Мираторцев показывал за собой 10 душ в Симбирском уезде [157]. Таким образом, даже среди полкового начальства не редкостью оказывались выходцы из сравнительно бедных дворянских фамилий. Это лишний раз демонстрирует, почему после Манифеста о вольности 1762 г. основная масса русских дворян не покинула государственную службу, в особенности военную – потому что им просто некуда было уходить в отставку, ведь рассчитывать прожить на доходы с таких мизерных имений было решительно невозможно.

Другой характерной чертой оказывалась довольно стабильная, хотя и имевшая с течением времени тенденцию к сокращению, доля лиц нерусского происхождения в офицерских чинах. Обращал на себя внимание командир 5-го мушкетерского батальона полковник П. Вильбоа – племянник занимавшего должность генерал-фельдцейхмейстера русской армии в начале царствования Екатерины II генерал-майора А. Н. Вильбоа, который, в свою очередь, происходил от француза Ф. де Вильбуа, принятого на военно-морскую службу Петром I еще на рубеже XVII–XVIII вв. [158] Его подчиненный, секунд-майор Ф. Г. Дреер, хотя и писал себя «из иноземцов старых выездов», с полным основанием мог считать себя русским уроженцем и ветераном сибирской службы: его отец, полковник П. Дреер, в середине 1760-х гг. командовал в Сибирском корпусе Вологодским драгунским полком. Как оба сами от-

[156] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 65 об., 66, 69 об., 70; Д. 1989. Л. 21 об. – 23; Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам на 1788 год. СПб., 1788. С. 105, 152.

[157] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2366. Л. 2 об., 3; Д. 2562. Л. 121 об., 122.

[158] Там же. Д. 1292. Л. 40 об., 41; Список Воинскому департаменту… СПб., 1788. С. 75.

мечали, они «состоят в вечном российском подданстве», но вся семья придерживалась лютеранского исповедания, веры их предков [159].

Лифляндскими уроженцами-лютеранами были во 2-м егерском батальоне его командир, подполковник и «ордена Святаго великомученика и победоносца Георгия 4-го класса кавалер» И. фон Транзее, а также секунд-майор М. Винерт, сын пастора [160]. Обязанности командира Иркутского полка в начале 1789 г. исполнял премьер-майор Х. Сакен, поскольку назначенные при его формировании полковник Депрерадович и подполковник фон Мейзер пока так и не прибыли к месту службы; вместе с ним в том же полку находился секунд-майор А. фон Трайблут – предки его были прусскими дворянами из уроженцев Померании, а сам он родился в Лифляндии в 1746 г. [161] Наконец, в Сибирском полку состояли секунд-майоры А. фон Гиленсберг (сын бранденбургского выходца, генерал-майора и обер-коменданта Тобольска в 1770-х гг., впрочем, «в российском подданстве вечно быть» не обязавшийся) и голштинец И. Н. фон Горстель («российскую службу принял вечно и по отставке остаться желает в России») [162].

Среди обер-офицеров находились и некоторые лица, происходившие из стран, уроженцы которых не часто попадали в Россию. Например, в 6-м мушкетерском батальона служил капитан Ф. де Ласси – уроженец Ирландии, но из рода английских дворян-протестантов, к которому принадлежал и знаменитый российский военачальник первой половины XVIII в. фельдмаршал П. П. Ласси. Капитан 2-го егерского батальона Х. де Аникарт представлял Испанию, его отец еще в середине 1740-х гг. прибыл на сибирскую службу

---

[159] См. о них: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 41 об., 41а; Д. 1985. Л. 26 об., 27; Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 155 об., 156; Д. 127. Л. 445 об., 446.

[160] Там же. Д. 1989. Л. 62 об. – 64; Список Воинскому департаменту… СПб., 1788. С. 106, 152.

[161] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2366. Л. 2 об. – 4; Список Воинскому департаменту… СПб., 1788. С. 111, 132. Младший брат последнего, капитан Х. Г. фон Трайблут, состоял тогда же в Колывано-Воскресенском полевом пехотном батальоне: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 26 об., 27.

[162] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2562. Л. 123 об., 124; Список Воинскому департаменту… СПб., 1788. С. 132.

подполковником Ширванского пехотного полка [163]. В Иркутском полку служил в чине поручика датчанин Ю. Граме, в Сибирском полку – капитан А. Скалон, сын того генерал-майора Скалона, который происходил из семьи французских дворян-кальвинистов, осевших в Прибалтике в начале XVIII в., и поручик И. фон Сизинг, шведский дворянин, который также решил связать свою судьбу с новой родиной [164]. Целый ряд аналогичных примеров в изученных формулярных списках убеждают в том, что к концу XVIII в. офицерский корпус русской армии продолжал оставаться полиэтничным, а перспектива сделать военную карьеру под скипетром Екатерины II привлекала множество желающих из всех государств Европы того времени.

Наконец, присутствие среди офицеров сибирских частей нескольких десятков лиц «неблагородного» происхождения означало, что возможность получить выслуженное дворянское звание по достижении обер-офицерских рангов все еще сохраняла свое значение. Капитан 5-го мушкетерского батальона М. Суховицкий поступил на службу вольноопределяющимся после того, как был отпущен на волю из дворовых людей; его сослуживец подпоручик В. Яковлев показывал себя «из церковников»; в 1-м егерском батальоне Л. Кузьмин, рекрут из крестьян, также дослужился до чина подпоручика; в Иркутском полку братья А. и П. Голубцовы, оба в чинах прапорщиков, были сыновьями полкового лекаря, уроженцами г. Саратова [165]. Встречались также дети чиновников, принадлежавших к последним, самым низшим классам по «Табели о рангах» – регистраторов, секретарей, протоколистов. А прапорщик Сибирского полка И. Толмин показал себя «из вольноопределяющихся малороссиян». В целом, большинство среди таких людей составляли сыновья сол-

---

[163] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 75 об., 76; Д. 1989. Л. 70 об., 71.

[164] Там же. Д. 2366. Л. 10 об., 11; Д. 2562. Л. 126 об., 127, 129 об., 130. О службах Скалонов в России см. также: *Исупов С. Ю.* Крепость Бийская есть главная… Барнаул, 2009. С. 110–115; *Каменецкий И. П.* Генералы Скалоны в России (1735–1812 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41–45.

[165] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 44 об., 45, 49 об., 50; Д. 1989. Л. 33 об., 34; Д. 2366. Л. 16 об., 17, 19 об., 20.

дат, только капитан того же Сибирского полка Е. Сапожников происходил из казаков [166].

Вместе с тем, обращает на себя внимание одно обстоятельство, вплоть до 1780-х гг. почти незаметное по изученным ранее спискам личного состава частей Сибирского корпуса – весьма значительная доля офицеров в прошлом успели хотя бы несколько лет прослужить в лейб-гвардии. Скажем, только в 5-м и 6-м мушкетерских батальонах таких обер-офицеров насчитывалось 29 из 46 чел., в обоих егерских батальонах – 19 из 47 чел. Только среди драгунских офицеров подобные случаи носили единичный характер, бывших гвардейцев в обоих полках среди обер-офицеров оказалось лишь пятеро. Очевидно, это явилось результатом уже сложившейся практики производства в офицерские чины дворянских отпрысков, позволявшей избежать тягот полевой службы, «проскочив» соответствующие ступени лестницы чинов и нередко даже реально не появляясь в столице, а получая новые звания за выслугу лет. Современные исследователи так характеризовали эту практику: «Непомерные злоупотребления этой системой происходили в гвардии, куда стремилось попасть множество молодых дворян. Снабженные весомыми рекомендациями зачастую сразу получали звание капрала или даже сержанта, другие служили рядовыми… Наиболее деятельные быстро становились армейскими офицерами; большинство же и не стремилось покидать уютный гвардейский мирок» [167]. Проверим, насколько точна данная характеристика, на сибирских материалах.

С одной стороны, примеров зачисления еще несовершеннолетних дворян в гвардию и получения ими после этого обер-офицерских чинов в самом молодом возрасте действительно немало. А. Охлябинин был зачислен на службу капралом лейб-гвардии в 1783 г., когда ему исполнилось только 14 лет, уже через полгода он получил чин сержанта, а в 1787 г. был выпущен в полевую армию с чином поручика и записан в 5-й мушкетерский батальон

[166] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2562. Л. 126 об., 127, 138 об., 139.
[167] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 127, 128.

Сибирского корпуса. Аналогичным образом получил чин прапорщика в том же батальоне И. Подольский, капрал лейб-гвардии с 1782 г. (записан на службу в 13-летнем возрасте)[168]. Поручик 1-го егерского батальона И. Греченинов также сделался гвардейским капралом в 12 лет (в 1782 г.), а через пять лет, уже сержантом гвардии, был выпущен в армию[169]. Список подобных случаев можно продолжать и далее. Однако обращают на себя внимание два аспекта.

Во-первых, почти все бывшие гвардейцы оказываются выходцами из бедных дворянских фамилий. Как правило, их отцы числились владельцами нескольких десятков крепостных душ в провинциальных губерниях, но это обстоятельство отнюдь не мешало им устраивать карьеру своих сыновей. Правда, этот же фактор, видимо, приводил к тому, что в гвардии такие люди не задерживались, начиная свою реальную (а не фиктивную) воинскую службу именно в полевых армейских частях[170]. Во-вторых, как ни странно, среди них встречаются не только представители «благородного шляхетства». Скажем, поручик 5-го мушкетерского батальона Д. Щелканов (из обер-офицерских детей) прослужил в лейб-гвардии 11 лет (с 1776 по 1787 гг.), достигнув сержантского чина, после чего, подобно сослуживцам, получил чин армейского поручика, но уже в возрасте 29 лет. А батальонный комиссар И. Матвеев («из поповичей») сначала прослужил 17 лет в полевых частях, после этого был на несколько месяцев зачислен в гвардию, а оттуда отправлен в Сибирский корпус с чином прапорщика[171]. А. Соловьев, бывший дворовый человек, пошел на службу вольноопределяющимся в 1781 г., через

---

[168] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 46 об., 47, 53 об., 54.

[169] Там же. Д. 1989. Л. 30 об., 31.

[170] Впрочем, по свидетельству современника, немалое число людей с пользой проводили годы гвардейской службы: «Тогдашняя гвардейская службы доставляла любопытным много способов научаться. Сословие офицеров составлялось по большей части из сыновей знатнейших вельможеских домов. Сии молодые люди, воспитанные отлично, по связям своих семейств и по близкому допущению ко двору, получая познания почти из источников, предавали оныя нескольким низшим подчиненным, которых, как свою братью дворян, особенно хорошо воспитанных, они принимали в свое сообщество» (*Винский Г. С.* Записки Г. С. Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 1. С. 98).

[171] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 46 об., 47, 52 об., 53.

пять лет был взят в лейб-гвардию капралом, а еще через год отправился прапорщиком в 1-й егерский батальон. Эти примеры опровергают традиционное представление о том, что гвардейские полки комплектовались исключительно дворянами, заставляя скорее предположить, что к концу XVIII в. они сделались средством для ускоренного получения обер-офицерских чинов, доступным выходцам из разных сословий.

Эти особенности комплектования полков и батальонов Сибирского корпуса оказали самое непосредственное влияние на показатели возраста и сроков службы офицеров. Значительное большинство в обер-офицерских чинах составляли довольно молодые люди, лишь недавно начавшие свою карьеру. Из 166 обер-офицеров, у которых в формулярных списках был указан возраст, 113 чел. (т. е. две трети, если не больше) имели не более 30 лет от роду. В возрасте от 31 до 40 лет находились еще 43 чел., старше 40 лет были всего 10 чел., а старше 50 вообще не было ни одного. При этом лишь в Сибирском драгунском полку доля лиц старше 30 лет немногим уступала молодым – 21 против 27 чел. соответственно. В егерских и мушкетерских батальонах подавляюще большинство обер-офицеров были зачислены в полевую службу на протяжении последних двух или трех лет, как и в Иркутском полку, комплектование которого еще не завершилось.

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении сроков службы этих офицеров. Среди 170 чел., у которых в списках был указан воинский стаж, у 75 он не превышал 10 лет, у 68 составлял от 11 до 20 лет. И только 27 чел. «тянули лямку» уже более 20 лет. При этом еще необходимо иметь в виду отмеченное выше обстоятельство, а именно: широкое распространение практики фиктивной записи в службу дворян в детском возрасте. Кроме того, для сыновей солдат, как правило, начинавших службу после окончания гарнизонных школ, также прибавлялось к стажу время, проведенное за обучением, а поступали они в эти школы в 13–14-летнем возрасте. Так что реальный срок воинской службы для многих из этих людей необходимо уменьшить еще минимум на несколько лет. Впрочем, встречались здесь и заслуженные

ветераны. Например, капитан 5-го мушкетерского батальона И. Апарин, которому в 1788 г. как раз исполнилось 50 лет, находился на службе с середины 1750-х гг., т. е. уже более 30 лет [172].

Таблица 16

Возрастные показатели обер-офицеров сибирских полевых частей, 1788/1789 гг. *

Возраст	**Численность (чел.)**			
	Драгунские полки	*Егерские батальоны*	*Мушкетерские батальоны*	**Всего:**
До 20 лет	7	5	14	26
От 21 года до 30 лет	42	27	18	87
От 31 года до 40 лет	25	8	10	43
41 год и более	3	6	1	10
Всего:	77	46	43	166

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292, 1989, 2366, 2562.

В 1-м егерском батальоне к ветеранам можно было отнести капитанов Б. Давыдова и Ф. Сорокина (41 и 42 года соответственно, начали карьеру в первой половине 1760-х гг.); во 2-м егерском – капитана В. Неклюдова, беспоместного дворянина из Пензенского уезда (42 лет от роду) [173]. В Сибирском драгунском полку капитан Е. Сапожников и прапорщик И. Рихтер служили с 1765 г., правда, последний не имел непрерывного стажа, поскольку до

[172] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 42 об., 43.
[173] Там же. Д. 1989. Л. 25 об. – 27, 70 об., 71.

этого увольнялся «в статскую службу», а потом снова был принят в армию с сохранением прежнего ранга [174]. Даже среди штаб-офицеров не было лиц старше 45 лет, за исключением упоминавшегося выше секунд-майора Сибирского полка фон Горстеля, которому в 1789 г. уже исполнилось 50 лет, однако он поступил на русскую службу только после Семилетней войны, в 1764 г. [175]

Таблица 17

Сроки службы обер-офицеров сибирских полевых частей, 1788/1789 гг. *

Срок службы	**Численность (чел.)**			
	Драгунские полки	*Егерские батальоны*	*Мушкетерские батальоны*	**Всего:**
До 10 лет	27	23	25	75
От 11 до 20 лет	39	14	15	68
От 21 года до 30 лет	12	10	4	26
31 год и более	–	–	1	1
Всего:	78	47	45	170

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292, 1989, 2366, 2562.

Изученные данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, после реорганизаций середины 1770-х – середины 1780-х гг. офицерский корпус полевых частей Сибирского корпуса претерпел существенные качественные изменения. Среди офицеров стали преобладать выходцы из дворян,

[174] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2562. Л. 126 об., 127, 143 об., 144.
[175] Там же. Л. 123 об., 124.

хотя в большинстве своем принадлежавшие к мелкопоместным фамилиям. Кроме того, существенно возросла доля молодых обер-офицеров, ранее числившихся в составе полков лейб-гвардии, для которых назначение в ряды Сибирского корпуса становилось первым этапом их действительной военной карьеры. Однако это обстоятельство уравнивалось наличием среди командиров этих частей лиц с богатым боевым опытом, приобретенным на полях сражений, которые были в состоянии передать своим подчиненным необходимые навыки и умения. Служба в русской армии к концу царствования Екатерины II по-прежнему считалась престижной стезей, привлекая множество выходцев из государств Европы, а также прибалтийских уроженцев («остзейцев»).

Однако на службе в полевых полках и батальонах Сибирского корпуса теперь почти не встречались уроженцы Сибири. Кадровая политика периода 1730–1750-х гг., когда в гарнизонных и полевых частях, дислоцированных к востоку от Урала, охотно производили в офицерские чины местных выходцев из детей боярских, казаков и др., сменилась в царствование Екатерины II ставкой на перевод в состав Сибирского корпуса армейских офицеров из полевых полков, несших службу в европейской части страны. К концу 1780-х гг. данная тенденция уже стала осознанной линией государственной политики комплектования сибирских частей. Если гарнизонные части нередко пополнялись не лучшими, а скорее худшими (по боевым, карьерным и дисциплинарным показателям) представителями офицерского корпуса, то полевые полки и батальоны в этом отношении стояли на одном уровне с прочими частями регулярной армии. Вместе с тем, здесь также отмечается характерная для второй половины XVIII в. тенденция к комплектованию офицерского корпуса армейских частей в Сибири теми людьми, которые не имели почти никаких связей с местной социальной средой, что должно было гарантировать с их стороны полную лояльность к имперской государственной власти.

2.3. Офицерский корпус регулярной армии: факторы чинопроизводства

Дав общую картину кадрового состава как гарнизонных, так и полевых частей регулярной армии в Сибири на протяжении рассматриваемого периода, необходимо также специально остановиться на некоторых параметрах, дополняющих качественную характеристику офицерского корпуса этих частей. В частности, речь идет о том боевом опыте, которым обладали лица, попадавшие на военную службу в Сибири, а также их образовательном уровне, особенно в том, что касается специализированного военного образования, система которого начала действовать в Российской империи со времен Петра I. Это позволяет установить, от каких факторов в большей или меньшей степени зависело чинопроизводство военнослужащих в XVIII в., и оценить, насколько велика была роль регулярной армии в качестве одного из каналов вертикальной социальной мобильности в условиях сложившегося в послепетровскую эпоху относительно жестко структурированного сословного общества.

До 1760-х гг. в формулярных списках офицеров сибирских частей почти нет никаких упоминаний об участии в военных кампаниях, соответствующие сведения там, как правило, не выделялись отдельно. Зато по периоду 1760–1780-х гг. имеется значительный массив данных о боевом опыте, которым обладали многие лица, состоявшие на службе в полках и батальонах Сибирского корпуса. Начнем с рассмотрения сведений относительно штаб-офицеров и ротных командиров по полевым полкам за 1767 г., которые уже анализировались выше [176]. Реальным боевым опытом, связанным с участием в походах или военных кампаниях, обладали 46 из 107 чел. (43 %). Для воинских частей, дислоцированных на восточной окраине империи, вдали от основных театров боевых действий середины XVIII в., такой показатель выглядит очень высоким. Впрочем, это объяснимо, поскольку более половины дра-

[176] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83.

гунских полков в составе Сибирского корпуса были ранее передислоцированы на восток из европейской части страны. Кроме того, при формировании новых и пополнении уже расквартированных здесь полков сюда переводились офицеры из тех частей полевой армии, которые были задействованы в военных конфликтах 1730–1740-х гг.: войне за «польское наследство» 1733–1735 гг., русско-турецкой (1735–1739) и русско-шведской (1741–1743) войнах, не говоря уже о недавно завершившейся Семилетней войне (1756–1762). При этом многие офицеры не просто были участниками этих кампаний, но и проявляли себя на поле брани.

Подполковник Томского полка В. Волков начал Семилетнюю войну поручиком, а в 1762 г. уже был произведен в премьер-майоры. В его формулярном списке специально отмечалось, что он был «во всей прусской кампании в Брандебурии (Бранденбурге. – *А. Д.*), в Померании, в Силезии, и во многих партиях при легких войсках, и на акциях в сражениях с неприятелем, при осаде городов Бреславля, Берлина, Кольберха и других местечек, и при взятье тех городов Берлина и Кольберха… за отличные службы пожалован» [177]. Встречались среди офицеров Сибирского корпуса и настоящие заслуженные ветераны. Капитан Селенгинского полка Б. Иванов успел принять участие сразу в трех военных конфликтах первой половины XVIII в. – с 1733 г. в Польше, затем против турок, а в 1741–1743 гг. сражался со шведами [178]. Подполковник Якутского полка В. Зубрицкий в конце 1720-х гг. даже побывал в Закавказье с войсками Низового корпуса, участвовал в войне за «польское наследство», русско-шведской войне, а впоследствии прошел всю Семилетнюю войну [179]. Уже из этих примеров явствует, что в отношении реального боевого опыта командный состав Сибирского корпуса на тот момент ни в чем не уступал своим собратьям, несшим службу в полках тех дивизий, которые дислоцировались в Европейской России.

---

[177] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 136 об., 137.
[178] Там же. Л. 212 об., 213.
[179] Там же. Л. 334 об., 335.

Почти аналогичную картину дает исследование данных по гарнизонным батальонам Сибирского корпуса за 1772 г. Из формулярных списков 321 офицера в чинах от полковника до прапорщика следует, что отметили свое участие в боевых действиях 120 чел., т. е. более трети (37,3 %) [180]. Объясняется это тем обстоятельством, что на протяжении 1760-х гг., когда шло формирование сибирских гарнизонных батальонов, значительная доля офицеров переводились сюда из европейской части страны, где ранее несли службу в полевых полках. В том или ином качестве принимали участие в кампаниях русско-турецкой войны 1735–1739 гг. 26 чел., русско-шведской войны 1741–1743 гг. – 40 чел., Семилетней войны (1756–1762) – 53 чел., продолжавшейся на тот момент русско-турецкой войны 1768–1774 гг. – 10 чел. Многие офицеры за карьеру успевали отличиться в ходе не одного, а нескольких военных конфликтов середины XVIII в. Кроме того, в общее число включены также те, кто не были задействованы в войнах на европейском и южном театрах, а стали участниками вооруженных стычек и боевых действий непосредственно на восточной окраине Российской империи, в пограничных столкновениях с кочевниками (башкирами, калмыками, казахами) или на Чукотке в составе Анадырской партии. Данные формулярных списков, как правило, весьма лаконичны, ограничиваясь перечислением крупных полевых сражений или штурмов неприятельских городов, где действовал тот или иной офицер. Однако даже по ним можно составить представление о приобретенном этими людьми боевом опыте, а в ряде случаев и об их личных достижениях.

Вот как выглядел, например, послужной список подполковника Томского батальона И. Жидовинова в той части, где говорилось о его боевых заслугах: «В 742 году под Фридриксгамом и Елсинфорсом, в 757 в Пруссии при взятье города Мемеля и на баталии августа 19 при Эгерздорфе, в 758 в померанских и брандебурских местах при атаке города Колберха, в 759 июля 12 на баталии при Палцыхе, августа 1 у закрытия тяжелаго обоза, в 760 в Шлезии и Брандебурии, Померании и в берлинской экспедиции под Берли-

[180] Здесь и далее все подсчеты произведены по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324, 325.

ном, в 761 при осаде Колберха августа 7 против неприятелских батарей в лесу… в действителном сражении, а 24 сентября в ночное время при обходе… почасовым патрулингом захвачен неприятелем в плен и содержался в Колберхе до взятья оного» [181]. Здесь были упомянуты успешные для русской армии эпизоды войны со Швецией (сражение у Фридрихсгама и взятие Гельсингфорса в Финляндии летом 1742 г.), а также целый ряд сражений Семилетней войны: взятие Мемеля и битва при Гросс-Егерсдорфе (Восточная Пруссия) в 1757 г., битвы при Пальциге и Кунерсдорфе в 1759 г. (в последней Жидовинов прямого участия не принимал, находясь в составе частей прикрытия обоза), занятие на несколько дней русскими войсками Берлина, столицы Пруссии, в конце 1760 г., наконец, участие в долгой осаде крепости Кольберг на побережье Балтийского моря, где он был взят в плен, откуда освободился только после падения города в декабре 1761 г. В боевых действиях против шведов Жидовинов участвовал, будучи вахмистром и рейтаром лейб-гвардии конного полка, в Семилетнюю войну он был уже капитаном, сразу после ее завершения в 1762 г. вышел в отставку с чином секунд-майора, а далее, вернувшись на службу сначала в ландмилицию, потом в гарнизонные части, оказался в Сибири, где дослужился до чина подполковника.

А вот что сказано относительно военной карьеры в формулярном списке секунд-майора 2-го Селенгинского батальона и коменданта г. Нерчинска Д. Круглова: «Был в походах в Полше за поляками в разных местечках, в 734 году у города Донциха на вылазках, на приступе и при взятье оного… в 737 до города Ачакова, при взятье и разорении оного в шанцах и на приступе… в 738 в днестровском походе, в 739 в Цесарии для вербования в гусарскую службу и обратно до Киева, в 742 до города Фридриксгама и Елсенфорса, в 743 морских держав на галерах до Олоновских островов, в 748 чрез Полшу в Цесарию в помощь морских держав в Голандию, и недошед до Галандии в Россию, в 756 до города Либавы и до границы прусской» [182]. Таким образом,

[181] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 450 об., 451.
[182] Там же. Д. 325. Л. 210 об., 211.

первым боевым эпизодом стала для него война «за польское наследство» и взятие Данцига (Гданьска) фельдмаршалом Б.-Х. Минихом в 1734 г., затем он штурмовал Очаков с тем же Минихом (после чего был повышен из каптенармусов в сержанты), в 1739 г. отправился в Австрию для набора добровольцев в формировавшиеся тогда в составе русской армии первые полки легкой кавалерии (гусарские). В 1743 г. он совершил морской переход на галерах до Аландских о-вов, в 1748 г., уже в чине прапорщика, побывал в Западной Европе, когда в ходе войны «за австрийское наследство» туда был направлен 40-тысячный корпус генерал-фельдцейхмейстера В. А. Репнина. В Семилетней войне капитан Круглов уже не принимал участия, оставшись в резервных войсках, дислоцированных в Прибалтике у границы Пруссии.

Далеко не всем из ветеранов, оказывавшихся на сибирской службе, удавалось сохранить крепкое здоровье после военных кампаний. Прапорщик 2-го Тобольского батальона И. Степанов, например, в первый год своей солдатской службы участвовал в войне с Турцией и был «в 738 году под Бендерами на баталии ранен пулею в правую ногу, в 739 под Хотиным при взятье оного… ранен в правую ж ногу пулею» [183]. Состоявший на капитанской вакансии секунд-майор Семипалатинского батальона А. Соколов, также участник этой войны, был «в 738 году в днестровском походе в фуражированной команде при разбитии команд от неприятеля… ранен в голову, в дву местах пробито чеканом, спина и шея дротиками» [184]. Поручик 2-го Селенгинского батальона Ф. Павлов к началу Семилетней войны служил вахмистром в 3-м кирасирском полку, 14 августа 1758 г. при Цорндорфе был «ранен шпагою в голову, отчего две тяшкие раны, и при том и нос перерублен, левая нога мушкетною пулею прострелена» [185]. В результате после окончания войны он был переведен в гарнизонную службу, поскольку оставаться в полевых частях ему уже не позволяло состояние здоровья.

---

[183] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 530 об., 531.

[184] Там же. Л. 561 об., 562. Чеканы – ручные боевые топорики, употреблялись в ближнем бою турецкими и татарскими кавалеристами со времен средневековья, в том числе и в XVIII в. См.: *Тучков С. А.* Военный словарь… С. 370.

[185] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 325. Л. 219 об., 220.

Впрочем, и пребывание в Сибири далеко не всегда оказывалось спокойным и безопасным. Так, капитан Бийского батальона И. Бурцов (состоял на вакансии поручика) в марте 1759 г. отправился «под командою прапорщика Ширяева для изкоренения отложившихся от протекции и кроющихся в горах зенгорских калмык (джунгар. – *А. Д.*), и во время сражения ранен стрелою в правую ногу» [186]. «Сверхкомплектный» прапорщик Томского батальона А. Вялов под Омской крепостью в стычке с казахами 6 сентября 1755 г. был ранен стрелой в левую ногу, а с 1760 г. находился в Анадырской партии, где, как сам утверждал, «претерпевал голод и несносную стужу» [187]. Капитан 2-го Тобольского батальона М. Давыдов отличился на пограничной службе еще в конце 1720-х гг., затем участвовал в подавлении башкирского восстания: «В 727 году был в партии в команде подполковника Парфентьева за киргис кайсаками, от коих увезенной ими Ялуторовского дистрикта из деревни Крашенинниковой полон отбили, 728 за теми ж киргис кайсаками, с коими сражение было, при чем тех киргис кайсаков взято в полон 4 человека, 729 в команде подполковника Арсеньева против тех же киргис кайсаков до кочевых их улусов, и как мужеска, так и женска полу немалое число побито оных и в полон взято, в 735, 736, 737, 738, 741 и 742 годех в разных месецах и числах против башкирцов во многократных сражениях» [188].

Другим немаловажным показателем является, конечно, уровень грамотности и наличие / отсутствие у армейских офицеров в XVIII в. специализированного образования. Изученные сведения показывают, что меры, предпринимавшиеся сначала в эпоху Петра I, а затем в правление Анны Иоанновны – к последним следует отнести открытие Шляхетского корпуса в 1731 г. и запрет на производство в офицеры неграмотных – стали давать надлежащий эффект лишь с 50-х гг. XVIII в. Вплоть до середины столетия уровень грамотности не только среди унтер-, но даже и среди обер-офицеров в русской армии был отнюдь не стопроцентным, особенно в гарнизонных частях.

[186] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 554 об., 555.
[187] Там же. Д. 324. Л. 521 об., 522.
[188] Там же. Л. 465 об., 466.

Например, в Тобольском гарнизонном пехотном полку еще в 1720-х гг. успел получить чин капитана Г. Арсеньев, не умевший ни читать, ни писать. В. Басову и И. Белоусову аналогичное обстоятельство не помешало добиться производства в поручики Якутского пехотного (1736) и Сибирского драгунского (1740) гарнизонных полков соответственно [189]. Причем неграмотными могли оказываться не только выходцы из «тяглых» сословий, крестьян или дворовых (как в примерах, приведенных выше), попавшие на службу в ходе рекрутских наборов и сумевшие подняться до офицерских чинов; были среди них и представители дворянства. Премьер-майор Тобольского полка С. Петров, карауливший в Березове опальное семейство кн. Долгоруковых до 1739 г. и происходивший из дворян Вологодского уезда, тоже так и не выучился грамоте [190]. Не будет преувеличением сказать, что в частях «Сибирского гарнизона» вплоть до 1750-х гг. наличие лиц, вообще не имевших никакого образования, на офицерских должностях было вполне обычным явлением.

С принятием в 1756 г. нового образца послужных списков объем соответствующей информации заметно расширяется. Теперь в бланке формулярного списка данная графа выглядела следующим образом: «Кто грамоте читать и писать умеет, и другие какие науки знают». Сюда вносились сведения уже не только о том, в состоянии ли офицер читать и писать, но и о том, чему и как он обучался в детстве и юности, а это позволяет достаточно уверенно судить об уровне его образованности. Кроме того, в графу о прохождении службы и ранее полученных чинах стали вносить данные об обучении в специализированных военно-учебных заведениях (для дворян) или школах при гарнизонах (для сыновей рядовых военнослужащих), что, в свою очередь, дает возможность оценить степень профессиональной компетенции офицеров, исходя из указаний на полученные ими знания. В списках воинских частей

[189] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 61 об., 62; Д. 210. Л. 154 об., 155; Д. 246. Л. 222 об., 223.

[190] Там же. Д. 246. Л. 2 об., 3, 34 об., 35.

Сибирского корпуса с начала 1760-х гг. неграмотных лиц в офицерских чинах уже не осталось вовсе.

Вот, например, что говорилось относительно подполковника Луцкого драгунского полка Я. Еремеева (1767), официально начавшего службу в 1737 г., когда ему исполнилось 13 лет, с обучения в «цифирной школе»: «Читать и писать по-русски и по-немецки умеет, арифметику, геометрию, тригонометрию и фортификацию знает» [191]. Получить все перечисленные знания в обычной школе он вряд ли смог бы, так что, по-видимому, следует полагать, что этот человек также прошел обучение в одной из специализированных артиллерийских / инженерных школ Москвы или Петербурга [192]. А вот полковник Ревельского драгунского полка И. Нагаткин, обучавшийся еще в 1720-е гг., мог похвастать только тем, что «первую часть арифметики знает» [193], т. е. так и не продвинулся дальше начального уровня математического образования.

При этом достаточно хорошими знаниями могли располагать не только выходцы из дворян европейских губерний России, но и уроженцы Сибири. М. Павлуцкий, представитель одной из хорошо известных с XVII в. за Уралом служилых фамилий, ротмистр Якутского полевого карабинерного полка в 1770 г., начал службу с 1756 г. в возрасте 17 лет, перед этим пройдя обучение в гарнизонной школе Тобольска, где приобрел знания по арифметике,

---

[191] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 162 об., 163.

[192] М. В. Данилов свидетельствовал, что в артиллерийской школе в Москве, где он начал обучение в 1737 г., «записано было дворян до семисот человек, и обучали без малейшего порядка… Учитель Алабушев был человек пьяный и вздорный, по третьему смертоубийству сидел под арестом и взят обучать в школу… а потому можно знать, сколь великий тогда был недостаток в ученых людях при артиллерии». Зато в Петербурге, где он попал в чертежную школу в 1740 г., «из чертежных учеников выпускали в артиллерийскую службу, из коих ныне в генерал-поручиках и генерал-майорах, а некоторые и кавалеры есть… Над оною школой был директором капитан Гинтер, человек прилежный, тихий и в тогдашнее время первый знанием своим, который всю артиллерию привел в хорошую препорцию». См.: *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г. (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.) / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. В. Анисимова. Л., 1991. С. 311, 313.

[193] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 159 об., 160.

геометрии и тригонометрии [194]. Даже в сибирских условиях с середины XVIII в. можно было рассчитывать на приобретение вполне достаточного для успешного прохождения военной службы уровня профессиональной компетенции, включавшей не только навыки чтения и письма, но и владение математическим аппаратом, равно как и специальными знаниями.

В этот же период на службе в частях Сибирского корпуса стали появляться лица со специальным образованием, как правило, выпускники инженерных школ: Санкт-Петербургской (существовала с конца 1720-х гг.) и Московской (открыта в 1743 г.) [195]. В частности, капитан Томского пехотного полка В. Козлянинов (1767) после обучения в инженерной школе начал военную службу в минерной роте с 1747 г. и только в 1755 г. перешел в пехоту уже с чином подпоручика. А премьер-майор Селенгинского полка Я. Тевяшов после окончания одной из этих школ и до произведения в пехотные обер-офицеры в течение семи лет (1748–1755) служил в Инженерном корпусе в чинах кондуктора 3-го, 2-го и 1-го класса (унтер-офицерские), получив отличную характеристику: «Арифметику, геометрию и фортификацию со всей принадлежностью довольно знает… занимался укреплением пограничных городов, крепостей и прочих мест, и сочинением оным карт и планов» [196]. Впоследствии армия стала пополняться выпускниками специализированного Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, созданного в 1762 г.

Встречались получившие аналогичное образование офицеры и в гарнизонных частях Сибири. Так, в 3-м Тобольском пехотном батальоне (1772) состоял капитан И. Карпов, в юности прошедший обучение в школе математи-

---

[194] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 452 об., 453.

[195] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 175, 179. Были такие школы и при отдельных частях лейб-гвардии. Как свидетельствует Г. С. Винский, «заведено было в Измайловском полку училище под названием инженерной школы для записывающихся в сей полк дворян, из которых большая часть едва знали грамоте. Заведение, без прекословия, весьма полезное, ибо тут учили: языки, фортификацию, артиллерию и еще некоторые науки. Для языков и высших частей математики были нанятые учители; для низшей же математики и арифметики употреблялись солдатские дети» (*Винский Г. С.* Записки… С. 92).

[196] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 138 об., 139, 208 об., 209.

ческих и навигационных наук в Москве, о чем свидетельствовали показания его формулярного списка: «Арифметику, геометрию и навигацию знает, в геодезии ученик»[197]. А поручик 2-го Омского пехотного батальона И. Щетнев, закончив артиллерийскую школу, знал «арифметику, геометрию, тригонометрию плоскую и практическую, фортификацию и геодезию», да и военную службу начал сержантом в артиллерии[198]. Наконец, в это же время в состав частей «Сибирского гарнизона» начинают попадать даже выпускники Сухопутного кадетского корпуса (бывший Шляхетский, переименован в 1762 г.). Например, поручик 1-го Тобольского батальона А. Мякинин поступил в Сухопутный корпус в 1761 г., когда ему исполнилось 16 лет, а после трех лет обучения в 1764 г. был выпущен оттуда с чином прапорщика. Помимо знания основных математических и других «наук», он также умел рисовать пером и тушью и танцевать, т. е. выглядел вполне светским человеком[199]. Уже в 70–80-х гг. XVIII в. немалое число таких людей служили в полках и батальонах Сибирского корпуса.

Кроме того, значительно большую роль, нежели ранее, стало играть для русских дворян домашнее образование. Даже не обучаясь в тех или иных специализированных заведениях, они теперь поступали в армию, зная минимум один, а то и несколько иностранных языков – результат той подготовки, которая была получена в родительском доме. Из двоих поручиков 6-го мушкетерского полевого батальона Сибирского корпуса Н. Белевцова и Г. Иванова, зачисленных в 1786 г. в лейб-гвардию сержантами, а через год отправленных на службу в Сибирь, первый хорошо владел французским языком, второй – французским и немецким[200]. Более того, широко образованные офицеры могли встречаться не только среди дворянских сыновей. В штабе командующего Сибирского корпуса генерал-поручика Н. Огарева числился в

---

[197] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 474 об., 475.

[198] Там же. Л. 543 об., 544.

[199] Там же. Л. 501 об., 502. О предметах, которые включала программа обучения в корпусе, см.: *Татарников К. В., Юркевич Е. И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. М., 2009. С. 3.

[200] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 82 об., 83.

1785 г. сначала канцеляристом, а затем младшим адъютантом солдатский сын А. Скульский, который не только знал арифметику, геометрию и тригонометрию, но даже, как специально отмечалось в его формулярном списке, «петь и рисовать умеет» [201]. Это доказывает, что личности вроде фонвизинского Митрофанушки (персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль») отнюдь не были таким уж распространенным типом в среде русского дворянства второй половины XVIII в. Приобретая различными путями образование перед тем, как попасть на военную службу, русские офицеры немногим уступали в этом отношении своим западноевропейским собратьям.

Более того, к 1760-м гг. появилась возможность получать специальное образование не только в столице, но и в Сибири. Обратимся к свидетельству капитана И. Андреева, содержавшемуся в его «Домовой летописи». В 1758 г., когда он в возрасте 17 лет сделался драгунским капралом, прибывший в Омскую крепость бригадир К. фон Фрауендорф, «великий любитель наук… повелел находящемуся в крепости Св. Петра инженер-поручику Тренину обучать, выбрав из молодых солдатских детей, к которому по желанию моему, как уже был прежде учен, поступил и я для обучения арифметики и геометрии», а сменивший Фрауендорфа в 1760 г. в должности командующего Сибирскими линиями генерал-поручик И. Веймарн «был по тому же человек ученый… приказал прислать из крепости Св. Петра поручику Тренину учеников его на экзамен, куда прибыв, экзамен учинил он сам многими задачами и с похвалою отпущены для наидальнейшего впредь научения» [202]. Кстати, еще в детстве И. Андреев со своим братом специально обучались немецкому языку в Тобольске в школе учителя Сильвестровича (он был из «остзейцев»-лютеран) вместе с небезызвестным капитанским сыном В. Я. Мировичем, в 1764 г. пытавшимся освободить из крепости и возвести на престол свергнутого императора Ивана Антоновича. Таким образом, упомянутые меры, предпринятые командованием Сибирского корпуса, были направлены на

[201] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 62 об., 63.

[202] Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871. С. 12, 13.

предоставление местным сибирским уроженцам возможности для получения соответствующего образования, прежде всего, инженерного.

Приведенные выше данные позволяют сделать определенные выводы относительно того, какие факторы влияли на чинопроизводство, каким образом использовали те или иные преимущества для продвижения по службе лица, состоявшие в полках и батальонах, дислоцированных к востоку от Урала на всем протяжении рассматриваемого периода. Необходимо остановиться на господствовавшем в русской армии XVIII в. порядке чинопроизводства и присвоения офицерских званий, тех правилах, которые регулировали продвижение по служебной лестнице. Имеющиеся материалы формулярных списков офицеров из состава большинства воинских частей на восточной окраине империи, от Урала до Забайкалья, на протяжении более полувека (с 1730-х по 1780-е гг.) позволяют проследить некоторые закономерности в сфере чинопроизводства, а также определить, насколько точно выполнялись официальные нормы на практике.

Установленный Петром I порядок выслуги на военной службе предписывал в обязательном порядке провести несколько лет в рядовых и унтер-офицерских чинах до получения первого обер-офицерского чина прапорщика (XIV класс по Табели о рангах). Данное предписание распространялось на выходцев из всех сословных групп населения страны, в том числе и представителей дворянского сословия. Конечно, для последних была оставлена «лазейка» в виде возможности послужить рядовыми в лейб-гвардии до получения офицерского чина. Однако воспользоваться этой возможностью могли весьма немногие, большинству приходилось «тянуть лямку» в составе обычных армейских полевых (или гарнизонных) частей. Так, В. Федотьев, дворянин и владелец 22 душ крепостных в Московской губернии, начавший карьеру с 1722 г. в возрасте 18 лет, только в 1741 г. получил чин прапорщика, перейдя в Тобольский гарнизонный пехотный полк из рядовых лейб-гвардии Семеновского полка [203]. К. Деграв, сын подполковника Сибирского гарни-

[203] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 186 об., 187.

зонного драгунского полка Я. Деграве (из лифляндских дворян), хотя и был записан отцом на службу еще в 12-летнем возрасте (с 1730 г.), однако вынужден был не менее шести лет (с 1738 по 1744 гг.) провести унтер-офицером, пока не был пожалован в прапорщики [204].

Аналогичным образом складывались судьбы уроженцев Сибири, принадлежавших к местной верхушке служилого сословия. Типичной выглядит карьера И. Злобина, сына боярского из Красноярска. В 1738 г., когда ему исполнилось 19 лет, он был зачислен во вновь сформированный Новоучрежденный гарнизонный драгунский полк, правда, не рядовым, а сразу же в унтер-офицерском чине (каптенармусом). В 1740 г. его произвели в вахмистры, в 1744 г. – в прапорщики. Однако затем его продвижение по служебной лестнице замедлилось: хотя через 10 лет Злобин стал капитаном, но после этого в течение еще 30 лет (судя по всему, вплоть до смерти) так больше и не получил повышения, оставаясь в капитанском чине [205]. Достигать обер-офицерских классов могли также сыновья рядовых солдат, поскольку на время обучения в гарнизонных школах уже считались в детские годы зачисленными на службу. Так, уроженец Тобольска В. Заполев попал в гарнизонные школьники в 1740 г., когда ему исполнилось только 13 лет, а по окончании обучения довольно быстро прошел через все унтер-офицерские чины: в 1745 г. он был произведен в подпрапорщики, в 1748 г. – в сержанты Тобольского полка. В 1750-х гг. он последовательно стал прапорщиком и поручиком, в 1764 г., в возрасте 37 лет, был уже произведен в капитаны [206]. Образовательный «ценз» вообще играл довольно значимую роль в военном чинопроизводстве на всем протяжении первой половины XVIII в., не зря специальным указом императрицы Анны Иоанновны запрещалось производство в офицеры неграмотных.

---

[204] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 100 об., 101; Д. 281. Л. 114 об., 115.

[205] Там же. Д. 241. Л. 116 об., 117; Д. 367. Л. 2 об., 3, 138 об., 139; Д. 439. Л. 163 об., 164; Оп. 5. Д. 324. Л. 465 об., 466; Д. 508. Л. 787 об., 788.

[206] Там же. Оп. 1. Д. 335. Л. 156 об., 157; Оп. 5. Д. 324. Л. 469 об., 470.

Точно так же осуществлялось повышение в чинах до середины XVIII в. в полевых армейских частях. И. Калмыков, сын дворянина-помещика из Зубцовского уезда, начал службу рядовым в Луцком драгунском полку в 1741 г. по достижении 20-летнего возраста. На получение всех унтер-офицерских чинов ему понадобилось более 10 лет, в прапорщики он был произведен только в 1752 г. [207] Дворянин из Боровского уезда Московской губернии С. Ларионов в 21 год попал в тот же полк и первые четыре с половиной года прослужил там рядовым драгуном и капралом, затем еще семь лет (с 1747 по 1754 гг.) провел унтер-офицером и только потом достиг чина прапорщика с переводом в Вологодский драгунский полк [208]. Уроженец Симбирского уезда М. Сумароков поступил в ряды Вологодского полка 19-летним юношей в 1743 г. Через три года его произвели в капралы, затем (с 1748 по 1757 гг.) он получал унтер-офицерские чины. Первый обер-офицерский ранг Сумароков выслужил, таким образом, спустя 14 лет с момента начала своей карьеры. Впоследствии, на протяжении первой половины 1760-х гг., он прошел путь от подпоручика до капитана, в 1772 г. ему был присвоен чин секунд-майора [209]. Как видно, даже лица, достигавшие штаб-офицерских чинов, начинали свое восхождение по карьерной лестнице с самых низших ступеней.

Конечно, из этого правила бывали исключения, однако в основном службу начинали рядовыми в возрасте от 15 до 25 лет, шла ли речь о дворянских отпрысках или о рекрутах из крестьян. Упоминавшаяся мемуаристами-современниками практика фиктивного зачисления дворянских сыновей на военную службу с раннего детства к середине XVIII в. еще не получила особенного распространения [210]. Пользовались этой возможностью, как правило,

---

[207] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 57 об., 58; Д. 492. Л. 112 об., 113.

[208] Там же. Д. 309. Л. 90 об., 91; Д. 491. Л. 63 об., 64, 96 об., 97.

[209] Там же. Д. 393. Л. 139 об., 140; Оп. 3. Д. 83. Л. 186 об., 187; Оп. 5. Д. 324. Л. 560 об., 561.

[210] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя самим им для своих потомков: В 3 т. / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013. Т. 1. С. 110, 224. Правда, Х.-Г. Манштейн утверждал, что в 1740 г. «вышел указ, которым каждому дворянину, прослужившему 20 лет и бывшему в походах, дозволялось просить увольнения. Едва успели

лишь выходцы из более-менее обеспеченных семей или знатных аристократических фамилий. Классическим примером, на который всегда ссылались исследователи, является в этом плане биография будущего фельдмаршала А. В. Суворова [211]. Кроме того, давало шансы на чрезвычайно быстрое повышение родство с полковым или корпусным командиром. Так, А. Ифлант, сын командира Вологодского полка полковника Н. Ифланта, родился в 1732 г., поступил в полк своего отца в 1750 г. и всего за несколько месяцев успел «проскочить» почти все унтер-офицерские чины, к 1752 г. сделавшись уже вахмистром [212]. П. Киндерман, сын первого командующего сибирскими частями генерал-майора Х. Киндермана, начал службу в 14-летнем возрасте и к 32 годам уже сделался секунд-майором [213]. Однако вплоть до 1760-х гг. такие случаи для офицерского корпуса сибирских частей выглядели все же скорее исключением.

Зато массовыми становятся практика ускоренного повышения в чинах (заметим, отнюдь не за боевые заслуги), равно как и возможности начинать службу уже не рядовыми, а как минимум унтер-офицерами, в царствование императрицы Екатерины II. Замечательным образом смог получить обер-офицерский чин, еще даже не начиная реальной воинской службы, француз Ж. де Вильнев, сын полковника и коменданта г. Томска Т. де Вильнева. Он родился в 1754 г., а записан был отцом на службу в Вологодский полк в сентябре 1762 г. сразу в чине ротного квартирмейстера. В ноябре того же года

указ этот публиковать, как поступило множество прошений. Половинное число офицеров подали просьбу об отставке, уверяя, что они прослужили более 20 лет. Встречались молодые люди, едва перешедшие за 30-летний возраст, которые требовали увольнения; дело в том, что быв записаны в какой-нибудь полк на 10-м или 12-м году от рождения, они с этого времени и службу свою считали. У многих офицеров не было гроша за душою, и все-таки они предпочитали военной службе жизнь в деревне и обработку полей собственными руками. Такой оборот дела заставил спустя несколько месяцев отменить указ» (*Манштейн Х.-Г.* Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумова; послесл., указ. В. Наумова. М., 1997. С. 161). Однако вряд ли его свидетельство можно распространять на всю армию в целом.

[211] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 67; *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 54, 58, 59.

[212] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 393. Л. 9 об., 10, 27 об., 28. О Н. Ифланте см.: Там же. Д. 314. Л. 2 об., 3; Д. 393. л. 1 об., 2.

[213] Там же. Д. 393. Л. 2 об., 3.

он оказался произведен в вахмистры и числился в полку с этим чином полтора года, до мая 1764 г. После этого, как сказано в его формулярном списке, «по указу Военной коллегии из полка выключен и отпущен к отцу для обучения наукам… а сверх того исправлял сержантскую должность при томских батальонах» [214]. А в 1771 г., когда ему исполнилось 17 лет, он действительно вступил в ряды армии, но уже сразу с чином прапорщика. Подобных случаев можно насчитать десятки. Это свидетельствует фактически об утрате властями всякого контроля за порядком поступления на военную службу и соблюдением правил чинопроизводства.

Частым явлением сделалось на протяжении 1760–1770-х гг. поступление на военную службу сразу с чином унтер-офицера, особенно для дворян, освобождавшихся таким образом от необходимости даже недолгое время числиться рядовыми. Так, Н. Юмашев, сын помещика из Ряжского уезда, в 1776 г., когда ему только исполнилось 16 лет, был зачислен в полевую службу сержантом. Аналогичным образом начал свою карьеру сын помещицы из Переяславля-Залесского С. Ченцов [215]. Другие определялись в капралы или подпрапорщики: А. Рыженков (из «малороссийского шляхетства») в 1772 г. начал в 17 лет службу подпрапорщиком, через два года стал сержантом, в 1780 г. дослужился до обер-офицерского чина; П. Смолков (из самарских дворян) в 1781 г. сразу получил чин капрала еще в 14-летнем возрасте, затем каждый год производился в очередной унтер-офицерский чин, так что уже в 1786 г., когда состоял на действительнрй службе, сделался прапорщиком [216]. Практика фиктивного зачисления на службу несовершеннолетних дворян именно в последние десятилетия XVIII в. стала общераспространенной. Причем использовались для этого не только армейские полевые и гарнизонные части, но и полки лейб-гвардии.

---

[214] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 407 об., 408. Чин сержанта в пехотных частях был равен чину вахмистра в кавалерии.

[215] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 90 об., 91; Д. 1989. Л. 34 об., 35.

[216] Там же. Д. 1292. Л. 74 об., 75; Д. 1985. Л. 52 об., 53; Д. 2366. Л. 18 об., 19.

По данным за 1788 г. только в двух полевых мушкетерских батальонах Сибирского корпуса среди обер-офицеров лиц, формально начинавших карьеру с зачисления в гвардию, насчитывалось 29 из 46 чел., в двух егерских батальонах – 19 из 47 чел. Это явилось результатом уже сложившейся практики производства в офицерские чины дворянских сыновей, позволявшей избежать тягот полевой службы, «проскочив» соответствующие ступени лестницы чинов и нередко даже реально не появляясь в столице, а получая новые звания за выслугу лет. Современные исследователи так характеризовали эту практику: «Непомерные злоупотребления этой системой происходили в гвардии, куда стремилось попасть множество молодых дворян. Снабженные весомыми рекомендациями зачастую сразу получали звание капрала или даже сержанта, другие служили рядовыми… Наиболее деятельные быстро становились армейскими офицерами; большинство же и не стремилось покидать уютный гвардейский мирок» [217].

Конечно, примеры перевода в армейские части с присвоением обер-офицерских чинов из рядовых или унтер-офицеров гвардии встречались и ранее, однако не носили массового характера. Скажем, в составе Луцкого и Вологодского драгунских полков на протяжении конца 1740–1750-х гг. находились лишь нескольких бывших гвардейцев. Дворянин из Белгородской губернии О. Шатов в 1747 г. был причислен в полковые адъютанты (в чине прапорщика) Луцкого полка из капралов лейб-гвардии Преображенского полка; помещик М. Терпигорев был пожалован в поручики Вологодского полка в 1751 г. из вахмистров конной гвардии; А. Полянский, бывший рядовой лейб-гвардии Семеновского полка, был переведен в Луцкий полк с чином прапорщика тоже в 1747 г. [218] Однако следует заметить, что эти люди к моменту перевода в полки находились отнюдь не в юном возрасте: им было более 30 или даже более 40 лет, в гвардии они служили довольно продолжительное время.

---

[217] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 127, 128.
[218] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 2 об., 3, 57 об., 58; Д. 393. Л. 75 об., 76.

С начала 1760-х гг. не редкостью стали случаи, когда лица, ранее служившие в лейб-гвардии, сразу получали капитанские чины, минуя, таким образом, чины прапорщиков и поручиков. Так, Е. Белов на протяжении восьми лет, с 1754 по 1762 гг., состоял в полку конной гвардии, последовательно повышаясь в чинах от рядового до вахмистра, после чего был сразу произведен в капитаны при определении в Ревельский драгунский полк. А. Сверчков, помещик из Шацкого уезда, в 1754 г. зачисленный рейтаром в конную гвардию, через пять лет перешел в гренадеры лейб-компании с чином армейского поручика, а в 1763 г. был выпущен капитаном в Азовский драгунский полк. Точно так же складывалась карьера братьев М. и С. Глядковых, в 1765 г. вместе перешедших из лейб-компании в капитаны Олонецкого драгунского полка [219]. Подобные случаи свидетельствовали о некоторой «девальвации» ценности обер-офицерских чинов, при получении которых присваивалось и дворянское достоинство. Но упомянутые выше лица с самого начала состояли на действительной службе, так что обвинить их в получении соответствующих чинов без надлежащих заслуг вряд ли возможно.

Зато уже на протяжении 1770–1780-х гг. наблюдалось множество случаев, аналогичных описанному А. С. Пушкиным в первых строках «Капитанской дочки», когда дворянских сыновей фиктивно зачисляли на службу в гвардии задолго до достижения ими совершеннолетия. Такой пример приводил и Л. Е. Шепелев, указывая при этом, что «по Табели о рангах офицеры гвардии получали преимущество в два чина перед армейскими офицерами» [220]. Это позволяло сыновьям дворян сразу получать обер-офицерские чины, фактически именно с них начиная реальную службу. А. Охлябинин (из пензенских дворян) был зачислен на службу капралом лейб-гвардии в 1783 г., когда ему исполнилось только 14 лет, уже через полгода получил чин сержанта, а в 1787 г. был выпущен в полевую армию с чином поручика и записан в 5-й мушкетерский батальон Сибирского корпуса. Аналогичным обра-

[219] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 180 об., 181, 185 об., 186.
[220] *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 79.

зом получил чин прапорщика в том же батальоне И. Подольский (сын курского помещика), капрал лейб-гвардии с 1782 г., записанный на службу в 13-летнем возрасте. Поручик 1-го егерского батальона И. Греченинов (из дворян Калужской губернии) также сделался гвардейским капралом в 12 лет (в 1782 г.), а через пять лет, уже сержантом гвардии, был выпущен в армию. Н. Плохов, сын помещицы из Пошехонского уезда, зачислился в гвардию подпрапорщиком в 1783 г. по достижении 15-летнего возраста, через три года был уже сержантом, а в 1787 г. перешел в полевую службу поручиком [221].

Правда, среди таких офицеров встречались не только представители «благородного шляхетства». Скажем, поручик Д. Щелканов (из обер-офицерских детей) прослужил в лейб-гвардии 11 лет (с 1776 по 1787 гг.), достигнув сержантского чина, после чего, подобно сослуживцам, получил чин армейского поручика, но уже в возрасте почти 30 лет. А. Соловьев, бывший дворовый человек, пошел на службу вольноопределяющимся в 1781 г., через пять лет был взят в лейб-гвардию капралом, а еще через год отправился прапорщиком в 1-й егерский батальон Сибирского корпуса. П. Ставровский, сын церковнослужителя, начал военную карьеру в 1784 г. в рядах Тульского пехотного полка, через полтора года был зачислен рядовым в Преображенский полк, а в 1787 г. снова вернулся в полевую службу, но уже с чином прапорщика. И. Медведев, сын протоколиста (рядового чиновника, должность которого даже не входила в перечень Табели о рангах), пошел на службу в 17 лет сержантом Санкт-Петербургского пехотного полка в 1785 г., но через год перешел в гвардию фурьером, еще через год вернулся в армию прапорщиком [222]. Эти примеры опровергают традиционное представление о том, что гвардейские полки комплектовались исключительно дворянами, заставляя скорее предположить, что к концу XVIII в. они сделались средством для ускоренного получения обер-офицерских чинов, доступным выходцам из разных сословных групп.

---

[221] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 46 об. – 48, 53 об., 54; Д. 1989. Л. 30 об., 31.
[222] Там же. Д. 1292. Л. 46 об., 47, 91 об., 92; Д. 1989. Л. 36 об., 37, 91 об., 92.

Все рассмотренные выше аспекты касались чинопроизводства в мирное время. Однако понятно, что участие в войнах, которые вела Россия в середине и второй половине XVIII в., предоставляло множество возможностей отличиться и заслужить повышение за боевые заслуги. Даже в частях Сибирского корпуса, непосредственно не принимавших участия в конфликтах на европейском и османском театрах, насчитывалось немало офицеров, успевших приобрести значительный боевой опыт до перевода сюда. А жаловали за боевые отличия в русской армии XVIII в. достаточно широко и охотно. Обратившись к биографиям штаб-офицеров полков Сибирского корпуса за 1760-е гг., можно в этом убедиться.

Премьер-майор Сибирского драгунского полка Н. Копотов и его сослуживец в том же чине из Олонецкого полка В. Арбеков (оба – сыновья солдат) успешно зарекомендовали себя в главных сражениях Семилетней войны 1756–1762 гг. Первый участвовал в сражениях при Цорндорфе в 1758 г. и при Кунерсдорфе в 1759 г., состоя дежур-майором при командире дивизии, «употребляем был в самый жестокий огонь с повелениями» [223]. Начав кампанию поручиком в 1757 г., он уже в 1760 г. стал секунд-майором, когда ему исполнился только 31 год. Второй был ранен пулей в бок под Цорндорфом, а в 1761 г. во время осады Кольберга при взятии неприятельской батареи получил пулю в левую руку [224]. Отправившись на войну подпоручиком, он через шесть лет (в 1763 г.) также успел дослужиться до секунд-майора. Подполковник Томского пехотного полка В. Волков (из обер-офицерских детей) начал войну поручиком, а в 1762 г. уже был произведен в премьер-майоры. В его формулярном списке специально отмечалось, что он был «во всей прусской кампании в Брандебурии (Бранденбурге. – *А. Д.*), в Померании, в Силезии, и во многих партиях при легких войсках, и на акциях в сражениях с неприятелем, при осаде городов Бреславля, Берлина, Кольбер-

[223] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 166 об., 167. Дежур-майор – в русской армии XVIII в. штаб-офицер при командующем, назначающий дежурства и караулы.

[224] Там же. Л. 169 об., 170.

ха и других местечек, и при взятье тех городов Берлина и Кольберха… за отличные службы пожалован» [225].

Способствовала ускоренному повышению в чинах и русско-турецкая война 1768–1774 г. Ряд лиц из числа занимавших должности командиров полевых батальонов Сибирского корпуса в середине 1780-х гг. как раз в ходе этой кампании, начав войну обер-офицерами, успешно продвинулись по карьерной лестнице. Л. Калантаев, в 1768 г. выпущенный из гвардии в армейские части поручиком, уже в 1770 г. стал капитаном, а потом «за отличные и храбрые поступки, оказанные за Дунаем» в нескольких сражениях с турками, в 1771 г. был произведен из капитанов в секунд-майоры и «рекомендован к ея императорскому величеству». В. Буйносов, дивизионный квартирмейстер в чинах поручика (1768 г.) и капитана (1770 г.), с 1771 по 1774 гг. находясь в Крыму, в 1773 г. также был «произведен за многия с неприятелем в действиях оказанныя отличности» секунд-майором [226]. Многочисленность подобных примеров объясняется политикой комплектования частей Сибирского корпуса, которой придерживалась императрица Екатерина II с первых лет своего царствования, включавшей, в том числе, повышение среди личного состава доли офицеров и командиров, имевших опыт ведения боевых действий.

Наконец, во второй половине XVIII в. получила распространение и своеобразная практика временного ухода с воинской службы «к статским делам» или вообще в отставку, а потом возвращения в армию с повышением в чине. Любопытный пример в этом отношении представляла карьера подполковника Селенгинского пехотного полка К. Пекурина. Родившись в 1726 г. в семье рядового солдата, он в возрасте 16 лет поступил для обучения в Инженерный корпус, быстро получил чин кондуктора (инженерный специалист унтер-офицерского ранга), в 1751 г. перевелся во 2-й гренадерский ландмилицкий полк на Украине уже с чином поручика, с началом Семилетней войны в 1756 г. поступил капитаном в 5-й мушкетерский полк Обсервационного

[225] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 136 об., 137.
[226] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 65 об., 66; Д. 1989. Л. 21 об., 22.

корпуса. В 1758 г. Пекурин вышел в отставку с чином коллежского асессора (равным майорскому), но уже в 1762 г. вернулся к военному поприщу, получив назначение в формируемый Якутский конный ландмилицкий полк в чине премьер-майора, а затем, в 1764 г., был причислен к Селенгинскому полку с производством в подполковники [227]. Столь быстрым возвышением он, вероятно, не в последнюю очередь был обязан полученному им специальному инженерному образованию: в его формулярном списке специально подчеркивалось, что он, помимо умения читать и писать, «инженерной науки и часть фортификации знает», а при выходе в отставку определился «в Новгородскую губернию к межевым делам».

Е. Великопольский вышел в отставку в 1772 г. с чином капитана от артиллерии и был определен «к статским делам», в 1778 г. стал надворным советником, а в 1780 г. снова был принят на военную службу уже в чине подполковника. Секунд-майор М. Павлуцкий в 1775 г. получил отставку из гарнизонных батальонов Тобольска «в дом его на собственное пропитание с награждением премьер-майорским чином», но уже через год снова поступил в Колывано-Воскресенский полевой пехотный батальон на вакансию капитана, «и старшинством счислять его велено по капитанскому чину, но как уже в полевой службе капитаны того старшинства все поступили в секунд-майоры, то указом Военная коллегия определила его в сравнение сверстников считать в секунд-майорском чине с 1 января 1780 г.», к 1786 г. он был уже премьер-майором Семипалатинского полевого пехотного батальона [228].

Подобным же образом могли действовать и обер-офицеры. Сержант Бийского гарнизонного пехотного батальона Т. Юдин «на основании о вольности дворянства именного указа был отставлен на собственное его пропитание с награждением прапорщичьим чином с 1 января 1776 г.», после чего в том же году вновь зачислился в армию, причем с сохранением обер-офицерского ранга: «Снова принят в службу, и старшинством повелено его

[227] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 207 об., 208.
[228] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 8 об., 9, 10 об., 11.

считать». Аналогичным образом выслужил чин прапорщика И. Тимирязев. Выйдя в отставку в 1785 г. из сержантов Колывано-Воскресенского горного батальона, он был награжден обер-офицерским чином и сохранил его при повторном поступлении в полевые мушкетерские батальоны Сибирского корпуса в 1787 г. П. Абаза, служивший в лейб-гвардии, был «за болезнью отставлен поручиком с 1 января 1787 г.», а через полтора года снова числился в мушкетерских батальонах с тем же чином [229]. Как видно, даже прерванный стаж службы не препятствовал чинопроизводству. И это при том, что приезжие из Европы, поступавшие в русскую армию, начинали карьеру с обязательным понижением на один офицерский чин по отношению к тому, с которым они прибывали в Россию.

* * *

До середины XVIII в. гарнизонные части, дислоцированные за Уралом, пополнялись в основном за счет сибирских уроженцев, выходцев из всех слоев местного русского населения: детей боярских, казаков, посадских и крестьян. Те из них, кому удавалось дослужиться до обер-офицерских чинов, в дальнейшем пополняли собой ряды сибирских дворян. В качестве примера можно вспомнить Г. Андреева, несколько сыновей которого, пойдя по стопам отца на военную службу, положили начало известному и многочисленному клану сибирских дворян Андреевых, а один из них, упоминавшийся выше капитан И. Андреев, оставил для потомков «Домовую летопись», содержавшую воспоминания о его жизни и армейской карьере. Также среди офицеров «Сибирского гарнизона» можно обнаружить представителей разветвленного служилого клана Павлуцких, кое-кто из них дослужились до штаб-офицерских чинов. Это доказывает, что на протяжении второй четверти XVIII в. служба в гарнизонных частях регулярной армии Сибири использо-

[229] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1292. Л. 85 об., 86, 94 об., 95; Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 357 об., 358.

валась местными уроженцами в качестве канала вертикальной социальной мобильности, позволяя достигать привилегированного положения.

Во второй половине XVIII в. ситуация значительно изменилась. Масштабная реорганизация сибирских гарнизонных частей и взятый правительством Екатерины II курс на комплектование даже гарнизонных войск Сибирского корпуса выходцами из европейской части России привели к существенному снижению доли сибиряков в рядах здешнего офицерского корпуса. При этом, как правило, на сибирскую службу попадали представители мелкопоместного или даже неимущего (не располагавшего землями или крепостными душами) дворянства, чье материальное благосостояние почти целиком зависело от успешности карьерного продвижения. Довольно стабильной оставалась в составе «Сибирского гарнизона» и доля лиц нерусского происхождения, причем если до середины XVIII в. они были представлены, в основном, пленными воинами шведской армии Карла XII или их ближайшими потомками, то ближе к концу XVIII в. этнический состав офицеров гарнизонных частей Сибири стал значительно более разнообразным.

Полевые полки, передислоцированные на восток в середине 1740-х гг., фактически не отличались по своему кадровому составу от прочих частей русской армии указанного периода. Их офицерский корпус изначально был в значительной степени неоднородным. Прежде всего, обращала на себя внимание принадлежность лишь около половины полковых офицеров к дворянскому сословию, а среди последних – заметное преобладание мелких или даже практически неимущих земле- и душевладельцев. Да и в первый период существования Сибирского корпуса (т. е. на протяжении 1760-х гг.) командный состав входивших в его структуру полевых полков мало чем отличался от других частей русской армии в начале царствования Екатерины II.

Большинство среди офицеров полевых частей в Сибири в 1760-х гг. составляли лица, уже достаточно давно находившиеся на службе, обладавшие немалым воинским стажем и значительным боевым опытом. С учетом того, что как раз в этот период возникала реальная угроза военного столкновения с

цинским Китаем, следует признать вполне разумной политику привлечения на службу в частях Сибирского корпуса ветеранов ряда кампаний середины XVIII в. Кроме того, служба в Сибири в эти годы еще не рассматривалась в качестве малопочетной ссылки, как это будет в дальнейшем, когда реорганизация внутренней структуры сибирских полевых частей в 70–80-е гг. XVIII в. заметно ухудшила качественный состав офицерского корпуса регулярной армии на «восточной окраине» империи.

Значительно повысился на протяжении XVIII в. уровень общего образования и профессиональной подготовки офицеров русской регулярной армии, особенно после 1750-х гг. Уже с середины века лиц, не владевших основами грамоты (т. е. не умевших читать и писать), в офицерских чинах не осталось вовсе, а кроме того, начала стабильно возрастать доля людей, обладавших специальными математическими и инженерно-техническими знаниями, знавших иностранные языки. При этом возможность получить специальное военное образование оказывалась доступной не только представителям дворянства, но и выходцам из других сословных групп, в том числе уроженцам Сибири. Это доказывает, что задача, поставленная верховной властью еще со времени правления Петра I – создать образованные классы из военных и чиновников, готовых применять полученные знания на государственной службе – в принципе решалась достаточно успешно, особенно во второй половине XVIII в., даже в сибирских условиях.

Существенные изменения претерпел порядок чинопроизводства. Если вплоть до 1750-х гг. соблюдался достаточно жесткий порядок прохождения военной службы и повышения в чинах, установленный еще Петром I, то во второй половине XVIII в. произошло массовое отступление от его норм. Запись на службу несовершеннолетних, начало карьеры с унтер-офицерских чинов или сразу с поступления в лейб-гвардию, несоблюдение даже тех коротких сроков выслуги лет, которые считались официально действующими – все эти феномены приобрели широкое распространение во всех частях рус-

ской армии с 1760-х гг., и войска Сибирского корпуса в этом отношении не являлись исключением.

Также можно отметить изменение роли гвардейских частей. Если до середины XVIII в. они оставались привилегированными формированиями, слабо связанными с полевой службой, то в дальнейшем превратились в один из каналов стабильного пополнения офицерского корпуса полевой армии благодаря той схеме, которая была охарактеризована выше: зачисление на несколько лет в гвардию с получением там унтер-офицерских чинов, а затем выпуск в полевые части уже в обер-офицерском чине. Интересно, что воспользоваться этой схемой получали возможность не только дворяне, но и представители других сословных групп, попадавших на службу.

При численном преобладании среди офицеров выходцев из дворян и лиц нерусского происхождения возможность приобрести «благородный» статус, тем не менее, все еще не была закрыта для представителей других сословных групп. Регулярная армия являлась стабильно действующим каналом для вертикальной социальной мобильности, пополнение рядов дворянства выходцами из «неблагородных» продолжалось на всем протяжении рассматриваемого периода. Вместе с тем, во второй половине XVIII в. офицерский корпус частей, дислоцированных в Сибири, состоял в большинстве своем из уроженцев европейской части страны. Это приводило к определенному отчуждению военнослужащих от той социальной среды, в которой они оказывались, находясь к востоку от Урала.

Хотя основное отличие социальной структуры населения в Сибири от Европейской России – отсутствие здесь большого числа дворян-землевладельцев – компенсировалось тем обстоятельством, что большинство среди офицеров-дворян составляли владельцы мелких и мельчайших имений, обладатели малого числа крепостных душ. Данное обстоятельство позволяет объяснить, почему в армейских рядах практически отсутствовали сословные антагонизмы, уже проявлявшиеся в социальной жизни Российской империи на протяжении XVIII в. – ведь такие представители формально «господству-

ющего» в стране сословия по своему положению мало чем отличались от сослуживцев из непривилегированных групп населения, посадских или крестьян. Оно также превращало части регулярной армии в удобный для государственной власти инструмент поддержания контроля над имперским пространством «восточной окраины», гарантируя лояльность военнослужащих и их готовность не только защищать границы от внешних врагов, но и поддерживать существующий порядок в случае внутренних конфликтов.

ГЛАВА 3
МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

3.1. Финансирование армейских частей центральными государственными ведомствами

Одной из наиболее значимых сторон «социально-политического измерения» регулярной армии является сфера материального обеспечения воинских частей. Без учета этой стороны функционирования армейского механизма невозможно установить, какое место занимала армия в системе социально-политических институтов Российской империи в XVIII в., тем более тот ее контингент, который располагался на востоке страны. Изучению этой сферы посвящена данная глава исследования. В частности, здесь необходимо уделить внимание организации финансирования армейских частей в Сибири и выяснению роли в этом процессе центральных государственных ведомств. Также следует проанализировать деятельность местных властей в сфере снабжения армии. Наконец, отдельно стоит остановиться на организации военным командованием системы провиантского довольствия войск, от которой напрямую зависело благополучие последних.

Обратимся сначала к изучению того, каким образом осуществлялось финансирование из центра гарнизонных войск и полевых частей регулярной армии. Имеющиеся за период 1740–1750-х гг. данные позволяют выяснить, какие именно государственные ведомства несли ответственность за ежегодное выделение необходимых средств на нужды сибирских частей, и насколько успешно они справлялись со своими обязанностями. Конечно, каждому специалисту по периоду XVIII в. известно, что на содержание армии и флота уходила большая часть бюджета Российской империи, начиная с эпохи Петра I. Но как функционировали на практике эти механизмы, какие государ-

ственные учреждения в центре и на местах были подключены к этому процессу? Об этом, как правило, почти не упоминается.

Как указывал Л. Г. Бескровный, изначально в петровскую эпоху «ведать всего войска жалованье» должен был Главный комиссариат (с 1731 г. Генерал-кригс-комиссариат) [1]. Однако, возникнув как орган, подчиненный непосредственно Правительствующему Сенату, еще до создания Военной коллегии, Комиссариат в дальнейшем хотя и был формально включен в структуру последней, однако на практике зачастую продолжал действовать как самостоятельное учреждение, имея возможность сноситься напрямую как с Сенатом и финансовыми ведомствами, так и с местными властями. Такая ситуация порождала значительные неудобства, не давая возможности четко установить и разграничить сферы ответственности Комиссариата и Военной коллегии в деле снабжения армии. Усугубляли положение описанные И. В. Курукиным общие принципы функционирования финансовой системы империи: «Децентрализация сбора и расходования средств постоянно порождали такие ситуации, когда все участвовавшие стороны были правы и найти виновного было невозможно» [2].

И. В. Курукин приводил целый ряд примеров, как под нажимом военного ведомства Сенат и Кабинет министров в 1730-х гг. буквально вынуждали Штатс-контор-коллегию выдавать те или иные суммы. В 1737 г. последняя отказалась перечислять средства для содержания так и не расформированных полков «Низового корпуса», отговариваясь тем, что более не распоряжалась источниками поступления доходов, из которых должно было производиться финансирование этих частей. После предписания Кабинета изыскать деньги «опытные сенаторы выход нашли. В Петербурге обнаружили 15 тысяч рублей, из московских канцелярий и контор выгребли еще 35 тысяч, а затем взяли “заимообразно” из Монетной конторы еще 50 тысяч» [3].

---

[1] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 120.

[2] *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 252.

[3] Там же.

Система «заимообразных» зачетов вообще получила широкое распространение в практике центральных ведомств послепетровской эпохи. Еще один пример, на котором остановился И. В. Курукин: в 1739 г. генералитет требовал от Штатс-конторы выплаты более 700 тыс. руб., но чиновники платить отказались. Дело, как обычно, «разрешилось компромиссом: Штатс-контора тут же где-то отыскала 200 тысяч рублей, а просьбу выдать недостающее отправила “наверх” – к императрице и находящимся в ее распоряжении суммам Соляной конторы» [4]. Наконец, сам порядок сбора подушной подати и расходования получаемых средств различными ведомствами не давал никакой возможности установить хоть сколько-нибудь эффективный контроль и учет. В условиях, когда, как отмечала Е. С. Корчмина, «не существовало централизованного бюджета, а деньги распределялись на уровне провинциальных канцелярий», оказывалось, что «одна их часть расходовалась на местах (на провиант, фураж, содержание рекрутов, обмундирование и амуницию), другая “свозилась за ассигнованием” в столицы (в Главный комиссариат в Москву, в комиссариатскую контору в Санкт-Петербург), третья покрывала “долги”, а четвертая отправлялась сразу в полки» [5]. Приняв во внимание указанные тенденции, остановимся на нескольких выявленных эпизодах, связанных с финансированием дислоцированных в Сибири армейских частей.

Уже после формирования в конце 1730-х гг. Новоучрежденных драгунского полка и пехотного батальона (в дополнение к трем пехотным и одному драгунскому гарнизонным полкам, ранее находившимся в Сибири) власти столкнулись с немалыми трудностями в вопросе снабжения данных частей «мундирными и аммуничными вещами». Изначально правительство императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) попыталось переложить все заботы по их материальному обеспечению на плечи местной администрации. Однако довольно быстро выяснилось, что эта задача вряд ли может быть выполнена

---

[4] *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»… С. 257.

[5] *Корчмина Е. С.* «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х гг. // Российская история. 2013. № 5. С. 86.

за счет сибирских ресурсов, так что уже в 1740 г. последовали два указа Правительствующего Сената (от 28 августа и 22 сентября), согласно которым для драгунского полка и пехотного батальона предписывалось «ружье отпустить ис починочного с Тулских оружейных заводов за готовыя из Сибирского приказу денги, а аммуницыю… построить от Военной канторы, а денги на то отпустить из Сибирского приказу» [6].

Выполнение данного предписания было возложено на Военную контору, специально за несколько лет до этого организованную в Санкт-Петербурге для контроля за остальными конторами Военной коллегии, находившимися в Москве [7]. Действительно, в 1741 г. из соответствующих московских контор (Генерал-кригс-комиссариатской, Амуничной и др.) в Сибирь были отправлены необходимые вещи на сумму 16 090 руб. 35 коп., однако сумма эта из Сибирского приказа на счет Военной конторы так и не поступила, несмотря на неоднократно посылавшиеся из Петербурга в Москву промемории (11 апреля, 22 июля, 7 сентября, 24 октября) [8]. Сибирский приказ предпочел переправить эти расходы в Сибирскую губернскую канцелярию, куда 25 августа и 22 декабря 1741 г. были посланы соответствующие определения [9]. Вполне понятно, что никаких денег и оттуда прислано не было.

В ходе последовавшей после прихода к власти императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) перестройки центральных органов военного управления об этом долге никто не вспоминал. Когда 25 января 1742 г. был издан указ об отделении от Военной коллегии нескольких ее контор (Генерал-кригс-комиссариатской, Обер-цалмейстерской и Амуничной) и об образовании из них Главного комиссариата, то последний сразу был подчинен непосредственно Сенату, а Военная контора, на счет которой должна была посту-

---

[6] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 426. Л. 958. Сибирский приказ, восстановленный в 1730 г., ведал реализацией пушнины и других ценных товаров, поступавших из Сибири, поэтому всегда имел в своем распоряжении денежные суммы, могущие быть использованными на нужды Сибирской губернии или для расчетов с теми или иными центральными государственными ведомствами.

[7] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 70.

[8] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 426. Л. 958 об.

[9] Там же. Л. 959 об., 966 об.

пить указанная выше сумма, упразднялась вовсе [10]. Но когда 13 февраля 1744 г. в Главном комиссариате было получено доношение из Сибирской губернской канцелярии с приложенной ведомостью для выдачи Новоучрежденному драгунскому полку вещевого довольствия еще на 8 384 руб. 72 коп., там сразу вспомнили о старом долге.

Промеморией, направленной 10 апреля в Сибирский приказ, Комиссариат потребовал заплатить сразу всю сумму (24 475 руб. 7 коп.), объявив, что «без присылки тех денег оных вещей в тот полк… отпущено не будет» [11]. Сибирский приказ, оправдываясь, отвечал в своей промемории от 11 мая, что не располагает подобной суммой, ибо в том же 1741 г. уплатил на содержание лейб-гвардии Измайловского и Конного полков более 55 тыс. руб. Эти полки должны были ежегодно получать необходимые средства именно из Сибирского приказа, подобно тому, как в 1724 г. Петром I было определено «Преображенской и Семеновской полки положить на Сибирскую губернию» [12]. Весной же 1744 г. в казне Сибирского приказа наличествовало лишь 2 991 руб. 17 коп.

В связи с этим приказные чиновники предложили Комиссариату следующую схему: поскольку упомянутые драгунский полк и пехотный батальон должны получать жалование из таможенных и кабацких сборов Сибирской губернии, то «уповательно, что… из определенной на то суммы в той губернии вычетные денги имеются». А поскольку в Сибирском приказе денег на оплату материального обеспечения этих подразделений нет, «да и впредь за положением платежа на Сибирской приказ вышеозначенных лейб гвардии полков» на поступление сколько-нибудь значительных сумм «надежды иметь невозможно», то и в будущем «на платеж за мундирные и аммуничные вещи

---

[10] Столетие военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902. Т. 1. С. 30; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 71. Незадолго перед тем, в 1736 г., Комиссариат временно был подчинен Военной коллегии, см. об этом: *Бабич М. В.* К проблеме военного управления 1730-х гг.: вокруг Комиссариата // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2016 г.). СПб., 2016. Кн. 1. С. 99–114.

[11] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 426. Л. 958 об., 959.

[12] См.: Там же. Оп. 13. Кн. 688. Л. 1468 об.

надлежащее число по положенным ценам по Воинскому стату в Главный камисариат отсылать» из доходов Сибирской губернии, «дабы в приеме и отвозе не могло быть ни малой остановки» [13].

Однако Главный комиссариат от предложенной схемы отказался и в доношении Сенату от 29 мая 1744 г. указал, что поскольку «как из Сибирскаго приказу, так и из Сибирской губернии денег не прислано», то «ежели ныне требуемые вещи… отпустить, то за неприсылкою и за прежде отпущенные вещи денег в камисариат в надлежащих положенных по Воинскому стату росходех может воспоследовать недостаток» [14]. Решение Сената по этому делу последовало 19 июня: в сенатских указах за № 4591 и 4592 Сибирскому приказу предписывалось отпустить в Главный комиссариат всю требуемую сумму. Сибирский приказ сенатские указы исполнять не пожелал, утверждая, что «платить за то Сибирскому приказу не надлежит, понеже на строение того мундира велено вычитать из их жалованья, и протчие вещи строить из определенной на то суммы» из доходов Сибирской губернии [15], поэтому платить Комиссариату приказ не станет.

Согласившись с приведенными доводами, Сенат вынужден был 10 и 15 июля направить соответствующие указы под № 5826 и 5827 в Сибирский приказ и Сибирскую губернскую канцелярию. В них говорилось «о неупотреблении на другие росходы из вычетных за мундир и аммуничныя вещи денег и об отпуске их без всякаго задержания» из губернской канцелярии Сибирскому приказу для дальнейшей передачи в Главный комиссариат [16]. Правда, речь шла не о 24, а лишь о 8 тыс. руб., т. е. старый долг не упоминался. Только когда, по настоянию Комиссариата, к этому делу была подключена Военная коллегия (доношение в Сенат от 17 августа [17]), в очередном се-

[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 426. Л. 960.
[14] Там же. Л. 960 об.
[15] Там же. Л. 967.
[16] Там же. Л. 970, 971.
[17] Там же. Л. 973–975.

натском указе за № 9719 от 3 сентября подтверждалось требование о выплате всей суммы долга, с чем Сибирский приказ вынужден был согласиться [18].

В 1745 г. был поднят вопрос о том, по каким штатам – полевым или гарнизонным – выплачивать жалование «обретавшемуся при китайской границе» Якутскому пехотному полку. Решением Верховного тайного совета с 1730 г. этому полку были положены оклады жалования «против армейских пехотных полков», а добавочные суммы, необходимые для этого, по решению Сената и Камер-коллегии полагалось выдавать из собираемой здесь подушной подати, «из четырехгривенного збору Сибирской губернии» [19]. Однако уже с 1736 г. этот 4-гривенный сбор был «положен на артилерию и фортофикацию» и отдан в ведомство Военной колегии, так что, как выяснилось, «из того четырехгривенного збору реченному Якуцкому полку к гарнизонному прибавочного в армейской оклад производить не ис чего» [20]. Поэтому за период с 1740 по 1744 г. из положенной ему суммы в 20 748 руб. 78 коп. полк недополучил 5 519 руб. 73 коп. [21] За майскую же треть 1744 г. командир полка и обер-офицеры вообще не получили жалования.

Чтобы выйти из создавшегося положения, Селенгинская гарнизонная канцелярия обратилась напрямую в Главный комиссариат. В своем доношении, поступившем в столицу 25 января 1745 г., она сообщала о задержке денежных поступлений из Иркутска, возникшей из-за того, что «по присланному из Главного камисариата указу из подушного збору денежной казны… употреблять ни на что не велено» [22]. В этих условиях селенгинские чиновники решили в качестве временных мер, «дабы за недачею жалованья и за нижней годовой мундир обер афицеры и салдаты и другия чины не могли прит-

---

[18] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 426. Л. 978.

[19] Там же. Кн. 429. Л. 152 об. Об этом упоминал Г. Ф. Быконя: «Важной обязанностью регулярных полков был сбор подушных денег. В Восточной Сибири они шли на Енисейский и Якутский гарнизонные полки» (*Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 190).

[20] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 152 об.

[21] Там же. Л. 149, 149 об.

[22] Там же. Л. 149 об.

тить в крайнее убожество», выдать командам, находившимся в Якутске и на Камчатке, жалование за 1744 г. по гарнизонным окладам, а солдатам, несшим службу по границе с Китаем, жалование было выплачено из средств, «взятых из Селенгинской воевоцкой канцелярии из подушного збору заимообразно до присылки из Ыркуцка денежной казны армейское» [23].

Комиссариат, впрочем, не проявил желания решать проблемы Якутского полка. В начале марта 1745 г. в его доношении, адресованном Сенату, было заявлено: «Какие в Камисариате в денежной казне великие росходы имеютца, и напротив того, откуда какие ж по окладом недоплаты и долги, о том Правителствующему Сенату доволно известно. И от таковых великих, а особливо из разных мест незаплатных долгов Главному камисариату… исправитца едва возможно» [24]. В связи с этим была высказана просьба, чтобы Сенат «на оную додачю денги Главному камисариату изволил приказать, кроме подушного збору, отпускать из другой суммы, откуда… за благо разсудить изволит» [25].

Рассмотрев данный вопрос 12 марта 1745 г., сенаторы нашли выход: сохранить Якутскому полку, «пока он при китайской границе пробудет», армейские оклады жалования, а выплачивать их «Сибирской губернской канцелярии из Сибирской губернии доходов (кроме подушного збору), ис которых на Камчатскую экспедицию росходы чинены были, коих ныне не производится». Сумма доплаты, полагавшейся всем чинам полка сверх гарнизонных окладов, должна была составлять ежегодно 7 878 руб. 59 коп. Соответствующие указы от 21 марта за № 1289, 1290, 1291 и 1292 были отправлены из Сената в Главный комиссариат, Штатс-контор-коллегию, Сибирский приказ и Сибирскую губернскую канцелярию [26].

Расходы на финансирование сибирских полков резко выросли именно с 1745 г., когда по указу императрицы Елизаветы на восток были переведены

---

[23] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 149 об., 150 об.
[24] Там же. Л. 152 об., 153.
[25] Там же. Л. 153 об.
[26] См.: Там же. Л. 157–160.

сразу пять полевых частей: два пехотных (Ширванский и Нотебургский) и три драгунских (Луцкий, Олонецкий и Вологодский) полка, отданных под начало генерал-майора Х. Киндермана. Попытка «удовольствовать» их силами казны Сибирской губернии поначалу провалилась. Уже в августе 1745 г. Киндерман доносил Главному комиссариату, что за январскую треть года эти полки жалования от Сибирской губернской канцелярии не получили, поскольку в тобольской рентерее «за немалыми росходами и за осигнациями (кроме серебреных мелких денег, коих никуда в росход употреблять не велено) никаких зборов денежной казны не имеется» [27].

Главный комиссариат, со своей стороны, так и не получил полагавшихся ему из подушного сбора Сибирской губернии за 1744 г. более 18 тыс. руб., так что вынужден был предписать губернской канцелярии «никуда их… без особливых указов в росход не держать под немалым штрафом» [28]. Даже о суммах, поступивших в казну по итогам подушного сбора за вторую половину 1744 и первую половину 1745 гг., сведений из Сибири представлено так и не было. Последние ведомости, полученные в столице из Тобольска, давали информацию о суммах сборов лишь за первую половину 1744 г.

Стараясь добиться истины от сибирских чиновников, Главный комиссариат инициировал собственное расследование, угрожая, что «ежели паче чаяния полки от неотпуску денежные казны претерпят нужду, то в том ответ даст оная губерния». Комиссариат выражал уверенность в том, что в распоряжении Сибирской губернской канцелярии «надлежало быть весма великой и доволной сумме… а отчего такая великая убыль последовала, велено изследовать, чего ради о том особое изследствие… учреждено» [29]. Обратили внимание и на то, что от губернской канцелярии были «многие показаны росходы, не подлежащие до Камисариата, а особливо в выдаче 744 году на

[27] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 692.
[28] Там же. Л. 693 об.
[29] Там же. Л. 695.

генварскую и майскую трети тамошнему губернатору Сухореву в жалованье 529 руб. 86 коп., которых ис подушного збору употреблять не подлежало» [30].

Расследовать, куда и какие суммы неправильно выдавались, поручили «обретающемуся в Сибири при следствии» бригадиру Юрлову. В указе Главного комиссариата от 9 августа содержалось обычное для того времени распоряжение: «Пока от той губернии обретающияся там под командою генерала маэора Киндермана армейские полки как за прошедшую генварскую, так и за сию майскую треть удоволствованы не будут, и вышеписанных ответов и ведомостей в Камисариат не отправят, до того времяни упомянутому брегадиру Юрлову реченного губернатора с товарыщи держать в канцелярии без выпуску» [31].

Все эти меры были также поддержаны Сенатом. Слушания по доношению Комиссариата состоялись 16 сентября 1745 г., и уже через две недели сенатским указом предписывалось отправить из столицы в Сибирскую губернскую канцелярию и к генерал-майору Киндерману «в запечатанных кувертах указы» с капралом Невского пехотного полка И. Богдановым [32]. Сенаторы даже добавили требование о том, чтобы «выданные в жалованье тамошнему губернатору на две трети денги возвратить из другой суммы, а доколе те денги из другой суммы возвращены не будут, то ему губернатору выдачю жалованья запретить» [33].

Возвращаясь к проблемам финансирования сформированных в Западной Сибири в конце 1730-х гг. Новоучрежденного драгунского полка и одноименного пехотного батальона, напомним, что оплату отправленных в распоряжение данных воинских частей «мундирных и аммуничных вещей» должна была производить Сибирская губернская канцелярия путем передачи их в

---

[30] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 695 об. О том, что сибирский губернатор А. М. Сухарев брал себе жалование, не дожидаясь указов, упоминал М. О. Акишин. См.: *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 243.

[31] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 696, 696 об.

[32] Там же. Л. 703, 704.

[33] Там же. Л. 703.

Сибирский приказ для отправки в Главный комиссариат. Однако принятое в 1744 г. решение о выплате этих денег, как оказалось, не было выполнено и к 1749 г. В этом году императрица Елизавета Петровна повелела точно выяснить: обеспечивается ли содержание всех частей армии за счет сбора с населения страны подушной подати?

Из собранных в Сенате сведений явствовало, что на содержание всех воинских частей, находившихся «на балансе» Военной коллегии, требовалось ежегодно 5,09 млн руб., так что от суммы подушного сбора, определявшейся данными проведенной несколько лет назад второй ревизии, еще должно было оставаться 144 тыс. руб. Однако при этом выяснилось, что целый ряд гарнизонных полков финансировались из средств тех губерний, где они расквартированы, и на содержание их ежегодно уходила немалая сумма – 676 тыс. руб. [34] В связи с этим Сенат предписал соответствующим учреждениям выработать механизмы для перевода этих гарнизонных частей в ведомство Военной коллегии и изыскать способы для бесперебойных выплат военнослужащим необходимых сумм. Касательно Новоучрежденных драгунского полка и пехотного батальона аналогичное распоряжение было адресовано Сибирскому приказу.

Все это время полк и батальон продолжали получать вещевое довольствие, оплачивавшееся денежными суммами, доставленными из Сибирской губернии нарочными офицерами. Однако задолженность за 1741 г. в размере 14 141 руб. так и не была ликвидирована. Поэтому Сибирский приказ предложил официально передать оба этих соединения в ведомство Военной коллегии. Поскольку «как армейские так и гарнизонные полки в том числе и вышеупомянутые полк и баталион по силе указов и воинских регулов состоят все в команде Военной коллегии а ружьем, мундиром и аммуницыею комплектуютца по срокам и инспекторским осмотрам от Главного камисариата, а Сибирской приказ никакой над ними команды… не имеет» [35], то его чинов-

[34] РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2707. Л. 159 об., 160.
[35] Там же. Л. 160 об., 161.

ники сразу ухватились за распоряжение Сената, надеясь избавиться от этих обременительных обязанностей.

Сенатским определением от 28 ноября 1749 г. было велено «о приеме означенных новоучрежденных в Сибирской губернии драгунского полка и пехотного баталиона… Военной коллегии, снесшись со оным Сибирским приказом, разсмотреть и надлежащее решение учинить» [36]. Однако реализация этого решения столкнулась с фактом наличия упомянутого долга. Летом 1750 г. Сибирский приказ, исполняя распоряжение Сената, просил Главный комиссариат взять на себя все обязанности по материальному и финансовому снабжению гарнизонных частей Сибири. Но Комиссариат занял принципиальную позицию, требуя, чтобы Сибирский приказ сначала выплатил искомые 14 с небольшим тыс. руб., и только при этом условии выражал готовность принять дальнейшее обеспечение этих воинских частей «без далних с тем приказом переписок и безостановочно в свое ведомство». Без этого, как подчеркивалось, «тех полка и баталиона Камисариату в содержание свое принять не можно» [37].

Параллельно Сибирский приказ не оставлял попыток заставить выплатить этот долг сибирского губернатора Сухарева, чего тот делать категорически не желал даже под угрозой штрафа в размере 100 руб. Так, еще летом 1749 г. Сибирская губернская канцелярия в очередной раз отвечала, что не в состоянии заплатить «за множественными разными и превеликими, каковых напред сего никогда не бывало, а паче за самонужнейшими росходами», хотя и заверяла, что «впредь за мундирныя вещи денги… отсылать будет неудержно» [38]. Опираясь на эти заявления, в Сибирском приказе со спокойной душой отказывались исполнять требования Комиссариата, поскольку денег, чтобы заплатить долг, все равно не было.

Заметим, что данный эпизод, помимо всего прочего, давал наглядное представление о скорости работы бюрократической машины империи. Ответ

[36] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 4068. Л. 161 об.
[37] Там же. Л. 136.
[38] Там же. Л. 164 об.

Главного комиссариата на летнюю (1750 г.) промеморию Сибирского приказа датирован уже февралем 1751 г. Поскольку никакого ответа на свое требование чиновники Комиссариата так и не дождались, весной 1752 г. в дело вмешалась Военная коллегия. Но даже этому ведомству не удалось добиться желаемого: Сибирский приказ твердо стоял на своем. А поскольку указ Сената следовало выполнять, Военной коллегии пришлось все-таки согласиться на перевод Новоучрежденных драгунского полка и пехотного батальона в ведомство Главного комиссариата. Последний летом того же года сделал попытку избежать выполнения этого решения, ссылаясь на то, что при оставшемся долге рассчитывать на выплаты Сибирской губернской канцелярией впредь надлежащих сумм за вещевое довольствие обеих частей «неуповательно, чего ради и принять их под довольствие в ведомство Камисариата ненадежно» [39]. И только 20 октября 1752 г. состоялось окончательное определение за подписями всех членов Военной коллегии во главе с ее вице-президентом, генерал-аншефом С. Ф. Апраксиным (в будущем первым главнокомандующим русской армией в Семилетней войне с Пруссией).

Прекрасно понимая, что справедливые требования Комиссариата в настоящее время все равно не будут выполнены, члены Военной коллегии вынуждены были согласиться с позицией Сибирского приказа. Главному комиссариату было предписано снабжать Новоучрежденные драгунский полк и пехотный батальон «мундиром и аммуницией» за те суммы, которые будут поступать из Сибирской губернской канцелярии, привозимые в столицу нарочными офицерами с воинскими командами. Относительно взыскания долга в 14 тыс. руб. лишь выражалась надежда, что рано или поздно сибирский губернатор под угрозой «взыскание иметь и за неприлежность или какое упущение» получить новый штраф выплатит Комиссариату всю его сумму сполна [40]. Таким образом, в данном случае администрация Сибирской губернии (и связанный с ней общностью интересов Сибирский приказ) по ито-

[39] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 4068. Л. 165 об.
[40] Там же. Л. 166–167.

гам этого межведомственного конфликта оказались сильнее даже Военной коллегии – одного из наиболее влиятельных центральных государственных учреждений России XVIII в.

Точно такие же проблемы возникали при финансировании полевых частей русской армии. Напомним, что сбором и распределением средств, предназначенных на военные нужды, ведали в Российской империи сразу несколько центральных учреждений: помимо Военной коллегии и ее исполнительных органов, также Камер-коллегия и Штатс-контор-коллегия. В ходе последовавшей после прихода к власти императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) перестройки центральных органов военного управления 25 января 1742 г. был издан указ об отделении от Военной коллегии нескольких ее контор, занимавшихся как раз делами снабжения армии (Генерал-кригс-комиссариатской, Обер-цалмейстерской и Аммуничной), и об образовании из них Главного комиссариата, причем последний сразу был подчинен непосредственно Сенату [41]. Русские военные историки начала XX в. считали произведенную императрицей Елизаветой децентрализацию вредной для военного управления [42]. Исследуемый ниже сюжет, пожалуй, дает основания согласиться с подобной оценкой.

Конкретно, речь шла о финансировании двух полевых пехотных полков (Ширванского и Нотебургского), переведенных на «восточную окраину» Российской империи в 1744–1745 гг. Они были сформированы в середине 1720-х гг. и находились в составе так называемого Низового корпуса, предназначенного для оккупации ряда прикаспийских провинций Персии. Ширванский пехотный полк был сформирован в 1724 г. [43], Нотебургский – в 1726 г., сначала именовался Ленкоранским. Новое название он получил уже в 1732 г. [44]. Выведенные из Персии по указу императрицы Анны Иоанновны в

[41] Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 1. С. 30; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 71.

[42] См.: Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 1. С. 30, 31.

[43] См.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 41; *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725: Краткий справочник. М., 1977. С. 73.

[44] *Висковатов А. В.* Историческое описание… Ч. 2. С. 104.

1732 г., они дислоцировались на юге России, а затем были переведены в Сибирь. Суммы на их содержание шли «из персидских доходов» (т. е. из средств, получаемых от торговли с Персией), при необходимости дополняясь ресурсами государственной казны [45].

Однако в апреле 1747 г. по предложению генерал-аншефа и генерал-кригс-комиссара С. Ф. Апраксина решено было вывести эти полки из сферы ответственности Главного комиссариата и передать функции по выплате им жалования Штатс-контор-коллегии [46]. Это решение повлекло за собой целый ряд проблем, породив долгую переписку между указанными центральными ведомствами о том, кому нести ответственность за финансирование армейских полевых частей в Сибири.

Сибирская губернская канцелярия получила известие об этом спустя три месяца, уже в июле 1747 г., когда Главный комиссариат предложил ее чиновникам обращаться за выплатой жалования полкам в Штатс-контор-коллегию, указывая: «Ежели де за неотпуском от оной Статс канторы денег реченные полки претерпят нужду, и о том произойдет жалоба, и от команды донесено будет ея императорскому величеству, то де в том Главный камисариат ответ дать не повинен, а ответствовать имеет оная Статс кантора» [47]. Поскольку губернская канцелярия уже успела выдать обоим полкам жалование за январскую треть (январь–апрель) 1747 г. из средств, поступавших по линии Комиссариата, то эти деньги были поставлены в счет Штатс-контор-коллегии, откуда сибирские чиновники теперь ожидали в надлежащие сроки следующих денежных переводов.

Однако из коллегии им ответили, что деньги уже успели передать в распоряжение Комиссариата («сумма асигнована получить… из отосланных во оной Камисариат из Манетной канцелярии денег»), поэтому они не видят причин обращаться за ними сюда [48]. До конца 1747 г. никаких денег оба пол-

[45] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 392. Л. 904, 907–911.
[46] Там же. Кн. 435. Л. 406, 406 об.
[47] Там же. Л. 406 об.
[48] Там же. Л. 407, 407 об.

ка так больше и не получили, в связи с чем командующий сибирскими частями генерал-майор Х. Киндерман неоднократно требовал от Сибирской губернской канцелярии выдачи своим подчиненным жалования, раз за разом получая однотипный ответ: «В том неудоволствии Сибирская губернская канцелярия ответствовать… неповинна, а, не получа асигнации, отпуску в те полки денежной казны чинить не будет» [49].

В конце декабря 1747 г. в дело вмешался сибирский губернатор А. М. Сухарев. В своем доношении Правительствующему Сенату он попросил «на вышеписанные состоящие в Сибирской губернии армейские пехотные Ширванской и Нашебурской полки… надлежащую сумму, откуда от Правителствующаго Сената за благо усмотрено будет, асигновать» [50]. По запросу сенаторов из Главного комиссариата в феврале 1748 г. была представлена справка, где подробно расписывался механизм сбора денег из губерний и провинций Штатс-контор-коллегией для последующей передачи их в ведомство Комиссариата. При этом выяснилось, что перебои с финансированием семи полевых пехотных полков бывшего Низового корпуса приобрели в 1747 г. значительные масштабы: так, за январскую треть этого года Штатс-контор-коллегия перевела Комиссариату только пять тыс. руб. из требуемых 61 тыс., за майскую – 41 тыс. руб. Таким образом, только за восемь месяцев долг по выплате жалования этим семи полкам составил почти 76 тыс. руб. [51] В связи с создавшимся положением генерал-кригс-комиссар Апраксин распорядился выдать двум из пяти полков, остававшихся в европейской части страны, необходимые суммы: «Велено надлежащую на дачю жалованья 747 году на майскую и сентябрскую трети… отпустить от обер-крикс-камисара Грушецкого из ымеющейся у него наличной денежной казны» [52].

Требуя взыскать со Штатс-контор-коллегии всю сумму долга, Главный комиссариат особо подчеркивал, что «не получа тех денег в свое ведомство,

[49] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 407 об.
[50] Там же. Л. 408.
[51] Данные по: Там же. Л. 412–413.
[52] Там же. Л. 413 об.

предписанных полков, яко особо положенных доволствием на оную кантору, от себя из воинской суммы доволствовать не будет». Мотивировка подобной позиции заключалась в следующем: «Понеже Камисариат не доволствии армии всеми потребностими, а особливо вновь учиненных баталионов, в денежной казне имеет быть не без недостатку» [53]. Упоминание здесь «вновь учиненных батальонов» относится к предпринятой как раз в 1747 г. реорганизации полевой «инфантерии». Если ранее армейские пехотные полки состояли только из двух батальонов по четыре роты в каждом (плюс одна гренадерская рота на полк), то теперь к ним добавили третий батальон [54]. Естественно, это значительно увеличивало численность рядовых и офицеров в полевых частях, соответственно, должны были возрастать и расходы казны на их содержание.

Более того, Комиссариат обвинял коллегию в том, что она распоряжается средствами, ей не принадлежавшими – например, она самовольно ассигновала на выдачу жалования полкам 50 тыс. руб. «портоваго збору ис переделу ефимков», предназначенных для передачи из Монетного двора в Провиантскую канцелярию. Потребовался специальный сенатский указ, чтобы Комиссариат, отпустив указанную сумму для Провиантской канцелярии из собственных средств, смог получить ее из Монетного двора для покрытия своих расходов [55]. В ответе на запрос генерал-майора Киндермана о финансировании вверенных ему частей Главный комиссариат предложил «означенные Ширванской и Нашебурской полки денежным жалованьем из оставшейся за

[53] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 413 об.

[54] Об этой реформе см.: *Масловский Д. Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 129; Он же. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 225, 227; Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 4. Введение. С. 167; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 63; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 69, 70.

[55] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 414.

осигнованием в той губернии денежной казны удоволствовать в немедленном времяни» [56].

После слушания дела в Сенате было принято решение: выплачивать жалование полкам бывшего Низового корпуса из доходов по ведомству Штатс-контор-коллегии в тех губерниях, где дислоцированы эти соединения. Следить за правильностью сбора и расходования этих средств поручалось Главному комиссариату. Соответствующие указы за № 2420, 2421 и 2422 были направлены 31 мая 1748 г. в коллегию, Комиссариат и Сибирскую губернскую канцелярию [57]. В нескольких последующих указах разъяснялось, применительно к Ширванскому и Нотебургскому полкам, что деньги на них следует получить «ис подлежащих до Статс канторы доходов и из других наличных, кроме подушного збору, и остаточных из асигнованных на генералитет и полки» сумм. Однако выполнение данного решения, как оказалось, было связано с немалыми затруднениями. Уже в декабре 1748 г. генерал-майор Киндерман доносил, что расквартированному в г. Таре и его окрестностях Нотебургскому пехотному полку требуются почти 6,5 тыс. руб. на выплату жалования за сентябрьскую треть, поскольку в полковой казне налицо лишь 600 руб. Сумма же в 29 тыс. руб., которую по распоряжению Главного комиссариата велено было использовать для выплаты в срок жалования, предназначалась всем расположенным в Сибири воинским частям, кроме упомянутых двух полков. Разрешения на выплату жалования этим последним от Штатс-контор-коллегии так и не поступило [58].

Выход из положения был найден за счет оставшихся в распоряжении Тарской воеводской канцелярии «таможенных, кабацких, канцелярских и протчих зборов». Губернатор А. М. Сухарев распорядился выделить из этих средств необходимую сумму под расписку полкового комиссара и записать их в счет долга на Штатс-контор-коллегию. В январе 1749 г. об этом были

[56] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 414 об.
[57] См.: Там же. Л. 420–422.
[58] Там же. Л. 423 об. – 424 об.

извещены Сенат, Военная коллегия и Главный комиссариат [59]. О причинах сложившейся ситуации можно было узнать из документов, поступивших в Сенат от Военной и Штатс-контор-коллегий летом 1748 г. Последняя признавала за собой долг по выплате жалования выведенным из Персии полкам: более 23 тыс. руб. за январскую и майскую трети 1747 г., плюс более 120 тыс. руб. за сентябрьскую треть 1747 г. и январскую треть 1748 г., но оправдывалась тем, что «за самонужнейшими по имянным ея императорского величества ис Правителствующаго Сената указом денежной казны росходами оной суммы всеконечно отпустить не ис чего, да и впредь в Статс кантору приходу денгам быть не уповательно» [60].

В качестве причины называлось следующее обстоятельство: «Всяких зборов и наличныя денги, подлежащия до Статс канторы, по представлению Военной колегии все отданы на доволство регулярных и нерегулярных войск». Подтверждалось оно и конкретным примером – 44 тыс. руб. из портового сбора по г. Риге распоряжением Военной коллегии в мае 1748 г. были отпущены «на довольство» армейским полкам, дислоцированным в Курляндии, из-за чего «Статс кантора бес получения оного рижского доходу совершенно осталась» [61]. Вывод, к которому пришел вице-президент коллегии барон А. фон Зальца, был неутешительным: «За вышепоказанными резоны означенных выведенных ис Персии полков Статс кантора не токмо содержать в состоянии, но и употребленной на содержание оных поныне Камисариатом денежной немалой суммы заплатить за многими росходами невозможно» [62].

Со своей стороны, Военная коллегия и Главный комиссариат продолжали настаивать на исполнении своих обязанностей Штатс-контор-коллегией. Вице-президент Военной коллегии С. Ф. Апраксин указывал, что «Главный камисариат те вышедшие ис Персии полки за прошлой 747 год

[59] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 424 об. – 425 об.
[60] Там же. Л. 427, 427 об.
[61] См.: Там же. Л. 426–428.
[62] Там же. Л. 429, 429 об.

удоволствовать определил из воинской суммы по самой необходимости по крайней возможности, а на нынешней 748 год те полки никак удоволствовать не в состоянии» [63]. Обосновывая свою позицию, Комиссариат подчеркивал: «Ис тех полков ныне находятся в Сибире два да в Кизляре два ж, и буде имеютца в Сибирской и Астраханской губернских канцеляриях ведомства оной канторы наличные денги, то б оные в камисариацкое ведомство там благоволено было ис тех канцелярей на доволство тех полков отпустить в крайней скорости» [64].

Сенатские указы августа 1748 г., подтверждавшие принятые ранее решения, по-прежнему не возымели никакого эффекта. Штатс-контор-коллегия упорно стояла на своем. Ее президент, генерал-лейтенант П. М. Шипов с цифрами в руках демонстрировал сенаторам, что надлежащих сумм «за неимением в Санкт Петербурхской и Московской рентереях денежной казны отпустить всеконечно не ис чего». Более того, по его словам, не только «в Статс канторе в денежной казне недостаток состоит», но и «губернии и провинции высылкою денежной казны в Статс кантору состоят безнадежны». Исходя из этого, Шипов предлагал, «чтоб оные полки без жалованья какой нужды понесть не могли, на объявленные трети надлежащее доволствие учинил бы Главный камисариат» [65]. Впрочем, осенью 1748 г. дело могло бы сдвинуться с мертвой точки, однако этому помешал спор о том, в чьей компетенции находился вопрос о доставке денег в расположение полков.

По ведомству Штатс-контор-коллегии к этому времени в Белгородской губернии было собрано 30 тыс. руб., в Тульской провинции еще почти 2 700 руб. Деньги эти были предназначены как раз для того, чтобы выплатить, наконец, жалование полкам бывшего Низового корпуса. Извещая об этом Военную коллегию, Штатс-контор-коллегия требовала принятия этих сумм на счет Главного комиссариата, для чего необходимо было направить в

[63] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 436 об.
[64] Там же. Л. 443, 443 об.
[65] Там же. Л. 448 об., 449.

губернию и провинцию соответствующие команды чиновников с надлежащими полномочиями [66].

Однако Комиссариат настаивал на том, чтобы доставку этих сумм к месту назначения взяла на себя именно Штатс-контор-коллегия: «Чтоб оная кантора не определяла Камисариат на себя яко работником, сполна собрать в Камисариат или в канторе оного в Москве отдать и подлежащие на провоз оных прогонные денги на щет свой поставить определила». Именно поэтому «из городов тех ассигнованных денег и не требовано, а требовано того отпуску от Статс канторы» [67]. Исходя из сформулированной таким образом позиции, Комиссариат ожидал от Штатс-контор-коллегии, чтобы эти деньги она «по способности благоволила определить привесть в Москву и отдать в Камисариатскую кантору, а Камисариат, как и прежде объявлял, собирать и трудитца за Статс кантору не будет».

Отдаленность мест дислокации полков могла послужить причиной немалых потерь при доставке денег, чего Комиссариат, разумеется, желал бы избежать: «Под отвоз до тех полков на прогоны сумма немалая исходит, которая выходит ис камисариатской суммы, а ежели ж ныне ассигнованные денги из городов собирать Камисариату своим коштом, то и еще на провоз оных до Москвы и до Санкт Питербурха немало ж коштовать может» [68]. Да и в наличии указанных сумм в Белгородской губернии и Тульской провинции Главный комиссариат сомневался: «Налицо те денги там находятца ль, того не объявлено», – оговариваясь, впрочем, что уже принято решение «к находящимся в Белогородской губернии и в Тулской правинции у подушного збору афицером указами предложить и велеть осведомитца, показанные ассигнованные денги ныне там в наличности есть ли, и давно ли в готовности состоят, и с первою почтою о том репортовать» [69].

---

[66] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 1040 об., 1041.
[67] Там же. Л. 1041, 1041 об.
[68] Там же. Л. 1041 об., 1042.
[69] Там же. Л. 1043.

Поддерживала эту позицию и Военная коллегия. Ее вице-президент Апраксин подчеркивал, что «военнослужащие, которые прежде статских чинов по указу 719 году должны получить всякое удоволствие, претерпевают нужду, о чем ответствовать будет не иной кто, токмо Статс кантора, а показанными неистинными своими отговорками от того убежать не может» [70]. Требование, изложенное им в доношении Сенату, было сформулировано четко и недвусмысленно: «Дабы оная Статс кантора, не чиня к продолжению времяни излишних переписок и затрудненей, определить соблаговолила ассигнованные на выведенные ис Персии полки денги из губерней и правинцей собрать в Москву и за провоз прогонные денги заплатить из своих доходов». Кроме того, в дальнейшем рекомендовалось деньги «и впредь на те полки отдавать в Москве и в Санкт Петербурхе», чтобы обойтись «без далного щету и излишняго затруднения, какие в прежних щетах затруднении произходили… а по разным местам Главной камисариат собирать и за провоз платить не должен» [71].

Сенат, как и ранее, принял сторону Военной коллегии и Главного комиссариата. Указом от 2 ноября 1748 г. за № 5706 Штатс-контор-коллегии предписывалось собранные в губерниях и провинциях деньги на содержание полков бывшего Низового корпуса отправлять в Санкт-Петербург в Главный комиссариат или в московскую контору последнего [72]. Через месяц из Штатс-контор-коллегии поступил в ответ на него «репорт о действительном исполнении», где было сказано, что губернаторам и воеводам на местах предписано «на дачю помянутым полкам жалованья ис подлежащих до Статс канторы доходов… в ведомство камисариатское более ныне не отдавать, а высылать оные с протчими подлежащими до Статс канторы доходами в Санкт Петербург и в Москву, где откуда поспособнее без всякого замедления» [73]. Судя по всему, описанный механизм начал действовать с первых месяцев 1749 г., од-

[70] РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 435. Л. 1043 об.
[71] Там же. Л. 1044.
[72] См.: Там же. Л. 1049.
[73] Там же. Л. 1051 об.

нако дислоцированным в Сибири Ширванскому и Нотебургскому пехотным полкам деньги в итоге были выплачены из казны воеводской канцелярии г. Тары, где располагался штаб командующего армейскими частями в Сибири генерал-майора Киндермана. Таким образом, многомесячная переписка центральных ведомств фактически не возымела никакого эффекта при решении данного вопроса.

Исследованные эпизоды позволяют сделать вывод, что механизмы финансирования армейских частей центральными государственными ведомствами зачастую просто не действовали, и это приводило к многомесячным задержкам выплаты денежного жалования или оплаты вещевого довольствия. В отношении войск, дислоцированных за Уралом, ситуация усугублялась огромными расстояниями между имперским центром и Сибирью, из-за чего от принятия того или иного решения до начала его исполнения проходили минимум несколько месяцев. Логично предположить, что в таких условиях немалую долю ответственности за реализацию мер, необходимых для бесперебойного функционирования системы материального обеспечения армии, должны были принимать на себя местные администраторы и военное командование.

3.2. Снабжение воинских частей местной администрацией

Может сложиться впечатление, что адекватное обеспечение дислоцированных за Уралом войск всем необходимым ложилось исключительно на местные власти, поскольку центральные ведомства, в силу отдаленности сибирского региона от столицы и бюрократической волокиты, оказывались просто не в состоянии быстро и эффективно реагировать на запросы, поступающие от воинских частей и их командования. Однако в ряде случаев местная администрация также либо не имела возможностей изыскать достаточно средств и ресурсов для реализации тех или иных собственных предложений, либо, оставшись без контроля высших инстанций, начинала действовать по собственному усмотрению, что также не всегда приводило к положительным последствиям. В частности, этот эффект прослеживался в действиях сибирских губернаторов Ф. И. Соймонова и Д. И. Чичерина на протяжении второй половины XVIII в., в ряде эпизодов, касавшихся формирования и снабжения воинских частей в Сибири, проявлявших почти полную самостоятельность и поступавших без согласования с правительственными учреждениями. Однако результаты их деятельности оказывались далеко не всегда соответствовавшими ожиданиям. Речь идет о попытке сформировать несколько полков ландмилиции в Забайкалье в начале 1760-х гг. по инициативе Ф. И. Соймонова, а также об организации Д. И. Чичериным снабжения частей Сибирского корпуса в конце 1760-х – первой половине 1770-х гг.

Первый шаг к формированию новых армейских частей в Забайкалье был сделан сибирским губернатором (назначен в 1757 г.) Ф. И. Соймоновым (1682–1780) [74] весной 1759 г., когда он представил Сенату свой проект об учреждении пяти полков ландмилиции для поселения их по линии границы с Китаем. Его предложение рассматривалось в Петербурге почти полтора года, и только в сентябре 1760 г. получило одобрение Сената, когда императрицей

[74] Богатый материал о жизни и деятельности этого человека см.: Ф. И. Соймонов. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. (Труды ГИМ. Вып. 202) / Сост. Н. В. Горбушина, ***А.*** Е. Чекунова. М., 2014.

Елизаветой Петровной был «конфирмован» (утвержден) сенатский доклад [75]. Соответствующий указ был получен Соймоновым 27 ноября 1760 г., однако формирование одного лишь только Якутского конного полка ландмилиции завершилось спустя более полутора лет, к августу 1762 г. В чем была причина столь длительного срока исполнения принятого решения?

Губернатор Соймонов в феврале 1761 г. просил командующего сибирскими частями генерал-майора И. фон Веймарна выделить на формирование этого полка по одной роте из состава полевых Луцкого и Олонецкого, а также гарнизонных Сибирского и Новоучрежденного драгунских полков. О том, как происходил сбор лошадей и амуниции для отправляемых на восток четырех рот, можно узнать из материалов делопроизводства канцелярий полков, а также командующего войсками. Так, 30 марта 1761 г. Сибирская губернская канцелярия извещала генерал-майора фон Веймарна, что не имела возможности закупить непосредственно в Тобольске необходимое количество лошадей для двух рот полевых полков: «К продаже лошадей являетца мало, так что по сие число еще и ни одной не куплено» [76]. В связи с этим губернатор Соймонов принял решение попробовать приобрести для них лошадей в Ишимском и Ялуторовском дистриктах и в Таре, откуда отправлять их в Омскую крепость, также в Томске и Красноярске. Что до двух рот гарнизонных полков, то Веймарн еще 16 марта заявил Соймонову, что «в полку де Сибирском лошадей ныне в комплекте не состоит более трехсот, да наличныя де от далнего труда, как от дневных и ночных розъездов, а паче от перевоски правианта и фуража, от посылающихся партей в немалом изнурении, и к тому далнему до Селенгинска переходу весма ненадежны состоят» [77].

Губернатор вынужден был распорядиться о закупке лошадей сразу для трех рот, «полагая строевых драгунских в каждую роту по сту по семи, а подъемных по шести лошадей… летами от пяти до семи лет… самых доб-

[75] *Васильев А. П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916. Т. 2. С. 151–155; *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007 С. 160.

[76] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 74.

[77] Там же. Л. 75.

рых, здоровых и к военной службе крепких, не свыше вышеобъявленной цены, драгунских по десяти, подъемных по шести рублев, мерою драгунских в два аршина с вершком, а по крайней уже необходимости в два аршина, подъемных посредственной вышины» [78]. При этом, правда, оплачивать эти покупки он предлагал «из штатских доходов, а по неимению оных… ставя на щет новоучреждающагося в Сибире корпуса ландмилицких полков», а обеспечения их при транспортировке необходимым фуражем ожидал от самого генерала Веймарна [79]. Однако томский воевода Г. Бобровский 9 июля доносил, что несмотря на разосланные им объявления в городской магистрат, духовное правление, а также Чаусскую и Сосновскую заводские конторы, «к покупке объявленных лошадей в приводе ни от кого сего июля по 7 число не имелось, а того 7 числа, хотя лошадей до пяти привожено и было, точию из оных некоторые явились по восми лет, да и одним вершком, и другие полувершком не доходили в указную меру, к тому ж и продавцы за объявленную в указе цену не отдают, а просят весма дороже» [80]. Впрочем, он нашел выход из положения, передав соответствующие полномочия для покупки 200 драгунских и 40 подъемных лошадей Красноярской воеводской канцелярии и находившемуся там адъютанту Сибирского полка Я. Ялымову.

Проблемы возникли и с амуницией. Хорошо понимая, что для закупки положенного количества вещей целому полку рассчитывать на ассигнование средств от казны вряд ли возможно, военное командование предпочло воспользоваться случаем, чтобы избавить цейхгаузы полевых полков, остававшихся в Западной Сибири, от запасов вещей с уже превышенным сроком службы. Так, в конце июня 1761 г. премьер-майор Троицкого полевого драгунского полка М. Нестеров рапортовал генералу Веймарну, что из полковых запасов отправил в Омскую крепость следующий набор: «Перевязей знаменных из пунцового сукна с золотым позументом, с крюками и бляхами медными позолоченными – 5 шт. (в пользовании с 1745 г., срок вышел в 1755 г.);

[78] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 78 об., 79.
[79] Там же. Л. 79–80.
[80] Там же. Д. 96. Л. 1191 об., 1192.

труб медных ветхих – 2 шт. (с 1750 г., срок вышел в 1757 г.); чушек (кобур) пистолетных – 923 пары, портупей яловичных – 918 шт. (с 1754 г., срок вышел в 1760 г.)» [81]. Перевозка производилась на десяти телегах силами 20 подъемных лошадей в сопровождении пятерых извозчиков и пятерых драгун под командой капрала И. Потехина. Оплачивать прогоны предписывалось Сибирской губернской канцелярии, «записав в росход с роспискою на щет учреждающихся ландмилицких полков» [82].

Со своей стороны, губернатор Соймонов еще в 1760 г. затребовал от ведомства генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова и Оружейной канцелярии Военной коллегии на четыре полка ландмилиции 3 696 драгунских ружей (фузей), 4 052 пар пистолетов, 4 230 шпаг. Для нужд Якутского конного полка предполагалось использовать запасы вооружения, хранившиеся непосредственно в Тобольске: «Отпустить на тысячной комплект ружья, пистолет и палашей ис починенных, которые к действителной службе годны» [83]. Однако в мае 1761 г. тамошний цейхвартер (начальник арсенала) Липовцов объявил, что мог выдать только 998 пар пистолетов, а годных для выдачи драгунских ружей у него в распоряжении вообще не было. Правда, к маю 1762 г. в тобольском арсенале еще оставались 2 746 пар пистолетов на остальные четыре полка. Кроме того, 1 тыс. шпаг с кузнечным инструментом успели привезти из Москвы. Поэтому спустя год с лишним, уже в сентябре 1762 г., канцелярия напомнила Соймонову, что ждет от него оплаты за выдачу этих 3 744 пар пистолетов и шпаг с инструментом в сумме 9 591 руб. 57 коп., требуя эти деньги «прислать или по способности чрез какое в Москве присудственное место перевесть во Оружейную канцелярию немедленно» [84]. Без этого она отказывалась передавать в распоряжение сибирского губернатора оставшееся количество ружей и шпаг. Однако, несмотря на распоряжение Соймонова о передаче нужных сумм Главному комиссариату за отправ-

[81] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 795–798.
[82] Там же. Д. 95. Л. 820, 820 об.
[83] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2722. Л. 194, 194 об.
[84] Там же. Л. 194 об. – 195 об.

ляемые на полки ландмилиции предметы вооружения, эти выплаты не были осуществлены и после его отъезда из Сибири весной 1763 г..

Еще одной проблемой стало обеспечение формируемого Якутского конного полка надлежащим обмундированием. В июле 1761 г. Соймонов представлял Сенату, что «хотя верхней и нижней мундир от тех полков, а несколко ис Тоболска из старых за сроками и отправлен, однако ж из оных по болшой части многим сроки уже вышли, протчим же вскоре пройдут, а на взятых в тот полк из иркуцких и енисейских казаков, также посацких и цеховых и нисколко оного не отпущено, следовательно, они остаютца ничем еще и не обмундированы» [85]. При этом губернатор считал, что не стоит использовать для этого полка тот тип униформы (мундиры из белого сукна), который предназначался для полков ландмилиции на Украине и в других регионах империи. Очень интересна выдвинутая Соймоновым мотивировка: «В разсуждении, что как оной скомплектован во всем против настоящаго регулярного полку, и по китайской границе в расположении быть имеет, доколе протчие ландмилицкие полки сформируютца… и что китайцы и тамошних казаков имеют в презрении по одному тому, что они ходят в кафтанах ис простых белых сукон… следственно и тот полк зауряд с теми ж казаками признавать и презирать будут» [86]. Поэтому он предлагал сохранить для военнослужащих, переведенных из драгунских полков, мундиры синего сукна «для показания такому гордому народу славы российского ея императорскаго величества оружия и войска, а при том, что уже в тот полк с армейских и гварнизонных полков роты скомандированы в синих мундирах, также штап и обер афицеры по болшой части выписаны из драгунских полков, то надлежит тому полку мундиры иметь из цветных синих сукон» [87]. Таким образом, соображения финансовой экономии переплетались у него здесь с понятиями внешнеполитического престижа.

---

[85] РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 583. Л. 51, 51 об.
[86] Там же. Л. 52, 52 об.
[87] Там же. Л. 52 об., 53.

А уже в сентябре того же года выяснилось, что хотя назначенный к приему вещей капитан И. Матюнин прибыл в Тобольск, но выдать ему ту сумму, которая была необходима к уплате за них Главному комиссариату и составляла чуть более 25 тыс. руб., невозможно: «За недостатком ныне здесь как камисариатских, так и протчих зборов денежной казны отправить толикого числа денег не ис чего» [88]. Поэтому Соймонов просил позволить капитану Матюнину отправиться в Москву для приема вещей без предварительной оплаты и произвести ее позднее, если Сенат согласится с его предложением о том, чтобы отчеканить на Екатеринбургском денежном дворе медной монеты на 2 млн руб. и использовать часть этих денег на формирование полков ландмилиции. Однако, как выяснилось из следующего рапорта губернатора, отправленного Сенату в мае 1762 г., данное предложение не встретило поддержки в высших инстанциях, так что капитан Матюнин не смог исполнить доверенного ему поручения [89].

В донесении Сенату от 1 июня 1762 г. губернатор Соймонов подвел промежуточные итоги своей деятельности за прошедшие два года. В частности, он сообщал, что Якутский конный полк уже сформирован и отправлен в Забайкалье, «на селенгинскую границу» [90], а обмундирование для него заказано в Главном комиссариате, за исключением шляп, которые вызвался поставить тобольский фабрикант Бетюков. Драгунские ружья полк получил из тех запасов, которые предназначались для выписных казаков и хранились в Енисейске и Красноярске. Из этих запасов были отобраны и отправлены в Иркутск 418 шт., хотя, как специально отмечалось, «из них некоторые требуют починок, а и протчия имеютца ис починочного старого» [91]. Недостачу предполагалось восполнить за счет поставок из Оружейной канцелярии. Все-

[88] РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 583. Л. 56, 56 об.

[89] Там же. Л. 63, 63 об.

[90] Как указано в работе А. П. Васильева, «из Красноярска и Енисейска команды, сведенные в роты, прибыли в Иркутск, где Якутского полка секунд-майор Линеман сводил прибывающие роты в полк… Из Иркутска конный ландмилиционный полк перевели в Селенгинск по льду Байкала зимой 1761–1762 года» (*Васильев А. П.* Забайкальские казаки… Т. 2. С. 156).

[91] РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 583. Л. 105 об., 106.

го, как этому полку, так и еще предполагаемым четырем, как подсчитал губернатор, на полное снабжение всем необходимым требовались почти 120 тыс. руб., которые Соймонов, по существу, предлагал взять в долг: «Повелено б было заплатить из суммы камисариацких зборов, поставя оныя на щет состоящей на Главном камисариате здешней губернии долговой суммы… от Сибирской губернской канцелярии ис таможенных, кабацких, канцелярских и протчих зборов» [92]. Он также рассчитывал, в случае необходимости, воспользоваться теми денежными суммами, которыми располагал Сибирский приказ.

Однако в то же самое время стало очевидным, что реализовать проект о формировании пяти полков ландмилиции в Забайкалье не представлялось возможным. А. П. Васильев указывал, что уже 22 августа того же 1762 г. Соймонов отправил донесение Сенату, в котором прямо констатировал, что на еще четыре полка «денег в Сибирской губернии (т. е. на Нерчинских заводах) не было» [93]. Изученные документы позволяют дополнить это утверждение: из них следует, что вполне определенную роль в таком исходе сыграла также позиция ведомств, отвечавших за снабжение войск – Главного комиссариата и Оружейной канцелярии, не пожелавших принимать во внимание стратегические соображения государственной обороны и требовавших от сибирского губернатора и его подчиненных оплаты в полном объеме из дозволенных законом источников всей той продукции, которая предназначалась для забайкальских полков. Отставка Соймонова и его отъезд из Сибири весной 1763 г. фактически привели к тому, что этот вопрос остался в «подвешенном» состоянии. Новые подвижки наметились лишь к концу 1763 г.

Как раз в 1763 г. созданная при Екатерине II очередная Воинская комиссия представила проект формирования в Сибири семи регулярных армейских полков, предполагая зачислять в них выводимых с территории Речи По-

---

[92] РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 583. Л. 108.

[93] *Васильев А. П.* Забайкальские казаки… Т. 2. С. 166. На это утверждение ссылается и Г. Ф. Быконя, см.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население… С. 181, 182; Он же. Казачество и другое служебное население… С. 161, 162.

сполитой беглых старообрядцев – бывших российских подданных. В частности, составленным на основе предложений комиссии докладом Сената, «конфирмованным» (утвержденным) императрицей 26 ноября 1763 г., предлагалось «полков сочинить: пехотных пять, конных два; из которых уже один и есть, и называется Якутской Ландмилицкой конной полк… и быть конным противу Карабинерных полков» [94]. Заметим, что в этой связи необходимо уточнить утверждение, содержащееся в классической работе Л. Г. Бескровного, что только «за счет драгунских полков были образованы тяжелые карабинерные полки», а «об имеющихся 14 конных ландмилицких полках… комиссия, очевидно, забыла, и они не брались в расчет» [95]. Именно недавно сформированный Якутский конный полк ландмилиции и должен был быть переформирован в карабинерный.

Одновременно с этим в течение 1764 г. генерал-майор и селенгинский комендант В. В. Якоби (1687–1769, назначение получил еще в 1740 г.) [96] развернул целую программу действий, направленных на переформирование Якутского полка ландмилиции в карабинерный. Уже весной он потребовал срочно заготовить необходимый объем провианта, рапортуя Военной коллегии, что «для воинских служителей не толко запасного, но и на нынешней год в селенгинских магазинах, за выключкою имеющагося в Удинске ко отправлению в Нерчинск, правианта недостаточно, и кроме поставки из Иркуцка, удоволствоватца вскоре неоткуда» [97]. Новому сибирскому губернатору Д. И. Чичерину в связи с этим предписывалось «ныне в селенгинския могазе-

[94] ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 43. Ч. 1. № 11979. С. 37. А. П. Васильев ошибочно именует эти семь полков также «ландмилиционными», см.: *Васильев А. П.* Забайкальские казаки… Т. 2. С. 166, 174.

[95] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 317.

[96] О служебной деятельности этого человека в Забайкалье подробнее см.: *Демин Э. В.* Кавалергарда век был долог… (Управитель пограничья, селенгинский воевода-комендант В. В. Якобий) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2010. Кн. 2. С. 36–70.

[97] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 486. Л. 2 об.

ины правианта не токмо на нынешней, но и з достатком и на будущей год приготовить немедленно» [98].

Однако принятые решения далеко не всегда исполнялись. Скажем, у А. П. Васильева упомянуто о том, что на содержание Якутского карабинерного полка «приказано было ассигновать с Колывано-Воскресенских заводов 20 тысяч рублей» [99], но не сказано о том, что уже в июле 1764 г. Военная коллегия получила из 1-го департамента Сената указ «о неимении надежды в отпуск с Колывано Воскресенских заводов на учреждаемые в Сибире полки определенной денежной суммы до времяни, и о ненасылании в канцелярию Колывано Воскресенского горного началства о том осигнацей» [100]. Только к концу года по предложению генерал-квартирмейстера кн. А. А. Вяземского Сенат решил взамен этих денег отпустить соответствующие суммы из Москвы и Екатеринбурга [101].

Снабжение Якутского карабинерного полка вооружением, порохом и артиллерией должно было происходить по линии ведомства генерал-фельдцейхмейстера А. Н. Вильбоа. Однако быстро выяснилось, что последний счел за благо переложить эти заботы на плечи губернатора Чичерина, ограничившись отправкой из Москвы в Забайкалье двух 8-фунтовых «единорогов», а остальные предписав «ис Таболска или ис тамошних ближайших и способных к Селенгинску мест… доставить доволное число» [102]. Генерал-майор Якоби в мае 1764 г. просил Чичерина прислать 19 3-фунтовых пушек с комплектами пороха и снарядов, а также несколько 6-фунтовых и тяжелых 24-фунтовых орудий и гаубиц взамен пришедших в негодность. Через месяц губернатор, исходя из того, что «по невозможности ныне артилерии ис Таболска по великой отдаленности вскоре доставить, определил оной по близо-

---

[98] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 486. Л. 2 об., 3.

[99] *Васильев А. П.* Забайкальские казаки… Т. 2. С. 181.

[100] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 486. Л. 8.

[101] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 742. Л. 6, 6 об.

[102] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 486. Л. 3 об., 4, 5. Фунт = ок. 400 г. Виды артиллерийских орудий классифицировались по весу снарядов, которыми они могли стрелять.

сти и способности отправить из Иркуцка, где еще не такая, как в Селенгинску, опасность», всего 29 орудий: 10 6-фунтовых, 19 3-фунтовых [103].

Уже в 1765 г. Якутский карабинерный полк был полностью укомплектован и расквартирован в Селенгинске и его окрестностях для охраны границы с цинским Китаем. Одновременно с этим командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. Шпрингеру предписывалось вновь зачислить генерал-майора Якоби в штат армейского генералитета, назначить вместо него в Селенгинск и еще в некоторые пограничные пункты комендантов из числа армейских офицеров, а также «Селенгинск обнести земляным рвом, и где полевая артиллерия постановлена будет зделать, неболшее особливое земляное укрепление» [104]. Выполняя данное предписание, Шпрингер выбрал двоих армейских капитанов, И. Апелгрина и С. Силкина, «не смотря на старшинство, по спискам следующее, но полагаясь на совершенное их к тому достоинство и способность», и определил первого – комендантом Селенгинска, второго – Акшинской крепости. Свой выбор он обосновал тем, что «тут, яко в новых местах, немалого поправления, учреждения и проворности требуетца, а на сих, кажетца, положитца безсумненно» [105]. Таким образом, окончательно сложилась та структура управления воинскими частями, дислоцированными в Забайкалье, которая сохранялась на протяжении всей второй половины 1760-х гг.

Данный эпизод существенно корректирует представления о тех факторах, которые оказывали непосредственное влияние на ход и результаты выполнения ряда мер государственной политики в сфере армейского строительства на территории Забайкалья в первой половине 1760-х гг. Военная угроза со стороны цинского Китая диктовала центральной власти настоятельную необходимость реорганизации и увеличения здесь армейского контингента, однако согласованность действий столичных инстанций и местной админи-

---

[103] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 722. Л. 109 об., 110. См. также: *Васильев А. П.* Забайкальские казаки… Т. 2. С. 178.

[104] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 742. Л. 3 об., 4.

[105] Там же. Л. 55.

страции оставляла желать много лучшего. Недостаточная эффективность механизмов материального снабжения воинских частей и отсутствие постоянных источников для их финансирования приводили к длительным задержкам, а то и срывам поставок вооружения и обмундирования в полки. Предпочитая перекладывать значительную часть забот по комплектованию и содержанию войск на плечи сибирского губернатора, Сенат тем самым ставил под удар и Военную коллегию, чьи ведомства – Главный комиссариат и Оружейная канцелярия – оказывались лишены возможности исполнять поступавшие к ним запросы из-за отсутствия оплаты сибирских заказов.

Финансовое состояние казны Сибирской губернии не позволяло рассчитывать на изыскание там необходимых средств, даже несмотря на работу Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, где велась чеканка монеты. Выше было показано, каким образом позиция, занятая именно Комиссариатом и Оружейной канцелярией, привела, по существу, к отказу от проекта формирования пяти полков ландмилиции для обороны Забайкалья. А при переформировании Якутского конного полка в карабинерный опять-таки большая часть необходимых мер были проведены в жизнь генерал-майором В. В. Якоби и губернатором Д. И. Чичериным, поскольку центральные ведомства не проявили особой заинтересованности в оказании материальной поддержки этому делу.

Впрочем, военные со своей стороны также вынуждены были постоянно обращаться к местным властям, в частности, с просьбами о выдаче и перевозке соответствующих денежных сумм для выплат жалования личному составу частей Сибирского корпуса. Выше уже упоминалось, что система взаимных расчетов между Военной коллегией, центральными финансовыми учреждениями и местными губернскими канцеляриями строилась на основе переводов по счетам и выплат компенсаций за понесенные в том или ином году чрезвычайные расходы. Однако собственно на местах военное начальство не имело в своем распоряжении тех денег, которые предназначались для выдачи жалования рядовым военнослужащим, офицерам и командирам – эти

средства войска должны были получать от губернаторских, воеводских и управительских канцелярий в городах и уездах, откуда соответствующие суммы доставлялись в расположение воинских частей. Функционирование этой системы описано, например, в тексте промемории, отправленной в декабре 1764 г. из Сибирской губернской канцелярии только что назначенному командующим Сибирского корпуса генерал-поручику И. фон Шпрингеру. Перед этим Шпрингер направил в Тобольск ведомость с просьбой ассигновать к выдаче жалования на сентябрьскую треть 1764 г. и на полковые расходы в счет будущего 1765 г. почти 30 тыс. руб.

Чиновники губернской канцелярии распорядились выдать нужные суммы самому Шпрингеру и его предшественнику генерал-майору К. фон Фрауендорфу с их штабами, а также командующему на Новой линии генерал-майору П. Девицу и командующему на Колывано-Кузнецкой линии генерал-майору И. Деколонгу. Распределение средств на полки Сибирского корпуса выглядело следующим образом. Дислоцированным на Иртышской линии Луцкому и Олонецкому драгунским полкам назначалось 5 160 и 4 654 руб. соответственно, а доставлены туда деньги должны были быть из Тарской воеводской и Ишимской управительской канцелярий, «а ежели чего в то асигнованное число будет недостаточно, то по сношению между собою и с Ямышевской канцелярей ис пограничной таможни» [106].

Находившимся на Новой линии Троицкому и Вологодскому драгунским полкам следовало получить: первому 2 730 руб. «к ымеющейся в том полку от роздачи за прошедшие трети денежной казне» (2 430 руб.), второму – 5 160 руб., деньги должны были поступить в оба полка не только из Ялуторовска, но и из Тюмени, поскольку, хотя в Ялуторовске и числились на балансе казны более 44 тыс. руб., «точию из оной употребляетца ныне в том Ялуторовском дистрикте на покупку для доволствия тех же состоящих в Сибире армейских драгунских полков военных людей правианта, а на государе-

[106] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 502, 502 об.

вых драгунских и подъемных лошадей фуража, також под сплав оного на строение немалого числа дощаников и на наем работных людей» [107].

Также имелась некоторая «остаточная от роздачи за прошлые трети» сумма (234 руб.) и у Сибирского драгунского полка, квартировавшего тогда в Семипалатинской крепости, поэтому к выдаче этому полку полагались 4 926 руб., для покрытия долга казны за прошедшую майскую треть по прежним штатам были добавлены еще 462 руб. Наконец, Колыванскому драгунскому полку, занимавшему Колывано-Кузнецкую линию, следовали 5 160 руб. За выдачу этим полкам названных сумм отвечали канцелярия Семипалатинской крепости и пограничная таможня, «а ежели что в то асигнованное число в тех местах будет недостаточно, то по сношению между собою отпуск учинить и ис Кузнецкой воеводской канцелярии из налично имеющихся в той канцелярии зборов» [108]. Фактически всем частям Сибирского корпуса, дислоцированным к концу 1764 г. в Западной и Южной Сибири, следовало получать денежные средства, необходимые для выплаты жалования военнослужащим, от местных воеводских и управительских канцелярий. Тобольские чиновники специально инструктировали эти нижестоящие инстанции, чтобы «по прибытии от показанных полков приемщиков денежную казну отпустить из налично имеющихся в тех местах зборов… записав в росход с роспискою, поставя на щет Главного крикс камисариата» [109]. Однако непосредственно доставку денежных сумм в расположение воинских частей местные власти упорно отказывались брать на себя.

Характерную ситуацию в мае 1760 г. описал в своем рапорте на имя главнокомандующего полевой армией генерал-фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина недавно назначенный командиром сибирских частей генерал-майор И. фон Веймарн. В частности, Веймарн пожаловался на то, что вверенные ему полки никогда не получали денег для выплаты жалования в надлежащие сроки, что самым негативным образом сказывалось на их мате-

[107] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 503.
[108] Там же. Л. 503 об.
[109] Там же. Л. 504.

риальном положении: «Военныя чины денежнаго жалованья и рацыонов, також и определенных по воинскому стату годовых в полки сумм… в свое надлежащее время по окончании третей никогда не получают, но всегда принуждены претерпеть по две трети, а иногда и более», из-за чего «воинския чины такия несут нужды, что иныя, кроме указнаго провианта и никакого пропитания, також по здешнему студеному воздуху зимней обуви и одежды не имеют» [110].

Отправка в те города, откуда предписано было выдавать деньги соответствующим частям, комиссаров с конвоями не приносила желанного результата: «Как во оныя осигнованныя места прибудут, то от тех канцелярей объявляетца, что де той осигнованной в полк денежной казны якобы еще в зборе нет, а которая де была, дак бутто б употреблена по указом Сибирской губернской канцелярии на другия расходы… и за тем те камисары во оных местах и с командами живут праздно без всякой службы месеца по 4 и более» [111]. По сути, Веймарн прямо обвинял чиновников воеводских и управительских канцелярий в саботировании требований денежных выдач, утверждая, что последние затягивались на несколько месяцев.

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, командующий просил Сибирскую губернскую канцелярию о том, чтобы выдавать и отправлять для перевозки в расположение полков жалование не строго по третям (три раза в год), а хотя бы две трети сразу единовременно, но получил отказ. Чиновники губернской канцелярии ссылались на «регулы» (нормы регламента) Главного комиссариата, согласно которым выдача жалования строго ограничивалась долями в размере трети. Когда же Веймарн язвительно заметил, что «в каждом полку камисариацкия регулы имеютца», поэтому «не окончав трети, впредь производить смелости не имеют, и того в полках никогда не чинитца», то выяснилось, что даже на момент переписки, в мае 1760 г., в Тобольске еще не были получены от Комиссариата подтверждения на ассигно-

[110] РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 162. Д. 292. Л. 30.
[111] Там же. Л. 30, 30 об.

вания к выдаче жалования полкам Сибирского корпуса за первую половину текущего года! [112] Губернская канцелярия в этих условиях согласилась только ассигновать средства «сего году на одну генварскую треть на подковку государевых драгунских и подъемных лошадей, тож и на полковыя расходы гошпиталную сумму и на рацыоны», так что Веймарн распорядился «о командировании в те места от полков для приему той денежной казны камисаров и з командами… и уже от тех полков командированы» [113]. Однако даже выдача этих денег встретила затруднения.

Бригадир К. фон Фрауендорф сообщил Веймарну, что состоявший в его бригаде Вологодский полк не мог получить причитавшиеся ему средства от Ялуторовской и Ишимской управительских канцелярий, поскольку оба ведомства отвечали, что предназначенная для отправки в полк денежная казна распоряжениями вышестоящей инстанции (т. е. той же Сибирской губернской канцелярии) «почти вся без остатку в расход употреблена». Веймарн с грустью констатировал, что уже не знает, куда отправлять полковых комиссаров для требования и приема денег, «но единственно толко смотреть сожалетелно, по таким нераспорядкам полковыя служители за неполучением определенного им в свое время денежнаго жалованья какую претерпевают всекрайную нужду». На сотрудничество с местной администрацией командующий уже не возлагал никаких надежд, «ибо оной Сибирской губернской канцелярии о чем бы я не сообщал, толко резелюцыи настоящим исполнением не получу, а не инако, как толко перепискими удоволство чинить» [114]. В итоге Веймарн просил Бутурлина распорядиться об учреждении в Омской крепости специальной комиссии Главного комиссариата, подобно тому, как она уже была организована в соседней губернии, в Оренбурге.

Командующий уверял, что данная мера позволит наладить бесперебойную выдачу и доставку жалования войскам: «Убегая излишнего употребления на прогоны ис казны суммы, паче же и обывателям затруднения, повеле-

[112] РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 162. Д. 292. Л. 31 об.
[113] Там же. Л. 32 об.
[114] Там же. Л. 32 об., 33.

но б было, как всегда обыкновенно каждогодно ис Таболска сюда в Верх-Иртышския крепости с правиантом дощеники отправляютца, то хотя на тех же казенных правианских дощениках до здешней Омской крепости тое денежную казну отправлять водою, почему та привезенная денежная казна из оной коммисии без всякой трудности отпускатца может» [115]. Кроме того, сами военнослужащие «от нескораго неполучения той денежной казны таковой уже нужды претерпевать не могут… и оттого командам затруднении и пресекутца, да и на платеж за провоз отпускаемой на производство денежной казны в жалованье и за фураж с воинских чинов из их собственного кошту вычету прогонных денег избегнуть можно» [116]. Однако, хотя генерал-фельдмаршал Бутурлин дал свое согласие на рассмотрение вопроса об учреждении комиссии Главного комиссариата, реализован этот проект так и не был.

Другой эпизод, заслуживающий внимания, был связан с проблемой расходов на оплату провиантских поставок для войск Сибирского корпуса в конце 1760-х – середине 1770-х гг. Д. И. Чичерин (ок. 1720–1785), назначенный сибирским губернатором в 1763 г. и прибывший в Тобольск, чтобы приступить к исполнению обязанностей, уже после отъезда своего предшественника Ф. И. Соймонова в 1764 г., получил от императрицы Екатерины II обширные полномочия. Л. С. Рафиенко и М. О. Акишин отмечали, что именно ему впервые было предоставлено особое право не исполнять те указы и распоряжения верховной власти, которые он, находясь на месте, считал не соответствующими интересам управления Сибирью [117]. Ниже показано, каким образом Чичерин использовал это дозволение императрицы. Кроме того, Л. С. Рафиенко указывала, что губернатор не только отвечал за снабжение провиантом армейских полков и пограничных крепостей, но в его распоря-

[115] РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 162. Д. 292. Л. 32.

[116] Там же. Л. 32.

[117] *Рафиенко Л. С.* Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 377; *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 256.

жение также были переданы все войска, дислоцированные в Сибири, как полевые, так и гарнизонные [118].

Данные утверждения нуждаются, однако, в корректировке. Во-первых, воинские части, с 1764 г. входившие в состав Сибирского корпуса, подчинялись все же его командующему, который сносился напрямую с Военной коллегией [119]. Во-вторых, снабжением войск занималось специальное ведомство в структуре коллегии – Главная провиантская канцелярия под началом генерал-провиантмейстера, которому подчинялись организованные на местах провиантские комиссии. В частности, в Омской крепости действовавшую при командующем Сибирского корпуса комиссию возглавлял обер-провиантмейстер капитан Кадышев.

Именно поэтому вскоре после назначения Чичерина и утверждения корпусным командиром генерал-поручика И. фон Шпрингера Военная коллегия в 1767 г. «определила в доставлении по сибирским линиям провианта и овса заготовление оному чинить по разсмотрению ево генерала порутчика обще с тамошним губернатором и кавалером Чичериным, чтоб всегда на находящияся там войски готоваго было на два года» [120]. Для выполнения этого предписания Чичерин в январе 1768 г. добился именного указа императрицы о передаче в его распоряжение суммы в 100 тыс. руб., оставшейся после перечеканки медной монеты на Екатеринбургских заводах, чтобы использовать эти средства для строительства казенных хлебных магазинов и завоза туда провианта. Однако впоследствии он уверял, что этих денег оказалось недостаточно для выполнения поставленной задачи, ссылаясь при этом на донесение Шпрингера, который в сентябре 1769 г. сообщал, что на Новой, Пресногорьковской и Иртышской линиях запасено более 86 тыс. четвертей муки сверх 3-летней пропорции, зато недостает 132 986 четвертей овса, а в некоторых отдаленных крепостях (в частности, Усть-Каменогорской) и на

---

[118] *Рафиенко Л. С.* Компетенция сибирского губернатора… С. 373, 377.

[119] См. инструкцию Екатерины II генерал-поручику И. фон Шпрингеру от 19 сентября 1763 г.: ПСЗ-I. Т. 16. № 11931. С. 379.

[120] РГАДА. Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 50.

Колывано-Кузнецкой линии не хватает также и муки [121]. В ответном послании Чичерин посоветовал корпусному командиру употреблять вместо овса на корм лошадям излишнюю муку, а затем развил бурную деятельность по организации закупок провианта для войск и крепостей.

Во всеподданнейшем доношении, отправленном на имя императрицы в 1775 г., губернатор, вспоминая об этих своих действиях, высокопарно утверждал: «До такова состояния линия доведена, что не толко последней гарнец в дачу произведен, но и купить там ни за какую цену не можно, а поставщиков провианта к тому времяни по отдаленности успеть не было средства. Я должен признатся, всемилостивейшая государыня, што я и поныне не знаю, как мог исправится и избежать гибели людей и казенных лошадей» [122]. Но когда в 1772 г. Сенат потребовал сведений о точных объемах заготовленного в Сибири провианта и истраченных на это казенных суммах за прошедшие три года, выяснилось, что уже по итогам 1770 г. запасы, накопленные в Сибирской и Иркутской губерниях для всех полевых и гарнизонных частей, а также нерегулярных войск, исчислялись следующими цифрами: «Всего муки с лишком на шесть лет, круп с лишком на пять лет и овса с лишком же на два года». При этом истраченные на закупки провианта суммы Чичерин без тени сомнения записывал на счет Главной провиантской канцелярии, чему нисколько не противился действовавший от имени последней полковник Булгаков [123]. Когда же запросы канцелярии сибирскому губернатору были оставлены без всякого ответа, от нее по этому поводу пошла жалоба Сенату через Военную коллегию.

В июле 1773 г. провиантское ведомство все же добилось от Булгакова присылки ведомостей «с лишком на пяти тысячах листов», после обработки сведений из которых Военная коллегия сделала однозначный вывод: «Сибир-

---

[121] РГАДА. Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 99, 99 об. Четверть – мера объема сыпучих тел, определявшаяся по их весу, в XVIII в. равная приблизительно 130 кг.

[122] Там же. Л. 89 об.

[123] Там же. Л. 5, 5 об. М. О. Акишин упоминал, что Булгаков «нажил на этом только векселей суммой в шесть тысяч рублей с купцов-поставщиков» (*Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 299).

ской господин губернатор… заключил сам собою на немалую к поставке провианта сумму с 771 года по 775 год контракты, употребив как на заготовление, так и на перевоз оного из места в место из разных доходов знатную сумму денег» [124]. По информации Главной провиантской канцелярии, уже на 1773 г. по Сибирскому департаменту было заготовлено более 230 тыс. четвертей муки, 15 тыс. четвертей круп, более 180 тыс. четвертей овса и ячменя, а кроме того, губернатор Чичерин успел заключить подряды на поставку еще почти 170 тыс. четвертей муки, 4,5 тыс. четвертей круп, 140 тыс. четвертей овса и ячменя на 1773 и 1774 гг. Невооруженным взглядом было видно, что «того провианта и фуража состоит так великое множество, что сумма онаго несравненно превосходит более нежели на сто тысяч рублей» [125]. В конечном итоге по подсчету, произведенному Военной коллегией, выяснилось, что за весь период с 1768 по начало 1774 гг. было «на щот провиантской из разных доходов куплено, подряжено и отдано в перевоску правианта» на поистине астрономическую сумму – почти 1,8 млн руб.! При этом также оказалось, что провиант не только закупали по зачастую завышенным ценам, но и за его перевозку платили явно выше нормы: провоз каждой четверти муки и круп обходился в 5 с лишним рублей, овса почти в 3,5 руб. [126]

Поступившая в Сенат жалоба провиантского ведомства, поддержанная Военной коллегией, рассматривалась в течение почти всего 1774 г. Столь долгий срок был вызван тем обстоятельством, что у губернатора Чичерина нашелся среди сенаторов защитник и покровитель – граф Р. И. Воронцов, младший брат экс-канцлера М. И. Воронцова и отец небезызвестной фаворитки покойного Петра III. Это его характеризовал один из современников (кн. М. М. Щербатов) следующими словами: «Во все время своей жизни признанный мздоимцем… не преставал обыкновенныя свои мздоимства произ-

[124] РГАДА. Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 31, 31 об.
[125] Там же. Л. 50, 50 об.
[126] Там же. Л. 51, 51 об.

водить» [127]. Определение 4-го департамента Сената, вынесенное 8 января 1774 г., гласило: «От онаго губернатора изтребовать объяснение, по каким указам вышеписанные подряды им произведены, ежели же указов не имел, то что ево понудило такое великое число провианта и фуража заготовлять, и сколько на то поныне употреблено денег и из каких доходов» [128]. Однако Воронцов потребовал, чтобы на это была получена санкция самой императрицы, для чего необходимо было сначала поднести Екатерине II всеподданнейший доклад.

Через полгода данный вопрос обсуждался на заседании Сената, причем подавляющее большинство сенаторов требовали немедленно начать расследование по делу, опираясь на собственные полномочия. И здесь граф Воронцов выступил против: «Объявил, что он в том согласен с тем только, чтоб о произшествии сего дела и о издержке толь многочисленной суммы поднесть ея императорскому величеству от Сената репорт» [129]. К нему присоединился также И. П. Елагин, один из членов бывшего кружка личных друзей Екатерины еще до прихода ее к власти. Попытка генерал-прокурора кн. А. А. Вяземского достичь согласованной позиции в октябре 1774 г. успеха не имела.

В конце концов Екатерина распорядилась лишь запросить Чичерина о том, каковы численность войск в границах Сибирского департамента и объем заготовленного для них провианта, а также о подрядных ценах, транспортировке и тех доходах, из которых выделялись на это средства. Ничтоже сумняшеся, губернатор уверял императрицу в феврале 1775 г.: «Ни ис каких доходов, всемилостивейшая государыня, на заготовление всего провианта ни адной копейки не заимствовано» [130]! Более того, Чичерин старался доказать, что потратил за все предыдущие годы на снабжение войск не 1,8 млн, а лишь

---

[127] *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1985. С. 88, 89.

[128] РГАДА. Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 51 об., 52.

[129] Там же. Л. 52 об.

[130] Там же. Л. 89.

268 тыс. руб., а также утверждал, что не имел никакого отношения к постройке на пограничных линиях казенных хлебных магазинов и доставке провианта на форпосты и редуты, поскольку «все сие зависит от командующаго генералитета». Губернатор не только не признал выдвинутых в отношении него претензий справедливыми, но и прямо ставил себе в заслугу предпринятые меры, отсылая интересовавшихся финансовой стороной вопроса к командованию Сибирского корпуса, тем более, что генерал-поручик Шпрингер, вместе с которым Чичерин начинал эту заготовку провианта, скончался еще в феврале 1771 г. [131]

Лишь через три с половиной года императрица все же приняла решение о необходимости направить в Тобольск комиссию для расследования данного дела, равно как и деятельности Чичерина в целом. Именной указ Сенату о назначении главой этой комиссии обер-штер-кригс-комиссара Г. М. Осипова и о выдаче ему соответствующего «наставления» был подписан Екатериной в Царском Селе 21 августа 1778 г. [132] Прибыв к началу зимы в Тобольск, Осипов намеревался приступить к сбору всей необходимой информации в соответствии с заранее намеченной обширной программой. Она, в частности, включала следующие пункты: 1) истребовать от провиантмейстерской комиссии в Омской крепости, которую по-прежнему возглавлял Кадышев, только теперь уже в чине генерал-лейтенанта, данные о закупках и поставках провианта для всех воинских частей, находившихся в ее ведении, за каждый год, начиная с 1768 г., при этом отдельно остановившись на следственных делах, производившихся в связи с утратами провианта; 2) получить от нынешнего корпусного командира генерал-майора Н. Огарева полное описание того, каким образом в наступившем 1779 г. производится закупка и доставка войскам провианта и фуража; 3) выяснить у губернатора Чичерина, из каких доходов, помимо ассигнованных в 1768 г. 100 тыс. руб., и какие именно сум-

---

[131] Доношение о смерти Шпрингера его преемника в должности корпусного командира генерал-майора С. Станиславского в Сенат, см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 482. Л. 8.

[132] Там же. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 205, 205 об. См. об этом также: *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 298.

мы использовались для строительства казенных хлебных магазинов и закупок провианта [133]. Однако довольно быстро выяснилось, что реализовать намеченные меры в полном объеме не представлялось возможным.

Уже в январе 1780 г. Осипов доносил Сенату, что Тобольская губернская канцелярия не предоставила ему 12 дел о закупках провианта за 1769–1772 гг., числившихся по расходным книгам и настольному реестру в местной рентерее. Общая сумма, проведенная по расходной статье через эти дела, составляла более 400 тыс. руб. Канцелярист И. Васильев ссылался на то, что этих дел не было в числе переданных ему от предшественника И. Вяткина. Последнего вызвали из Туринска, куда он к этому времени был определен на службу секретарем, однако Вяткин отыскал и выдал следователям лишь три из 12 дел, расход по которым составил в сумме менее 25 тыс. руб. [134] Из ежемесячных рапортов комиссии Сенату явствовало, что Осипов, попытавшись разобраться, какой убыток был причинен казне по каждому делу, буквально «увяз» в расследовании отдельных эпизодов. В мае 1780 г. он открыто жаловался, что «в разсмотрении порученнаго дела медленность происходит за неполучением от таболскаго губернатора, губернской канцелярии и прочих мест требуемых об оном заготовлении разных ведомостей и сведений» [135]. Отчасти это явилось результатом той манеры руководства, которой придерживался Чичерин, когда часть дел проходила не через губернскую канцелярию, а через его личную секретную экспедицию: о принимаемых им решениях не знали ни вице-губернатор, ни прокурор [136].

Не проявили никакого желания сотрудничать с комиссией военные власти, прежде всего, командир Сибирского корпуса генерал-майор Н. Огарев. Из десяти следственных дел о потерях, сожжении и расхищении казенного провианта воинскими чинами к 1780 г. им были «конфирмованы» и отосланы в Военную коллегию приговоры военных судов, вынесенные

---

[133] РГАДА. Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 309–311 об.
[134] Там же. Оп. 71. Кн. 6221. Л. 207–208.
[135] Там же. Л. 408.
[136] См.: *Акишин М. О.* Российский абсолютизм… С. 298.

только по шести [137]. Военная коллегия, в свою очередь, не желая конфликтовать с Чичериным, рекомендовала комиссии Осипова заняться взысканием убытков с виновных самостоятельно: «Как губернаторы… от коллегии не зависят, то и благоволит оная коммисия к понуждению его в исполнении ею требуемаго принять с законами согласные меры» [138]. В свою очередь Главная провиантская канцелярия указывала, что в рапортах Огарева «какое в возвращении положеннаго по тем следственным делам с разных чинов ко взысканию количества хлеба и денег, также и во окончании производимых еще там следствиев старание происходит, обстоятельнаго обо всем сведения не имеется» [139]. Здесь все упиралось в категорическое нежелание генерал-лейтенанта Кадышева, начальника Омской провиантмейстерской комиссии, предоставить необходимые сведения как для взыскания с виновных по этим делам убытков, так и для оценки ущерба, понесенного казной в результате исполнения им самим распоряжений губернатора о заготовках провианта.

В июне 1780 г. Главная провиантская канцелярия тщетно пыталась заставить Кадышева поделиться этими данными, требуя «объяснить обстоятельно не толко о каждом деле, но и порознь о человеке, и в живых ли он или когда умер, есть ли надежда ко взысканию или же нет…», а также просила, чтобы губернатор Чичерин, корпусной командир Огарев и омский комендант бригадир Клавер «в разсуждении великой считающейся на разных чинах по следственным делам казенной недоимки благоволили приложить с своей стороны старание о взыскании и о приведении, естьли бы еще некоторыя следствии производили б ко окончанию» [140]. Однако сам Кадышев в Тобольск так и не прибыл, а в декабре того же года получил отставку – его сменил в должности провиантмейстера секунд-майор 1-го Омского пехотного батальона Голубев. В феврале 1781 г. Осипов в очередном рапорте Сенату сообщал, что хотя «и надлежало ему Кадышеву по здаче оному Голубеву

[137] РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 529. Л. 41.
[138] Там же. Л. 42 об.
[139] Там же. Л. 43.
[140] Там же. Л. 43 об., 44.

надлежащих к правлению по порученной ему коммисии дел самому следовать в Таболск, но однако он Кадышев, как сам в Таболск поныне не бывал, так и ис требуемых от него коммисиею некоторых нужнейших ведомостей и протчих сведеней еще не доставил» [141].

Деятельность комиссии Осипова продолжалась вплоть до 1782 г., однако, насколько можно судить по ее материалам, так и не увенчалась наказанием сколько-нибудь значительного числа виновных и возмещением казне понесенных убытков из-за производившихся в предыдущие годы излишних заготовок провианта. Более того, проблема организации надлежащего взаимодействия между военными и гражданскими властями в сфере провиантского снабжения войск Сибирского корпуса не была решена и впоследствии. В 1793 г., например, Сенат снова предъявлял претензии Военной коллегии по поводу действий Тобольской провиантмейстерской комиссии, которая «не делала должнаго Табольской казенной палате в заготовлении правианта пособия, чрез что и упущено удобное время, а при том и на покупку нужнаго для продовольствия войск правианта и фуража имевшихся у ней для таковых закупок денег не отпустила» [142]. Таким образом, положение дел в этой сфере не менялось вплоть до конца XVIII в.

Исследованные материалы позволяют отметить тенденции, характерные для действий местной администрации при организации снабжения войск Сибирского корпуса. Во-первых, объективные трудности, связанные с отдаленностью региона и мест дислокации воинских частей, безусловно, затрудняли выдачу жалования, закупку и доставку провианта и вооружения, однако чрезмерные масштабы деятельности, развернутой губернатором Чичериным, привели лишь к огромным затратам казенных средств и накоплению запасов продовольствия на много лет вперед, что не было обусловлено какой-либо необходимостью. Во-вторых, параллелизм функций и нечеткость при разграничении полномочий между структурами военного ведомства и гражданских

[141] РГАДА. Ф. 248. Оп. 71. Кн. 6221. Л. 9 об.
[142] Там же. Кн. 6239. Л. 85.

властей очевидно способствовали различным злоупотреблениям, ущерб от которых зачастую, к тому же, оказывался для государственной казны безвозвратным. Военная коллегия и Главная провиантская канцелярия далеко не всегда были готовы возмещать казне те средства, которые затрачивались местной администрацией на закупку провианта по подрядам, аналогичную позицию занимало и командование Сибирского корпуса. Порождаемые этой ситуацией межведомственные конфликты затягивались на много лет, не принося фактически никакого позитивного результата, как это иллюстрировали деятельность следственной комиссии Осипова и ее итоги. Вместе с тем, поскольку вопросам поддержания боеспособности регулярной армии верховная власть уделяла повышенное внимание на всем протяжении XVIII в., даже в этих условиях удавалось обеспечивать надлежащее функционирование системы снабжения войск на отдаленной окраине Российской империи, хотя и ценой несоразмерных расходов.

3.3. Организация провиантского довольствия военным командованием

Система организации провиантского довольствия войск требует особого рассмотрения. Выше уже обращалось внимание на действия местных властей, направленные на закупку и заготовку провианта для армейских частей. Однако именно в отношении организации провиантского снабжения можно отметить активную роль военного командования и собственно военнослужащих, поскольку не редкостью оказывались случаи, когда решать вопрос о довольствии им приходилось собственными силами, не надеясь на помощь и поддержку гражданской администрации. Необходимо специально остановиться на данном аспекте при изучении всей системы снабжения частей регулярной армии в Сибири, поскольку именно здесь военным властям нередко приходилось действовать по собственному усмотрению. Попытки же добиваться от местной администрации удовлетворения своих нужд и запросов встречали определенные затруднения. Постараемся определить круг полномочий военного командования, фактически выходивших за пределы сферы управления вверенными войсками, а также выяснить, до какой степени эффективным могло оказываться взаимодействие военных и гражданских властей, особенно в специфических условиях сибирского региона.

Вопрос о механизмах снабжения регулярной армии продовольствием и фуражом, действовавших на всем протяжении XVIII в., до сих пор не становился предметом специального изучения. Как правило, в работах по истории армии лишь перечислялись соответствующие законодательные акты, посвященные материальному снабжению войск, и приводились цифры, характеризовавшие рацион питания военнослужащих и его стоимость в денежном эквиваленте. Вот как описывал эту систему в целом, например, Л. Г. Бескровный: «В 1724 г. была разработана специальная инструкция генерал-провиантмейстеру. Инструкция определяла всю деятельность провиантских органов по заготовке и хранению продовольствия в тылу, снабжению войск на марше… В районах расквартирования полков начали созда-

ваться небольшие продовольственные базы и магазины… Переход от натуральных поставок к денежным закупкам привел к системе централизованных заготовок и созданию специальных провиантских магазинов, на которые базировались войска… В русской армии применялась смешанная система снабжения (т. е. система подрядов и закупок)» [143].

У Н. И. Соловьева сказано: «Относительно нижних чинов комиссия (Воинская 1731 г.) положила отпускавшиеся раньше отдельно деньги на мясо и на соль присоединить к их жалованию. Мясных денег полагалось в год 72 коп., а на соль 15 коп. в год на человека» [144]. Современные исследователи указывали, что «основной пищей солдата… оставались сухари и каши из различных круп. Мясные порции выдавались нерегулярно…» [145]. В работе А. И. Бегуновой приведены конкретные цифры: «На питание солдату выдавали в год: муки – 21 пуд и 30 фунтов, крупы – 10 пудов, соли – 24 фунта, мяса (порция не определена) – на 75 копеек (немалая сумма по тем временам)… При таком питании вроде бы остаться голодным трудно, но есть сведения о том, что войска часто не получали этого продовольствия из-за плохого снабжения, нечестности поставщиков и т. п. и терпели голод» [146]. Однако и здесь ничего не сказано о том, каким образом продовольствие доставлялось военнослужащим, и какие структуры отвечали за организацию этого процесса.

Обычно историки ссылались на петровский «Плакат о сборе подушном», который гласил: «Когда полки будут стоять на квартирах, и повелено будет брать провиант и фураж натурою, тогда за оной засчитать по настоящим в тех местах ценам… А имянно: за муку по полтора рубли, за крупу по два рубли за четверть, за фураж овса по полтине за четверть, за сено по ше-

---

[143] См.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 120–124.

[144] *Соловьев Н. И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб., 1900. Вып. 1. С. 101.

[145] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 102.

[146] *Бегунова А. И.* Сабли остры, кони быстры…: (Из истории русской кавалерии). М., 1992. С. 42. Пуд = ок. 16 кг.

сти денег за пуд» [147]. Л. Г. Бескровный, связывая положение дел в этой сфере с уровнем социально-экономического развития страны в целом, писал: «В период установления товарно-денежных отношений в народном хозяйстве уже нельзя было ограничиваться натуральными поставками… Переход к денежному налогу был неизбежен. При помощи денег можно было регулировать поставки. Армия, как один из основных потребителей хлеба, способствовала внедрению товарно-денежных отношений в крепостное хозяйство» [148]. В работе С. В. Карпущенко дано детальное описание отдельных составляющих этой системы и принципов ее функционирования, в частности, механизмов казенных закупок и деятельности подрядчиков, доставки и сдачи провианта в армейские магазины, условий его хранения и пр. [149] Однако она носит скорее популярный характер и вряд ли может считаться полноценным историческим исследованием. В рамках отдельных регионов страны на примере конкретных воинских частей принципы функционирования этой системы вообще не изучались.

В ряде работ по истории Сибири XVIII в. встречаются только отдельные упоминания о продовольственном снабжении войск. Так, Н. Г. Аполлова охарактеризовала заведение казачьей пашни на Иртышской линии с 1745 г., а также систему закупок хлеба для расквартированных в Западной Сибири регулярных полков [150]. А. С. Зуев остановился на проблемах транспортировки продовольствия для снабжения воинских команд, находившихся в середине XVIII в. на крайнем северо-востоке Сибири [151]. Г. Ф. Быконя уделил внимание опыту полкового хлебопашества, когда солдаты Якутского полка в За-

---

[147] Цит. по: Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 204.

[148] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 124.

[149] См.: *Карпущенко С. В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 56–65.

[150] См.: *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 163.

[151] *Зуев А. С.* Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – XVIII в. // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Бахрушинские чтения 2005 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 41–44.

байкалье пытались перейти на «самообеспечение» [152]. Рассмотрим принципы практического функционирования системы провиантского довольствия, чтобы определить, прошла ли она успешную адаптацию к тем специфическим условиям, которые были характерны для жизни и службы в Сибири в XVIII в. Для этого были подобраны и изучены соответствующие материалы по воинским частям Сибирского корпуса на протяжении середины – второй половины XVIII в.

Необходимо выявить общие принципы деятельности военного командования и органов гражданского управления в сфере провиантского снабжения, показать, какими способами решались типичные проблемы и преодолевались трудности, с которыми они сталкивались при закупке и транспортировке провианта. Это позволит более точно определить пределы компетенции и степень эффективности работы соответствующих институтов и учреждений в рамках имперской государственной машины XVIII в., а также понять, насколько серьезное внимание уделялось именно удовлетворению нужд армии в общем курсе внутренней политики преемников Петра I.

Проблема провиантского снабжения армейских частей приобрела остроту после 1744–1745 гг. Если ранее к востоку от Урала дислоцировались лишь четыре–пять гарнизонных полков, за снабжение которых отвечали сибирские губернаторы, то после перевода в Сибирь еще пяти полевых полков ситуация изменилась, ведь снабжением полевых войск ведали Главная провиантская канцелярия Военной коллегии и непосредственно командующий генералитет. Тем не менее, военным властям все равно приходилось постоянно взаимодействовать с Сибирской губернской канцелярией, отвечавшей за покупку провианта и наполнение казенных армейских магазинов. Если в конце 1748 г. командующий сибирскими частями генерал-майор Х. Киндерман рапортовал, что подведомственные ему полевые полки «расположены в таких местах, где могазины с правиантом имеются, и на казен-

[152] См.: *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население… С. 174, 175.

ных лошадей сено на все зимние месецы заготовлено» [153], то уже в начале 1750 г. он с тревогой доносил, что «ис присланных из разных мест о покупном правианте от определенных для той покупки камисаров репортов и ведомостей усмотрено в покупке того правианта малое число за тем, что на партикулярные винные заводы, состоящия в тех местах, откупщики правиант весь выкупают, отчего в покупке следует помешателство, и цены возвышаютца» [154]. Киндерман выражал опасение, чтобы, если «полки движение иметь будут от жилых в пограничныя и в отдаленныя места, во удоволствии на те полки правианта и фуража какого недостатка последовать не могло», и просил «о покупке и умножении правианта и овса в казенныя могазеины», для чего Военной коллегии следовало повлиять на Сибирскую губернскую канцелярию [155].

Со своей стороны, губернская канцелярия не видела поводов для беспокойства, заверяя, что «правиант определенными в городех и дистриктах камисарами покупкою на асигнованныя денги, також и в Тоболску подрядом заготовляетца» [156]. Кроме того, до 20 тыс. четвертей ржи и овса можно было рассчитывать получить из магазинов ведомства оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Поэтому Провиантская канцелярия сочла опасения Киндермана излишними, постановив: «А что принадлежит до учинения в покупке на винокуренныя заводы запрещения, и на то ссылатца непристойно, ибо на винокуренныя заводы откупщики хлеб должны покупать в силе заключенных с ними контрактов» [157]. Ее чиновники лишь потребовали от губернской канцелярии сведений о том, по каким ценам производилась покупка провианта и заключались сделки с подрядчиками, «дабы какой пред прежними и ныне состоящими ценами чрезвычайной передачи быть не могло». Однако быстро выяснилось, что наладить правильные взаимоотношения с Сибирской губернской канцелярией у Киндермана выходило с трудом.

---

[153] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.
[154] Там же. Л. 40.
[155] Там же.
[156] Там же. Л. 40, 40 об.
[157] Там же. Л. 41 об.

Характерный пример: в августе 1751 г. командующий жаловался Военной коллегии на то, что «расположенного в Краснослободском дистрикте Олонецкого драгунского полку лошади минувшею зимою за недостатком сена принуждены были доволствоватца овсом по два гарнца», а также уверял, что вынужден был отменить намеченную на весну 1750 г. передислокацию ряда частей ближе к границе «за неимением провианта и овса», обвиняя Сибирскую губернскую канцелярию в «слабом и нерадетелном» исполнении его требований по части снабжения войск [158]. Как показало предпринятое Провиантской канцелярией расследование, сложившаяся ситуация явилась результатом того, что Киндерман дал знать в Тобольск о необходимых для отправки в крепости Иртышской линии объемах провианта и фуража лишь в начале февраля 1750 г. Вследствие этого губернская канцелярия использовала все находившиеся в ее распоряжении речные суда (дощаники): 16 построенных, 27 подержанных и шесть нанятых у частных лиц, всего 49 судов, под транспортировку грузов, «а досталного, хотя оной к отпуску и имелся, во отправлении водяным путем воспрепятствовало за неимением не токмо дощеников, но и болших лодок» [159]. В связи с этим чиновники провиантского ведомства предписали Киндерману впредь сообщать губернской канцелярии свои требования для отпуска провианта и фуража «заблаговременно, со всеми обстоятельствами».

О том, каким образом осуществлялись закупки провианта для войск, можно судить по следующему примеру. В октябре 1751 г. находившегося в г. Кузнецке для покупок провианта поручика Меншикова сменил в должности местный дворянин Мельников, однако поручик успел израсходовать всю имевшуюся в его распоряжении денежную казну. Поэтому генерал-майор Киндерман попросил Сибирскую губернскую канцелярию распорядиться ассигновать и выдать Мельникову надлежащие средства, «дабы за неимением той денежной казны в покупке правианта самое удобное и настоящее время,

[158] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 114, 114 об.
[159] Там же. Л. 114 об., 115.

яко то в ноябре, декабре, генваре и феврале месецах, в которых против протчих состоит всегда в покупке дешевлее, не упустить» [160]. Согласившись с мнением командующего, губернская канцелярия своим указом предписала Кузнецкой воеводской канцелярии «отпустить из собранной на вторую половину подушного збору денежной казны, сколко… потребно будет, а ежели оной поныне в зборе нет, то и из других наличных, кроме соляного збору, отпустить» [161]. При этом сибирские чиновники руководствовались поступившими в 1750 г. из Главной провиантской канцелярии указами, регулировавшими порядок отпуска денежных сумм войскам на покупку провианта.

Согласно инструкции генерал-провиантмейстеру, утвержденной еще в первой четверти XVIII в., в случае отсутствия достаточных запасов продовольствия в казенных магазинах, войсковым командирам предписывалось собирать провиант и фураж у местных жителей, либо оплачивая эти сборы наличными деньгами из полковой казны, либо выдавая квитанции, по которым в дальнейшем провиантское ведомство будет выплачивать их подателям нужные суммы. Однако к середине XVIII в. выяснилось, что во многих случаях эти квитанции выдаются за подписями только обер- или даже унтер-офицеров, а не штаб-офицеров и генералов, как того требовала инструкция. Более того, в квитанциях не указывались ни время, когда осуществлялись сборы с крестьян и городских обывателей провианта и фуража, ни цены, по которым в данной местности велась на тот момент торговля. Выяснение этих сведений, необходимых для произведения выплат по квитанциям, оборачивалось сбором множества справок, из-за чего, как констатировалось, «во удоволствии обывателей за те забранныя под квитанции правианты и фуража чинится не токмо крайнее продолжение, но и совершенное неудоволствие, ибо за толь многими справками некоторыя принуждены отступатся» [162].

В связи с этим, во избежание канцелярской волокиты, всем армейским частям рекомендовалось выдавать квитанции за подписями полковых коман-

[160] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 413. Л. 57, 57 об.
[161] Там же. Л. 57 об.
[162] Там же. Л. 26 об.

диров и квартирмейстеров, либо офицеров, командовавших отдельными партиями. От местных властей требовалось наблюдать, «чтоб в тех квитанциях и ведомостях чищенья и приправок не было, дабы к платежу по ним денег ни в чем сумнителства и в справках затруднения миновано было», а также обеспечивать выплаты по ним без задержек «из наличных правианской суммы денег или в подушной збор зачитать без всякой передачи и обывателем волокиты» [163].

Постоянной проблемой для государственной казны оставались опасения по поводу излишних затрат бюджетных денег на провиантское довольствие. Из года в год Главная провиантская канцелярия рассылала по всей империи в адрес подчиненных ей местных провиантмейстерских комиссий однотипные распоряжения – максимально подробно собирать и предоставлять в столицу все сведения о производимых финансовых и торговых операциях: «Иметь настолную ведомость, сколко где при покупках и подрядах правианта и фуража от повышения против штатских цен передачи, а напротив того в протчих местах от понижения и от неполнаго в полках и баталионах числа людей и лошадей остатку имеет быть, дабы можно было оставателно видеть положенной на правианские расходы годовой суммы достаточно ль или недостаточно будет» [164]. При этом чиновники даже добивались того, чтобы «по всем местам при подрядах и покупках правианта и фуража в сочиняемых о тех подрядах и покупках выписках вычислять, а в протоколах и журналах оговаривать именно, с каким против штатской цены у каждой четверти договорная цена повышением или понижением состоит, и много ль всей суммы от повышения передачи или остатку будет» [165]. Впрочем, совершенно очевидно и то, что рассчитывать на сколько-нибудь точное исполнение своих требований они не могли.

В 1775 г. генерал-поручик И. Деколонг вошел с представлением в Военную коллегию о необходимости учредить при одной из провиантмейстер-

[163] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 413. Л. 27, 28.
[164] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 20. Л. 49.
[165] Там же. Л. 49, 49 об.

ских комиссий (в Омске или в Тобольске) счетную экспедицию, поскольку возглавлявший омскую комиссию обер-провиантмейстер Кадышев жаловался на невозможность своевременно проверять и ревизовать приходно-расходные книги: «Присылаютца к нему для щету шнуровыя книги, ис коих де хотя некоторыя и щитаны при тех же командах, но при разсматривании в коммисии оказываютца многия неисправности, почему де неоминуемо потребно с теми местами, отколь они присыланы, чинить многия переписки». А поскольку «число оных книг собираетца ежегодно до ста дватцети и более, то в разсуждении столь великаго числа за многопроисходящими делами при коммисии обревизовать и щитать тех книг время не позволяет» [166].

В связи с этим Деколонг предлагал привлечь офицеров из состава трех гарнизонных батальонов Тобольска для ревизии книг и счетов. Согласившись с его доводами, Военная коллегия санкционировала учреждение в Тобольске при действовавшей там провиантмейстерской комиссии специальной счетной экспедиции, куда следовало пересылать все материалы из Омска. Однако быстро выяснилось, что и эта мера не помогла навести порядок в финансовых делах: когда в конце 1770-х – начале 1780-х гг. было предпринято расследование по поводу излишних заготовок провианта и израсходованных при этом казенных сумм, оказалось, что документы, которыми оформлялся целый ряд сделок с продавцами и подрядчиками, просто отсутствовали, либо не были предоставлены упомянутым Кадышевым, дослужившимся к тому времени до чина генерал-лейтенанта по провиантмейстерскому ведомству [167].

---

[166] РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 172. Д. 13. Л. 1.

[167] Француз Ж. Ромм в 1780-х гг. отмечал: «Каждая дивизия имеет комиссаров, уполномоченных поставлять в полки жалованье, муку и крупу, вооружение и все необходимое для обмундирования солдата. Они должны наблюдать за тем, как полковники содержат свои полки, и докладывать коллегии о нарушениях, которые могут быть допущены. Однако вместо этого они входят с полковниками в сговор и даже конкурируют с ними в том, что те именуют своей экономией. Суть подобной экономии – тащить из полка все, что только возможно. Каждый полковник рассматривает свой полк как бенефиций, приносящий доход, а пребывание на этой должности – как время собственного обогащения» (Жильбер Ромм о русской армии XVIII в. // Россия и Франция: XVIII–XX вв. / Отв. ред. П. П. Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 98).

Проблемы с закупками провианта для войск продолжали возникать регулярно. Так, в начале 1763 г. временно исполнявший обязанности сибирского губернатора статский советник А. Колударов получил жалобы от капитана Таракановского и подпоручика Кондакова, отвечавших за покупку провианта в Красноярском и Енисейском уездах соответственно. Первый уведомлял о том, что красноярский посадский П. Пороховщиков, взявший подряд на поставку в Тобольск, сознательно завышает цены для получения от казны максимальных сумм: «Видно, что оное происходит для лакомства, понеже обыватели могут подрядится поставить правиант дешевою ценою… а ежели подрядом покупка произойдет, то в высочайшем ея императорскаго величества интересе последует немалой убыток» [168]. Второй сообщал, что не в силах купить достаточно провианта в Енисейском уезде, поскольку «доволное число тамошних купцов и других чинов за покупкою онаго правианта находится и закупают тысячи по четыре, по пяти и более пудов и намерены на строющихся мелководных судах и барках по полой воде отправить оной в Енисейск, Туруханск и Нарым, отчего получают себе великие прибытки» [169]. Оба офицера предлагали обязать Енисейскую провинциальную и Красноярскую воеводскую канцелярии запретить продажу провианта этим перекупщикам, «чтоб они отнюдь цены не возвышали», а также отобрать у них «хотя половинное число» уже закупленного хлеба, выдав от казны денежную компенсацию по фиксированной цене.

Одновременно с этим выяснилось, что отправленные из Енисейска на Колывано-Кузнецкую линию восемь плашкоутов с грузом 1 200 четвертей ржи, 1 715 четвертей овса и 353 четвертей круп так и не добрались до места назначения, поскольку по р. Чулыму эти суда «чрез частые и великие мели протащить никоими меры не могли» [170]. Пришлось выгружать провиант на временное хранение в ближайших магазинах и дополнительно выстроенных сараях. Комиссия провиантских дел, со своей стороны, считала нужным обя-

[168] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697. Л. 15.
[169] Там же.
[170] Там же. Л. 16, 16 об.

зать Енисейскую канцелярию объявить торги на доставку груза оттуда на линию: «Не пожелает ли кто вышеписанной згруженной с дощаников правиант или из оного хотя половинное число на объявленныя линии по нынешнему зимнему пути своим коштом перевесть?». Если же никого не найдется, тогда «на наряженных подводах за плакатную плату нынешним зимним путем, а досталному, присовокупя к тому тамо тогда из наличного на судах, будущею весною отправление учинить» [171]. Более того, за нераспорядительность и неисполнение распоряжений вышестоящего начальства были отстранены от своих должностей енисейский воевода подполковник Логвинов и его товарищ, подпоручик кн. Болховский, которых сменили секунд-майор Вятчанинов и отставной секретарь Попов соответственно.

Согласившись со всеми поступившими к нему предложениями, Колударов предписал начальнику комиссии провиантских дел премьер-майору (в должности генерал-лейтенанта по ведомству генерал-провиантмейстера) Н. Круковскому добиваться того, чтобы по ним «чинить скорейшее ж и неупустителное исполнение. опасаясь за неисполнение и упущение времяни в силу указов неоминуемаго штрафа». Последний ссылался в текстах промеморий, отправленных в провинциальные и воеводские канцелярии, на инструкции, обязывавшие офицеров, отвечавших за покупку провианта, «чтоб оные в покупке того правианта и овса прилагали всекрайнее старание и неусыпное попечение, и конечно оного б з достатком искуплено и на линии потребное число отправлено было под опасением, естьли находящияся на линиях воинския чины в правианте, а государевы лошеди в овсе нужды, а паче и голод претерпевать будут, тем афицерам воинского суда» [172]. Вместе с тем, Круковский вынужден был констатировать, что «по болшей части по оным предвидитца от некоторых ис тех канцелярей афицеров неисполнение», приводя в качестве примера именно Енисейскую провинциальную канцелярию, которая «толко репортует за известие о получении указов, а какою по

[171] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697. Л. 16 об.
[172] Там же. Л. 48, 48 об.

ним исполнение чинитца или чинено быть имеет, а по прежде полученным и учинено, о том о всем неведомо для каких случаев умалчивает» [173]. Подобные формулировки очевидно свидетельствуют об отсутствии адекватных механизмов взаимодействия между военными властями (в частности, провиантским ведомством Военной коллегии) и местной сибирской администрацией (на уровне провинций и уездов), когда даже угрозы штрафных санкций не помогали добиться исполнения распоряжений, рассылавшихся из Тобольска.

В других случаях гражданские власти фактически самоустранялись от участия в снабжении войск провиантом, перекладывая всю ответственность на военное командование. Так, осенью 1765 г. сибирский губернатор Д. И. Чичерин информировал командующего Сибирским корпусом генерал-поручика И. фон Шпрингера: «В нынешное лето от засух и пешой саранчи [хлеб] весь повалился, тож и в Исецкой провинции, где прежде болшая была покупка, последовало; соображая те приключении, не нахожу средства получить в том избавления, а паче овса, хатя во всех местах закупку чинить и велено, но нигде надежды не вижу» [174]. В связи с этим губернатор предлагал генералу самому организовать закупку провианта на линиях и в крепостях, «штоб мне и здесь прибывающих великим числом команд и обывателей не зделать вовсе без хлеба, котораго я для проходу команд по тракту во всех местах запасти должен немалую сумму» [175]. Однако на успех рассчитывать было трудно: например, уже в начале зимы генерал-майор Деколонг доносил Шпрингеру из Бийска, что поскольку у заводских крестьян и так постоянно закупался провиант для снабжения подразделений, охранявших горные заводы, и даже овса для лошадей в прошлом 1764 г. прапорщику И. Раздуеву удалось получить только 350 четвертей, то «за вышеписанными обстоятелствы искупить доволное число не уповательно, однако ж, чтоб в той покупке

[173] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 697. Л. 48 об.
[174] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 340.
[175] Там же. Л. 340 об., 341.

крайнее старание чинено было, о том определенному при покупке афицеру в надлежащей силе предложено» [176].

Горнозаводское ведомство выступало в качестве конкурента для армейских частей в сфере заготовок и провиантского снабжения практически постоянно. В 1762 г. в Забайкалье прибыл из Тобольска капитан Якутского гарнизонного пехотного полка Бегунов, которому губернатор Ф. И. Соймонов распорядился выдать три тыс. руб. для покупки провианта. Заготовленный провиант Бегунов передавал на хранение Нерчинской воеводской канцелярии «с тем требованием, чтоб оная впредь до указу ни на какие росходы не употребляла, и содержала б во всякой сохранности» [177]. Кроме того, капитан истребовал от воеводской канцелярии еще дополнительно тысячу руб., на которые «покупка по происходящим в Нерчинском торговом ряду торговым, а показанным от нерчинской ратуши ценам и производится безостановочно». Однако при этом он столкнулся с конкуренцией со стороны Нерчинского горного начальства, отправлявшего своих людей для закупок провианта у обывателей на нужды заводских служителей и переводимых в Забайкалье на поселение крестьян. Естественно, эта ситуация приводила к повышению цен со стороны продавцов, так что Бегунов настаивал на том, чтобы покупка провианта на заводские нужды производилась по тем же твердым ценам, установленным казной, на которые ориентировался он сам [178].

Кроме того, он обращал внимание на хороший урожай хлеба, снятый в 1762 г. с казенных пашен Нерчинского ведомства, поэтому просил назначенного главным командиром над тамошними сереброплавильными заводами бригадира В. И. Суворова «о налично имеющемся ныне в Нерчинске урожайном и покупном хлебе разсмотреть, и потребно ль тамо для известных вашему превосходителству росходов более оного хлеба покупать» [179]. Особое

[176] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 529, 529 об.
[177] РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 32. Л. 74.
[178] Там же. Л. 74 об.
[179] Там же. Л. 75 об.

положение Колывано-Воскресенского и Нерчинского горнозаводских ведомств, состоявших в ведении императорского Кабинета, могло приводить к тому, что их интересы превалировали над интересами военного ведомства, что также не способствовало эффективности организации и функционирования системы снабжения войск.

Еще одна схожая ситуация наблюдалась в 1787 г., когда тобольская комиссия провиантских дел оказалась вовлечена в конфликт с казенной палатой Колыванской губернии. Все началось с того, что в августе комиссия потребовала от палаты обеспечить закупку провианта для войск, дислоцированных вблизи Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей, у населения Колыванской губернии, поскольку транспортировать туда грузы из Тобольска по Иртышу было не только затруднительно, но и убыточно для казны. Однако казенная палата, ссылаясь на посредственный урожай текущего года, отказывалась исполнять это требование. Комендант Усть-Каменогорской крепости премьер-майор кн. С. Эристов также не добился успеха, в своем рапорте признавшись, что «сколко он ни старался живущих около Усть Каменогорской крепости в селениях земледелцов на продажу в казну хлеба приохачивать, но никакова успеху не предвидит, а хотя некоторыя крестьяна неболшое число и объявили, но ценою не менее как в три рубли четверть» [180]. В связи с этим командующий Сибирского корпуса генерал-поручик Н. Огарев обратился к колыванскому губернатору Б. И. Меллеру со следующим предложением: «Принять всевозможные средства и старании вызовом и соглашением крестьян… на продажу в казну хлеба, не выпущая онова в посторонния руки, дабы по нынешнему в магазеинах недостатку хотя до снятию и вымолоту новова хлеба сколко нибудь правианта запасено было, а потом можно поселян и принудить к вывозу и продаже онова» [181].

Хотя губернатор ответил командующему, что якобы договорился с казенной палатой о вызове желающих стать подрядчиками, и что 3 сентября

[180] РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 832 об.
[181] Там же. Л. 833, 833 об.

некоторые из них уже явились для производства торгов и заключения сделок, однако в конце октября Огарев с раздражением жаловался Военной коллегии, что «в приготовлении онаго не толко никакого успеху не происходит, но и на посланныя от меня… сообщении никакого уведомления получить не можно, почему и принуждено было к ним послать нарочных, но оные еще не возвратились, и неизвестно, какое постановление о приготовлении провианта и фуража учреждено будет» [182]. Между тем, коменданты крепостей сообщали командующему о том, что недостаток в провианте ощущался уже повсеместно, а кое-где его даже не хватало для выдачи месячных норм. В своем рапорте, адресованном начальствовавшему на Колывано-Кузнецкой линии генерал-майору Г. фон Штрандману, бийский комендант премьер-майор С. Богданов обвинял в нехватке продовольствия местных крестьян и частных торговцев: «Из блислежащих селениев хлебопахотные крестьяне не привозят на продажу в магазеины хлеба, хотя онаго и доволно у себя имеют, по той притчине, што приезжают к ним разные посторонние закупатели и отбирают у них хлеб за сходную цену», поэтому крестьяне, «имея надежду от посторонних закупщиков получать себе барыш и щитая для себя продажу на месте с выгодою, у казенных закупщиков просят неумеренную цену, и оттово не происходит никакова в магазеины наполнения» [183].

Губернская казенная палата, как выяснилось, отказала желающим взять подряды из соображений экономии казенных средств. При этом чиновники ссылались на цены, установленные для закупок продовольствия на нужды горных заводов Колывано-Воскресенского округа: от 1,81 до 2,17 руб. за четверть муки, от 2,40 до 3,20 руб. за четверть крупы – тогда как подрядчики не соглашались браться за поставки для войск по ценам менее чем 2,53 – 2,90 руб. за муку и 2,90 – 3,60 руб. за крупу [184]. Генерал-поручик Огарев вынужден был согласиться на отправку для закупки провианта армейских офицеров, снабженных соответствующими денежными суммами, не надеясь, впро-

[182] РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 842.
[183] Там же. Л. 842, 842 об.
[184] Там же. Л. 842 об.

чем, на успех: «Как мог я предвидить безнадежность в приготовлении в разсуждении упущения казенною полатою времени к покупке и соглашению земледелцов к продаже хлеба, то самое и последовало» [185]. Действительно, командированный из Семипалатинской крепости прапорщик Лаптев, которому выдали 200 руб., доносил коменданту, что в деревнях вверх по течению Иртыша так и не смог ничего купить, поскольку тамошние крестьяне отказались перевозить в крепость хлебные запасы.

Больше повезло отправленному из Усть-Каменогорской крепости поручику Волошанину. Ему удалось купить по 200 четвертей муки и овса, даже несмотря на препятствия в лице приказчиков купца Верхотурова, взявшего подряд на закупку и поставку провианта в Семипалатинскую крепость, которые бесконтрольно завышали цены, чтобы выполнить взятые обязательства, а также полное нежелание Семипалатинского нижнего земского суда помочь этому офицеру в том, чтобы принудить крестьян к продаже и перевозке хлеба в крепостные магазины [186]. Но в самом начале 1788 г. Меллера сменил в должности генерал-поручик И. В. Якоби, назначенный иркутским и колыванским генерал-губернатором. Последний быстро предписал Колыванской казенной палате выполнить все требования корпусного командира, так что к осени тобольская комиссия провиантских дел уже выдала палате все суммы, ассигнованные военным ведомством на закупки провианта вплоть до июля 1789 г. Подрядчиков не останавливал даже тот факт, что им предлагались контракты сроком сразу на два с половиной года вперед, что означало неизбежные задержки с выдачей им надлежащих сумм после доставки закупленного провианта [187]. В данном случае провиантскому ведомству и командующему Сибирского корпуса потребовалось дождаться смены губернского начальства, чтобы рассчитывать на удовлетворение своих запросов.

Немало проблем возникало также при транспортировке и хранении уже купленного и заготовленного для войск провианта. В 1765 г. из поставленно-

[185] РГВИА. Ф. 18. Оп. 2. Св. 187. Д. 66. Л. 845.
[186] Там же. Л. 845 об.
[187] Там же. Л. 855, 855 об.

го на Колывано-Кузнецкую линию тобольским купцом Шавыриным провианта пришлось просто списать более 450 пудов муки «подмоклой и комковатой… которая не токмо в человеческую пищу, но и скоту в корм негодна». Причиной ее состояния явился шторм, во время перевозки груза на дощаниках по р. Оби приведший к появлению течи у нескольких судов. Поставщик за это не нес никакой ответственности, поскольку формулировка одного из пунктов типового контракта, заключавшегося властями с подрядчиками, гласила: «Буде паче чаяния волею Божиею, а не от него и прикащиков ево и работных людей небрежения и несмотрения в следовании водяным путем будет судну повреждение… и правианту приключится трата и всеконечная гибель, того погибшаго правианта на нем ни по каким ценам не взыскивать и за непоставку не почитать» [188]. Впрочем, иногда местные власти все же старались возместить военным командам и провиантскому ведомству понесенный ущерб.

Так, в том же году командующий войсками, дислоцированными на Колывано-Кузнецкой линии, генерал-майор И. Деколонг сообщал сибирскому губернатору Д. И. Чичерину, что при приеме провианта, доставленного из Томска подрядчиком Здерихиным, было выявлено негодного овса 474 четверти, круп 245 четвертей. Хотя губернатор согласился с тем, что «подмочка овсу и крупе приключилась не от оплошности того подрятчика Здерихина, но по власти Божией», однако распорядился, чтобы Томская воеводская канцелярия взыскала с последнего соответствующую сумму деньгами и перевела ее на счет провиантского ведомства, а Деколонгу предписал эти пришедшие в негодность овес и крупу «на линии с публичнаго торгу охочим людям продать и вырученные денги записать в приход в правианскую сумму» [189]. Впрочем, трудно предположить, чтобы на покупку испорченных продуктов нашлись желающие.

---

[188] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 95, 95 об.
[189] Там же. Л. 429, 429 об.

Из-за этого военному командованию зачастую приходилось возлагать транспортировку провианта на своих подчиненных, армейских офицеров и рядовых. В августе 1765 г. поручик 3-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона П. Савелов, погрузив на четыре дощаника из магазинов, расположенных при устье р. Ишим, 1 645 четвертей муки, 283 четверти ржи, 382 четверти ячменя и 1 045 четвертей овса, отправился с этим грузом в Омск. Прибыв туда через два месяца, он благополучно сдал провиант в распоряжение комендантской канцелярии, также отчитавшись о расходах: «По данной от коммисии правианских дел книге определенными обер афицерами щитан, и по щете приход росход явился верен, передач и противных указом дач не оказалось, а в остатке денежной казны два рубли дватцать три копейки три чети, которыя от него приняты и в приход в правианскую сумму записаны» [190].

Кроме того, не редкостью были командировки военнослужащих для исполнения обязанностей вахтеров [191], относившихся вообще-то к ведению гражданских властей. В феврале 1765 г., когда потребовалось заранее выбрать в Тобольске 131 чел. для сопровождения дощаников с казенными грузами предстоящим летом, из имевшихся в его распоряжении дворян, детей боярских и казаков губернатор Чичерин сумел отобрать лишь 32 чел. Больше, по его уверению, найти никого было невозможно, поскольку все остальные уже исполняли другие обязанности, а среди унтер-офицеров и капралов, бывших там, практически все, по его словам, оказывались «такие, кои присланы в здешней гварнизон за разные вины из армейских полков… которым по их худому состоянию не токмо в болшей сумме, но ни в одной четверти

[190] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 148, 311.

[191] Вахтер – старший в карауле или в команде сторожей, смотритель военного склада, содержатель судового имущества. «Оные обыкновенно бывают унтер-офицерских чинов и определяются к провиантским и комиссариатским магазейнам» (*Тучков С. А.* Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российский, какое оных употребление и к чему служат. М., 2008. С. 72).

поверить не можно» [192]. Поэтому он обратился к генерал-поручику Шпрингеру с просьбой приказать выбрать 99 чел. «добросовестных и неподозрителных людей ис полевых полков или из находящихся на линиях казаков… дабы в приеме и в нагруске в дощаники правианта и овса и во отправлении на линию не учинилось остановки» [193].

С аналогичной просьбой губернатор обратился к командующему Сибирского корпуса и в ноябре того же года, только теперь вахтеры нужны были для наблюдения за строившимися новыми дощаниками под сплав провианта в будущем году [194]. Выделить для этих целей своих подчиненных Чичерин опять-таки не видел возможности: «Налично свободных дворян, детей боярских и казаков определить некого, а из салдат и подавну командировать не можно, потому што старых здешних салдат почти никого не осталось, а имеются такие, которыя присланы сюда из России за разные вины, которым такой немалой суммы поверить невозможно» [195]. Поэтому Шпрингеру снова пришлось в ответ на эту просьбу отправлять в Тобольск чуть более сотни казаков из гарнизонов крепостей на линиях. Таким образом, даже к строительству судов, погрузке провианта и его сопровождению почти постоянно приходилось привлекать военнослужащих, поскольку местная администрация оказывалась не в состоянии эффективно организовать выполнение подобных работ.

* * *

Уже в первые десятилетия послепетровской эпохи стало очевидным, что содержать вооруженные силы государства (прежде всего, сухопутную армию) за счет подушного сбора, как это замышлялось Петром I, оказывалось невозможно. Продолжавшееся на всем протяжении XVIII в. увеличение

[192] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 132.
[193] Там же. Л. 132, 132 об.
[194] Там же. Л. 363.
[195] Там же. Л. 363, 363 об.

количественного и качественного состава армии приводило к тому, что при формировании новых воинских частей средства, необходимые для обеспечения их жалованием, вооружением, обмундированием и пр., как правило, приходилось изыскивать из других, самых разнообразных источников. Выше уже приводились примеры, каким образом центральные финансовые ведомства (Штатс-контора, Камер-коллегия) вынуждены были перераспределять имевшиеся в их распоряжении суммы для удовлетворения нужд отдельных армейских частей, в том числе дислоцированных в Сибири.

Усугубляло ситуацию еще и то, что на всем протяжении рассматриваемого периода сфера материального обеспечения армии оставалась предметом компетенции множества государственных учреждений. Отсутствие специальной «вертикали» военного управления, отделенной от гражданской администрации, приводило к затягиванию на несколько лет принятия и исполнения решений относительно финансирования отдельных воинских частей в Сибири. Вывод ведомства Главного комиссариата из структуры Военной коллегии и подчинение его напрямую Правительствующему Сенату внесли еще большую дезорганизацию в систему материального обеспечения, поскольку не оставляли военному командованию достаточного объема полномочий для того, чтобы настаивать на своих требованиях. Гарнизонные части до середины XVIII в. включительно вообще состояли на балансе местных губернских бюджетов. В случае с войсками «Сибирского гарнизона» положение осложнялось фактическим «дублированием» финансовых обязательств между Сибирским приказом (в Москве) и Сибирской губернской канцелярией (в Тобольске), когда оба учреждения могли долгое время перекладывать друг на друга ответственность за выплаты по линии Комиссариата и других ведомств. В этих условиях практическая работа по обеспечению снабжения войск неизбежно ложилась на плечи местной администрации, как в большей мере заинтересованной в поддержании материального благополучия подразделений, дислоцированных на вверенной ей территории.

При этом, однако, нельзя не отметить, что с течением времени взаимоотношения между сибирской администрацией и центральными ведомствами становились все менее скоординированными. Если в первой половине XVIII в. сибирские губернаторы, даже вынужденные в ряде случаев принимать решения самостоятельно, все равно старались взаимодействовать с военным командованием и петербургскими ведомствами, то уже с 1760-х гг. трудно говорить о стабильном сотрудничестве обеих сторон. Провал масштабного проекта губернатора Ф. И. Соймонова по укреплению обороноспособности российских границ в Забайкалье путем формирования нескольких полков ландмилиции был связан в первую очередь именно с нежеланием Сената, Военной коллегии и подчиненных им ведомств, отвечавших за армейское снабжение (Комиссариат, канцелярии Военной коллегии), выделять необходимый объем средств на реализацию этой инициативы. Более того, даже одобрения необходимых и первоочередных мер при наборе Якутского конного полка ландмилиции и дальнейшем переформировании его в полевой карабинерный полк губернатору Соймонову и селенгинскому коменданту В. В. Якоби приходилось добиваться с определенными усилиями.

С назначением сибирским губернатором Д. И. Чичерина, получившего от императрицы Екатерины II чрезвычайно широкие полномочия, центр и вовсе фактически утратил контроль за функционированием системы материального обеспечения войск за Уралом. Как показало расследование комиссии Г. М. Осипова, губернатор Чичерин соглашался сотрудничать лишь непосредственно с командующими Сибирского корпуса (начиная с генерал-поручика И. фон Шпрингера), но совершенно не обращал внимания на распоряжения из центра. Утрата Военной коллегией и ее ведомствами контроля за деятельностью сибирского губернатора и корпусного командования стала, пожалуй, главной причиной тех грандиозных растрат казенных средств на закупки провианта для войск, которые, в конце концов, привлекли внимание Сената. Показателен тот факт, что военному ведомству так и не удалось добиться компенсации за те суммы, которые были истрачены Чичериным и его

ближайшими сотрудниками в конце 1760-х – первой половине 1770-х гг., так как попытки комиссара Осипова и чиновников его комиссии взыскать убытки с хотя бы выявленных виновников растрат окончились практически ничем.

Впрочем, если касаться не финансовых взаиморасчетов между ведомствами и отдельными частями громоздкого управленческого аппарата империи, а реальных механизмов, посредством которых обеспечивалось поступление для воинских частей вооружения, обмундирования, провианта и фуража, то здесь картина выглядела все же более благоприятной. В частности, это касалось системы провиантского довольствия армейских частей в Сибири на протяжении большей части рассматриваемого периода. Изученные материалы свидетельствуют о двух моментах. Во-первых, характерная для данного периода неразграниченность полномочий военного ведомства и гражданских властей зачастую приводила к конфликтам между ними, когда ни одна из сторон не проявляла желания брать на себя всю полноту ответственности за эффективность снабжения войск. Во-вторых, власти и военное командование вынуждены были постоянно решать дилемму на базе взаимоисключающих принципов: по возможности экономить средства государственной казны, не допуская излишних затрат и убытков «казенному интересу», и одновременно добиваться полноценного снабжения воинских частей провиантом и фуражом регулярно и в надлежащих объемах. В ряде случаев это приводило к тому, что военнослужащие вынуждены были сами исполнять некоторые функции, относившиеся к сфере компетенции местной сибирской администрации – например, постройка судов и транспортировка грузов.

Тем не менее, нельзя не отметить, что снабжение провиантом воинских частей, даже в специфических условиях сибирского региона (чрезвычайная отдаленность территории, низкая плотность населения и т. д.), осуществлялось на протяжении всего рассматриваемого периода в целом более-менее успешно. При возникновении каких-либо экстренных или чрезвычайных ситуаций командование Сибирского корпуса совместно с губернскими чинов-

никами изыскивали нужные средства и ресурсы для исправления положения. Это свидетельствует об известной гибкости военных и гражданских управленческих механизмов, при необходимости допускавших отступления от жесткой финансовой политики имперского государства, готового жертвовать известной долей доходов именно на нужды военной сферы для поддержания регулярной армии.

Взаимодействуя по широкому кругу вопросов как с центральными учреждениями, так и с местной администрацией, регулярная армия оказывалась, таким образом, неотъемлемой частью системы властных институтов Российской империи. Однако в рассматриваемый период она не имела самостоятельной, тем более доминирующей роли в механизме государственного управления, в отличие от первой четверти XVIII в. Зависимость от финансовых ведомств империи в сфере материального обеспечения вынуждала военное командование к поиску эффективных форм сотрудничества с гражданскими властями. Отдаленность Сибири от имперского центра приводила к тому, что заметно большую роль в процессе этого сотрудничества играли местные власти, тем более, что во второй половине XVIII в. деятельность сибирских губернаторов фактически оказалась выведенной из-под контроля вышестоящих инстанций. Вместе с тем, военнослужащим также приходилось самим выполнять организационно-распорядительные функции, в частности, по линии провиантского довольствия. Успешное решение задачи материального обеспечения регулярной армии к востоку от Урала обеспечивалось деятельностью множества акторов системы политических институтов имперского государства, хотя их взаимодействие не всегда было скоординированным, нередко приводя даже к конфликтным ситуациям.

ГЛАВА 4
СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЗАНЯТИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

4.1. Поступление на службу и обязанности военнослужащих

Выше были изучены принципы государственной политики в отношении регулярной армии на территории Сибири и основные этапы ее реорганизации, кадровый состав дислоцированных здесь воинских частей и система их материального обеспечения. Теперь необходимо уделить внимание повседневной деятельности военнослужащих в рядах сибирских частей, чтобы увидеть русскую армию XVIII в. «изнутри», через призму повторявшихся практически ежедневно ситуаций, связанных с исполнением военнослужащими своих функциональных обязанностей. Круг этих обязанностей был весьма широким, не ограничиваясь только военными «экзерциями» и несением пограничной охраны. Интерес представляют и взаимоотношения военнослужащих с гражданским населением в тех случаях, когда обе стороны непосредственно контактировали друг с другом – при отводе квартир, приведении к присяге на имя нового монарха жителей городов и уездов, сборе податей и пр. Такие сюжеты позволяют не только установить, какую роль играли военнослужащие регулярной армии в жизни сибирского социума XVIII в., но и выявить их личностные особенности, круг интересов, привычки бытового поведения. Кроме того, необходимо учитывать, что солдат и офицеров частей регулярной армии в Сибири окружала иная социальная среда, нежели в европейских губерниях России, ведь за Уралом почти не было наиболее бесправной категории населения империи – крепостного крестьянства. Подавляющее большинство жителей Сибири в XVIII в. составляли представители свободных, а не закрепощенных групп населения.

Дислоцированные в Сибири на всем протяжении XVIII в. армейские контингенты не принимали участия в широкомасштабных боевых действиях

(исключение составляют лишь те лица, кто были зачислены в состав Анадырской партии и участвовали в столкновениях на крайнем северо-востоке Азии [1]), а были задействованы для несения пограничной охраны, когда происходили лишь периодические небольшие стычки с ближайшими соседями Российской империи (джунгарами, впоследствии казахами в Западной Сибири, монголами в Забайкалье) [2]. Поэтому с самого начала их появления в Сибири деятельность военнослужащих этих частей выходила далеко за рамки круга чисто военных функций. Впрочем, это обстоятельство было характерно практически для всех регионов империи, начиная уже с первой четверти XVIII в. Вполне справедливо замечание современных исследователей о том, что любой полк «активно участвовал в жизни того уезда, к которому был причислен и в котором располагался» [3]. Круг занятий армейских офицеров оказывался чрезвычайно разнообразным: «Сбор денег и продовольствия на содержание полка, рекрутские наборы, поимки беглых крестьян, искоренение разбойничьих шаек и участие в работе судебных органов – все занятия военнослужащих трудно перечислить» [4].

Г. В. Калашников приводил следующие данные по частям, находившимся с 1725 по 1745 гг. в губерниях европейской части страны: «Армия осуществляла “ревизии” – переписи податного населения и собирала повинности, положенные на основании ревизий: подушную подать и рекрут… В годы проведения ревизий (1718–28 и 1743–45) от полков должно было отлучаться до 65 % офицеров. На собранные деньги полки сами приобретали провиант и имущество – для исполнения этих задач назначалась 1/4 офицерских командировок. Кроме того, армия обязана была участвовать в капитальном строительстве, полицейской и пограничной охране – для этих целей от

---

[1] См. подробные данные о ее действиях на протяжении нескольких десятилетий в середине XVIII в.: *Зуев А. С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск, 2009. С. 88–147.

[2] См.: *Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): В 2 т. Омск, 2001. Т. 1. С. 46–55.

[3] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 68.

[4] Там же. С. 68–69.

полков отряжалось до 1/10 состава под начальством 1–3 офицеров… Офицеры отлучались от своих частей для занятия сугубо гражданскими делами: проведения следственных разбирательств и финансовых ревизий, “понуждения” местных властей к исполнению распоряжений правительства, сбора различных налогов, организации переселений, управления казенными предприятиями и горноразведочными работами, занятия должностей по местному и центральному управлению и т. д. С исполнением гражданских дел была связана 1/5 всех офицерских отлучек от своих частей» [5]. Аналогичная картина наблюдалась и в гарнизонных полках, дислоцированных в Сибири. Приведем данные о «командированиях» офицеров Якутского гарнизонного пехотного полка в 1730-х гг.

В 1732 г. поручик М. Цанг по распоряжению из Иркутска был отправлен на Камчатку «за безымянными арестанты». Поручик И. Остяков в 1733 г. оказался в Иркутске «на вечной квартире у збору подушного», вскоре его сменил там А. Греченинов. Капитан И. Тренс в 1732 г. отправился в Москву «для требования на полк мундиру», а в 1734 г. туда же поехал прапорщик М. Немчинов «для требования на полк аммуничных вещей». Капитан Т. Маремьянинов в 1733 г. стал командиром гарнизона Кяхтинского форпоста на границе с Китаем, в 1736 г. его сменил прапорщик Д. Фоголзанг. Сам же Маремьянинов в дальнейшем оказался в Якутске, где заведовал снабжением провиантом Камчатской экспедиции В. Беринга и А. Чирикова [6]. Эти данные показывают, что полковые офицеры брали на себя немалую часть забот местной администрации. Многие обер-офицеры Тобольского и Енисейского гарнизонных пехотных полков постоянно находились в составе гарнизонов пограничных крепостей по Иртышской линии для прикрытия от набегов из степей. Поручик Енисейского полка М. Карпов пребывал в Якутске «на полковом штабном дворе у подушного збору», его сослуживец

---

[5] *Калашников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 18, 19.

[6] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 5 об., 6, 27 об., 28, 105 об., 106, 143 об., 144; Д. 41а. Л. 3 об., 4, 71 об., 72, 110 об., 111; Д. 163. Л. 4 об., 5, 61 об., 62, 87 об., 88.

Ф. Мамеев исполнял те же обязанности в Томске. Прапорщик И. Рахвалов был командирован на Екатеринбургские горные заводы. Наконец, капитан И. Михалевский нес караул при семействе опальных кн. Долгоруковых в далеком северном Березове [7].

Таблица 18

«Командирования» обер-офицеров гарнизонных полков Сибири в 1730-е гг. *

Виды служебных поручений	**Численность (чел.)**		
	Енисейский полк 1733 г.	*Якутский полк 1734 г.*	**Всего:**
Служебные поручения: охрана крепостей и форпостов, сбор и доставка рекрут	8	4	12
Караульная служба: охрана арестантов, конвоирование колодников	2	2	4
Поручения по гражданскому ведомству: сбор подушной подати, провиантские комиссии	3	2	5
Прочие: доставка денег и вещей, проведение следствия и т. д.	3	7	10
Всего:	16	15	31

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22, 36.

[7] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22. Л. 4 об., 5, 53 об., 54, 77 об., 78, 125 об., 126.

Аналогичную картина наблюдалась и на протяжении 1740-х гг., когда офицеры сибирских гарнизонных войск продолжали выполнять те или иные поручения властей самого различного характера. Капитан Тобольского полка Г. Хатунский в 1748 г. был отправлен в Москву «для отводу великорослых в гвардию», а его сослуживец Г. Андреев находился «в командировании в городе Томску за покупкой и высылкою правианта». Поручик Якутского полка И. Венгерской был послан «до государственной Ревизион коллегии за делами» [8]. Целый ряд офицеров Тобольского и Енисейского пехотных полков по-прежнему постоянно несли службу вместе со своими подчиненными в крепостях, прикрывавших южную границу русских владений в Западной Сибири от набегов из казахских степей.

Обер-офицеры Якутского полка со своими командами находились также на Камчатке, в Якутске и Анадырске «для походу на немирных чукч». Капитан Ф. Тарский и поручик В. Сергеев распоряжались в одном из форпостов по границе с Китаем «у непропуску за границу серебра и денег» [9]. Наконец, не стоит забывать о появлении в Сибири XVIII в. немалого числа политических ссыльных; для надзора за ними власти также предпочитали прибегать к услугам именно гарнизонных офицеров [10]. Так, поручик Енисейского полка В. Попов жил в г. Пелыме, карауля там бывшего фельдмаршала Б.-Х. Миниха, а его сослуживец Д. Космачев охранял в г. Березове экс-канцлера А. И. Остермана [11]. Как видно, и в середине XVIII в. местные власти продолжали активно использовать офицеров «Сибирского гарнизона», доверяя им немаловажные поручения.

---

[8] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 321. Л. 2 об., 3; Д. 335. Л. 29 об., 30, 72 об., 73.

[9] Там же. Д. 321. Л. 128 об., 129, 150 об., 151. См. также: *Зуев А. С.* Численность и дислокация военнослужилых людей на северо-востоке Сибири в 1720–1760-х гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования): Сб. ст. Владивосток, 2003. Т. 4. С. 80–103.

[10] См., напр.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 194.

[11] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 49 об., 50, 111 об., 112.

Таблица 19

«Командирования» обер-офицеров гарнизонных и полевых частей в Сибири, 1748 г. *

Виды служебных поручений	**Численность (чел.)**		
	Гарнизонные части	*Полевые части*	**Всего:**
Служебные поручения: охрана крепостей и форпостов, сбор и доставка рекрут	35	1	36
Караульная служба: охрана арестантов, конвоирование колодников	9	-	9
Поручения по гражданскому ведомству: сбор подушной подати, ревизии населения, провиантские комиссии	4	22	26
Прочие: доставка денег, вещей или документов, проведение следствия, и т. д.	21	11	32
Всего:	69	34	103

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281, 302, 306, 309, 314, 316, 321, 335, 339.

Не меньшую активность проявляли и офицеры полевых частей, переведенных в Сибирь в середине 1740-х гг. Косвенным показателем доверия к армейским офицерам со стороны властей и полкового начальства служат те служебные поручения, которые они выполняли. Ряд обер-офицеров Луцкого полка были привлечены к переписи населения («генеральной ревизии») в соседней Казанской губернии: капитаны А. Лукин и М. Тургенев, поручики М. Апраксин и И. Челеев. Их сослуживец капитан Е. Домогацкий «ревизовал» Московскую губернию. Гренадерский капитан Н. Демьянов отправился в конце 1747 г. в Санкт-Петербург – он вез в Камер-коллегию книги, составленные по итогам ревизии населения Сибирской губернии. Поручик И. Слепушкин был тогда же послан в столицу доставить в Сенат ведомости и денежную казну «от генеральной ревизии». Капитан С. Страхов в 1748 г. был назначен в «комиссию провиантских дел» по Сибирской губернии [12]. В середине XVIII в., как и во времена Петра I, обер-офицеры полевых и гарнизонных частей по-прежнему играли весьма значительную роль в жизни тех губерний, где были расквартированы войска. А на территории Сибири они, вдобавок, по существу принимали на себя те функции, которые ранее выполняли сибирские казаки, ведь именно иррегулярные казачьи формирования до конца первой четверти XVIII в. были задействованы, помимо чисто военных занятий, в полицейской и организационно-управленческой сферах деятельности российской государственной власти на «восточной окраине» страны [13]. Однако уже со второй четверти XVIII в. казачество, как видим, уступило большую часть этих функций чинам регулярной армии.

Уже с первой четверти XVIII в. комплектование регулярной армии путем рекрутских наборов производилось при непосредственном участии как местных органов власти, так и самих военнослужащих. О том, как проходили рекрутские наборы на территории Сибири, можно узнать из дела, сохранив-

[12] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 9 об., 10, 25 об., 26, 41 об., 42, 89 об., 90, 121 об., 122, 152 об., 153.

[13] О взаимодействии казачества и органов государственной власти в Сибири XVII в. см.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 75–107, 152–164.

шегося в архиве Сибирской губернской канцелярии [14] и посвященного набору 1741 г. В начале этого года по гарнизонным частям были разосланы приказы сибирского губернатора П. И. Бутурлина с требованием о подаче ведомостей численности личного состава, чтобы установить, «коликое число надлежит в добавок в полной комплект на порозжие ваканцыи рекрут и вместо назначенных солдат в отставку». В марте 1741 г. из полков в Сибирскую губернскую канцелярию поступила необходимая информация. Например, из Енисейского полка сообщили, что для полного укомплектования потребуется 41 чел. [15] Затем последовало распоряжение губернатора о наборе нужного числа людей, адресованное всем воеводам сибирских городов и управителям провинциальных дистриктов.

Как эти распоряжения выполнялись на практике, показывает пример г. Мангазеи. Для доставки оттуда шестерых рекрут из Енисейской провинциальной канцелярии был послан служилый человек Е. Черноусов, которому предписывалось тамошнего управителя Соснина «понуждать непрестанно, и доколе тех рекрут по силе Е. И. В. указов здоровых и в службу годных не соберет и в Енисейск не вышлет, то ево, Соснина, держать в канцелярии, а приказных служителей скованых без выпуску» [16]. Самому же мангазейскому управителю предъявлялось требование этих рекрут «в самом скором времяни конечно по получении указу чрез три дни без всяких отговорок выслать в Енисейск немедленно под опасением за нескорую присылку немалого штрафа и истязания» [17]. Через несколько недель в Енисейске были собраны 98 рекрут из других сибирских городов (в частности, 34 чел. прибыли из Красноярска). Всех их отправили в Сибирскую губернскую канцелярию, а для предотвращения побегов в пути енисейский воевода майор Валмасов возложил обязанности конвоира этой партии на сына боярского А. Галкина, при-

[14] РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 165.
[15] Там же. Л. 46, 47.
[16] Там же. Л. 275.
[17] Там же. Л. 275 об.

дав ему в помощь четверых служилых людей. Красноярцев также конвоировали казачий пятидесятник В. Замятнин со своими подчиненными [18].

Уже с апреля первые партии новобранцев стали прибывать в Тобольск. Здесь они проходили осмотр в губернской канцелярии, после чего тех из них, кто «явились в указную меру и лета и в службу годны», отправляли в Сибирскую гарнизонную канцелярию и распределяли по местным гарнизонным полкам. Так, 37 рекрут, присланных из Тары от воеводы капитана Юматова, были определены в Новоучрежденный драгунский полк [19], а 86 чел. из упомянутой выше енисейской партии, признанные годными, распределились следующим образом: в Новоучрежденный драгунский полк – 72, в пехотный батальон – трое, в Тобольский полк – пятеро, в Енисейский – шестеро чел. [20] Дюжине рекрут, признанных негодными к военной службе, выдали паспорта и отпустили обратно в Енисейск. Причины подобного диагноза оказывались самыми разнообразными: одни не подходили по возрасту (встречались даже 14-летние новобранцы!) или по росту, у других были поражены теми или иными заболеваниями конечности («нога ломана правая», «негоден обеими ногами»), третьи страдали от физического истощения (о таких, как правило, писали «слаб» или «в службе быть ненадежен за слабостию, к тому ж череп на голове розсечен») [21]. Впрочем, губернатор всегда требовал от сибирских воевод сразу же присылать вместо негодных рекрут новые пополнения, чтобы каждый город и уезд в точности выполнил назначенную норму набора.

Во второй половине XVIII в. процедура рекрутских наборов претерпела значительные изменения. «Генеральное учреждение о сборе рекрут» 1766 г. позволило упорядочить как те параметры, которыми руководствовались при проведении наборов, так и организацию сбора и доставки людей в расположение воинских частей. В частности, как указывал Л. Г. Бескровный, отправляемых на военную службу «перестали заковывать в колодки, держать до от-

[18] См.: РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 165. Л. 275 об.
[19] Там же. Л. 280.
[20] Там же. Л. 276, 276 об.
[21] См.: Там же. Л. 276 об., 277.

сылки в армию в тюрьмах, стали давать положенную сумму денег» [22]. На марше партии набранных рекрут обязательно сопровождали лекари, следившие за состоянием здоровья каждого новобранца. В ноябре 1768 г. после некоторого перерыва снова было разрешено проводить рекрутские наборы среди сибирского купечества, крестьян и ямщиков для пополнения полков Сибирского корпуса, поскольку «тамошние полки комплектовать остается из собираемых внутри государства рекрут, не взирая ни на какие при препровождении их туда по отдаленности затруднении»; теперь же «расходы, равно ж и затруднения, бываемые через отправление из внутренних Российских городов с нарочными командами для укомплектования тамошних полков и гарнизонов, вовсе отвратятся» [23].

В указе Военной коллегии сибирскому губернатору Чичерину, которым ему предписывалось отправить в Оренбург 2 343 чел., собранных в 1773 г. с населения Тобольской и Енисейской провинций, на это обращалось специальное внимание: «Касателно до предосторожности, будучи в дороге, от случающихся болезней приказать иметь предосторожность, чтоб их не тесно содержали, белье чаще перемывали, и позволить им ходить в неделю один раз в баню, не употреблять в пищу ничего сырова, и другия полезнейшия к тому средства изыскивать. Если ж сверх чаяния, от чего Боже сохрани, и малейшее окажется в ком сомнение к бывшей пред сим болезни, таковых тотчас, не впуская в зборное место, приказать в некотором ростоянии остановить и, окуря их вещи и одежду, велеть выдерживать несколко дней в карантине, и до тех пор не соединять, пока опасность совершенно истребитца. А буде то где приметится в селениях, то их ис тех мест выводить» [24]. Кроме того, для доставки рекрут, выбранных из крестьян в сельской местности, в города на сборные пункты, местные общины собирали со своих членов определенную

---

[22] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 300.

[23] ПСЗ-I. Т. 18. № 13190. С. 763, 764. Данные о рекрутских наборах по всей территории Сибири за 1780–1790-е гг. см.: Столетие военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. Приложения. С. 175–268.

[24] РГАДА. Ф. 633. Оп. 2. Д. 64. Л. 18, 18 об.

сумму на закупку необходимых новобранцам вещей для первого этапа предстоявшего им пути.

Так, в декабре 1773 г. для троих государственных крестьян Томского уезда, отданных в рекруты, тамошней общиной было собрано по раскладке с каждой из 103 ревизских душ по 38 коп., всего 39 руб. 14 коп. Согласно представленной от крестьян в Томскую воеводскую канцелярию ведомости, эти деньги были использованы на покупку для каждого из троих выбранных в рекруты суконного зипуна, бараньей шубы, овчинной шапки, штанов и рукавиц из лосиной кожи, специально сшитых рубах, белья и чулок, «да сверх вышеписанного по общему крестьян согласию на платки для галстуков» по 25 коп. человеку. Кроме того, почти 2,5 руб. пошли на питание, были уплачены за провиант и соль, девять руб. – на выдачу жалования каждому на предстоявшие три месяца (по рублю человеку), да «со взятья их из домов и до приему кормовых денег» на пять дней по три копейки в день на человека [25].

В начале января 1774 г. эти трое, вместе с другими рекрутами, уже прибыли в Томск. Всего там собрались 60 чел., из которых 40 были набраны среди томичей (еще 31 чел. из посадских и шестеро экономических крестьян), двое представляли Кузнецк (посадский и экономический крестьянин), четверо – Бийск, восемь человек были взяты в Нарыме (посадский и семеро крестьян, а еще четверых крестьян оттуда же отправили на поселение в Красноярск, как «праздно шатающихся и бесполезных крестьянству людей… ко взятью в рекруты быть не годны, а способны ко всякой крестьянской работе»), шестеро – в Кетске [26]. Все они были отданы под начало прапорщика Томского гарнизонного пехотного батальона Д. Кулакова, которому предписывалось доставить их в г. Тару.

---

[25] РГАДА. Ф. 633. Оп. 2. Д. 64. Л. 137, 137 об.

[26] Там же. Л. 96, 170. Механизм отправки на поселение с зачетом за рекрут действовал с момента издания соответствующего указа императрицы Елизаветы Петровны в 1760 г., распространяясь не только на крепостных, но также и на государственных крестьян. См.: ПСЗ-I. Т. 15. № 11166. С. 582–584.

Инструкция, выданная командиру партии из Томской воеводской канцелярии, подробно регламентировала порядок движения в зимних условиях. Рекрут предписывалось «не отягощать скорым маршем», а следовать «прямым трактом з добрым порятком не очень скоро, но весма умеренно»: проходить в хорошую погоду от 20 до 30 верст в сутки, а при ненастье и в морозы от 10 до 15 верст, и через каждые два дня на третий устраивать передышку [27]. Кулакову также велено было, «следуя в пути с теми рекрутами обывателям, а особливо иноверцам, обид и притесненей отнюдь не чинить под указным ответом». На выплату каждому рекруту жалования из расчета по рублю за два месяца человеку и закупку для них провианта и соли прапорщик получил 88 руб. 65 коп., на оплату восьми подвод (из которых две предназначались ему самому, одна для команды, а еще пять под своз провианта) – 20 руб. 72 коп. (из расчета по 3 коп. за 10 верст), на «нечаянные расходы» – 26 руб. 98 коп.; всего, таким образом, ему было выдано 136 руб. 35 коп. [28]

По прибытии в Тару Кулаков должен был представить тамошней воеводской канцелярии отчет о расходовании этой суммы и получить деньги, необходимые для дальнейшего пути по маршруту следования партии до Оренбурга. Правда, уже в Таре ему предъявили приказ сибирского губернатора Чичерина: следовать оттуда не в Оренбург, а в Тобольск, куда он и явился со своими подопечными 27 февраля. Новобранцев передали под команду тобольского плац-майора Я. Мейбома для начала прохождения обучения, а оставшиеся у него от выданных в Томске и в Таре сумм 14 руб. 47 коп. прапорщик сдал в губернскую канцелярию [29]. Благополучный исход доставки набираемых рекрут к месту назначения во многом зависел от добросовестности исполнения своих обязанностей теми офицерами, которые назначались командирами партий новобранцев. Однако те, в свою очередь, отнюдь не всегда оказывались на высоте положения.

---

[27] РГАДА. Ф. 633. Оп. 2. Д. 64. Л. 170, 170 об.
[28] Там же. Л. 170 об.
[29] Там же. Л. 251, 251 об.

Так, в том же январе 1774 г. Томская комендантская канцелярия выяснила, что «командированной из города Енисейска с рекруцкою партиею Томскаго баталиона состоящей в городе Красноярске третей роты порутчик Бобков с самого прибытия тому уже девятой день находится в пьянстве, и по команде никакого присмотру быть от него неуповательно, а и денежная казна вся ль в наличности, весма было сумнительно» [30]. В связи с этим комендант Томска полковник Т. де Вильнев приказал сменить его в должности прапорщику И. Панову, а самого проштрафившегося Бобкова «свидетельствовать» (т. е. проверить данные об израсходованных им деньгах) другим офицерам Томского батальона – капитану С. Соболеву, поручику И. Павлуцкому и прапорщику Ф. Остафьеву. Те выяснили, что Бобков получил от Енисейской провинциальной канцелярии при отправлении в Томск 522 руб. 10 коп., из которых по прибытии должны были остаться еще 221 руб. 26 коп. Однако по возвращении в Томск поручик представил для возврата в казну только 151 руб. 64 коп., а относительно еще 69 руб. 62 коп. заявил, что отдал 49 руб. оставшемуся в Енисейске для дальнейшего набора рекрут сослуживцу, поручику И. Панаргину, и рядовым чинам его команды, «которые он, Панаргин, возвратить ему, Бобкову, хотел по прибытии ево с рекрутами ж в Томск или где достичь может, толко от того Панаргина в приеме росписки не имеет» [31]. Еще 20 руб. он якобы выдал своим подчиненным (фурьеру, капралу и девяти рядовым) в зачет январской трети жалования.

Однако офицеры выяснили, что при отъезде из Енисейска Бобков взял только 10 подвод вместо 16, чтобы сэкономить деньги, выданные ему на оплату ямских прогонов, при этом нарушив требуемые законом нормы, согласно которым вес груза на каждой подводе не должен превышать 20 пудов (ок. 320 кг). Допросив капрала и солдат, они также узнали, что Бобков еще в Енисейске получил по аттестату из Красноярской комендантской канцелярии жалование за январскую треть не только на себя и свою команду, но также и

[30] РГАДА. Ф. 633. Оп. 2. Д. 64. Л. 222.
[31] Там же. Л. 222 об.

на поручика Панаргина и его подчиненных. Вызванный к батальонному командиру подполковнику И. Жидовинову Бобков в присутствии упомянутых троих обер-офицеров «объявил, што тот атестат им потерян, ис чего и видно, што он, Бобков, предписанные казенные денги… пропил и издержал на свои надобности» [32]. В результате виновного было предписано судить военным судом, а сменившему его прапорщику Панову пришлось выдать недостающую сумму из денег, поступивших от питейного сбора и находившихся тогда в распоряжении Томской воеводской канцелярии (чуть более 450 руб.) [33]. Подобный эпизод отчасти подтверждает правоту генерал-поручика С. М. Ржевского, в конце 1770-х – начале 1780-х гг. отмечавшего «наглое похищение полковых денег и натяжку беззаконную в подделке расходных статей в книгах, которыя документально подписывать все офицеры принуждены» [34]. Да и обилие судебно-следственных дел по обвинениям именно в «похищении казенного интереса» дает основания полагать, что такие примеры могли быть весьма распространенным явлением.

Для дворянских детей в XVIII в. поступление на военную службу должно было оформляться после того, как они явятся в Петербург для «освидетельствования» в Герольдмейстерской конторе [35]. Однако для сыновей тех

---

[32] РГАДА. Ф. 633. Оп. 2. Д. 64. Л. 223.

[33] Там же. Л. 223 об.

[34] *Ржевский С. М.* Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 357. Ж. Ромм также отмечал: «При наборе рекрутов допускаются самые прискорбные злоупотребления, крайне пагубные как для империи в целом, так и для армии… Дабы сберечь в свою пользу средства, выделяемые на транспортировку этих несчастных, сопровождающий экономит на их питании и дорожных расходах. Все то, что им предоставляется, вроде ветхих рубищ, едва ли стоит и половину суммы, предназначенной на их содержание, а потому им приходится испытывать на себе все ужасы тягчайших лишений… Из команды в 500 человек едва ли 100 добираются до своих полков» (Жильбер Ромм о русской армии XVIII в. // Россия и Франция: XVIII–XX вв. / Отв. ред. П. П. Черкасов. М., 2000. Вып. 3. С. 99). Однако подобная характеристика все же представляется преувеличенной.

[35] С 1737 г. всех дворянских детей по достижении 16-летнего возраста «вызывали в Петербург и после проверки знаний определяли дальнейшую судьбу. Имевшие достаточные знания могли сразу поступать на гражданскую службу, а остальных отпускали домой с обязательством продолжить образование, но по исполнении 20 лет они обязаны были явиться в Герольдию (ведавшую кадрами дворян, офицеров и чиновников) для определения на военную службу» (*Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 63).

дворян, которые находились на военной службе в частях Сибирского корпуса, такое путешествие зачастую оказывалось невозможным. Поэтому их зачисляли в службу на месте упрощенным порядком. Когда в 1764 г. скончался капрал Троицкого полевого драгунского полка С. Аристов, владелец пяти ревизских душ в д. Кодыриной Арзамасского уезда, его 18-летний сын Макарий сразу попросил о зачислении на военную службу в тот же полк, где уже состоял в чине прапорщика его двоюродный брат А. Аристов. При этом он жаловался, что «хотя мне, нижайшему, должно в силу указов вашего императорскаго величества для сего моего произвождения явитца в государственной Геролдии, точию за крайним моим убожеством и недостатком… от Сибири до той отдаленности ехать я не в состоянии себя нахожу» [36]. Ходатайство М. Аристова было удовлетворено, его приняли на военную службу рядовым драгуном без оформления его зачисления непосредственно в Герольдмейстерской конторе.

Аналогичную просьбу подал в 1764 г. поручик Луцкого полевого драгунского полка А. Соколов. В 1750 г. у него родился сын Алексей, который теперь, как считал отец, «грамоте читать и писать моим коштом совершенно обучен, толко на смотрах еще нигде был не объявлен, однако ж по вышеобъявленным прописанным ево летам и возрасту в военной службе быть способен». В связи с этим он просил зачислить сына рядовым драгуном в Луцкий полк, указывая, что «хотя бы мне долженствовало того своего сына для определения в военную службу представить в государственную Герольдмейстерскую кантору, но по здешнему отдаленному месту туда ево доставить, как я не из дворян, не в состоянии» [37]. Известно множество других примеров, когда молодые «обер-офицерские дети» начинали свою военную карьеру в тех же частях Сибирского корпуса, где в свое время служили их отцы.

Более сложная картина наблюдалась в отношении офицеров нерусского происхождения. Уже с середины XVIII в. далеко не все из них, прежде всего,

[36] ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 80, 80 об.
[37] Там же. Л. 149, 149 об.

выходцы из стран Западной Европы, поступая на службу в русскую армию, соглашались отправляться в Сибирь. Если до 1740-х гг. в гарнизонных частях за Уралом подавляющее большинство лиц нерусского происхождения были представлены пленными шведами и их потомками (как установлено в гл. 2), то с переводом в Сибирь полевых полков для их пополнения неизбежно должны были быть задействованы и те офицеры, которые только прибыли в Россию или недолго находились здесь на военной службе. Те, кто уже числились в рядах отправленных на восток частей, проследовали к новому месту службы без всяких протестов. Так, капитан Олонецкого полевого драгунского полка И. фон Дипенбрук еще осенью 1743 г. испросил для себя годичный отпуск, чтобы побывать в провинции Клеве (тогда находившейся в составе Нидерландов) для улаживания дел после смерти проживавших там родителей. Просьба его была удовлетворена, и 22 сентября ему выдали паспорт из Коллегии иностранных дел за подписью вице-канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, удостоверявший, что капитан «отпущен из России морем во отечество ево в Галандию сроком впредь на год, и выехать ему с нижеписанного числа из Санкт Питербурха в неделю, а из России за границу в месец… и для свободного ево из России проезда и назад возвращения дан ему сей паспорт» [38]. Когда в октябре 1744 г. он вернулся в Петербург, то узнал, что его полк назначен к переводу за Урал. В связи с этим капитан фон Дипенбрук был отправлен в Москву, откуда потом выехал на восток, чтобы присоединиться к своему полку. Впоследствии он еще в течение ряда лет оставался на службе в Сибири [39].

Однако другие офицеры предпочитали либо не задерживаться на «восточной окраине» империи, либо вообще не ехать туда. Например, капитан Архангелогородского полевого пехотного полка И. Галбрехт (из лифляндских дворян) в 1749 г. угодил под суд за присвоение «найденных за границею в Литве разных крестьянских пожитков бес хозяев и несколко скота да

[38] РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 244. Д. 42. Л. 153.
[39] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339. Л. 10 об., 11.

денег», был приговорен сначала к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь на каторжные работы, однако в 1750 г. получил помилование и отделался только переводом на службу в Якутский гарнизонный пехотный полк, даже сохранив свой прежний чин. По прибытии в Тобольск решением командующего генерал-майора Х. Киндермана Галбрехт, за отсутствием в Якутском полку капитанской вакансии, был временно определен в Ширванский полевой пехотный полк, тогда еще не выведенный из Сибири. Когда же осенью 1752 г., после смерти Киндермана, его преемник бригадир Д. Крофт попробовал все же отправить Галбрехта в Забайкалье, где дислоцировался тогда Якутский полк, капитан отговорился болезнью, которая якобы не позволяла ему преодолеть пять тыс. верст пути на восток. Весной 1753 г., когда его делом заинтересовалась по представлению Крофта Военная коллегия, Галбрехт выдвинул новый довод, что отправиться к Якутскому полку он не в состоянии «по неимуществу ево, а паче что он человек беспоместной» [40].

Даже получив жалование за первую половину 1753 г., он все равно не пожелал ехать на восток, «понеже ему и за одни прогоны более получаемого им годоваго жалованья надлежит заплатить, и за тем, будучи в пути, может понести крайнюю нужду и пропитания никакого иметь не будет», и просил, «чтоб от далной в Сибирь посылки ево помиловать и определить в полевые пехотныя или в остзейския гарнизонныя полки, а ежель оного определения учинить будет не можно, то по крайней ево бедности, что в такое далное место отправится не в состоянии, о уволнении из службы с абшитом во отечество ево в Лифляндию» [41]. Чиновники военного ведомства вынуждены были с раздражением констатировать, что Галбрехт просто не хочет служить в Якутском полку, различными отговорками «чинит Военной коллегии напрасное затруднение», и в сентябре 1753 г. оформили его увольнение со службы, правда, без присвоения следующего чина, как это обычно практиковалось при выходе офицеров в отставку. Хотя как раз в 1753 г. капитан

[40] РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 253. Д. 698. Л. 646, 646 об.
[41] Там же. Л. 646 об.

Галбрехт выслужил установленный по манифесту Анны Иоанновны (1736 г.) 25-летний срок (в русской армии он состоял с 1728 г.), но в данном случае его намерение было квалифицировано как желание уклониться от дальнейшей службы, что никак не поощрялось правительством Елизаветы Петровны [42].

В 1759 г. Военная коллегия рассматривала дело француза Ж. де Фонсетона, у себя на родине к 1739 г. за 14 лет военной карьеры дослужившегося до чина поручика в армии короля Людовика XV, а затем перебравшегося в Россию, где он уже в начале 1750-х гг. сделался секунд-майором. В 1755 г., когда Архангелогородский полевой пехотный полк, в котором он служил, состоял в команде генерал-квартирмейстера М. Ливена, последний подал генерал-фельдцейхмейстеру империи графу П. И. Шувалову рапорт о том, что майор де Фонсетон «по-российски недоволно говорить умеет, а по-немецки и вовсе не знает, но как он природной француз, толко по-французски хорошо говорит, к тому ж ростом мал и не виден, как на лошади сидит, и по чести штап-офицера в мундире и в протчем экипаже содержит себя неисправным, и ему об оном многократно подтверждаемо было, да и в бытность ево в квартире реченного генерала-квартермистра по тому ж в неисправности усмотрен, и на шпаге темляка не было, за что и репремендован (т. е. наказан выговором. – *А. Д.*)» [43]. Попытка уволить де Фонсетона из армии привела к жалобе с его стороны, в которой он заверял, что желает продолжать службу, а кроме того, указывал, что его следовало бы повысить чином: «Протчия се-

[42] И. И. Федюкин справедливо заметил, что в середине XVIII в. верховная власть уделяла пристальное внимание вопросу «о готовности благородного сословия к самостоятельному действию в целях общего блага, о наличии у него необходимого честолюбия и о возможных методах воспитания этого честолюбия» (*Федюкин И. И.* «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею А. Б. Каменского. М., 2014. С. 141). М. В. Бабич также упоминала высказанные в 1740 г. «аргументы против шляхетской лени, из-за которой “в армии и во флоте производить и к делам определять некого будет”» (*Бабич М. В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 85).

[43] РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 249. Д. 316. Л. 257 об.

кунд маиоры, которыя равны ему старшинством и моложе, произведены в подполковники и свыше, он же пример маиором находится и поныне, с крайнею ему пред оными обидою».

В результате в 1756 г. ему предложили «в разсуждении ево иностранства и что собственного своего пропитания не имеет и служить еще желает» перевестись в Новоучрежденный гарнизонный драгунский полк [44]. Однако француз, не испытывая никакого желания ехать в Сибирь, «объявил, что ему приключилась прежестокая болезнь, которую страждет, и за оною не токмо, чтоб ко определенной команде в Сибирь следовать, но ис покоев вытти никак не может», после чего два года пребывал на лечении, что, правда, не мешало ему ездить из Петербурга в Ревель. А уже в 1759 г. он снова требовал перевести его в полевые полки действовавшей в Пруссии «заграничной армии», либо уволить в отставку с повышением в подполковники и выдачей жалования за последние несколько лет. Здесь Военная коллегия проявила твердость и постановила уволить де Фонсетона «нынешним ево пример маиорским рангом и… дав апшид, отпустить во отечество ево во Францию… что же касаетца о выдаче по прошению ево за прошлыя годы с 756 году жалованья, то понеже он чрез все то время надлежащей службы не исправлял, а находился праздно и в отпуску, каковым по регулам камисариатским жалованье давать запрещается, почему ему оного выдать и не можно» [45]. Француз очевидно зарвался в своих требованиях, поэтому не получил желаемого.

Летом 1765 г. в Россию прибыл еще один француз Ф. Г. де Шампаньоль. Он предъявил полученный два года назад от короля Людовика XV патент на чин капитана в должности заместителя полкового майора (aide-major), русский перевод которого гласил, что король, «будучи в Версале, принял совершенную надежду на достоинство, храбрость, воинское изкуство, бодрость и доброе поведение господина Филиппа Гринье де Шампаниолота, бывшаго в волонтерском дофинском, а ныне во Фландрской дивизии нахо-

[44] РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 249. Д. 316. Л. 257, 258 об.
[45] Там же. Л. 259, 260.

дящемся полку порутчиком, а особливо ево верности и склонности к службе. Чего ради его величество ему пожаловал и определил ему чин капитана эдмаэора в набранном в провинции Руссильоне под званием города Перпиньяна по указу его величества рекрутами полк, в котором он имеет отправлять свою должность и надлежащую честь, почтение, преимущество и жалованье получить и всем тем ползоватся, что сему чину сходственно» [46]. Де Шампаньоль выражал желание служить в одном из кавалерийских (гусарских или драгунских) полков русской армии, так что в октябре того же года Военная коллегия приняла решение определить его в Азовский полевой драгунский полк Сибирского корпуса, правда, с понижением в чине до поручика – это было обычной практикой в отношении иностранцев при поступлении их на службу в России.

Однако де Шампаньоль ехать в Сибирь отказался, даже получив 64 руб. в счет годовой трети жалования и на две подводы. В декабре 1765 г. Военная контора в Москве получила распоряжение из Петербурга: отобрать у поручика де Шампаньоля его французский патент и держать под замком до тех пор, пока тот не вернет выданных ему для поездки в Сибирь денег. В феврале 1766 г. француз внес деньги и получил обратно свои документы для выезда из России; подготовленный же для него патент на чин поручика русской армии, отправленный в Тобольск, командующий Сибирского корпуса генерал-поручик Шпрингер вернул обратно в Военную коллегию, где этот патент велено было, «учиня на нем отметку, отдать для сохранения к протчим в коллежской архив для того, что он в российской службе быть не пожелал и из оной исключен, и прежней ево француской патент ему от Военной канторы отдан обратно с роспискою» [47].

Впрочем, отнюдь не все европейские уроженцы вели себя подобным образом. Например, прусский дворянин Х. Мекленбург впервые поступил в русскую армию в 1750 г., будучи 32 лет от роду, причем начал службу всего

[46] РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 257. Д. 938. Л. 155.
[47] Там же. Л. 165–167.

лишь капралом, и только в 1757 г. был сделан прапорщиком, в 1759 г. – подпоручиком. В 1763 г., после окончания Семилетней войны, он попросил «абшида» (т. е. увольнения) «для разделу имеющагося во отечестве моем в Пруссии дому». А уже в следующем 1764 г. он, утверждая, что «по приезде во отечество мое нужды домовыя все исправил», снова просил зачислить его в полевые полки русской армии с сохранением прежнего чина подпоручика [48]. В доказательство своей предыдущей беспорочной службы Мекленбург представил аттестат, выданный ему при увольнении в отставку год назад за подписями командира и всех обер-офицеров Тенгинского полевого пехотного полка. Учтя его желание, Военная коллегия согласилась сохранить ему прежний чин и определила продолжать службу в полевых полках Сибирского корпуса, куда он безропотно отправился. Его не остановило даже то обстоятельство, что в этих полках на тот момент не было вакансий в чине подпоручика, так что ему пришлось зачислиться на вакансию прапорщика в Олонецкий полевой драгунский полк. В дальнейшем Мекленбург сделал достаточно успешную карьеру в рядах Сибирского корпуса: в 1772 г. он уже получил чин секунд-майора (правда, оставаясь на вакансии капитана) в Бийском гарнизонном линейном батальоне [49]. Этого офицера не испугали ни отдаленность назначенного ему места службы, ни необходимость в первое время находиться на вакансии низшего чина.

Отметим также целый ряд случаев, когда лица, попадавшие из Европейской России (или, тем более, из других стран Европы) на службу в сибирские части, оставались здесь и после выхода в отставку, перебираясь на те или иные должности «к статским делам». В справочнике В. П. Степанова по личному составу чиновников Российской империи за почти весь период царствования Екатерины II [50] удалось обнаружить не менее 50 чел. из числа офицеров полков и батальонов Сибирского корпуса, после ухода с военной

[48] РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 250. Д. 453. Л. 517, 517 об.

[49] Там же. Л. 519, 522 об., 526. О дальнейших этапах его карьеры см.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 562 об., 563.

[50] Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). Список по Месяцесловам / Сост. В. П. Степанов. СПб., 2003.

службы занявших позиции в аппарате местного управления. На биографиях нескольких из этих людей хотелось бы остановиться подробнее. Основываясь на данных послужных списков и сведениях адресов-календарей, можно проследить этапы карьерного пути тех, кто решили связать свою жизнь с Сибирью.

Саксонец Т. Зайферт (Зейферт) приехал в Россию еще в 1747 г. 15-летним юношей и поступил на службу в лейб-гвардию. В 1751 г. он перешел в армейские полевые полки, затем успел послужить в ландмилиции, а в Сибирский корпус был переведен уже в чине капитана после 1767 г. Здесь он в первой половине 1770-х гг. последовательно получал чины секунд-майора, премьер-майора и подполковника, а в 1781 г. стал комендантом и правящим должность городничего в г. Кузнецке [51]. Кузнецким городничим Зайферт оставался до 1791 г., успел получить орден св. Владимира IV степени, в 1794 г. он сделался губернским судьей совестного суда Колыванской губернии и оставался им еще в 1796 г., достигнув 64-летнего возраста [52]. Прослужив в армии более 30 лет, он предпочел остаться в России и, выйдя в отставку с военной службы, еще минимум полтора десятилетия продолжал состоять в аппарате местного управления по гражданскому ведомству.

Известны также примеры, когда оставшиеся в Сибири выходцы из Европы довольно успешно устраивали карьеры собственных сыновей. Так, много лет занимавший должность коменданта г. Томска полковник Т. де Вильнев (француз) сначала обеспечил своему младшему сыну Ивану (Жану) успешное прохождение военной службы, еще до совершеннолетия зачислив его сержантом в Томский гарнизонный пехотный батальон, а в 1782 г., когда тот достиг капитанского чина, добился для него должности городничего г. Ачинска (в возрасте лишь 28 лет!) [53]. Ачинским городничим де Вильнев-

[51] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 385 об., 386; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. СПб., 1781. С. 382.

[52] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1791. СПб., 1791. С. 348; 1794. С. 372; 1796. С. 400.

[53] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 407 об., 408; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб., 1782. С. 443.

младший пробыл пять лет, в 1788 г. сделался вторым председателем верхней расправы в Томске. Интересно отметить, что первым председателем там был премьер-майор И. де Гаррига, принадлежавший к роду испанских дворян, один из сыновей полковника Ф. де Гарриги, в 1750-х гг. командовавшего Новоучрежденным гарнизонным драгунским полком [54]. К 1795 г. И. де Вильнев состоял в этой должности с чином коллежского асессора, таким образом, продолжая продвигаться по ступеням Табели о рангах, но теперь в гражданском ведомстве.

Встречались подобные случаи и среди русских по происхождению офицеров. Так, командир одной из полевых команд Сибирского корпуса в 1772 г. премьер-майор Ф. Жолобов спустя 10 лет занимал должность председателя палаты гражданского суда Пермского и Тобольского наместничества уже с чином полковника [55]. Самое интересное, что он даже не был дворянином по происхождению – его отец в первой половине столетия дослужился лишь до унтер-офицерского звания. Однако, как видно, это не помешало Жолобову сделать чрезвычайно успешную карьеру не только на военной службе, но и у «статских дел». Дворянин С. Окороков, в конце 1760-х гг. числившийся капитаном в Азовском полевом драгунском полку, в 1777 г. был воеводой в г. Алдане Якутской провинции, став секунд-майором, и занимал эту должность до 1781 г. включительно [56].

Капитан Иркутского гарнизонного пехотного батальона Я. Пешков, несмотря на множество совершенных им «непорядочных поступков», в 1780 г. получил место в счетной экспедиции Иркутской губернской канцелярии, а в 1783 г. числился там же «за казначея» в винной и соляной экспедиции [57]. Причем для получения таких назначений вовсе не обязательно было дости-

---

[54] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1787. СПб., 1787. С. 335; 1788. С. 314.

[55] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 131 об., 132, 443 об., 444; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб., 1782. С. 405.

[56] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 187 об., 188; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. СПб., 1777. С. 304; 1781. С. 396.

[57] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1780. СПб., 1780. С. 433; 1783. С. 463.

гать высших обер-офицерских чинов: так, семипалатинским уездным казначеем в 1794 г. стал 28-летний подпоручик И. Раздуев, представлявший уже третье поколение военнослужащих сибирских армейских частей – его отец был поручиком 2-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона в начале 1770-х гг., а дед, происходивший из тобольских детей боярских, в 1750-х гг. был вахмистром в Новоучрежденном драгунском полку [58]. Таким образом, далеко не все из выходивших в отставку офицеров Сибирского корпуса покидали «восточную окраину» Российской империи, некоторые из них предпочитали оставаться здесь и в дальнейшем.

Самой необычной выглядит судьба И. Г. Апелгрина (Аппелгрейна). Родившись в 1723 г. в Санкт-Петербурге в семье то ли датских уроженцев, то ли шведских дворян (соответствующие данные в его послужных списках разнились), он по достижении 18-летнего возраста поступил в русскую армию, но не рядовым солдатом, а военным медиком. Состоя подлекарем в военном госпитале, а потом в Нотебургском полевом пехотном полку, он отправился вместе со своими сослуживцами в Сибирь осенью 1744 г., где уже через пару лет был произведен в полковые лекари и переведен в штат Луцкого полевого драгунского полка. В 1752 г. он был полковым лекарем в Вологодском полевом драгунском полку. Выданный ему в 1748 г. аттестат за подписями всех штаб- и обер-офицеров Луцкого полка гласил, что Апелгрин был «в ползовании лежащих в полковом гофшпитале болных по своему искуству всегда в доброй исправности и рачителном своем старании, а продолжением ево при полку Луцком на нем казенных начетов и ничьих долговых денег не имеетца, також он никому порукою ни в чем и ни по каким делам не обязан, а бытностию своею при полку Луцком службу и по своему искуству по должности лекарской в ползовании болных исправлял добропорядочно ж и беспорочно, и ни в чем на него никакова нарекания не было» [59].

---

[58] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. СПб., 1794. С. 374. О службах его предков см.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. 102 об., 103; Оп. 5. Д. 324. Л. 507 об., 508.

[59] РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 166. Д. 359. Л. 148.

В 1753 г. Апелгрин подал прошение об увольнении его из полевой службы, которое было удовлетворено. По решению тайного советника, лейб-медика и директора Медицинской канцелярии Г. Бургав-Каау ему дали право заниматься частной практикой: «До случившейся ваканции позволить вам в Санкт Петербурге и Москве практику херургическую управлять». Перспектива стать частнопрактикующим врачом, видимо, Апелгрина чем-то не удовлетворила, так что спустя несколько месяцев он обратился к властям с новой просьбой – позволить ему зачислиться на службу в один из драгунских полков, дислоцированных в Сибири, уже в офицерском чине [60]. Это единственный известный случай, когда военный медик выражал желание стать офицером русской армии, чему, впрочем, наверняка способствовало его дворянское происхождение.

Хотя Медицинская канцелярия пыталась воспрепятствовать производству Апелгрина в офицеры, уверяя, что тот не уволен из ее ведомства вовсе, а только пребывает в отпуске, имея разрешение на частную практику, однако Военная коллегия рассудила иначе. Выяснив, что должность полкового лекаря соответствует по Табели о рангах чину армейского подпоручика, чиновники пришли к заключению о возможности удовлетворить его просьбу: «Коллегия разсудила, что уже он уволен вовсе, и по усилному ево прошению, объявляя желание служить в полках, от Военной коллегии и определен в состоящие в Сибири драгунские полки подпорутчиком, куда кто б другой доброволно пожелал не уповательно» [61]. В декабре 1753 г. Апелгрин был произведен в «сверхкомплектные» подпоручики Вологодского полка и снова отбыл в Сибирь к месту службы, а уже в июле 1754 г. бригадир Д. Крофт определил его «в комплект» подпоручиком гренадерской роты Олонецкого полевого драгунского полка [62].

После этого Апелгрин, вероятно, продолжал службу в сибирских частях, а в 1765 г. генерал-поручик И. фон Шпрингер назначил его комендан-

[60] РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 166. Д. 359. Л. 147 об., 150.
[61] Там же. Л. 152–153, 163 об.
[62] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 491. Л. 11 об., 12.

том г. Селенгинска с чином драгунского капитана [63]. Затем к 1780 г. он стал комендантом г. Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) в чине секунд-майора и занимал эту должность вплоть до 1796 г., даже несмотря на весьма преклонный возраст (в середине 1790-х гг. ему должно было исполниться более 70 лет) [64]. Таким образом, родившись и проведя детство в Санкт-Петербурге, этот человек, вероятно, закончил свой долгий жизненный путь на далекой окраине Российской империи, успев проявить себя в нескольких ипостасях на военной службе, от медика до городского коменданта.

Все эти примеры наглядно иллюстрируют ставшую, очевидно, весьма распространенной во второй половине XVIII в. тенденцию перехода к «статским делам» после отставки из армии в том же самом регионе, где проходили годы воинской службы. Учитывая полиэтничный состав офицеров в дислоцированных на окраине империи частях Сибирского корпуса, эта тенденция не могла не приводить к сохранению стабильной доли лиц нерусского происхождения не только среди военнослужащих, но и в аппарате гражданской администрации за Уралом. Данный эффект также может считаться одним из последствий тех принципов комплектования регулярной армии России, которые действовали в период царствования Екатерины II.

[63] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 319; Д. 742. Л. 55.

[64] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1780. СПб., 1780. С. 438; 1796. С. 357.

4.2. Воинская дисциплина в частях регулярной армии

Отдельно следует рассмотреть одну весьма значимую сферу, показатели которой свидетельствуют, как правило, о состоянии армии в целом. Речь идет о соблюдении воинской дисциплины, правонарушениях и преступлениях военнослужащих, а также системе военного судопроизводства, деятельности следственных и судебных органов. Среди множества аспектов истории русской армии XVIII в. до сих пор остается практически неисследованным вопрос о соблюдении государственных законов и воинской дисциплины как рядовым контингентом, так и офицерским составом. В обобщающих работах по истории армии указанного периода речь шла либо о воспитании войск и классовой борьбе [65], либо содержались только краткие характеристики, основанные на мемуарных свидетельствах современников [66]. Современные исследователи отмечали, что «о русских солдатах отзывались в то время как об одних из самых дисциплинированных в Европе» [67], не приводя, однако, конкретных примеров, подтверждающих этот тезис. Подобным недостатком отличались и работы, казалось бы, специально посвященные данной проблематике [68], поскольку в них гораздо большее внимание уделялось теории военного дела, нежели историческому материалу. Если вопросы, связанные, например, с постойной повинностью и повседневной жизнью военнослужащих в городах и крепостях, уже были затронуты в работах последних лет [69],

---

[65] См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 163–165.

[66] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 97, 98.

[67] Там же. С. 98.

[68] См.: *Бочков А. Ф.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии: (конец XVII – первая четверть XVIII в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008; *Зотов С. В.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010.

[69] *Субботина Л. Е.* Идеи строительства полковых слобод в XVIII веке // Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 23–24 мая 2006 г.). Омск, 2006. С. 21, 22; *Проскурякова М. Е.* Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 23–26.

то дисциплинарный аспект по-прежнему остается фактически «белым пятном».

Необходимые данные можно обнаружить в формулярных списках, где, среди прочего, содержалась информация о судебно-следственных делах в отношении военнослужащих тех полевых и гарнизонных полков, которые дислоцировались в Сибири на протяжении изучаемого периода. Относительно каждого рядового солдата, драгуна или офицера в них обязательно указывалось, состоял ли он под следствием и военным судом («в фергере и криксрехте был ли?»), по какому обвинению, и какой был вынесен ему приговор. Первое, что обращает на себя внимание при анализе данных этих именных списков – в гарнизонных полках доля совершивших те или иные неблаговидные поступки (как среди офицеров, так и среди рядовых) оказывалась заметно выше, нежели в полевых частях. Если взять все расквартированные в Сибири на протяжении 1730–1740-х гг. гарнизонные части, как переведенные туда ранее, так и недавно сформированные [70], то оказывается, что из 545 штаб-, обер- и унтер-офицеров (в чинах до подпрапорщика включительно) успели за годы службы побывать под арестом 55 чел., т. е. каждый десятый (10,1 %).

Для сравнения: из 415 офицеров, состоявших на действительной службе в четырех полевых полках, переброшенных в Сибирь в 1744–1745 гг. [71], провинились в чем-либо только 14 чел. (3,4 %). Объяснялось это, видимо, несколькими факторами. Во-первых, в полевых частях гораздо более строго соблюдалась воинская дисциплина; во-вторых, служба в гарнизонных войсках считалась значительно менее престижной (да и хуже оплачивалась). Недаром при переводе из полевых полков в гарнизонные офицер автоматически получал следующий чин – Военная коллегия старалась таким образом компенсировать ему понижение служебного статуса. Наконец, в условиях огромных

[70] Тобольский, Енисейский и Якутский пехотные, Сибирский и Новоучрежденный драгунские полки, а также Новоучрежденный пехотный батальон.

[71] Луцкий, Вологодский и Олонецкий драгунские полки, Нотебургский пехотный полк. Данные по Ширванскому пехотному полку за эти годы, к сожалению, отсутствуют.

пространств Сибири и чрезвычайной отдаленности этого региона от центра контроль военных властей за действиями подчиненных был в значительной мере ослаблен, что могло приводить к различным эксцессам.

Таблица 20

Правонарушения и преступления офицеров сибирских гарнизонных и полевых частей за 1730–1740-е гг. *

Виды нарушений	**Численность (чел.)**		
	Гарнизонные части	*Полевые части*	**Всего:**
Должностные и дисциплинарные нарушения, служебные проступки	8	4	12
Преступления экономического характера: причинение материального / финансового ущерба казне или частным лицам	20	6	26
Преступления против личности: физическое насилие, причинение телесных повреждений	10	2	12
Прочие: пьянство, «продерзости», ложные доносы и др.	17	2	19
Всего:	55	14	69

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22, 36, 41а, 163, 210, 241, 242, 246, 251, 281, 302, 306, 309, 314, 316, 321, 335, 339.

Если суммировать данные о том, в каких конкретно прегрешениях оказывались замешаны армейские офицеры, то выясняется, что случаев собственно служебных проступков и нарушений воинского устава насчитывалось немного. Среди упомянутых 55 офицеров «Сибирского гарнизона» лишь восемь чел. совершили подобные деяния. Приведем несколько примеров ненадлежащего исполнения служебных обязанностей. Прапорщики Новоучрежденного драгунского полка В. Боровков и И. Мельгунов в 1739 г. отпустили домой нескольких человек из укомплектованной в ходе набора партии рекрут для пополнения армии, однако фактически не понесли за это никакого наказания: первому была «вина отпущена по всемилостивейшему указу» Анны Иоанновны, а у второго только вычли из жалования месячный оклад [72]. Капитан Новоучрежденного пехотного батальона А. Нелидов «по челобитью солдата Андрея Шарыпова за употребление его к своей партикулярной работе и за неплатеж за работу» подлежал разжалованию в солдаты, но по «всемилостивейшему указу» Елизаветы Петровны в 1744 г. от наказания был освобожден [73].

Более серьезно провинился поручик Тобольского пехотного полка И. Ковалев – в 1737 г. он пропустил в крепости по Иртышу без досмотра отряд бухарцев и даже вернул им отобранное у них оружие. Однако в 1740 г. Ковалеву, ставшему уже капитаном, была «вина отпущена» [74]. Наконец, поручик Тобольского полка Ф. Облязов стал виновником гибели капральского сына Ф. Постникова – когда они вместе перевозили на речных судах казенный провиант в 1743 г., Облязов избил последнего до смерти. Сентенция (приговор) военного суда гласила: «Хотя по делу и показалось, что оное не с умыслу и не смертным боем и не таким оружием, отчего бы можно вскорости умереть… однако ж более за нещастие то причтено». Тем не менее, поручика велено было разжаловать на год в солдаты «и притом чинить церковное по-

[72] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 5 об., 6, 20 об., 21; Д. 281. Л. 29 об., 30, 77 об., 78; Д. 302. Л. 40 об., 41.

[73] Там же. Д. 302. Л. 60 об., 61.

[74] Там же. Д. 246. Л. 78 об., 79.

каяние» [75]. Столь мягкий приговор, вероятно, можно объяснить дворянским происхождением обвиняемого, а также тем, что свои действия он мотивировал заботой «не за свое дело, но за самое государственной важности, чтоб правианту никакого повреждения не учинилось». Впрочем, это единственный известный случай подобного рода в сибирских частях.

Более половины из этих 55 офицеров совершали проступки в тех или иных сферах, не относившихся напрямую к военной службе. Немало было среди них провинившихся в нанесении различными способами материального и финансового ущерба государственной казне. Прапорщик Новоучрежденного пехотного батальона Ф. Дмитриев в 1740 г. при отводе рекрут в Казань растратил казенные деньги на покупку товаров для себя, за что был разжалован в солдаты, однако уже в конце 1741 г. ему вернули офицерский чин. Сержант Енисейского полка П. Лазарев незаконно взял с красноярских служилых людей 6 руб. 69 коп., за что был наказан шпицрутенами («прогнан чрез полк 6 раз»). Капитан Тобольского полка Т. Овцын, находясь в Верхне-Иртышских крепостях, «взял казенного вина 2 ведра без денег» и был определен до выслуги в солдаты, но по указу правительницы Анны Леопольдовны «вина ему отпущена и прежний капитанский чин возвращен» [76]. Его сослуживец поручик В. Перевозчиков был наказан в 1740 г. за то, что, когда ехал в Верхне-Иртышские крепости на казенных дощаниках, «взял пять ведер казенного вина безденежно»: был разжалован в солдаты на три месяца. Поручик Новоучрежденного драгунского полка А. Тарасов в 1744 г. присвоил 200 руб. из денег, отправленных на выплату жалования роте, дислоцированной в Кузнецке. По решению Сибирской гарнизонной канцелярии он должен был быть оштрафован путем вычета из его жалования оклада за полгода, но решение это было отменено «всемилостивейшим указом» императрицы. А на капитана того же полка П. Хрушкова жаловался в 1741 г. свя-

[75] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 175 об., 176.

[76] Там же. Д. 242. Л. 46 об., 47; Д. 246. Л. 160 об., 161; Д. 281. Л. 46 об., 47; Д. 316. Л. 27 об., 28.

щенник из Ишимского дистрикта, обвиняя того «во взятии денег 51 руб. 40 коп. и в избиении его» [77].

Встречались и более-менее оригинальные эпизоды. Например, сержант Тобольского полка И. Емельянов, находясь в Миасской крепости, зачем-то перелез ночью через городскую стену и столкнул со стены часового. Приговоренный к разжалованию в солдаты и наказанию шпицрутенами (прогнать через полк девять раз, через три дня по три раза), он был помилован и наказан шпицрутенами только три раза [78]. Поручик Енисейского полка Н. Оконфельт, швед по происхождению (сын крестьянина из Эребру), успел дважды «отличиться» в 1735 г. в Железинской крепости: сначала велел высечь батогами поставленного у своей квартиры часового, когда тот показал на него «дело государево по второму пункту», а после этого освободил из-под ареста, не допрашивая, другого солдата, показывавшего на одного из своих товарищей «государево дело по первому и второму пунктам» [79]. За такое самоуправство поручик был определен на полгода в рядовые, но потом вновь получил свой прежний чин [80].

Здесь следует заметить, что военное начальство, как правило, весьма болезненно реагировало на критику своих действий подчиненными. Соответствующая статья петровского Артикула: «Надлежит каждому своего начальника должным образом почитать, и от подчиненного своего возыметь оное почтение» [81], – продолжала действовать. Подпрапорщик Тобольского полка В. Городничев пострадал в 1747 г. «за непристойные слова и за шумство»: был отчислен в Енисейский полк в солдаты, да еще наказан шпицрутенами. Такая же судьба постигла каптенармуса С. Мякинина, разжалованного «за

---

[77] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 100 об., 101; Д. 246. Л. 8 об., 9, 292 об., 293; Д. 281. Л. 113 об., 114; Д. 335. Л. 4 об., 5.

[78] Там же. Д. 246. Л. 294 об., 295; Д. 335. Л. 176 об., 177.

[79] Словосочетание «слово и дело государево» использовалось в России в XVIII в. для обозначения информации о совершении кем-либо государственного преступления (от словесного оскорбления величества до мятежа и покушения на жизнь монарха).

[80] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 184 об., 185.

[81] Цит. по: Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 333.

некоторые продерзости» в солдаты Енисейского полка. А прапорщик В. Щербаков поплатился разжалованием в солдаты «за безмерное пьянство и, будучи на заводской границе в команде майора Шишмарева, за матерную оного майора брань и порицание». Впрочем, уже через год «всемилостивейшим указом» императрицы Елизаветы ему вернули офицерский чин [82].

Из приведенных примеров можно установить, каким наказаниям чаще всего подвергались гарнизонные офицеры за те или иные конкретные проступки. Судя по всему, в большинстве случаев это напрямую было связано с тем, являлся ли обвиняемый обладателем обер-офицерского или унтер-офицерского чина. Обер-офицеры практически всегда избегали телесных наказаний, в худшем случае отделываясь разжалованием в рядовые на несколько месяцев, полгода, максимум год. В некоторых случаях виновным производили вычеты из их окладов жалования. Напротив, унтер-офицеры довольно часто подвергались наказанию батогами или шпицрутенами, подобно тому, как это делалось и в отношении рядовых военнослужащих.

Очевидно, подобная ситуация была напрямую связана с действием той нормы петровской Табели о рангах, которая гласила, что с приобретением на военной службе первого обер-офицерского чина (прапорщика), человек мог рассчитывать на причисление к потомственному дворянству, т. е. на кардинальное изменение своего сословного статуса. Учитывая, что в сибирских гарнизонных полках практически все унтер-офицеры на протяжении 1730–1740-х гг. были выходцами из казаков и других групп служилого населения, а также представителями «тяглых» сословий (прежде всего, крестьянства), неудивительно, что в глазах старших офицеров и командиров они мало чем отличались от рядовых солдат или драгун. Впрочем, они также могли рассчитывать на снисхождение.

Интересна судьба И. Островского, еще в первой половине 1720-х гг. служившего сержантом в Тобольском полку и оказавшегося замешанным в

[82] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 223 об., 224; Д. 335. Л. 54 об., 55, 136 об., 137, 157 об., 158.

знаменитом деле о Тарском бунте 1722 г. [83] В ходе следствия он обвинялся в том, что, «прибыв в Тару с присягой, прежде чем подал те присяги коменданту Глебовскому, показал устав тарскому жителю Василию Илецкому, который по тому тарскому важному делу явился пущий заводчик и противник с полковником Немчиновым и с прочими. И видя, что комендант Глебовский делает раскольникам послабления от себя, в Тобольск об этом не писал и взял с них себе денег 5 рублей да косяк камки». За такое «антигосударственное» поведение его решено было соответствующим образом наказать: «Прогнан шпицрутенами через полк 12 раз и написан был в солдаты вечно». Однако «по милостивому указу императрицы Екатерины Алексеевны, который был напечатан в Санкт-Петербурге при Сенате 14 февраля 1725 г. для поминовения Петра I, из солдат его велено было определить по-прежнему в сержанты». В дальнейшем он благополучно повышался в чинах, через полтора десятка лет став уже капитаном [84]. Таким образом, интересы военной службы могли оказываться выше государственных законов – будучи заинтересованной в услугах офицеров, верховная власть готова была закрывать глаза на многие их проступки, ограничиваясь минимальной реакцией.

В сравнении с гарнизонными офицерами их собратья в полевых полках, как уже упоминалось выше, отличались практически безупречным поведением. Пожалуй, самое серьезное преступление совершил поручик Вологодского драгунского полка И. Чуносов. В 1747 г. он обвинялся «в насильном растлении Тобольского Знаменского монастыря крестьянской девки, и по сентенции присутствующих положено было учинить ему смертную казнь, отсечь голову, токмо во удовольствии оной девке денежною платою от той казни и от штрафу освобожден» [85]. Как видим, даже в этом случае провинившийся офицер фактически не понес наказания. Капитан Олонецкого драгунского полка Н. Буланин по распоряжению командующего генерал-майора

---

[83] Об этих событиях см.: *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 34–66.

[84] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 246. Л. 291 об., 292.

[85] Там же. Д. 314. Л. 62 об., 63.

Х. Киндермана был наказан вычетом из жалования и арестом «за протест мимо команды на комиссара Туринской слободы» (очевидно, здесь имел место какой-то конфликт между военными и гражданскими властями); кроме того, в отношении него велось следствие по делу о причинении ущерба здоровью его сослуживцев: он обвинялся в избиении капитана Изегова и в «порублении руки» у сержанта Питырева. Вахмистр Луцкого полка П. Мнихов «за отлучку в ночное время с квартиры» был разжалован на месяц в драгуны. А капитан Олонецкого полка И. фон Линеман (из пруссаков) находился под следствием «якобы в учинении в деревне Камарицкой пожару», однако «за неприбытием тех обывателей, кои о том просили», дело так и не было закончено [86].

Понятно, что и в полевых частях находились желающие обогатиться за казенный счет. Прапорщик Луцкого полка И. Батурин был разжалован на год в драгуны «за перебранное двойное жалование по фальшивому аттестату». Курляндец Ю. Паскау, прапорщик Олонецкого полка, был «в фергере и криксрехте» (т. е. под следствием и военным судом) в 1744 г. за взятие лишних запасов муки из тверского армейского магазина (склада), но «по всемилостивейшему указу освобожден без штрафа». Премьер-майор того же полка А. Сташкеев «без воли главного полкового командира ездил за фуражом», а также обвинялся «в недоплате за полученный на казенных лошадей фураж». Впрочем, в ходе расследования выяснилось, что искать нужно было другого виновника, а дело майора Сташкеева предпочли замять: «Тот криксрехт за справками некоторыми остановился окончанием». Истинным «похитителем интереса» казны оказался прапорщик Вологодского полка Т. Котаргин: утаив казенную лошадь, он продал ее Сташкееву за 18 руб., за что «по сентенции присутствующих приговорен был к смертной казни – повесить». Спас ему

[86] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 137 об., 138; Д. 339. Л. 44 об., 45, 151 об., 152.

жизнь опять-таки «всемилостивейший указ» императрицы Елизаветы, по которому была «та ему вина упущена» [87].

Настоящей болезнью стало распространение в 1740-х гг. практики ложных доносов рядовых на своих офицеров – «слово и дело» кричали по любому поводу, не останавливаясь перед угрозой наказания. Казалось бы, практика доносительства должна была быть всеобщей в суровые годы правления Анны Иоанновны, а в относительно «либеральное» царствование Елизаветы Петровны – сойти на нет. Однако исследователи отмечали прямо противоположный эффект. И. В. Курукин приводил следующие цифры по делам о политических преступлениях, расследовавшимся в Тайной канцелярии: «От эпохи знаменитой “бироновщины” осталось 1 450 дел, т. е., примерно, по 160 дел в год, а от времени “мягкого” правления Елизаветы – 6 692 дела – уже по 349 дел в год» [88]. Е. В. Анисимов справедливо замечал: «К середине XVIII в. доносительство было так распространено, что власти порой были обеспокоены масштабами доносительства, затруднявшими порой работу политического сыска из-за обилия “бездельных” доносов» [89]. Более того, по его подсчетам, «“ложных доносчиков” среди солдат в абсолютном исчислении было больше, чем среди других категорий населения… а в относительном исчислении они составляли больше половины от всех солдат-преступников» [90]. Аналогичную картину можно наблюдать и по сибирским материалам.

В 1735 г. мушкетер Якутского полка С. Языков был наказан шпицрутенами (прогнан через полк 12 раз) «за показание ея императорского величества слова и дела ложна на всю третью роту». Его сослуживец Ф. Мухин понес аналогичное наказание в 1737 г. «за ложное показание слова и дела на канцеляриста Тюфякина в Ыркуцку и за резание себя ножем». Однако и в

---

[87] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 168 об., 169; Д. 314. Л. 110 об., 111; Д. 339. Л. 1 об., 2, 10 об., 11.

[88] *Курукин И. В.* Поэзия и проза Тайной канцелярии // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 125.

[89] *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 185.

[90] Там же. С. 686.

этих случаях со временем стали наказывать менее строго. Драгун Новоучрежденного полка П. Черепанов «за ложное показание слова и дела» на двоих офицеров был прогнан через полк пять раз. Мушкетер Якутского полка П. Шергин за 11 лет службы умудрился три раза побывать под арестом «за ложныя на разных людей сказывания государева слова и дела, и троекратно наказан был гонянием спицрутен», а в 1748 г. снова обвинялся «в ложно затейном на салдата Гаврила Кузнецова да на казака Привалихина государева дела касающагося до перваго пункта сказывании» [91]. Солдат А. Байдаков также состоял под судом три раза. Сначала, еще в 1741 г., будучи драгуном Нарвского полевого полка, он был «за утрату казенной лошади с убором и за побег ис того полку гнан шпицрутен чрез полк шесть раз и определен в Сибирской гарнизон в салдаты вечно». А уже в Тобольском полку дважды (в 1746 и 1747 гг.) доносил на своего ротного командира: «За показывание на капитана Карачинцова государева слова и дела по первому, второму и третьему пунктом ложно по определению Ямышевской канцелярии гнан шпицрутен чрез полк пять раз… За ложной на оного ж капитана Карачинцова донос, якобы во употреблении им, Карачинцовым, салдат четырех человек для рыбного промыслу и в продаже казенного правианта, в чем принес извинение, гнан шпицрутен чрез полк три раза» [92]. Подобных примеров можно приводить еще немало.

Не менее распространенными были случаи, когда рядовые солдаты и драгуны пытались присвоить себе деньги или имущество полка и даже воровали у своих сослуживцев. Драгун Н. Хлыстов «за кражу на своих часах (т. е. неся караульную службу часовым. – *А. Д.*) казенных денег… приговорен был к смертной казни», но «по всемилостивейшему указу от оной смертной казни свободен без наказания». Солдат С. Седельников был «за воровство у товарища своего денег гонян спицрутен чрез полк 12 раз». Рядовой Тобольского полка П. Гребенщиков украл у своего однополчанина куль муки, когда вез

[91] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 81 об., 82, 128 об., 129; Д. 281. Л. 126 об., 127; Д. 321. Л. 147 об., 148.

[92] Там же. Д. 335. Л. 84 об., 85.

казенный провиант, за что в 1746 г. «по конфермацыи Ямышевской канцелярии бит батожьем». Солдат Я. Первых, состоявший в гарнизоне Ямышевской крепости, обвинялся в краже из ротного цейхгауза картечи и овчин, в 1748 г. был «штрафован пред командою батожьем чрез неделю два раза» [93]. А над его сослуживцем С. Семеновым в 1747 г. производился суд по обвинению «в приеме краденого казенного пороху от бомбардира Вепрева и в продаже крестьянам». Солдаты Якутского полка, стоявшего на границе в Забайкалье, занимались контрабандной торговлей. Так, Р. Луковников попал под следствие «за провоз в Кяхтинском фарпосте воровски за границу околною дорогою для продажи китайцам запрещенного правианта муки пшенишной четырех мешков». Аналогичное обвинение было предъявлено Р. Каленому [94]. Факты незаконной торговой деятельности военнослужащих отмечались исследователями в рамках этого периода и в других регионах страны [95].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что уровень дисциплины в гарнизонных войсках Сибири к середине XVIII в. был значительно ниже, чем в полевых армейских частях. Это касалось как рядовых военнослужащих, так и офицеров. Впрочем, данный эффект вполне объясним, поскольку служба в гарнизонных полках и батальонах была гораздо менее престижной, хуже оплачивалась, не на должной высоте находилось материальное обеспечение этих войск. На все это накладывались специфические условия жизни и службы в Сибири, характеризовавшиеся отдаленностью региона, огромной протяженностью внешних границ, которые прикрывали до середины 1740-х гг. только гарнизонные части, постоянной нехваткой здесь военных кадров. Хотя в литературе встречались утверждения о том, что «отношения гарнизонных военнослужащих с местным населением имели скорее добрососедский характер», что нет данных «о виновности гарнизонных военнослужащих в уголовных преступлениях, и в целом в нарушении ими прав

---

[93] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281. Л. 156 об., 157; Д. 321. Л. 37 об., 38; Д. 335. Л. 62 об., 63, 186 об., 187.

[94] Там же. Д. 321. Л. 71 об., 72, 88 об., 89; Д. 335. Л. 165 об., 166.

[95] См.: *Проскурякова М. Е.* Российские крепости… С. 25, 26.

местных жителей». Причину этого видели в том, что «за годы, проведенные военнослужащими российских гарнизонных полков в крепостях… между ними и городскими обывателями появились тесные контакты, выражавшиеся в установлении родственных связей и организации совместной предпринимательской деятельности» [96].

Однако сибирские материалы этого не подтверждают. Даже тот факт, что подавляющее большинство военнослужащих «Сибирского гарнизона» были выходцами из местного населения, не удерживал их от различных нарушений закона. Впрочем, здесь могла сыграть свою роль и та социальная среда, к которой они принадлежали – ведь среди населения Сибири почти не было крепостных крестьян (фактически лишенных прав), зато подавляющее большинство составляли люди, считавшие себя свободными. Осознание своего происхождения из групп тех подданных империи, за которыми признавались определенные права, могло способствовать относительно более высокой степени свободы поведения этих людей даже в рядах регулярной армии.

С другой стороны, нельзя забывать, что огромное множество офицеров, солдат и драгун (практически 90 %) на протяжении рассматриваемого периода честно несли службу, не подвергаясь никаким дисциплинарным взысканиям. Поэтому категорично утверждать, что офицеры держали солдат в повиновении только палками, также вряд ли правомерно. Все зависело от того, насколько успешно происходила адаптация военнослужащих к условиям конкретных регионов империи, от заинтересованности военных и гражданских властей в поддержании порядка и дисциплины в войсках, наконец, от способности полковых командиров и офицеров надлежащим образом следовать господствовавшим нравственно-психологическим установкам и подавать пример своим подчиненным. Даже в сложных сибирских условиях такая адаптация шла более-менее эффективно, не обходясь, конечно, без нарушений и проступков, от маловажных эксцессов до серьезных преступлений. Но не они определяли лицо регулярной армии в середине XVIII в.

---

[96] *Проскурякова М. Е.* Российские крепости… С. 26.

Подобные же тенденции можно отметить и применительно к частям Сибирского корпуса на протяжении второй половины столетия. Так, среди штаб-офицеров и ротных командиров (капитанов и ротмистров) 11 полевых полков на 1767 г. у 18 чел. (из 107) в формулярных списках указаны те или иные дисциплинарные нарушения и проступки, допущенные ими за время военной карьеры. Цифра выглядит немалой (почти 17 %), однако следует иметь в виду, что далеко не каждый такой случай сопровождался производством следствия и рассмотрением дела в военном суде. Зачастую кого-либо из офицеров командование просто не считало достойным к повышению в чине из-за каких-то бытовых факторов: наиболее распространенным среди них оказывалось, конечно, пьянство. Так, относительно капитана Томского полка А. фон Бергольца читаем: «По усмотренной в нем к пьянству склонности к повышению не аттестуетца» [97]. Капитан Сибирского драгунского полка В. Чубаров «за пьянство был без суда арестован на трои сутки и определен в Сибирской гарнизон без перемены чина, котораго и велено от того пьянства всекрайне содержать» [98]. В формулярном списке капитана кн. А. Голицына содержалась следующая примечательная запись: «По указу государственной Военной коллегии велено, чтоб ему, князю Голицыну, никто ничего в долг не верил, а кто даст, заплаты чинено не будет, и из Тобольска без указу Военной коллегии в Москву и в Санкт-Петербург не отлучать, а в Сибирской корпус определен за штраф, и из Калуги до Тобольска отправлен был за караулом, и за поведением его чинить примечание» [99]. Очевидно, князь отличался склонностью к мотовству и карточным играм, но при этом командование считало его «к повышению чина достойным» [100].

---

[97] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 138 об., 139.

[98] Там же. Л. 189 об., 190.

[99] Там же. Л. 139 об., 140.

[100] Впрочем, карточные игры были вообще распространены среди армейских офицеров. И. Андреев свидетельствовал в 1793 г.: «Князь Эристов, полковник Аршеневский и подполковник Транзее были в старой крепости у подполковника Буйносова, играли в карты, но он всех их изрядно обыграл» (Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871. С. 66).

В других случаях офицеры, хотя и подвергались аресту, однако не попадали под суд. Например, капитан Сибирского полка кн. Н. Еникеев за причиненные жителям одной дворцовой волости по дороге из Москвы в Сибирь «обиды, побои и прочие непорядочные поступки» в ноябре 1764 г. был только арестован на месяц по указу Военной коллегии без дальнейших последствий [101]. Капитан Колыванского полка И. Реберг (уроженец Пруссии), по результатам работы следственной комиссии в Краснослободской слободе в 1763 г. «за взятки от обывателей и за причинение с девкою Ульяною блуда» получил выговор от Военной коллегии («при собрании обер-афицеров учинен ему репреманд»). Через два года по решению командующего корпуса он был оштрафован вычетом жалования за месяц «за неосторожность и неисполнение данного ему в смотрении казенных дощаников повеления», т. е. за какие-то упущения при перевозке провианта на речных судах [102]. Но это не помешало аттестовать его достойным к повышению.

Как правило, доходили до суда дела, связанные с «экономическими» преступлениями, касавшиеся финансов или материальных ценностей. Однако даже в этих случаях офицеры, как правило, отделывались штрафами и вычетом денег из их жалования на госпитали. Ротмистр Якутского карабинерного полка И. Григорьев оказывался под судом дважды: в 1756 г. за хищения при посеве и снятии урожая ржи на казенной пашне, а в 1763 г., будучи полковым казначеем, за неправильно показанные цифры расходов на «госпитальные припасы». В обоих случаях с него взыскивали штрафные деньги, вычитая их из жалования за несколько месяцев [103]. Командир Якутского полка полковник И. фон Линеман по решению той же Краснослободской комиссии вынужден был возместить обывателям убытки от несостоявшейся поставки сена (точнее, состоялась она лишь на бумаге). Еще один приговор комиссия вынесла

---

[101] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 193 об., 194.

[102] Там же. Л. 181 об., 182. Еще в 1750 г. Реберг был под следствием за подписание бумаги о признании купленных в полк (как выяснилось, негодных) лошадей годными, за что поплатился месячным жалованием по прапорщичьему окладу (Там же. Оп. 1. Д. 491. Л. 128 об., 129).

[103] Там же. Оп. 3. Д. 83. Л. 339 об., 340.

капитану Олонецкого драгунского полка И. фон Клингенбергу: вычесть из жалования штрафные деньги «за взятки от обывателей» [104]. Буйными поступками отличался ротмистр Якутского полка Я. Пешков. Еще в 1758 г., будучи полковым писарем в крепости Св. Петра (Петропавловской), он грозил при перевозе из форштадта в крепость казенной избы, отведенной ему для жилья, «из команды кого-нибудь из пистолета убить до смерти», за что был наказан батогами. В 1763 г. он избил одного посадского из Кяхты и продал крестьянину казенную драгунскую лошадь, показав ее в рапорте павшей от болезни, а в 1767 г. как раз состоял под следствием «в причиненных купцам и обывателям разных обидах и взятках» [105]. Однако в целом никаких из ряда вон выходящих тяжких преступлений офицеры полевых полков Сибирского корпуса, по-видимому, не совершали.

А вот в гарнизонных частях корпуса с соблюдением воинской дисциплины и действующего законодательства дело обстояло не совсем благополучно. Если еще в середине XVIII в., как указывалось выше, доля правонарушителей среди офицеров в гарнизонных войсках Сибири не превышала 10 %, то к 1772 г. этот показатель возрос до 32,5 %: 109 чел. из 336 офицеров, служивших на тот момент в гарнизонных батальонах, т. е. почти каждый третий, оказывались в разное время (многие даже неоднократно) под следствием и военным судом («в фергере и криксрехте»). Заметим при этом, что ровно треть нарушителей (36 чел. из 109) обвинялись в совершении тех или иных проступков, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Штрафы и выговоры за действия, совершенные «в пьяном образе», вообще были едва ли не наиболее распространенным явлением.

Укажем несколько примеров подобного рода. Частенько оказывались в состоянии опьянения офицеры, вызванные к их командирам. Так, в послужном списке поручика 3-го Тобольского батальона Ф. Сорокина описывалось, как в 1770 г. он, будучи во 2-м Селенгинском батальоне, «в присудствии гос-

[104] РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 182 об., 183, 334 об., 335.
[105] Там же. Л. 338 об., 339.

подина баталионного командира маиора Круглова и селенгинского коменданта Аппелгреина при наличных штаб и обер офицерах явился пьян, и за то пьянство арестован был и посажен в гобвахт (на гауптвахту. – *А. Д.*) на восемь дней» [106]. Поручик Томского батальона М. Вершинин, отправленный в 1768 г. в Тобольск для доставки оттуда в крепости Иртышской линии денежного жалования, явился в тамошнюю обер-кригс-комиссариатскую комиссию «в пьяном состоянии», за что был «от того командирования отменен и поставлен в караул в гобвахт не в очередь». А через две недели он попался на глаза сибирскому губернатору Д. И. Чичерину, когда, стоя в карауле у тобольского тюремного острога, был уличен последним «в пребезмерном пьянстве» [107]. Прапорщик 2-го Селенгинского батальона А. Долгих в 1766 г., находясь в Нерчинске, явился пьяным на рынок и грозил находившимся там людям обнаженной шпагой, после чего избил одного из купцов [108].

В некоторых случаях вели себя неподобающим образом и иностранцы. Секунд-майор 3-го Тобольского батальона М. фон Эстеррайх подлежал военному суду за целый ряд учиненных им «непорядков»: «1. За наглое и в противность генералитетских повеленей сожжение кибиток со скотом и со шкарпом; 2. Во устращивании в своих покоях обнаженною шпагою вахмистра Соболева; 3. В приказывании бить капралу подпорутчика Дрогалева…» Впрочем, он достаточно легко отделался, избежав суда: «Вместо штрафа за сожжение кибиток взыскано с него для удоволствия обидимых 80 рублев, а за протчия продерзости призван в штаб и употребить велено не в очередь в месечной караул или х какой другой должности» [109]. Заметим, что провинившиеся вообще в большинстве случаев избегали суда, если только дело не касалось нанесения телесных повреждений или причинения финансового ущерба казне.

---

[106] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 480 об., 481.
[107] Там же. Л. 497 об. – 499.
[108] Там же. Д. 325. Л. 223 об. – 225.
[109] Там же. Д. 324. Л. 457 об. – 459.

Таблица 21

Правонарушения и преступления офицеров сибирских гарнизонных батальонов, 1772 г. *

Виды нарушений	**Численность (чел.)**		
	Штаб-офицеры	*Обер-офицеры*	**Всего:**
Должностные и дисциплинарные нарушения, служебные проступки	2	26	28
Преступления экономического характера: причинение материального / финансового ущерба казне или частным лицам	5	30	35
Преступления против личности: физическое насилие, причинение телесных повреждений	1	9	10
Прочие: пьянство, «продерзости», ложные доносы и др.	1	35	36
Всего:	9	100	109

* Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324, 325.

Как правило, военные власти ограничивались «репремандом» (вынесением выговора при собрании штаб- и обер-офицеров), наказанием гауптвахтой или направлением вне очереди в наряд для несения караула у тюремного острога. Поручик 1-го Тобольского батальона Ф. Иванов вместе с рядом других лиц оказался замешан в подделке данных о принятии пороха и денег в

шнуровой (приходно-расходной. – *А. Д.*) книге. Поставленный за это на месяц вне очереди в караул, он отпустил из острога нескольких заключенных и был приговорен к смертной казни, однако «в разсуждении долговремянной ево службы а особливо для многолетнаго ея императорскаго величества здравия от того свобожден», отделавшись благодаря решению губернатора Д. И. Чичерина только штрафом в размере жалования за два месяца [110].

Буйным нравом отличался поляк С. Домский. Еще находясь на службе в Олонецком драгунском полку в 1761 г., он явился ночью к казенному кабаку и пытался вытащить через окно за волосы целовальника, отказавшегося в неурочное время продать ему вино. Будучи в Тобольске, он однажды въехал верхом на лошади прямо в сени помещения гауптвахты, после чего сибирский губернатор Ф. И. Соймонов не только учинил ему «репреманд» (т. е. объявил выговор), но также распорядился «примечать… естли он хотя мало в каких непорядках или шумстве найдется, бес представления по команде судить воинским судом» [111]. Впрочем, и в дальнейшем Домский, находясь в одном из форпостов при Железинской крепости, грабил собственного денщика, присваивая себе его жалование, «чинил обиды» линейным казакам, так что командующий генерал-майор К. фон Фрауендорф вынужден был, «взяв ево в штаб квартиру в крепость… определить в состоящие во оной роты и впредь в отсудственные места отнюдь никуда не определять».

Встречались нарушения закона и в сфере личной жизни. Так, поручик 3-го Тобольского батальона И. Соколов угодил под суд в 1768 г. за прелюбодеяние с «девкой польской нации» Анной Петровой (вероятно, из ссыльных). Однако губернатор Д. И. Чичерин рассудил: «Хотя де ево, Соколова, и подлежало штрафовать отсылкою к церковному покаянию, но как он по неосмотрителному от судящих к смертной казни заключению сентенции немалое время содержался скован под арестом, то вменить ему в штраф и, отдав

[110] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 492 об., 493.
[111] Там же. Л. 483 об. – 485.

шпагу, ис под караула свободить по прежнему в ево должность» [112]. Бывший гренадер лейб-компании А. Булычов, еще в 1763 г. решением Военной коллегии фактически сосланный в Сибирский корпус с чином подпоручика, видимо, не смог смириться с таким поворотом судьбы и ознаменовал свое пребывание в 1-м Тобольском батальоне множеством проступков. В частности, стоя у тюремного острога на карауле, он пил вино с колодником Соболевым; пьянствовал также с сержантом Шарковым; «уронил» в грязь прапорщика Дарнина, «вымарав» на нем казенный мундир; ограбил отданного ему «для услуг» солдата, украв у него два рубля; избив жену капитана Чижова, снял с нее платье и отобрал рубль; наконец, «за вынятие положенных от доброходателей святым образом на свечи и ладан в отлучение часоваго из ящика денег» был приговорен военным судом к расстрелу. Однако и здесь вмешался губернатор Д. И. Чичерин, сначала настояв только на разжаловании обвиняемого в рядовые, а в 1771 г. даже распорядившись вернуть ему офицерский чин [113].

Складывается устойчивое впечатление, что во второй половине XVIII в. служба в частях «Сибирского гарнизона» превратилась в тяжелую повинность, не сулившую никаких выгод или престижа, так что угодившие сюда люди предпочитали топить свои горести в вине или бросать вызов заведенному порядку разнообразными выпадами и проступками. Эта картина выглядит тем более удивительной, поскольку ряд исследователей оценивают внутренний микроклимат и взаимоотношения между военнослужащими в армии екатерининской эпохи как довольно благоприятные [114]. Однако и из этого правила, как видим, бывали существенные исключения. Свидетельство

---

[112] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 486 об., 487. Военные власти вообще неохотно вмешивались в личную жизнь офицеров, как и в первой половине столетия. Недавно исследователями было подробно разобрано одно из похожих дел, см.: *Бабич И. В.* Гарнизонный роман: по материалам следственного дела о полковнике Ф. А. Доригни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.). СПб., 2015. Кн. 1. С. 68–81.

[113] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 516 об. – 518.

[114] См.: *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота… С. 132, 167, 168, 173; *Волкова И. В.* Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 64, 70, 71, 84, 85.

современника-иностранца (графа А. Ф. Ланжерона, французского эмигранта на русской службе): «Привычка их жить по-солдатски… придает им часто тон и привычки солдата; чрезмерная грубость и привычки извлекать пользу из всего и на всем, к несчастью, слишком терпимы в России» [115], – вполне применимо к офицерам сибирских гарнизонных батальонов.

Теперь обратим внимание на механизм работы военных судов в сибирских частях. Сфера военного судопроизводства и система специализированных судебных органов, сложившиеся еще при Петре I и функционировавшие на всем протяжении XVIII в., до сих пор также остаются по большей части «белым пятном» в отечественной историографии [116]. Только отдельные вопросы, связанные с их становлением в первой четверти XVIII в. [117], равно как и некоторые аспекты сложившейся правоприменительной практики [118], уже рассматривались исследователями. Однако конкретные механизмы деятельности военно-судебных органов (в частности, проведение следственных действий, рассмотрение показаний подсудимых, нормы, которыми руководствовались судьи при вынесении приговоров по конкретным делам, и возможности для изменения этих приговоров высшими инстанциями) по-прежнему практически не изучены.

---

[115] *Ланжерон А. Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. Т. 84. № 4. С. 168.

[116] Среди обобщающих работ историко-юридической направленности, в которых уделено внимание данной сфере, можно назвать лишь следующие: *Розенгейм М. П.* Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878; *Петухов Н. А.* История военных судов России. М., 2003.

[117] См.: *Серов Д. О.* Судоустройство и судопроизводство в России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 92–138; Он же. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. № 2 (Т. LXXV). Февраль 2013. С. 113–121.

[118] См.: *Калашников Г. В.* Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80–87; *Азнабаев Б. А.* Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. //Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 494–520; *Проскурякова М. Е.* «Бежав ис полку…»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 82–92.

Как полагалось в регулярной армии XVIII в., в состав полковых судов сибирских частей входили президент (презус) – штаб-офицер и несколько асессоров из числа обер-офицеров, включая также полкового аудитора. Так, в 1752 г. при созыве военного суда (кригсрехта) в Новоучрежденном гарнизонном драгунском полку полковым командиром подполковником И. Кенеманом были включены в его состав восемь чел.: секунд-майор К. фон Эндин (президент), капитан Н. Поляков, поручики Я. Функ и А. Теснинский, прапорщики П. Шишкин, В. Дьяконов, И. Коробейников, по должности – аудитор М. Оболтин [119]. Им предписывалось произвести дознание (фергер) и вынести решение в отношении троих военнослужащих того же полка – поручика Ф. Дмитриева, барабанщика Ф. Ошанина и драгуна И. Лалетина. При этом в обязательном порядке у последних выяснялось, не считали ли они нужным дать отвод кому-либо из судей вследствие личной неприязни или каких-то иных причин: «О подозрении судейском спрашиваны, не имеют ли они из вышеписанных присудствующих и аудитора кого себе подозрительна, на что они ответствовали, что де из вышеписанных судящих подозрителна себе никого не имеют и при суде ими доволны быть имеют, в чем и подписались» [120].

О том, каким образом с обвиняемых снимались допросы, можно судить по материалам дела в отношении троих рядовых Ширванского мушкетерского полка, в 1788 г. оказавшихся под следствием за убийство одного и избиение еще нескольких крестьян в Курганском уезде после того, как военнослужащие повздорили с последними, столкнувшись на узкой дороге. Солдаты утверждали, что всего лишь нанесли одному из встреченных ими на возах с сеном крестьян несколько ударов хлыстиком, дабы заставить их освободить дорогу для свободного проезда, однако двое крестьян начали с ними драться, так что мушкетеру И. Клинкову пришлось ударить одного из них деревянной вехой по затылку. Удар оказался смертельным, после чего другой крестьянин

[119] РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1274. Л. 44.
[120] Там же. Л. 44 об.

(Ф. Предеин, родной брат погибшего С. Предеина) бросился бежать. Солдаты попытались догнать его, но безуспешно. Сами подсудимые объяснили попытку погони следующим образом: «Сия погоня была не из злаго умыслу, чтоб тово крестьянина умертвить, а толко чтоб ево возвратить к их с сеном возам и не допустить до Утяцкой волости, куда им следовать было должно, дабы оной не дал знать о той драке сказанной волости крестьянам, и чрез бы то не произошло между ними вящей драки» [121].

Прибыв на квартиры, рядовые не сообщили командиру своей партии, подпрапорщику И. Сосунову, о происшедшем, но уже ночью к последнему пришли с жалобой крестьяне той волости, где проживали пострадавшие, после чего подпрапорщик распорядился взять обвиняемых под караул. Поскольку происшествие касалось не только военнослужащих, но и гражданских лиц, в дело вмешался также Курганский земский суд, определивший произвести «повальный обыск» и снять показания с крестьян – как с пострадавшего, так и с очевидцев и свидетелей – в волостном суде. Их показания доставил в расположение Ширванского полка дворянский заседатель земского суда Е. Гартман. Крестьяне, в свою очередь, обвиняли именно солдат в том, что они начали драку, поэтому последовали очные ставки. На них обе стороны продолжали давать разноречивые показания. В итоге составленный судом генеральный экстракт содержал лишь обвинения мушкетеров в избиении и убийстве, а подпрапорщику Сосунову вменили в вину то, что он отпустил их из своей команды вопреки приказу ротного командира.

В ряде случаев следственные действия и подготовка экстрактов из допросов для вынесения обвинительного заключения затягивались, когда подсудимые пытались искать поддержки у высшего начальства или старались оговорить неугодных им лиц, дабы отвести от себя внимание следствия. Так, в 1761 г. капитану Енисейского гарнизонного пехотного полка П. Щеголеву было предъявлено сразу несколько обвинений – в двоеженстве (отправляясь на службу в Сибирь, он женился второй раз при живой первой супруге,

[121] РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1295. Л. 5 об.

оставшейся в Белгороде) и в растлении двоих 14-летних девочек, находившихся у него в доме в услужении (одна – вольная прислуга, вторая – из дворовых) [122]. Однако Щеголев сначала написал целых три челобитных, адресованных в Военную коллегию, Сенат и Синод, в которых утверждал, что его напрасно преследуют сибирский губернатор Ф. И. Соймонов и сибирский митрополит Павел. Когда же командующий Сибирским корпусом генерал-майор И. фон Веймарн не допустил их отправки и обнаружил, вскрыв конверты, что в них содержались обвинения в адрес указанных лиц, Щеголев в январе 1762 г. сочинил слезное прошение самому Веймарну, в котором молил командующего разрешить ему лично отправиться из расположения полка (на тот момент – в Колыванском заводе) в Тобольск для примирения с губернатором и митрополитом.

Однако Веймарн не поддался на льстивые мольбы и хотя согласился выпроводить капитана в Тобольск, но заметил в письме к губернатору: «Как видно, вышепомянутой господин Щоголев знатно в своем состоянии едва ль воздержан». В Тобольске Щеголева поместили на гауптвахту на все время следствия, но и здесь он попытался избежать невыгодного для него приговора. Сначала он попробовал сбежать из-под караула и уехать в Москву, для чего сговорился с одним из посадских, чтобы тот предоставил ему телегу с тремя лошадьми, а когда его сообщник был задержан солдатами, обратился к обер-коменданту Тобольска генерал-майору фон Фирстенбергу, заявив, «что имеет он объявить… секрет, которой де времени нимало не терпит, и кроме ево… объявить никому не должен». «Секрет» заключался в словах о том, что сибирский митрополит Павел якобы пренебрег некоторым «всевысочайшим именным повелением» императрицы Екатерины II, «а в какой имянно важности то пренебрежение, о том писменным своим доношением утверждает доказать и точно представить во учрежденной… ныне вновь о церковных имениях комисии за свидетельством писменное о том доказательство» [123].

---

[122] РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 3–5 об.
[123] Там же. Л. 53, 53 об.

Сибирская губернская канцелярия отнеслась к словам Щеголева весьма серьезно и потребовала доказательств митрополичьего «пренебрежения», однако донос этот, как довольно быстро выяснилось, был от начала до конца ложным. Тут у местной администрации лопнуло терпение. Временно правившие делами губернии после отъезда в Москву уволенного в отставку Ф. И. Соймонова до прибытия на смену ему Д. И. Чичерина действительный статский советник А. Колударов и кн. М. Чхеидзе квалифицировали все показания Щеголева «как за едино затейныя и никакой справедливости не имеющие» и направили подготовленный экстракт из материалов дела «о всех ево прежних непорядочных поступках» напрямую в Военную коллегию [124]. По решению коллегии подсудимый был уволен со службы для исполнения наложенной на него митрополитом епитимьи в течение 15 лет. Поднося на утверждение лично императрице принятое решение, губернатор Чичерин даже заметил: «Дерзость капитана Щоголева ясно доказана от нестерпеливости наложеннаго на него так продолжителнаго и мучителного штрафу, стараясь избежать, и с того запутался в тягчайшия сети, и тем милости вашего императорскаго величества не заслужил» [125].

Бывали также случаи, когда непосредственное начальство обвиняемых офицеров не спешило давать ход делу по поступавшим доносам. Однако если сведения об этом доходили до вышестоящих инстанций, то с назначением расследования, как правило, привлекались к нему и те лица, которых подозревали в утаивании проступков своих подчиненных. В 1775 г., например, двое денщиков капитана 2-го Омского гарнизонного пехотного батальона Н. Селецкого, «явившись из бегов» в Железинскую крепость, сообщили командующему 1-м Омским батальоном полковнику Т. фон дер Роопу, «бутто б

[124] РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 55 об. Текст этого экстракта содержался на следующих листах архивного дела, см.: Там же. Л. 56–67.

[125] Впрочем, бывали также и случаи целенаправленного осуждения высшими инстанциями тех офицеров, которые брались отстаивать свои права перед Военной коллегией, за что получали обвинения в «дерзновенных предосудительных словах». См., напр.: *Бабич М. В.* Странное «дело» о полковнике Ф. А. Доригни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.). СПб., 2015. Кн. 1. С. 82–95.

упомянутой капитан Селецкой принуждал их над собою мужеложствовать», более того, что они уже подавали соответствующую жалобу коменданту Ямышевской крепости, где был расквартирован 2-й Омский батальон, секунд-майору Г. Кашаеву и капитану Н. Курбатову. Информация об этом пошла к командующему Сибирского корпуса генерал-майору И. Деколонгу, который выразил удивление тем, что «по справке в канцелярии моей оказалось от господина коменданта Кашаева никогда ко мне доносимо не было», и приказал начать следствие.

Вынужденный объясниться, комендант Кашаев оправдывался тем, что оба денщика капитана Селецкого выдвинули против последнего это обвинение, будучи «напившись пребезмерно допьяна», а когда их вели под караулом на гауптвахту, «крычали и ругали капитана всячески скверно бранными поносителными словами середнародно» [126]. Комендант велел оставить их там («до утра содержать, пока проспятся»), а потом приступил к допросу, но не посчитал нужным им верить, ограничившись внушением. Теперь же назначенный суд под председательством батальонного командира премьер-майора С. Красноперова, заслушав еще нескольких свидетелей, также подтвердивших, что слышали от денщиков капитана о подобных деяниях, вынес обвинительное заключение («сентенцию»), утвержденную в 1777 г. новым корпусным командиром генерал-майором А. Скалоном и Военной коллегией [127].

Неразграниченность военного и гражданского управления как в административной, так и в судебной сферах, порождала ряд казусов, когда обвинения против военнослужащих выдвигались теми или иными учреждениями в структуре местного (губернского) аппарата власти. Таково было, например, дело поручика 1-го Омского батальона Ф. Сединкина, с которого казенная палата Колыванской губернии постаралась взыскать более тысячи руб. в 1793 г. за утечку из бочек и недостаток вина в Ямышевской крепости в период 1783–1784 гг. (т. е. почти десять лет спустя!), когда тот, будучи еще сер-

[126] РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 241. Л. 293, 293 об.
[127] Там же. Л. 442–443 об.

жантом, исполнял там должность винного пристава [128]. Расследование тянулось более двух лет, поскольку значительная часть документов о приходе и расходе вина в крепости уже оказались утрачены, а ее комендант Кашаев в 1789 г. вышел в отставку и уехал из Сибири. Однако решением батальонного суда, которое поддержал также корпусной командир генерал-поручик Г. фон Штрандман и утвердила Военная коллегия, Сединкин был оправдан, поскольку, даже занимая указанную должность, не имел соответствующих полномочий, а приходом и расходом вина распоряжались сам комендант и его писарь Ефремов (к тому времени умерший). Более того, военный суд предложил взыскивать большую часть этой суммы именно с тех лиц, которые тогда служили в казенном департаменте Колыванской губернии, поскольку военные власти неоднократно просили разрешения на постройку в крепости каменного магазина для хранения вина, которое содержалось в неприспособленном амбаре, отчего и возникали потери [129]. В 1796 г., поскольку военным властям не удалось добиться исполнения этого решения от Колыванского наместнического правления, дело было передано на утверждение Сената.

Необходимо отметить, что далеко не всегда принятое полковым и батальонным судом решение сохранялось неизменным при вынесении даже обвинительного приговора. Сентенция суда поступала сначала к тому из представителей армейского генералитета, под чьим командованием состояла соответствующая воинская часть, который мог как согласиться с ней, так и изменить предложенную меру наказания. В свою очередь, его мнение рассматривалось генерал-аудиторской экспедицией Военной коллегии, также обладавшей полномочиями выносить свой вердикт. Причем в большинстве случаев генерал-аудитор и чиновники Военной коллегии, как правило, предпочитали смягчить наказание и не следовать в точности нормам Артикула Во-

[128] РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 2837. Л. 6–7.
[129] Там же. Л. 154–162.

инского [130]. Можно привести целый ряд примеров, иллюстрировавших подобную тенденцию.

В 1761 г. после продолжавшегося несколько лет следствия над капралом Якутского гарнизонного пехотного полка В. Мясниковым последний был признан виновным в грабеже, поборах и взятках с ясачных братских тунгусов, а кроме того, еще и в тяжком преступлении – причинении увечий и телесных повреждений собственной жене, скончавшейся после почти полугодовых побоев и садистских издевательств. Военный суд под председательством премьер-майора А. Белевица вынес обвиняемому смертный приговор, с которым согласился также бригадир и комендант г. Селенгинска В. В. Якоби: «Учинить смертную казнь, повесить, с чем и я мнением моим согласен, а наиболее все то оставляю вышнему соизволению и разсуждению» [131]. Однако при «конфирмации» (утверждении) приговора Военная коллегия сочла возможным сохранить Мясникову жизнь, и в окончательной редакции наказание для него выглядело следующим образом: «От приговоренной смертной казни свободить, а учинить наказание, бить кнутом и, поставя указные знаки, послать на Нерчинские заводы в работу вечно, и сверх того учинить ему церковное покаяние» [132]. Таким образом, даже насильственная смерть супруги при отягчающих обстоятельствах не стала для высшей инстанции достаточной причиной, чтобы утвердить виновному смертный приговор.

В 1755 г. точно так же избежал смертной казни солдат Якутского полка Г. Казанцов, пойманный за кражу вещей в Кяхтинской пограничной таможне и перевоз через границу для сбыта китайцам казенных кож и муки. Поскольку он уже и ранее был уличен в краже казенных денег, за что понес наказание шпицрутенами, бригадир Якоби снова согласился с приговором военного суда. Зато в Военной коллегии было вынесено следующее решение: «Хотя

---

[130] Об этом также см., напр.: *Проскурякова М. Е.* «Бежав ис полку…»: феномен дезертирства… С. 84, 85, 89–91.

[131] РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1605. Л. 72 об.

[132] Там же. Л. 74.

означенному салдату смертную казнь учинить правилно приговорено, однако ж он… лет состоит еще не весма престарелых, и в казенной работе еще может быть доволное время. Того ради приказали… помянутого салдата… от смертной казни избавить, а вместо того в страх другим учинить ему наказание кнутом и, вырезав ноздри, определить в Сибире вечно на казенныя заводы в работу» [133]. И в этом случае, как видим, ущерб, понесенный казной, и рецидивистский характер совершенного преступления не привели к точному исполнению норм Артикула, сразу по нескольким статьям предусматривавшего за подобные деяния именно смертную казнь.

Аналогичную схему можно проследить и по делам, связанным с теми или иными нарушениями в материально-имущественной и финансовой сферах. Так, в 1761 г. на рассмотрение губернатору Ф. И. Соймонову поступила из Сибирской гарнизонной канцелярии от командующего генерал-майора К. фон Фрауендорфа сентенция военного суда, согласно которой секунд-майор Новоучрежденного драгунского полка А. Тарасов подлежал разжалованию на год в рядовые за слабое поддержание дисциплины среди подчиненных ему в Барнаульском заводе солдат и казаков, а также использование их на работах для собственных нужд (заготовка и перевозка для продажи сена, рыбные ловли и т. д.). Сам Фрауендорф попытался смягчить наказание, предложив просто оштрафовать Тарасова вычетом жалования за полгода [134]. Однако губернатор посчитал такую меру все же недостаточной: «Положенного по мнению гарнизонной канцелярии одного из жалованья вычету признаваетца быть недоволно». Вместе с тем, принимая во внимание, что «в означенных ево винах высокому ея императорскаго величества интересу великаго вреда и убытку не заключаетца, а особливо на пограничных линиях при командах в афицерах всегдашняя и немалая требуетца нужда» [135], Соймонов тоже не настаивал на разжаловании виновного в солдаты, а просто

[133] РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1724. Л. 34 об., 35.
[134] Там же. Оп. 2. Д. 121. Л. 209, 209 об.
[135] Там же. Л. 210.

предложил перевести его на полгода из штаб-офицеров в обер-офицеры (в чин капитана) с сохранением на этот период вычета из его жалования.

Свои соображения он отослал в Военную коллегию, где после затянувшегося еще на полтора года рассмотрения дела утвердили и вовсе смехотворный (по действовавшим нормам Артикула) приговор – наказать Тарасова арестом на три месяца, без временного понижения в чине. Самое удивительное, что в данном случае провинившийся офицер даже не был дворянином по происхождению, в его формулярном списке значилось «помещичий человек Серпуховского уезда» (т.е. выходец из крепостных или дворовых людей), сумевший достигнуть штаб-офицерского чина. Более того, в 1744 г. он уже находился под следствием по обвинению в присвоении части казенных денег, которые вез в Кузнецк для выдачи жалования, следовательно, его повторный проступок мог быть квалифицирован как рецидивистское действие [136]. Но ни одно из этих соображений, как видим, Военная коллегия не стала принимать во внимание, фактически определив ему минимальное наказание.

Совершенно вопиющий случай произошел в 1765 г., когда в партии офицеров под командой подполковника К. Пекурина, следовавших из Западной Сибири в Забайкалье для зачисления в состав только что сформированного Селенгинского пехотного полка, прапорщик А. Ерохин нанес в ссоре смертельное ножевое ранение поручику Г. Чичагову, который, проболев три недели после этого, скончался. Шокированный произошедшим генерал-майор В. В. Якоби распорядился произвести следствие не только над обвиняемым, но и над другими офицерами из состава партии, в том числе ее командиром «по разным доносителствам и показаниям в проследовании с командою чинимых по тракту доволных непорятках». А поскольку штаб-офицеров, превосходивших чином подполковника Пекурина, в Забайкалье на тот момент не было, Якоби запросил специальную санкцию на ведение следствия у командующего Сибирского корпуса генерал-поручика И. фон Шпрингера. В

[136] См. о нем: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281. Л. 113 об., 114; Д. 367. Л. 4 об., 5; Д. 439. Л. 6 об., 7, 132 об., 133.

ходе расследования выяснилось, что Пекурин совершенно не умел заставить подчиненных уважать себя как командира и исполнять его распоряжения. В частности, Ерохин неоднократно отзывался о командире партии матерной бранью, однажды избил подполковничьего денщика, а Чичагову нанес смертельное ранение, когда тот пытался заставить его исполнить приказ – явиться к командиру. Более того, когда Ерохин уже содержался в Томске в тюремном остроге, его посетил поручик И. Попов, чтобы показать те рапорты о происшедшем, которые Пекурин адресовал генерал-майору Якоби, после чего уничтожил бумаги [137].

К следствию оказались привлечены также поручик А. Дурнов, по сути, поощрявший покойного Чичагова к тому, чтобы попробовать отвести Ерохина к командиру силой, и присутствовавшие в момент их ссоры сержант, капрал и шестеро рядовых. Последним было поставлено в вину то, что никто из них не попытался разнять офицеров и предотвратить роковой удар или хотя бы срочно донести подполковнику о том, что происходило. Впрочем, судьи решили, что их вина не столь значительна, поскольку в нее «впали они не с умыслу, но с простоты и оплошности, а салдаты и от недознания по недавному их в военную службу из выведенных ис Полши определению» [138], так что всех их определено было лишь наказать батогами. Прапорщик Ерохин был приговорен военным судом к смертной казни одним из наиболее мучительных способов – колесованием. Тем не менее, Военная коллегия все-таки сочла возможным сохранить ему жизнь, вынеся следующее решение: после отбытия церковного покаяния в течение шести недель отправить Ерохина в каторжные работы на Нерчинские заводы сроком на пять лет, после чего вернуть его на военную службу рядовым с наложением запрета на производство в чины [139]. Трудно сказать, чем именно руководствовались генерал-аудитор и члены коллегии, вынося такой приговор. Возможно, они посчитали, что подсудимый, будучи еще довольно молодым человеком (не старше 30 лет), в со-

[137] РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 422–423 об.
[138] Там же. Л. 423 об.
[139] Там же. Л. 426–431.

стоянии принести пользу казне и государству, сначала каторжником, потом солдатом. Как бы то ни было, это единственный известный пример, когда офицер, совершив убийство одного из своих сослуживцев, не был казнен.

Таким образом, анализируя содержание всех рассмотренных выше судебно-следственных дел, можно отметить следующие характерные моменты. Во-первых, выносимые полковыми судами (кригсрехтами) приговоры оказывались наиболее суровыми, в полной мере соответствуя нормам Артикула Воинского, а по мере поступления их на рассмотрение вышестоящих инстанций наказания для виновных, как правило, смягчались, иногда даже заменяясь гораздо более легкими. Очевидно, военные власти руководствовались соображениями служебной необходимости или практической целесообразности, в зависимости от тяжести преступлений и возможного ущерба, понесенного в результате противоправных действий. Это придавало всей системе военного правосудия известную гибкость, хотя с течением времени стало приводить к определенному падению дисциплины в рядах регулярной армии к концу XVIII в.

Во-вторых, в целом ряде случаев оказывались привлеченными к следствию командиры тех подразделений, в составе которых служили обвиняемые. Случаи с комендантом Кашаевым и подполковником Пекуриным наглядно иллюстрировали принцип, согласно которому непосредственный начальник нес ответственность за возможные проступки собственных подчиненных, зафиксированный, в частности, в гл. 17 Артикула: «А офицеров, которые к сему повод дали… или рядовых каким-нибудь образом к тому допустили, оных наказать лишением чести, имения и живота» [140]. Трудно сказать, до какой степени коллективная ответственность могла способствовать поддержанию дисциплины и порядка среди военнослужащих. Заметим, что в самом Артикуле содержались отчасти противоречившие друг другу положения – так, в толковании к одной из статей гл. 3 заявлено: «Ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушну быть», тогда как в гл. 5

[140] Российское законодательство… Т. 4. С. 352.

сформулировано: «Команда офицерская более не распространяется над салдатами, токмо сколко его величества и его государства польза требует. А что к его величества службе не касается, то и должность салдатская того не требует чинить» [141]. Тем не менее военные суды старались дифференцированно подходить к оценке степени вины каждого из подсудимых, руководствуясь этим и при вынесении приговоров.

В-третьих, еще одной особенностью оказывалось заметное участие гражданских лиц и местных властей в рассмотрении случаев, касавшихся не только военнослужащих, но и представителей разных групп населения. Однако из этого не следовало, что военные власти могли ставить себя выше администрации и действовать в обход нее. Рассмотренные дела свидетельствуют, что органы военного судопроизводства нередко прибегали к содействию гражданских властей в ходе того или иного расследования, а ведомственные конфликты в этой среде не были частым явлением. В целом можно заключить, что функционирование системы военных судов в армейских частях, расквартированных на востоке империи, отличалось достаточно точным соблюдением формальных правил, регулировавших данную сферу, но вместе с тем носило достаточно гибкий характер, позволявший зачастую отступать от буквального применения чрезвычайно суровых норм действовавшего законодательства. С точки зрения уровня дисциплинарных показателей и функционирования следственно-судебных органов положение дел в сибирских частях вряд ли сильно отличалось от общей картины, характерной для всей регулярной армии в XVIII в. Несмотря на множество изученных казусов, все же есть основания утверждать, что большая часть офицеров и рядовых, в разные десятилетия оказывавшихся за Уралом, несли здесь службу добросовестно и в меру своих сил и возможностей.

[141] Российское законодательство… Т. 4. С. 333, 338.

4.3. Повседневные занятия военнослужащих

При рассмотрении повседневных занятий лиц, несших военную службу в армейских частях за Уралом, также сталкиваешься с практически полной неизученностью данного аспекта. Если по рассматриваемому периоду в целом все-таки можно указать ряд исследований, посвященных истории повседневности (прежде всего, это касается жизни дворянского сословия) [142], то относительно военнослужащих регулярной армии почти невозможно найти сведения о деталях и обстоятельствах их повседневной жизни и быта. Поэтому постараемся уделить внимание лишь следующим конкретным аспектам, относившимся к повседневным занятиям: процедуры снабжения денежным и вещевым довольствием; порядок исполнения военнослужащими отдельных поручений, связанных с необходимостью покидать расположение своих частей; взаимоотношения между ними по тем или иным вопросам, не связанным напрямую с выполнением воинского долга; взаимодействие с гражданским населением.

Отчасти описанная ситуация объясняется тем обстоятельством, что сохранившиеся источники несут информацию лишь о тех или иных внешних сторонах военной службы, почти не давая возможности заглянуть «внутрь» армейской жизни. Несколько публикаций посвящены взаимоотношениям военнослужащих с населением в тех регионах, где были дислоцированы на постоянных квартирах армейские части [143]. Зато, например, о порядке выплат рядовым и офицерам денежных сумм в целом ряде работ содержались лишь

---

[142] См., напр.: *Короткова М. В.* Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX столетий: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2009; *Шлукина Н. А.* Быт провинциального дворянства во второй половине XVIII столетия: Дис. … канд. ист. наук. М., 2001; *Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.; СПб., 1998; и др.

[143] См.: *Лапин В. В.* Постойная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. Вып. 2. С. 135–164; *Субботина (Яковлева) Л. Е.* Натуральный постой в XVIII–XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.

общие фразы, не связанные с какими-либо конкретными примерами [144]. При этом все указанные аспекты изучались в основном на материалах европейской части страны. Повседневные занятия военнослужащих, находившихся в Сибири, и вовсе до сих пор не рассматривались. Лишь в трудах алтайских исследователей А. А. Пережогина и С. В. Андрейчука, а также в одной из последних работ красноярского историка Г. Ф. Быкони приводились некоторые сведения, относящиеся к этим сюжетам [145]. Хотя даже в указанных публикациях они носят подчиненный характер, не являясь предметом специального анализа. Однако архивные материалы все-таки содержат данные о некоторых аспектах, характеризующих особенности повседневного несения службы на «сибирской окраине».

В сохранившихся документах канцелярского делопроизводства встречаются сведения, которые дают представление о тех проблемах и трудностях, с которыми ежедневно могли сталкиваться рядовые и офицеры сибирских частей. Прежде всего надо обратить внимание на некоторые особенности, связанные с расчетом и выдачей военнослужащим денежного жалования. Все специалисты по истории русской армии отмечали основные принципы, на которых строилась его выдача: регулярность (три раза в течение года), ординарные («на строение мундира», а также на содержание госпиталей и закупку для них медикаментов) и экстраординарные (за утерю или приведение в негодность вооружения, обмундирования и пр.) вычеты [146]. Однако почти нигде

---

[144] См., напр.: *Соловьев Н. И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб., 1900. Вып. 1; *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1; *Бегунова А. И.* Сабли остры, кони быстры…: (Из истории русской кавалерии). М., 1992; *Тиванов В. В.* Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века). М., 1993.

[145] *Пережогин А. А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005; *Андрейчук С. В.* Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. … к. и. н. Барнаул, 2010; *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007.

[146] См.: *Баиов А. К.* Русская армия… С. 36; *Соловьев Н. И.* Исторические очерки… С. 109–115.

не упоминалось о том, на какие цели военнослужащие могли получать дополнительные средства, помимо жалования. Известно, что на протяжении большей части XVIII в. рядовые, особенно в гарнизонных войсках, зачастую использовались на строительстве и ремонте мостов, сооружении укреплений. Занятым в конце 1720-х гг. на рытье Ладожского канала солдатам, например, казна платила по три коп. в день [147]. Но был и еще один аспект – отправление рядовых или унтер-офицеров в дальние поездки для доставки донесений или других документов тем или иным государственным учреждениям. Для этого им также выдавались из казны соответствующие денежные суммы («прогонные деньги»), которые должны были идти на оплату подвод.

Несколько примеров того, как рассчитывались и выдавались эти суммы. В сентябре 1740 г. из Тобольска в Санкт-Петербург «с нужнейшими доношениями и репортами» был отправлен вахмистр Новоучрежденного гарнизонного драгунского полка М. Редриков. Для проезда распоряжением Сибирской губернской канцелярии ему были выданы из тобольской рентереи [148] на одну почтовую подводу 21 руб. 13,5 коп. Возвращаться ему предстояло уже по «зимнему пути» на ямской подводе, и это должно было обойтись в 10 руб. 63 коп. [149] Рассчитывались эти суммы согласно установленным нормативам: прогоны за использование подводы составляли летом по 1 коп., а зимой – по 0,5 коп. с версты [150]. Таким образом, ему предстояло проехать в обе стороны расстояние не менее четырех тыс. верст.

Ближе к концу 1740 г. туда же отправился сержант Енисейского гарнизонного пехотного полка П. Лазарев. До Санкт-Петербурга ему предстояло ехать на двух почтовых подводах, а обратно уже на одной. В соответствии с расчетом «зимнего пути» ему было выдано по 15 руб. 72,5 коп. за каждую из

---

[147] *Карпущенко С. В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 118.

[148] Рентерея – местное ведомство, подчиненное государственному казначейству. Принимало собираемые налоговые взносы, хранило казенные деньги и выдавало их по распоряжению губернаторов и воевод. Введены были Петром I с 1720 г.

[149] РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 322.

[150] *Соловьев Н. И.* Исторические очерки… С. 91.

трех подвод, так что общая сумма составила 47 руб. 17,5 коп. [151] Очевидно, следовать в столицу он должен был не прямым путем, а через Москву, что увеличивало его путь еще почти на тысячу верст в каждую сторону. Лишняя подвода на пути в Петербург предназначалась, судя по всему, для перевозки большой партии документов: Сибирская губернская канцелярия специально подчеркивала, что он должен был доставить различным правительственным учреждениям «нужнейшие доношения, ведомости и репорты».

Несколько ранее, в 1738 г. был отправлен из Тобольска в Санкт-Петербург рядовой Тобольского гарнизонного пехотного полка Д. Зеленщиков. Прибыв к месту назначения, он оказался в затруднительном положении, указав в своем донесении, адресованном Сенату: «Дана мне для проезду ис Тоболска до Санкт Питербурха одна ямская подвода и на оную прогонные денги без возврату… А для проезду обратно до Тоболска на одну ямскую подводу прогонных денег мне не дано, и за тем ехать мне туда не на чем, а ежели идти пешему, то продолжусь в пути многое время, от чего опасен штрафа» [152]. В связи с этим он просил выдать ему деньги для оплаты подводы на обратный путь. При рассмотрении дела в Сенате выяснилось, что в тексте подорожной, выданной Зеленщикову за подписью сибирского губернатора П. Бутурлина, были указаны лишь расчетные цены для оплаты подвод, но ничего не говорилось о размере выданной ему денежной суммы: «Давать ямскую, а где ямов нет, уездную одну подводу, имая… за ямскую прогонные денги на десять верст по две копейки, а за уездную по печатному плакату в нынешнее летнее время по копейке на версту» [153].

Кроме того, в подорожной не было сказано, предназначены ли эти деньги лишь для проезда в один конец, или также для возвращения в Сибирь, хотя еще сенатским указом от 1736 г. предписывалось обязательно уточнять этот момент: «Когда из Сената и из других мест, куда куриэры отправятца, також и в Сенат и в другие ж места, откуда присылатся будут, то в указех и

[151] РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 330.
[152] Там же. Оп. 14. Кн. 789. Л. 457.
[153] Там же. Л. 458.

доношениях точно писать, с возвратом ли или толко в один путь им прогонных денег, и сколко выдано будет, дабы оные, которым даны будут прогонные денги в оба пути, вторичных оттуда, куда посланы будут, не получали» [154]. В итоге Сенат принял решение дать Зеленщикову ямскую подводу (ему выписали подорожную в Ямской канцелярии) и выделить необходимую сумму для оплаты прогонов из средств Штатс-контор-коллегии. Возместить выплату этих денег было поручено Сибирскому приказу путем взыскания с Сибирской губернской канцелярии «за непорядочное того салдата отправление» [155].

Военнослужащим в Сибири выдавали не только денежное жалование, но также в ряде случаев и казенный провиант. Хотя к середине XVIII в., как отмечал Л. Г. Бескровный, «переход от натуральных поставок к денежным закупкам привел к системе централизованных заготовок и созданию специальных провиантских магазинов, на которые базировались войска» [156], однако в сибирских условиях эта система зачастую не срабатывала. Г. Ф. Быконя указывал, что рядовые дислоцированного в Забайкалье Якутского гарнизонного пехотного полка содержали собственные мельницы, где мололи привозимое зерно, а в дальнейшем и сами стали заниматься хлебопашеством [157]. В 1738 г. из Кяхты, где работала государственная комиссия по надзору за покупками для казны ревеня, был отправлен в Петербург «с некоторыми секретными известиями» солдат того же Якутского полка И. Власов. Проведя в отъезде почти год, Власов не успел получить причитавшегося ему хлебного рациона (за период с сентября 1738 по июль 1739 г.), и в 1741 г. просил выдать то количество провианта, которое задолжала ему казна.

Согласно п. 9 действовавшего тогда в русской армии Воинского Устава 1731 г., отправлявшимся в дальние поездки офицерам и рядовым полагалось выдавать жалование «на то время, пока могут к полку возвратитца, или дой-

---

[154] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 789. Л. 459.
[155] Там же. Л. 460–461 об.
[156] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 124.
[157] *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население… С. 175.

дут до такого места, где могут жалованье получить, по усмотрению и по общим советом за подписанием штап афицеров и ротных командиров»[158]. Вместе с положенным ему провиантом за майскую треть наступившего года он должен был получить три четверти и четыре четверика муки, четверик и шесть малых четвериков крупы[159]. Однако командир полка бригадир В. Якоби, по согласованию с другими штаб-офицерами и ротными командирами, принял решение выдать Власову только денежное жалование, включив туда и суммы, положенные на получение мяса и соли в текущем году[160] – 6 руб. 42 коп. Провиант же, «за неимением здесь в Селенгинском магазеине», ему велели требовать в Иркутске от тамошней провинциальной канцелярии[161].

Не редкостью, как уже отмечалось ранее, были случаи, когда офицерам и рядовым сибирских гарнизонных частей приходилось заниматься делами, связанными со снабжением войск провиантом. Однако в условиях Сибири функционирование системы снабжения на практике постоянно сталкивалось с немалыми затруднениями (см. выше в гл. 3). Так, в начале 1745 г., когда потребовалось обеспечить провиантом перебрасываемые из Европейской России полевые полки, для этого были задействованы некоторые офицеры «Сибирского гарнизона». Капитан Енисейского пехотного полка М. Корякин отправился в Ишимский и Ялуторовский уезды, чтобы снарядить две тыс. подвод для перевоза оттуда в г. Тару 6 тыс. четвертей муки[162]. А его сослуживец прапорщик З. Молоков поехал к Соли Камской для закупки там пеньки и бечев, необходимых для оснастки речных судов (дощаников), на которых пред-

---

[158] РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 66. Л. 2 об.

[159] Четверик – 1/8 часть четверти, равен 16,38 кг. Малый четверик (гарнец) – 1/8 часть четверика, равен почти 2,05 кг.

[160] Решением Воинской комиссии с 1731 г. деньги на мясо и соль, ранее отпускавшиеся нижним чинам отдельно, были присоединены к их жалованию: «Мясных денег полагалось в год 72 коп., а на соль 15 коп. в год на человека» (*Соловьев Н. И.* Исторические очерки… С. 101).

[161] РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 66. Л. 3, 3 об.

[162] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 283. Ч. 2. Л. 136 об.

полагалось транспортировать провиант из Тобольска в Верхне-Иртышские крепости [163].

С 1748 г., когда часть военнослужащих сибирских гарнизонных частей решено было перебросить на юго-восток для охраны района Колывано-Воскресенских горных заводов, на них возложили и доставку туда провианта. В своем запросе, адресованном Военной коллегии, командующий сибирскими частями генерал-майор Х. Киндерман поинтересовался, «повелено ль де будет впредь для воски казенного в крепости правианта на судах в работу употреблять как полевых, так и гарнизонных салдат, и з заплатою ль или без заплаты, и буде повелено будет, по сколку человеку за ту работу на день денег производить и ис какой суммы?» [164]. Ответ из столицы гласил: «Отправление правианта чинить таким образом: которой потребно на регулярное войско, то к свозу оного употреблять ис тамошних и гарнизонных полков салдат, а который на нерегулярные войски, то к тому употреблять людей ис таких же нерегулярных и ис протчих тамошних обывателей, дабы от излишняго одних полковых служителей росходу в полках в людях умаления не было» [165]. Уже через несколько месяцев Киндерман доложил, что «в Верх-Иртышские крепости на дощениках правиант десять тысяч четвертей отправлен… армейскими и гарнизонными салдатами и служилыми казаками, кроме обывателей» [166].

Еще сложнее обстояло дело с провиантским снабжением в Якутском полку. Его офицерам приходилось ежегодно отправляться в объезд забайкальских острогов и слобод, где сборщики провианта сдавали им собранные для полковых нужд запасы. Так поступил, например, в апреле 1741 г. поручик Ф. Тарский. Взяв четыре казенных дощаника в г. Удинске, он отплыл из Селенгинска вниз по р. Селенге, чтобы посетить ряд пунктов и собрать провиант. Согласно инструкции, выданной поручику командиром Якутского

[163] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 283. Ч. 2. Л. 140, 140 об.
[164] Там же. Д. 343. Л. 7 об., 8.
[165] Там же. Л. 8 об.
[166] Там же. Л. 74 об.

полка бригадиром В. Якоби, ему следовало получить ржаной муки: в Ильинском остроге – 728 пудов 30 фунтов от сборщика М. Федотовых, в Архангельской слободе – 405 пудов 30 фунтов от С. Таракановского и Н. Бушкова, в Кабанском остроге – 1 169 пудов 20 фунтов от С. Галащева. Именно такие объемы провианта, по рапортам перечисленных сборщиков, были заготовлены там.

Впрочем, Тарскому было предписано забрать у сборщиков и любые излишки провианта, которые обнаружатся «сверх того числа». Если же собрать провиант не удастся, поручик должен был обратиться к приказчику Итанцинского острога А. Ловцову с требованием «зборного казенного его императорского величества правианта муки ржаной, сколко пудов потребно будет, или сколко ныне налицо имеется, с роспискою». Перевозка собранного провианта на судах до Селенгинска, где располагались полковой штаб и казенные магазины, осуществлялась силами специально отряженных в эту поездку солдат, над которыми Тарскому предписывалось смотреть «во удержании от чинения в пути обид обывателем» [167].

Поручик успешно исполнил возложенную на него миссию. Уже 24 мая он вернулся с грузом провианта и сдал его в Селенгинске провиантмейстеру тамошнего армейского магазина Л. Бурлакову. Ф. Тарский доставил даже больший объем провианта, чем предполагалось: 1 252 пуда 20 фунтов ржаной муки из Кабанского острога, 1 168 пудов из Архангельской слободы, 200 пудов из Ильинского острога, 700 пудов из Итанцинского острога (всего более 3 тыс. пудов) [168].

Не только перевозкой провианта занимались военнослужащие гарнизонных частей Сибири. В том же 1741 г. шестеро рядовых, отданных под начало ротного каптенармуса Ф. Тюрина, сопровождали во время долгого пути из Селенгинска до Москвы Марию Бухольц, вдову недавно скончавшегося командира Якутского полка бригадира И. Бухольца. Сибирский губер-

[167] РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 64. Л. 4–5.
[168] Там же. Д. 63. Л. 2.

натор генерал-майор И. Шипов выдал этим людям паспорта для проезда из Тобольска в европейскую часть страны, которые они предъявили 19 декабря того же года, прибыв в Верхотурье [169].

В ряде случаев полковым офицерам поручалось исполнять дела государственной важности, «которые тайности подлежат». Указ о хранении государственных тайн, изданный еще Петром I в 1724 г., гласил о таких делах: «Оного в партикулярных писмах отнюдь ни х кому не писать» [170]. К ним относилась, в частности, организация процедуры присяги населения новому монарху. Зимой 1740/1741 гг. на уже упомянутого поручика Ф. Тарского возложили обязанность привести к присяге на имя младенца-императора Ивана Антоновича (по официальным документам Ивана III) жителей Кяхтинской слободы и Троицкой крепости, расположенных на самой границе с Китаем. Из присланных в Селенгинскую воеводскую канцелярию 30 печатных экземпляров манифеста покойной императрицы Анны Иоанновны (о назначении принца Ивана наследником русского престола) и 272 экземпляров текста присяги Тарскому выдали два экз. манифеста и 20 присяг, велев отправиться с ними к командиру тамошнего гарнизонного подразделения поручику Попову и пограничному комиссару Ипатьеву [171].

Инструкцию поручику подписал 3 января 1741 г. сам командир Якутского полка бригадир И. Бухольц, одновременно занимавший должность коменданта г. Селенгинска. Он велел Тарскому манифест императрицы «всякаго чина людем во всенародное известие публиковать з барабанным боем, где пристойно, також и в церквах неоднократно, а потом, по собрании народа в церковь, всех ея императорского величества подданных, как духовного, так и мирского, военного и гражданского чина и всякого звания людей, кроме па-

[169] РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–2 об. Э. В. Демин, которому, очевидно, был неизвестен данный документ, ошибочно полагал, что Бухольц жил в Селенгинске без своей семьи, см.: *Демин Э. В.* Забайкальское пограничье петровского гвардейца (И. Д. Бухольц) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2009. Кн. 1. С. 159, 160.

[170] См., напр.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 8. Л. 43 об.

[171] РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 64. Л. 1, 1 об.

шенных крестьян, приводить к той присяге… и на тех присяжных листах будущим у присяг велеть подписыватца, сколко человек на обоих сторонах уместитца может» [172]. Отдельное внимание ему предписывалось обратить на священнослужителей и церковников и проследить, чтобы «и те, которые не у церквей служащия, и хотя которыя и в подушной оклад за кем написаны, все к тем присягам приведены были и подписались; також архиерейских и манастырских слуг и их детей по тому ж к присяге приводить всех, как положенных, так и неположенных в подушной оклад, хотя которые в них найдутся и ис крестьян и в подушной оклад положенные, а при архиерейских домех и манастырях действително манастырскую службу отправляют, от тех присяг не выключать» [173].

Тех жителей, которые на момент приведения к присяге окажутся в отлучке, поручалось контролировать поручику Попову и комиссару Ипатьеву. У таких велено было «брать скаски, где ту присягу чинил, и кто ево приводил, и когда». В случае, если выяснится, что кто-либо из этих людей еще не приносил присяги, Попов с Ипатьевым должны были сами осуществить соответствующую процедуру, отчитываясь в этом перед Селенгинской воеводской канцелярией [174]. Важность поручения, возложенного на поручика Тарского, специально подчеркивалась в последнем пункте выданной ему инструкции, где говорилось о необходимости охранения государственных тайн: «Ежели какое препятствие от кого в том или ином будет твоему делу, то писать волно, куды за благо ты разсудишь, толко упоминая о врученном тебе деле генерально, отчего оному повреждение есть» [175].

Коснувшись взаимоотношений военнослужащих с гражданским населением, нельзя не отметить одного любопытного дела, в разбирательство которого вынужден был вмешаться сам корпусной командир И. фон Шпрингер в 1768 г. Оно было связано с пребыванием в г. Енисейске направленного туда

[172] РГАДА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.
[173] Там же. Л. 2, 2 об.
[174] Там же. Л. 2 об.
[175] Там же. Л. 3.

из расположения Колыванского драгунского полка «для приему и привозу на полк сапожного подряду» поручика Дубровина с командой драгун, которые обвинялись в причиненных городским обывателям «разных обидах и нападках». Все началось с того, что драгун И. Мингалев 27 ноября 1767 г. приставал на улице к вдове казака Черкашенинова Марии, а также, призвав на помощь М. Токарева и И. Ложникова, двоих драгун из команды капитана Е. де Гарриги, пытался сорвать с женщины шубу. За нее вступились двое посадских, после чего драгуны завязали с ними драку, причем Мингалев пытался ударить одного из них по голове обнаженной шпагой [176].

Его командиру поручику Дубровину донес о происшедшем вахмистр Груздев, однако тот, вопреки уставу, не пожелал допрашивать своего подчиненного. Вердикт городской полиции, поддержанный Енисейской провинциальной канцелярией, гласил: «Правости хотя ни той, ни другой стороны и не находитца, но при всем том Мингалев тем вяще виновным состоит, что он сей ссоре зачинщик был; обыватели ж к тому во-первых побуждены были защищением безвинной женщины, а потом, видя наглость драгунскую и обнаженныя ими шпаги, для своей обороны принуждены уже и в драку вступить» [177]. Однако Дубровин самолично явился в полицию доказывать, что его подчиненный не был виноват в случившемся, причем «с озарту приказывал двери и окна выбивать и случившихся во оной служителей сквернословил и угрожал».

На следующий день он потребовал от Енисейской провинциальной канцелярии освидетельствования побоев, полученных Мингалевым в драке, однако соответствующей резолюции не дождался. Когда же после обеда ему принесли из канцелярии повестку, вызывая для разбирательства, поручик «отозвався обедом, отдохновением и слабостию здоровья своего, во оную не явился, а тем самым и доказал, что он все сие с одной гордости, презрения и нежности, потеряв пристойное присудственному месту почтение, учинил, да

[176] РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 20 об.
[177] Там же. Л. 21.

ещо и вторично того же требовал и тут включал и укоризненныя на воеводу Шапочникова речи» [178]. Затаив обиду на чиновников, Дубровин буквально через несколько дней известил их, «что он для предосторожности команды ево при государевых лошедях обретающагося караула по силе и должности воинскаго артикула в ночное время будет отправлять дозор, о чем бы для сведения и рогаточным караулам объявить». Однако, как заметил разбиравший это дело обер-аудитор А. Самарин, поручик не имел права «в такия яко единственно до внутренней полицыи касающияся дела вступатца, чем он не толко присудственному месту предосуждение навел, но и сам себя явному подозрению ввергнул», поскольку «доказал свои приметки и озорничества, от которых он как бы в своих ответах ни отпирался, но они сами по себе явны, и не к наблюдению ползы, но к беспокойству ево служат тем имянно, что зачал граждан, попадающихся встречь на ево так называемой дозор, в ночное время ловить и под свой караул отдавать, и вместо того, чтоб ему толко дозором ходить на конюшну, он почти по всему городу осматривал рогаточныя караулы» [179]. В результате на протяжении следующих дней Дубровин со своей командой буквально затерроризировал горожан, задерживая попадавшихся ему в ночное время на улицах людей и отправляя их под караул.

Так он посадил до утра под стражу посадского сотского Е. Пивоварова, а также захватил двоих купцов, Сумкина и Токарева (первый прибыл в Енисейск из Тобольска), поскольку они ехали в санях без фонаря, объявив их «праздношатающимися». Кроме того, Дубровин требовал от провинциальной канцелярии, «чтоб по силе законов в ночное время по городу праздношатающимся учинить запрещение, а естли кто от него, порутчика, за неоминуемою нуждою из воинских чинов пошлетца, таковым будут даваны билеты, а буде гражданским дозором кто без билету найдетца, таковых брать под караул и отсылать к нему»; расхаживал «мимо городовых рогаточных караулов со своею командою с ружьями и примкнутыми штыками и подпираясь обна-

[178] РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 21 об.
[179] Там же. Л. 22.

женными палашами»; словом, как констатировал обер-аудитор, «вместо того, чтоб пустыя страхи от граждан себе воображать, гораздо б сходнее было, естли бы он свою малочисленную команду, коей не более было, как видно из дела, толко семь человек, постарался строжее содержать и лишния затеи для увеличения своего тщеславия откинуть» [180]. Чиновники канцелярии, не имея возможности противодействовать ему силой, вынуждены были ограничиться вынесением резолюции, «чтоб за командою ево, Дубровина, крайне надсматривать, дабы от оной не причинилось обывателям какого от самоволства, ходя ночными временами, нападения и озорничества, и естли что найдетца от той команды противное, рапортовать» [181], однако понятно, что воплотить это намерение в жизнь у них все равно не было возможности.

Не лучше вел себя и находившийся тогда же в Енисейске ротный командир Колыванского полка и непосредственный начальник Дубровина капитан Е. де Гаррига. Последний попытался самовольно устроиться на постой в квартиру к купцу Шишкину, ворвался к нему в дом с несколькими драгунами, а когда хозяин дома пожаловался президенту Енисейского провинциального магистрата Дементьеву, и тот явился к месту происшествия, то драгуны встретили его побоями и матерной бранью, схватив при этом назначенного от магистрата квартирмейстера Агапитова. И хотя на следующий день капитан де Гаррига вместе с Дубровиным пришли в магистрат, чтобы помириться с его президентом, однако в дальнейшем оба они оправдывали свои действия тем, что якобы на дворе у купца Шишкина собрались до полусотни мужиков с кольями, имевших намерение бить драгун. При этом Дубровин даже утверждал, что «услышал превеликой шум и звук и усмотрел их собрание, закрычал из окошка своей квартиры, чтоб перестали, то мужики, будто б то услыша, стали разбегатца, да когда уже он и из квартиры во двор к Шишкину шел, то их, кроме трех человек, и не видал, ис коих он еще одного, пой-

[180] РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 22 об., 23.
[181] Там же. Л. 23.

мав, под караул посадил» [182]. Однако, как язвительно заметил, читая их показания, корпусной обер-аудитор, «естли бы от жителей, в таком количестве собранных, намерение было к драке, то могла ли бы устоять такая малочисленая Дубровина и Дегарригина команда, и удалось ли бы им тех мужиков ловить и отсылать под караул?».

Енисейская провинциальная канцелярия 9 декабря 1767 г. отправила составленный ее чиновниками экстракт о поступках капитана де Гарриги и поручика Дубровина в Сибирскую губернскую канцелярию, а также в канцелярию Колыванского полка его командиру полковнику Ф. де Гарриге. Последний переправил материалы командиру бригады генерал-майору П. Девицу в Омск, а тот, не пожелав сам выносить решение по делу, сообщил губернатору Д. И. Чичерину, что «хотя б и надлежало учинить исполнение, обидимых без удоволствия, а винных без штрафа не оставить, однако ж должно ево конфермовать» самому командующему Сибирского корпуса генерал-поручику И. фон Шпрингеру.

Шпрингер, прибыв из Москвы в Омск в мае 1768 г., быстро разобрал дело вместе с обер-аудитором Самариным и вынес решение: поручика Дубровина, «за все те непорятки, кои чести афицерской вред и предосуждение, а команде безславие наводят… за все те шалости, буйственные и чести афицерской предосудителныя и вредныя поступки, наглости и дерзновении» разжаловать на треть года в прапорщики; капитана де Гарригу, «которой, хотя сам никаких озорничеств и наглостей не делал, но команду свою к тому побудителным образом допустил и не унял», посадить под арест на неделю и сократить срок засчитываемой выслуги в нынешнем чине; драгуна Мингалева «высечь нещадно батоги», а других драгун «штрафовать тростми, и все сих наказании записать в журнал, а афицерския и в атестатах над их именами показывать, и всем им сверх того, а особливо Дубровину и Дегарриге, накрепко подтвердить, что естли они и впредь сему в подобных проступках окажутца и такое ж безславие здешней команде наведут, то без всякаго по-

[182] РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 24 об.

милования и уважения по воинскому суду написаны будут вечно в рядовые» [183]. Как видим, в данном случае военное командование не стало заботиться о чести мундира, а приняло сторону гражданских властей, вынеся наказания (пусть и довольно мягкие) военнослужащим [184].

Очевидно, не редкостью были случаи, когда военные командиры, даже не имея на то специальных полномочий, начинали вмешиваться в сферы деятельности, относившиеся к компетенции гражданской администрации. В качестве примера можно привести действия подполковника И. Сверчкова в должности коменданта г. Кузнецка в 1772 г. Сверчков был назначен на эту должность в связи с расформированием полевых полков Сибирского корпуса во второй половине 1771 г., когда состоявшие в этих полках штаб-офицеры, не назначавшиеся командирами легких команд и батальонов, определялись комендантами пограничных крепостей и крупных городов Западной и Южной Сибири. Поэтому командующий Сибирским корпусом генерал-поручик И. А. Деколонг направил Сверчкова в Кузнецк и придал ему для расквартирования в городе 3-ю роту Бийского гарнизонного пограничного батальона [185]. Прибыв в Кузнецк в мае 1772 г., Сверчков развернул бурную деятельность, потребовав, в частности, от здешней воеводской канцелярии предоставить ему ведомости, включавшие 15 пунктов.

Приведем здесь целиком этот любопытный перечень: «1 план всему городу ведомости; 2 в котором году город Кузнецк начат строением; 3 опись артилерии с ея принадлежностми; 4 список формулярной о артилериских служителях; 5 о крепосных цейхаузах сколко во оных каких именно есть вещей; 6 о провианских магазеинах, сколко есть ныне во оных налицо провиан-

---

[183] РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 25 об. – 26 об.

[184] Как отмечал по данным за первую половину XVIII в. Г. В. Калашников, пребывание солдат и офицеров на постое по квартирам городских обывателей могло иметь как положительные для обеих сторон, так и отрицательные для горожан последствия, см.: *Калашников Г. В.* К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (25–28 апреля 2002 г.). Тверь; Кашин; Калязин, 2002. Ч. 1. С. 152–162. В данном случае налицо был как раз отрицательный эффект.

[185] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 877. Л. 1.

та по званиям, и тот провиант у кого на щоте, а провианским служителям список, и нет ли еще какого подряженного в поставку провианта; 7 о полицыи, кто при оной есть определенной для исправления той должности; 8 о пожарных инструментах, сколко оных и какие по званием; 9 в город въезжих и выезжих ворот сколко есть, и у оных караулных число людей; 10 имянной список всем жителям в городе, какого б звания оныя ни были, с названием улиц, кто в которой дом свой имеет; 11 список же тех, кому во время пожару при себе для погашения оного какой материал иметь должно; 12 в силе указов улицы за каким резоном не вымощены, и в торжественные дни обыкновенно становятца свечи на столбах, для чего у каждого дому столбов нет; 13 имянной список городовым казакам, и при них кто старшины и с каким оружием служат; 14 сколко именно есть купечества, и все ль оныя живут в городе или есть из оных по деревням; 15 список, сколко есть ссылных колодников вечно или на урочные годы, и на каком доволствии содержатца» [186]. Как видно из этого документа, комендант не только обязан был заботиться о крепостных сооружениях, воинских припасах и провианте, но также считал себя вправе надзирать и за полицией с караулами, и за противопожарной безопасностью, и фактически за всеми жителями города, о каждом из которых требовал подробных сведений.

Кузнецкий воевода отправил список всего того, что запросил комендант Сверчков, в Тобольск, где губернатор Д. И. Чичерин, рассмотрев перечень, наложил свои резолюции по каждому пункту. С большинством из них он согласился, в некоторых случаях делая краткие пометки относительно порядка исполнения запроса. Так, по п. 2 губернатор отметил: «ежели есть известие, дать»; по п. 9: «дать известие, а караул содержать от коменданта»; по п. 10 с требованием именного списка жителей: «дать каждому ведомству от себя»; по п. 11 о противопожарной безопасности возложил исполнение на самого Сверчкова: «сие должно каменданту, получа список, учреждение зделать»; по п. 12 о городском благоустройстве и иллюминации в торжествен-

[186] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 877. Л. 2, 2 об.

ные дни заметил, что «столбы излишне, а ставить на окнах». Но по двум последним пунктам Чичерин отнюдь не одобрил рвения коменданта, наложив по п. 14 о купечестве ироническую резолюцию: «што ему до того дела?», а по п. 15 о колодниках указав, что «и до того дела нет, ибо ежели и есть, то оныя в ведомстве канцелярии воеводской состоят» [187]. Таким образом, губернатор все же достаточно точно определил границы полномочий военного коменданта Кузнецка, запретив ему вмешиваться в те дела, которые не относились к сфере его компетенции.

В сентябре того же 1772 г. Сверчков, ставший к тому моменту уже полковником, потребовал подчинения ему городской полиции и передачи караульной службы командам солдат из находившейся под его началом гарнизонной роты. Полиция на тот момент располагалась прямо внутри старой Кузнецкой крепости, где, как отмечал комендант, «имеютца з денежною казною и с есашных татар с собранною мяхкую рухледью анбары старые, да при том же и ветхие, и пороховой погреб». Сверчкова беспокоило, что из-за малочисленности полицейских караулов, наряженных от воеводской канцелярии, «не без малой опасности быть, во время в ту полицию в ночные времяна за вины разных чинов людей приводу не причинилось бы той денежной казне и протчему покражи» [188]. Предлагая заменить там караулы солдатскими командами, Сверчков уверял, что «по принятии городовой артиллерии и при пороховом погребе имеет быть караул же гарнизонной роты салдатами заступлен, и опасности к покраже никакой быть не может». В данном случае комендант воспользовался полученной от сибирского губернатора санкцией на то, чтобы содержать все караулы в городе силами подчиненных ему военнослужащих.

На всем протяжении XVIII в. актуальной для военнослужащих регулярной армии оставалась проблема «крыши над головой». Как известно, сразу после смерти Петра I система размещения войск в сельской местности на

[187] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 877. Л. 17–18.
[188] Там же. Л. 24, 24 об.

постое в крестьянских домах, согласно «Плакату о сборе подушном», была отменена – решением Верховного тайного совета армейские части выводились из деревень в города, где «салдаты будут жить особыми слободами в одном месте» [189]. Это решение было подтверждено к концу правления Анны Иоанновны (в 1739 г.), так что уже в середине XVIII в. в большинстве городов Российской империи были построены слободы, состоявшие из небольших деревянных домов, в которых квартировали рядовые военнослужащие. Офицеры, как правило, пытались добиваться отвода им земельных участков для строительства собственных домов, если располагали достаточными средствами для этого. Однако штаб-офицеры, особенно занимавшие должности полковых командиров и комендантов крепостей и городов, старались получить для себя казенные дома, чтобы не тратиться на обзаведение жильем. Так произошло и в Тобольске.

В 1752–1753 гг. бывший командир Сибирского гарнизонного драгунского полка Я. Павлуцкий, ставший к тому времени обер-комендантом в Тобольске с чином бригадира, просил Военную коллегию распорядиться о постройке для него в городе казенного дома по согласованию с Сибирской губернской канцелярией. При этом он ссылался на то, что «по силе указов в Петербурге, в Ревеле, в Пернове, в Выборге и в Казане обер-камендантские и камендантские домы имеются казенные, а в Табольску в построении казенного обер-камендантского дому нет, а прежния там обер-каменданты жили по обывательским квартирам, да и он также в обывательском доме и имеет утеснение, а собственного своего за малополучаемым жалованьем и за дороговизною там под дворовое строение земли и лесов и мастеровым людям заработных денег дому по рангу его построить не в состоянии» [190]. Павлуцкий предлагал, чтобы губернская канцелярия только выделила средства на покупку земельного участка, а заготовку строительных материалов и их доставку готов был организовать силами подчиненных ему солдат: «Лесные припа-

[189] Цит. по: *Карпущенко С. В.* Армейские будни… С. 22.
[190] РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 5, 5 об.

сы на тот камендантской дом приготовить и на печи кирпич в удобное время Сибирскаго гарнизона регулярною и нерегулярною командою, то есть салдатами и казаками, и приплавить по способности водою в Табольск и на гору тот лес с берегу перевесть на подъемных полковых лошадях» [191]. Для выплаты губернским чиновникам цены участка, а также «заработных денег» солдатам и казакам комендант просил «откуда коллегия за благо разсудит определить выдать денег до 300 рублев или сколько по разсмотрению оной определится». Однако просьба Павлуцкого, переправленная из Военной коллегии в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, встретила резкое возражение со стороны последней.

Чиновники канцелярии, в частности, указали, что опредяемой ежегодно в ее распоряжение суммы в размере 70 тыс. руб. «на исправление генералитетских, обер-камендантских и камендантских домов, також штаб и обер-офицерских квартир и салдатских казарм, но и настоящее крепостное исправление недостаточно, ибо та сумма определена только на одно содержание крепостей, чтоб без починки не было во упущении, да и то, чтоб исправлять салдатами, а не на строение вновь» [192]. Теперь же для постройки новых зданий и укреплений в крепостях зачастую приходилось нанимать мастеровых и работных людей, чьи услуги обходились втрое или вчетверо дороже, чем оплата труда солдат. К тому же дома генералов и комендантов, офицерские квартиры и солдатские казармы должны былм относиться к ведению гарнизонного начальства, а не Артиллерийской канцелярии. В итоге выделять искомые средства канцелярия отказалась.

Комендант Павлуцкий в 1755 г. успел заготовить силами солдат и казаков нужное количество леса, однако, так и не получив денег на оплату постройки дома, вынужден был «по крайней необходимости, что уже и жить ему было негде… купить с крайним себе отягощением в Табольску готовой обывательской дом ценою в 200 рублев, и за недовольным числом в оном по-

[191] РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 5 об.
[192] Там же. Л. 6.

коев ис купленого ж им лесу построил вновь 4 светлицы с сеньми, которые коштовали более 300 рублев» [193]. В 1758 г. он попытался продать этот перестроенный дом казне, оценивая его уже в 500 руб., а также рассчитывал выручить от продажи оставшегося леса, «дабы оной, лежа долговремянно, погнить не мог, за оставлением из онаго надлежащаго числа к строению школы, гошпиталя и прочаго», еще почти 150 руб. Правда, эта последняя инициатива была заблокирована Сибирской губернской канцелярией, которая вынесла резолюцию: «Имеет оной употребляем быть на строение вновь вместо сгоревшаго на 21 число октября 757 году в Табольску пожарного моста и на крышу рентереи, також и на пристройку провиантских анбаров» [194]. Однако и эта сделка сорвалась: хотя в 1760 г. генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов и дал согласие на то, чтобы «удовольствовать» деньгами Павлуцкого, к тому моменту уже вышедшего в отставку с чином генерал-майора, посчитав, что «тот дом и для будущих камендантов может быть потребен», но Сенат своим указом в 1761 г. предписал «Сибирской губернии в городе Табольске для житья обер-комендантов дом в пристойном месте построить деревянной из тамошних сибирских подлежащих до Штатс-конторы доходов, а купленнаго генерал-маиором Павлуцким дому в казенной не брать и денег не платить» [195].

В итоге эта проблема перешла «по наследству» к губернатору Д. И. Чичерину, который разработал целую программу строительства помещений для нужд гарнизонных батальонов, дислоцированных по крупнейшим сибирским городам. В 1770 г. Чичерин доносил Военной коллегии, что «комендантские домы состоят в Табольске и в Тюмени, ныне вновь строится в Таре один, а больше как комендантских домов, так и солдатских казарм нет», и утверждал, что «построить надлежит в Томске, Красноярске и в Удинске комендантские и плац-маиорские домы, так и для гарнизонных штаб и обер-

[193] РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 6 об. – 7 об.
[194] Там же. Л. 7 об., 8.
[195] Там же. Л. 9–10.

офицеров казенные светлицы и салдатские казармы» [196]. При этом губернатор заверял, что «лес доставить можно гарнизонными салдатами без дальняго им отягощения… ис приплывающих с солью и с провиантом барок, которым цена там состоит не свыше 12 рублев, а из одной можно исправить 4 казармы… при том можно спомоществовать присыльными в Сибирскую губернию каторжными колодниками» [197]. В приложенной им ведомости было перечислено, сколько и каких именно помещений («покоев») должно быть отведено в перечисленных шести городах для размещения, помимо собственно казарм, также канцелярий, госпиталей, мастерских, гарнизонных школ и караульных кордегардий [198].

Из ведомости Чичерина следовало, что в Тобольске, где дислоцировались три гарнизонных батальона, ими были заняты чуть более сотни покоев, из них, в частности: для размещения рядовых солдат 48 покоев с расчетом по четыре помещения на каждую роту (на тот момент в городе находился весь 1-й батальон – шесть рот, почти весь 3-й батальон – пять рот, плюс одна рота из состава 2-го батальона, а еще шесть рот были отправлены в другие города); два покоя для хора гобоистов (батальонных музыкантов) с учениками; четыре – для учеников гарнизонной школы; еще четыре – для гауптвахты; четыре – для помещений военного суда; шесть – под батальонные госпитали; 15 – для мастерских, где военнослужащих мастеровых рот [199] и их детей обу-

---

[196] РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 10 об. Плац-майор в русской армии XVIII в. – помощник коменданта крепости, ведал караулами, содержанием арестантов и рекрут. «Плац-майоры бывают по большей части чиновники штаб-офицерского звания и определяются в крепостях и городах, где есть гарнизоны. Обязанность их состоит заведывать караулы и военную полицию» (*Тучков С. А.* Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российский, какое оных употребление и к чему служат. М., 2008. С. 254).

[197] РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 11, 11 об.

[198] См.: Там же. Л. 12–16.

[199] В гарнизонных батальонах по штатам 1764 г. полагалось иметь четыре мушкетерских роты, которым были приданы еще по одной мастеровой и инвалидной роте. В мастеровые роты набирали тех рекрут, которых должны были обучать «всякому мастерству, требуемому в крепости, а именно: кузнечному, слесарному, каменному, плотничному, дернокладству и прочему нужному до крепостного строения ремеслу, и их за тем ни в ка-

чали кузнечному, слесарному, плотничному, столярному, токарному и прочим ремеслам. В Тюмени и Таре, где дислоцировались по две роты, для их нужд отводились по 18 покоев; в Томске, где располагались четыре роты и штаб Томского батальона, при котором, как и в Тобольске, находились военный суд, канцелярия коменданта и плац-майора, казначейство, архив и т. д. – 47 покоев; в Красноярске и Удинске, где располагалось по одной роте – по 14 покоев. Для отопления всех этих помещений ежегодно требовалось расходовать более шести тыс. саженей [200] дров.

Далеко не всегда хватало помещений, да еще в надлежащем состоянии, и в крепостях на пограничных линиях. Так, например, из описания строений Ямышевской крепости на Иртышской линии, сделанного в 1762 г., обнаруживалось, что относительно целого ряда находившихся внутри ее стен домов и помещений сделаны пометки «за ветхостию по давному построению прочности не обстоит», «принадлежащее к разломке», «за ветхостию не годен». Таковыми оказались, в частности, кухня, церковь, пороховой погреб, офицерская светлица, помещение Ямышевской пограничной таможни, а еще два провиантских магазинных амбара оценивались как «хотя и ветхие, однако ж года на четыре к содержанию надежны» [201]. Можно вспомнить и свидетельства капитана И. Андреева, когда он в 1768 г., сыграв свадьбу в Тюмени, вернулся к месту постоянной службы в ту же Ямышевскую крепость, но вынужден был перебраться в другое помещение и обустраивать его собственными силами для семейной жизни: «Хотя у меня прежде и была квартира холостая, но весьма уже по семейству моему тесна… поколь я не исправил для себя квартиры артиллерийскаго стараго дома, куда перешед, начали жизнь свою основывать… накупил лошадей, завел рогатаго скота, птицы, употребляя людей и лошадей к ломке и возке соли на прочия случающияся поделки,

---

кие караулы и конвои не посылать; но употреблять только для исправления работ при крепостях» (ПСЗ-I. Т. 43. Ч. 1. № 12135. С. 68).

[200] Сажень – мера длины, с первой четверти XVIII в. равнялась 2,13 м.

[201] См.: ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 120–123.

весьма жизнь свою поправлять всяким заведением начал» [202]. Таким образом, не только в сибирских городах, но и в крепостях на линиях «квартирный вопрос» для военнослужащих постоянно сохранял актуальность, так что зачастую последним приходилось решать его собственными силами, не полагаясь на помощь начальства или казенных ведомств.

Еще одной проблемой, требовавшей постоянного внимания, оказывалось укомплектование кавалерийских частей, до 1770-х гг. составлявших большинство в рядах армейского контингента в Сибири, конским составом. Как известно, еще в 1730-х гг. было принято решение о введении наборов лошадей с населения страны фактически на тех же принципах, на которых строились и рекрутские наборы, т. е. с числа ревизских душ. Л. Г. Бескровный остроумно заметил в свое время, что «правительство обложило население лошадиной податью. В 1736 г. – с 253 душ одна лошадь; в 1737 г. – одна лошадь с 184 душ; в 1738 г. – одна лошадь с 200 душ и т. д.» [203]. Несмотря на развитие конных заводов, последние оказывались не в состоянии покрывать все потребности действующей армии, поэтому «лошадиную подать» продолжали сохранять. Однако уже в 1740-х гг. не удавалось собирать необходимое количество лошадей, а в 1750-х гг. перестали спасать положение и принудительные платежи, взимавшиеся с населения. В конце концов, после провала последнего такого набора в 1756 г. Военная коллегия приняла решение отказаться в дальнейшем от их проведения, пополнение армии конским составом стало осуществляться только путем закупок и поставок с конских заводов. Как раз относительно последнего набора, объявленного в 1756 г., можно проследить, какие причины заставили военные власти принять такое решение.

Указ императрицы Елизаветы Петровны о сборе лошадей с тяглого населения империи, исходя из пропорции – одна лошадь на 610 ревизских

[202] Домовая летопись… С. 21.
[203] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот… С. 126.

душ, был опубликован 3 сентября 1756 г. [204] Указ предписывал набирать лошадей «крепких и здоровых», в возрасте от четырех до шести лет, причем владельцам крепостных крестьян (помещикам и церковному ведомству), а также общинам государственных крестьян предписывалось исходить из цифр, общих для каждой губернии и провинции, без деления по уездам, чтобы при наличии на местах как большего, так и меньшего числа ревизских душ вычитать или пополнять эти цифры за счет так называемого «складочного сбора»: по пять коп. с души, при этом окончательная цена каждой лошади в денежном исчислении не превышала бы 30 руб. 50 коп. Впрочем, предвидя, что точное соблюдение всех условий на практике вряд ли возможно, власти сразу стали вносить коррективы в эти процедуры. Так, уже на следующий день (4 сентября) был издан сенатский указ, разъяснявший, что можно принимать лошадей и в возрасте до восьми лет включительно [205]. Кроме того, для отдаленных регионов империи, в частности, для Сибири решено было не настаивать на обязательном пополнении конского состава, а удовлетвориться сбором «складочных денег» с населения, которые пойдут на нужды военного ведомства по провиантской части. Для Иркутской провинции, например, было предписано «зборных по нынешнему наряду драгунских лошадей для представляемых к збору и к препровождению оных за обширностию и за далностию мест многих неспособностей в натуре не брать, а взыскивать за оные по положенной в нынешней збор складочной цене денги и отдавать к тамошнему ведомства Главной провианской канцелярии правианскому правлению» [206].

Однако даже с этими поблажками исполнение предписанного набора встретило значительные сложности. Первоначально на сбор лошадей давался срок до 1 января 1757 г., чтобы доставить их в расположение воинских частей к 1 марта. Но уже в январе 1757 г. Военная коллегия жаловалась Сенату, что «по полученным из губерней и провинцей и из протчих мест репортам

[204] ПСЗ-I. Т. 14. № 10600. С. 613–616.
[205] Там же. № 10603. С. 619, 620.
[206] РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 2270. Л. 94.

тех лошадей еще близ двух тысяч добрать надлежит, в которых для скорейшаго полков укомплетования крайняя надобность состоит» [207]. В связи с этим срок набора был продлен до 1 мая. О том, как проходил сбор «складочных денег», можно получить представление на примере Киренской волости Илимского уезда. По второй ревизии 1744 г. в Иркутской провинции числились 31 859 душ, с которых следовало собрать 1 592 руб. 95 коп. На г. Илимск с уездом приходилось из них 9 858 душ, так что тамошней воеводской канцелярии было предписано собрать и прислать в Иркутск 492 руб. 90 коп. [208] Илимская воеводская канцелярия переправила эти указы в Киренскую приказную избу, потребовав собрать с жителей Киренского острога (519 душ) 25 руб. 95 коп. Сбор этих денег с крестьян и разночинцев был возложен на нарочного старосту и десятников, которые в дальнейшем отправили их в Илимск с нарочным отдатчиком, также одним из крестьян Киренской волости [209]. Вероятно, аналогичные процедуры осуществлялись и в Западной Сибири. Но поскольку ни весной, ни даже летом 1757 г. собрать необходимое количество лошадей так и не удалось, в дальнейшем, как отмечалось выше, пришлось перейти от обязательных наборов к закупкам конского состава для войск.

Каким образом осуществлялись подобные закупки, свидетельствуют документы, относившиеся уже к середине 1770-х гг., в частности, за 1775 г., когда производились расформирование легких полевых команд Сибирского корпуса и перевод их личного состава в формируемые полевые батальоны. Так, при переводе людей и лошадей из 9-й и 15-й полевых команд в состав Екатеринбургского полевого батальона в Забайкалье выяснилось, что в 15-й команде «оказалось к продолжению службы безнадежными драгунских строевых лошадей до 30». Батальонный командир подполковник Ф. Жолобов, исполняя распоряжение командующего корпуса генерал-поручика И. Деколонга, предписал своему подчиненному капитану А. фон Гиленсбергу

[207] РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 2270. Л. 112.
[208] Там же. Л. 94 об.
[209] Там же. Л. 33, 78, 106.

«таковых всех со свидетелства штаб и обер афицеров, когда явятся действително негодными, с публичнова торгу продажею оценить, и по той цене вашему благородию отдать… а на то число лошадей и их на число оценки добавочного по штату положенное число денег донесть и… на них добротных и к службе способных лошадей искупить» [210]. Кроме того, Гиленсбергу также следовало получить из Иркутской кригс-цалмейстерской комиссии 260 руб. на покупку еще 13 лошадей вместо признанных негодными из штата бывшей 9-й команды, о чем распорядился сам генерал-поручик Деколонг.

От казны 9-й команды, переданной в распоряжение комиссии, оставались неизрасходованными еще 98 руб. из той суммы, которая полагалась на ремонт лошадей, поэтому командующий предписал добавить к ним 162 руб., при этом с раздражением указав бывшему командиру 9-й команды полковнику Т. фон Клейсту, что «помянутым же выслужившим 13 лошадям срок минул всем прошлого 1774 года, которых и надлежало в том году продать, а вместо их искупить других годных, однако ж сие вашим высокоблагородием упущено и в том году зделано не было» [211]. Проследить за выдачей капитану из комиссии денег тоже должен был полковник фон Клейст, что специально подчеркнул Деколонг: «О том же не оставте и ваше высокоблагородие с подробным о всем прописанием зделать от себя требования, дабы дабы те денги по обстоятелствам, произшедшим чрез зачет, неотменно отпущены были, иначе же по упущению вашему остаетца то на собственном вашем ответе… и что по сему учинено будет, ко мне обстоятелно рапортовать» [212].

Во исполнение полученных предписаний капитан фон Гиленсберг отправил в Красноярск прапорщика П. Самойлова с командой в составе унтер-офицера, 10 рядовых, коновала и денщика, снабдив его подробной инструкцией. Помимо стандартных указаний вроде «с продавцами озлобления не чинить, и денги за покупных лошадей платить без всякаго замешателства», «не касаться ко взяткам» и пр., Гиленсберг также потребовал от Самойлова,

[210] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 150. Л. 52, 52 об.
[211] Там же. Л. 95, 95 об.
[212] Там же. Л. 95 об., 100.

«штоб всегда вам быть с унтер офицером вместе, по чему и зависит соблюдение в целости денежной казны и содержание за печатми и свидетелством обоих же о выдаче денег за покупных лошадей и внесе оных в книги… посылать вам за своею рукою ордеры часто упомянутому унтер офицеру, которому по оным денги в расход и на лошадей в книгу вносить с росписками продавцов, и по возвращении ж от покупки данныя вам книги для щету представить» [213]. После завершения покупок Самойлов должен был доставить приобретенных лошадей в расположение батальона, причем ему также предписывалось принимать меры для недопущения падежа лошадей. Собственных подчиненных прапорщику следовало «содержать в строгости, от всяких непорядков, воровства, пьянства и других непристойных и военным регулам противных поступков всекрайнейше воздерживать и отнюдь не допущать, што вобще в похвалу отнесется команде и вашему благородию» [214]. Как видим, даже столь обыденное, казалось бы, поручение, как закупка лошадей, сопровождалось тщательным регламентированием действий военнослужащих, в частности, для предотвращения нанесения ущерба казне и каких-либо дисциплинарных проступков.

В целом, рассмотренные выше сюжеты наталкивают на мысль, что даже несмотря на весьма подробную и детальную регламентацию повседневного поведения солдат и офицеров регулярной армии в XVIII в., как при исполнении тех или иных служебных поручений, так и в других занятиях, соблюдать эти предписанные нормы на практике зачастую оказывалось затруднительно. Это касалось не только денежных расчетов с государственной казной при подаче отчетности об использовании выдаваемых на исполнение различных поручений денежных сумм, но и пределов компетенции и полномочий военных чинов во взаимоотношениях с органами гражданской администрации и городскими обывателями. В условиях чрезвычайной отдаленности сибирского региона и, как следствие, ослабления здесь контроля имперских

[213] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 150. Л. 851.
[214] Там же. Л. 851 об., 859 об.

властей за действиями подданных, такая тенденция неизбежно выливалась в разного рода злоупотребления с применением силы со стороны военных, обусловленные зачастую невозможностью добиться выделения достаточных материальных ресурсов для исполнения поручений, улучшения условий службы и пр.

* * *

Изученные в данной главе материалы, относящиеся к служебной деятельности и повседневным занятиям военнослужащих, позволяют уточнить место и роль регулярной армии в системе политических и социальных институтов империи с учетом специфики условий сибирского региона. Многообразие сфер служебной деятельности чинов регулярной армии в Сибири, выходившей за рамки военных функций, объяснялось, с одной стороны, невозможностью использовать дислоцированные за Уралом воинские части по прямому назначению – для ведения боевых действий. Как правило, для сибирских контингентов боевое применение ограничивалось несением пограничной охраны и периодическими мелкими стычками, либо необходимостью отражать набеги отрядов кочевых соседей Российской империи на приграничные поселения. Исключение составляла лишь территория крайнего северо-востока Сибири, где на протяжении второй трети XVIII в. велись активные боевые действия Анадырской партией.

С другой стороны, подобная ситуация вообще была характерна для всех регионов империи, начиная еще с первой четверти XVIII в., когда именно военнослужащие оказывались проводниками на региональном уровне тех инициатив, которые исходили от верховной власти в политическом и социальном пространстве. Неразграниченность сфер военного и гражданского управления также способствовала усилению влияния людей в мундирах на ход почти любых дел в губерниях и провинциях. Вряд ли это могло позитивно отражаться на боеготовности армейских частей, однако другого выхода из

положения на всем протяжении XVIII в. российская государственная власть, очевидно, просто не видела. При этом ситуация, складывавшаяся на протяжении рассматриваемого периода именно в Сибири, характерна тем, что большая часть полицейских и организационно-управленческих функций переходила от иррегулярных формирований сибирских казаков в руки чинов регулярной армии. Именно этим способом верховная власть старалась добиться установления контроля за жизнью и деятельностью своих подданных к востоку от Урала, поскольку в рамках сложившейся после Петра I жесткой «административной вертикали» главным средством поддержания и укрепления существующего порядка стали именно армейские части – послушное орудие в руках имперского государства. Сибирское казачество даже в первой четверти XVIII в. не могло выполнять эту роль, так как не было в полной мере включено в систему имперских политических и социальных институтов.

Пополнение частей регулярной армии в Сибири рядовыми и офицерами происходило, как было показано выше, различными путями. Рядовой состав на протяжении большей части изучаемого периода комплектовался, как и в других регионах империи, путем проведения рекрутских наборов. Во второй половине XVIII в. процедуры наборов были упорядочены, ответственными за их проведение сделали тех армейских офицеров, которые непосредственно направлялись для приема новобранцев в свои части. Хотя и здесь не обходилось без упущений и проступков с их стороны, тем более, что ближе к концу XVIII в. контроль за рекрутскими наборами оказался ослаблен.

Комплектование офицерского корпуса носило неоднородный характер. Сибирские уроженцы или сыновья офицеров, уже давно несших службу в регионе, без особых затруднений получали место в составе здешних воинских частей, однако их доля во второй половине XVIII в. сокращалась. С переходом в середине XVIII в. к направлению на службу в Сибири офицеров из европейской части страны не всегда удавалось обеспечить армейские части к востоку от Урала качественным пополнением. Еще до отмены принципа обязательной дворянской службы в 1762 г. часть офицеров, особенно выходцев

из других государств Европы, предпочитали, получив назначение, либо добиваться отставки, проведя немного времени на новом месте, либо вообще отказывались ехать в Сибирь. Другие, напротив, охотно использовали предоставлявшуюся возможность для того, чтобы сделать карьеру, и, достигнув высших обер-офицерских или штаб-офицерских чинов, оставались на «восточной окраине» империи, продолжая государственную службу «у статских дел».

Если говорить о сфере военного права и судопроизводства, соблюдения дисциплины и имперского законодательства, то можно отметить, во-первых, динамику колебаний показателей правонарушений и проступков, и во-вторых, вынесение органами воинского судопроизводства наказаний, как правило, смягченных в сравнении с нормами действовавшего на протяжении всего рассматриваемого периода петровского Артикула. Доступная статистика преступлений, совершавшихся лицами, находившимися на военной службе в Сибири, указывала на заметно более высокий уровень поддержания дисциплины в полевых частях в сравнении с гарнизонными. Интересно заметить, что в 1730-х гг., в условиях достаточно жесткого политического режима Анны Иоанновны и господства «палочной» дисциплины в армии, количество проступков и правонарушений оказывалось меньшим, нежели в годы «мягкого» правления Елизаветы Петровны (с начала 1740-х гг.). Во второй половине XVIII в. в гарнизонных частях Сибирского корпуса дисциплинарные показатели заметно ухудшились, однако в полевых частях количество совершаемых преступлений оставалось незначительным. При этом именно с 1760-х гг. в армейской среде получили распространение преступления, связанные с экономическими и финансовыми нарушениями, наносившие ущерб казне, тогда как ранее довольно частым явлением были доносы по «слову и делу».

Система военного судопроизводства в регулярной армии XVIII в. также отличалась рядом особенностей. Стремясь к соблюдению принципов объективности, военные власти предписывали рассматривать дела и выносить приговоры судам первой инстанции, в состав которых входили офицеры тех же

частей, где несли службу обвиняемые, однако далее эти приговоры в обязательном порядке поступали на утверждение к представителям командующего генералитета, а от них – к генерал-аудитору в Военную коллегию. Следует также отметить, что здесь действовал принцип коллективной ответственности, согласно которому за проступки собственных подчиненных в ряде случаев должны были подвергаться наказанию офицеры и старшие по команде. Трудно сказать, насколько это помогало в плане профилактики правонарушений, однако нельзя не признать, что с учетом того, какой контингент пополнял армию в ходе рекрутских наборов (немалую часть среди рекрут составляли люди, для которых в той или иной степени было характерно социально девиантное поведение), воинская дисциплина, соблюдение законности и правопорядка были, в целом, на должной высоте. Это имело тем большее значение, поскольку в частях, дислоцированных в Сибири, военнослужащие исполняли целый ряд обязанностей, далеко выходивших за рамки чисто военной сферы и подразумевавших необходимость постоянного взаимодействия с гражданским населением.

Наконец, рассмотренные выше конкретные аспекты повседневных занятий военнослужащих, детали исполнения ими тех или иных поручений и служебных обязанностей приводят к заключению о своеобразном двойственном положении регулярной армии в рамках дихотомической системы «власть – общество» в Российской империи XVIII в. С одной стороны, в целом ряде случаев военные фактически принимали на себя часть функций гражданской администрации и местных властей, либо действуя совместно с ними, либо и вовсе подменяя их собой. Это позволяет говорить о том, что высокая степень милитаризации аппарата государственного управления, достигнутая в России еще при Петре I, сохранялась в дальнейшем вплоть до конца XVIII в. Военные имели достаточно возможностей, санкционированных имперским законодательством, для вмешательства во многие сферы повседневной жизни. Однако даже прав, данных им законом, не всегда хватало для разрешения тех или иных проблем, что нередко вынуждало отступать от

действующих норм. Проблема соотношения закона и практики оказывалась весьма актуальной, особенно с учетом того, что регулярная армия являлась тем государственным институтом, который был способен при желании подавлять и замещать собой любые другие институты, располагая монополией на применение вооруженного насилия.

С другой стороны, для получения, например, необходимых финансовых средств военным буквально приходилось «изворачиваться», чтобы не получить обвинений в «похищении интереса» (т. е. в необоснованных растратах). Стремление оформлять выдачу каждой суммы из казны в соответствии с действующими государственными законами и правилами канцелярского делопроизводства зачастую наталкивалось на полную невозможность соблюдать эти нормы во всей их полноте и точности. Избежать чрезмерных расходов и «нецелевого использования» средств удавалось далеко не всегда. В ряде случаев военнослужащие действовали с нарушениями закона и по отношению к гражданским лицам. Несмотря на строгие запреты, содержавшиеся в многочисленных инструкциях военных командиров своим подчиненным, их распространенность и многократные повторы наталкивают на мысль, что злоупотребления и превышение должностных полномочий, особенно во взаимоотношениях с гражданским населением, были нередким явлением в рядах регулярной армии в XVIII в., в том числе и в Сибири. Правда, можно заметить, что в некоторых случаях военнослужащие сталкивались с сопротивлением своим неправомерным действиям, что характеризует специфику именно социальной среды изучаемого региона. Население Сибири, состоявшее не из бесправных крепостных крестьян, а из людей, считавших себя свободными обладателями ряда личных прав, воспринимало произвол властей и, в частности, правонарушения со стороны военных без особой покорности, реагируя теми или иными мерами самозащиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До конца первой четверти XVIII в. процессы армейского строительства, охватившие в правление Петра I всю Европейскую Россию, не распространялись на территорию Сибири. Находившийся за Уралом Сибирский драгунский полк, сформированный еще на рубеже XVII–XVIII вв., хотя и нес пограничную службу в Западной Сибири, но не считался как военными, так и гражданскими властями полноценной воинской частью регулярной армии. В связи с этим при разработке и проведении податной реформы, призванной переложить содержание вооруженных сил государства на плечи подданных-налогоплательщиков, неизбежной оказывалась необходимость передислокации на восток еще нескольких гарнизонных полков, особенно в условиях подготовки дипломатической миссии С. Владиславича-Рагузинского для установления линии границы и торговых контактов с цинским Китаем. В итоге к осени 1725 г. было осуществлено принятое ранее решение о переброске за Урал трех гарнизонных пехотных полков. Эти события положили начало постоянному пребыванию частей русской регулярной армии в Сибири на протяжении рассматриваемого периода.

Первый этап государственной политики в сфере армейского строительства, продолжавшийся до конца 1741 г., характеризовался незначительной (в сравнении с другими регионами страны) численностью войскового контингента в Сибири (от четырех до семи тыс. чел., около 2–3,5 % от общей численности регулярной армии империи), к тому же состоявшего только из гарнизонных частей. Попытки местной администрации добиться наращивания численности войск за Уралом столкнулись с нежеланием центральной власти изыскивать необходимые для этого средства и ресурсы. В результате дело ограничилось лишь формированием еще двух гарнизонных частей, драгунского полка и отдельного пехотного батальона, которое растянулось на несколько лет. Численность военнослужащих регулярной армии в Сибири уступала численности сибирского казачества, хотя уже на данном этапе со-

отношение кадровых армейских чинов с населением региона оказалось чуть большим, чем по стране в целом (один на 85 чел. обоего пола против среднего показателя один на 90 чел.).

Второй этап, пришедшийся на два десятилетия пребывания у власти императрицы Елизаветы Петровны (1742–1761 гг.), ознаменовался увеличением численности регулярной армии за Уралом путем перевода на восток пяти полевых полков из европейской части страны (двух пехотных, впрочем, недолго задержавшихся здесь, и трех драгунских), а также активизацией строительства пограничных укрепленных линий, где в дальнейшем стали дислоцироваться сибирские полки. Эти действия представляли собой реакцию верховной власти на внешнюю угрозу со стороны Джунгарского ханства. Однако данные меры коснулись лишь границ империи в Западной Сибири и на Алтае, в Забайкалье же изменений численности и качественного состава войск почти не произошло. Проекты, указывавшие на необходимость укрепления российских рубежей в Восточной Сибири, подававшие местными администраторами, отклонялись столичными ведомствами, прежде всего, из-за значительных материальных затрат, которых требовало их воплощение в жизнь. С другой стороны, передача всех армейских частей за Уралом под командование назначаемых из центра представителей генералитета свидетельствовала о включении сибирских полков в общую структуру управления регулярной армии России в середине XVIII в., хотя и в несколько «пониженном» статусе (это показывал вывод «за штат» двух драгунских полков из числа сибирских частей в годы Семилетней войны). Необходимо отметить, что уже в эти десятилетия численность армейских чинов за Уралом превзошла численность иррегулярных казачьих формирований (не менее 12 тыс. чел. в середине 1740-х гг., более 10 тыс. чел. в 1750-х гг.), их доля в структуре всей регулярной армии России возросла до 4 %, а в соотношении с населением Сибири один кадровый военнослужащий приходился на 70 чел. обоего пола (при среднем по стране показателе один на 75–80 чел.).

Наконец, третий этап, начавшийся с мер, проведенных в первые годы царствования императрицы Екатерины II (1762–1796 гг.), привел к окончательному «встраиванию» воинского контингента в Сибири в общую структуру имперской регулярной армии. Организация Сибирского корпуса и назначение его командующим генерал-поручика И. фон Шпрингера означали унификацию системы военного управления сибирских частей и объединение их в рамках одного из высших соединений русской армии. Угроза военного конфликта с цинским Китаем, чьи вооруженные силы после разгрома Джунгарского ханства вышли вплотную к границам Российской империи, заставила верховную власть предпринять ряд мер по усилению армейской группировки в регионе. Они включали как дальнейшую переброску за Урал еще нескольких драгунских полков, так и формирование на месте двух пехотных полков из ссыльных старообрядцев (так называемых «польских выведенцев», возвращенных в Россию после завершения Семилетней войны из пределов Речи Посполитой). Это позволило довести численность армейских контингентов в Сибири до 15–16 тыс. чел. Даже формирование новых казачьих полков из бурят и тунгусов в Забайкалье не изменило соотношение регулярных и иррегулярных вооруженных контингентов на территории империи за Уралом, численный перевес сохраняли первые.

Однако, когда прямая угроза вооруженного конфликта миновала, Сибирский корпус был сокращен путем вывода из Сибири двух пехотных полков, а оставшиеся части подверглись реорганизации – сначала гарнизонных полков в батальоны, затем (в 1770-х гг.) полевых полков в легкие полевые команды (когорты), из них в дальнейшем – в полевые батальоны (мушкетерские и егерские). К концу рассматриваемого периода в составе Сибирского корпуса числились лишь три полка – Ширванский мушкетерский (вновь передислоцированный на восток в 1780-х гг.), а также Сибирский и Иркутский драгунские (сформированы в конце 1770-х – 1780-х гг.). Остальные части были представлены только батальонами. Такая структура не была исключительным явлением в русской регулярной армии к концу XVIII в.: аналогич-

ный состав имели Оренбургский корпус, дислоцированный на Урале, а также группа войск на Северном Кавказе. С началом царствования Павла I (1796–1801 гг.) и введением системы территориальных инспекций структура и состав сибирских частей были окончательно унифицированы и приведены в полное соответствие с аналогичными параметрами контингентов регулярной армии в Европейской России. Общая численность всех полков и батальонов Сибирского корпуса к 1796 г. составила не менее 18 тыс. чел., что давало долю в 3,8 % от всей регулярной армии империи. По-прежнему сохранялось более высокое соотношение военнослужащих с численностью населения региона: один кадровый чин регулярной армии на 70 чел. обоего пола при среднем по стране показателе один на 80 чел.

Организационные трансформации оказывали прямое влияние на кадровый состав сибирских частей. Первые гарнизонные полки, дислоцированные в Сибири с середины 1720-х до начала 1740-х гг., комплектовались местными уроженцами из детей боярских, казаков, посадских и крестьян, попадавших на службу в ходе рекрутских наборов среди населения Сибирской губернии. Доля выходцев из европейских губерний России среди офицеров была не слишком значительной. Немногочисленные лица нерусского происхождения были представлены, в основном, военнопленными шведами, финнами и саксонцами периода Северной войны, которые после подписания Ништадтского мира в 1721 г. предпочли остаться в России, продолжая военную карьеру. Лишь при формировании Новоучрежденных драгунского полка и пехотного батальона Военной коллегии пришлось переводить на службу за Урал офицеров из полевых частей, которых сочли годными для продолжения гарнизонной службы.

Перевод на восток пяти полевых полков в 1744–1745 гг. сделал кадровый состав сибирских частей значительно более разнообразным. Как рядовые, так и офицеры в этих полках были в подавляющем большинстве уроженцами европейской части страны, где эти полки несли службу все предшествующие десятилетия. Кроме того, с их появлением резко возросла доля

представителей российского дворянства, оказавшихся в рядах армии за Уралом, хотя и выходцев из непривилегированных сословий, дослужившихся до обер-офицерских чинов, тоже оказывалось немало. Весьма показательным был тот факт, что все пять полевых полков, переведенных в Сибирь, находились под командованием лиц нерусского происхождения: «остзейцев», австрийца, британца, испанца. Данное обстоятельство подтверждало известный тезис о предпочтении, отдававшемся верховной властью империи представителям нерусских этносов перед русскими в некоторых сферах государственной службы, но вместе с тем свидетельствовало, что последствия воцарения императрицы Елизаветы, сопровождавшегося отставками многих офицеров нерусского происхождения в в лейб-гвардии и столичном гарнизоне, не коснулись личного состава армейских полевых частей. Более того, многие из этих лиц получали повышение в чинах уже в 1740-е гг.

Наконец, важно отметить, что среди дворян, оказавшихся на сибирской службе, состоятельных помещиков, земле- и душевладельцев насчитывалось очень немного, большинство представителей «благородного шляхетства» принадлежали к мелкопоместным или даже беспоместным слоям. Данные о кадровом составе сибирских частей позволяют понять, почему после манифеста 1762 г. не произошло массового оттока дворян с государственной (в первую очередь, военной) службы, так как позволить себе выйти в отставку могли средние и крупные помещики, но не беспоместные и мелкопоместные дворяне, составлявшие устойчивое большинство среди «шляхетства».

После организации Сибирского корпуса с середины 1760-х гг. заметно изменилась политика комплектования его частей, как полевых, так и гарнизонных. Во-первых, на службу в этих частях снова стали попадать местные уроженцы, поскольку с конца 1760-х гг. на Сибирскую и Иркутскую губернии были распространены рекрутские наборы, не проводившиеся здесь в течение предшествовавших лет. Во-вторых, комплектование полков, впоследствии команд и батальонов Сибирского корпуса офицерскими кадрами стало производиться в централизованном порядке. Военная коллегия санкциониро-

вала перевод сюда офицеров из состава полевых частей регулярной армии, в том числе участников Семилетней войны (1756–1762 гг.), затем первой русско-турецкой войны (1768–1774 гг.).

В последней четверти XVIII в. Сибирский корпус также начал пополняться офицерами путем выпуска в полевые части рядовых и унтер-офицеров лейб-гвардии, таким способом уже в молодости достигавших обер-офицерских чинов. По-прежнему служили в сибирских частях выходцы из стран Европы, а также представители «остзейского» дворянства, хотя не все из них соглашались, получив назначение, отправляться на «восточную окраину» империи. В целом, имеются достаточные основания утверждать, что к концу XVIII в. кадровый состав Сибирского корпуса уже почти не отличался от других частей регулярной армии.

При анализе факторов, оказывавших влияние на чинопроизводство, материалы по офицерскому корпусу сибирских частей подтверждают те же тенденции, что были характерны для всей русской армии. Прежде всего, речь идет о качественном повышении образовательного уровня русских офицеров и приобретении ими, особенно во второй половине XVIII в., значительного боевого опыта после участия в крупных военных кампаниях. Наличие военно-учебных заведений, дававших своим выпускникам специализированные (в частности, артиллерийские и инженерные) знания и навыки, множество возможностей применять их на практике – все это способствовало появлению большого числа офицеров и командиров, своими воинскими умениями ничуть не уступавших европейским собратьям. Более того, немалая часть из них применяли полученные знания не только на военной службе, но и после перехода к «статским делам», продолжая свою профессиональную деятельность в тех или иных сферах гражданских занятий.

Вместе с тем, порядок чинопроизводства в частях регулярной армии со временем отступал от тех норм, которые были положены в его основу Петром I. Вторая половина XVIII в. характеризовалась массовым распространением таких явлений, как формальное зачисление на военную службу еще в

детском возрасте, несоблюдение установленных сроков выслуги для получения унтер- и обер-офицерских чинов и т. д. Все это придавало кадровому составу регулярной армии Российской империи к концу XVIII в. весьма своеобразный облик: при высочайших боевых качествах рядовых и офицеров – почти полное отсутствие регламентации их службы и повседневного контроля за их поведением. Последнее обстоятельство, как известно, подтолкнуло императора Павла I к тому, чтобы сразу после прихода к власти заняться наведением порядка в армии и «закручиванием гаек» в попытке вернуть тот режим службы, который сложился в петровскую эпоху.

Целым рядом особенностей отличалась система материального обеспечения регулярной армии, сложившаяся за рассматриваемый период. Эта система, включавшая как центральные, так и местные учреждения, ведомства гражданской администрации и органы военного управления, характеризовалась не слишком высокой степенью эффективности, зачастую приводя либо к чрезмерным расходам бюджетных средств, либо к недостатку финансирования и провиантского довольствия, особенно в условиях столь отдаленного региона, как Сибирь. Идея Петра I о содержании вооруженных сил государства только за счет введенного в конце его царствования подушного сбора очень быстро доказала свою неосуществимость на практике, так что уже при его ближайших преемниках военное ведомство постоянно требовало экстраординарных средств на покрытие всех необходимых расходов. Однако Военная коллегия была не в состоянии сама располагать собственным денежным фондом: средства приходилось получать от финансовых ведомств империи, отчитываясь перед Сенатом.

Более того, в середине XVIII в. с выводом из прямого подчинения Военной коллегии тех учреждений, которые отвечали за материальное обеспечение армии (Главный комиссариат и др.), ситуация даже ухудшилась, поскольку система военного управления оказалась децентрализована. Поиски денежных сумм, необходимых для покрытия задолженностей по выдаче жалования отдельным воинским частям, могли растягиваться на годы из-за бю-

рократической волокиты в коллегиях и канцеляриях. В этих условиях неизбежно возрастала роль местных властей в обеспечении правильного функционирования системы снабжения войск, дислоцированных на вверенных сибирским губернаторам территориях.

Сибирской администрации приходилось оказывать содействие военному командованию или даже напрямую решать те или иные вопросы с центральными ведомствами буквально по всем направлениям материального обеспечения армии. Размещение заказов и оплата произведенных для нужд сибирских частей вооружения, обмундирования и пр., заготовка провианта на довольствие военнослужащим – все эти проблемы требовали непрестанного внимания со стороны губернаторов А. М. Сухарева, Ф. И. Соймонова и Д. И. Чичерина. Правда, их деятельность не всегда приносила позитивные результаты, достаточно вспомнить масштабные растраты Чичериным денежных сумм со счетов военного ведомства на закупку провианта для войск. Но в целом есть основания утверждать, что взаимодействие командования Сибирского корпуса с органами местной администрации, даже в условиях принципиальной неразграниченности сфер военного и гражданского управления, позволяло более-менее стабильно обеспечивать войска всем необходимым.

Помощь в этом также могли оказывать организованные в регионе с 1760-х гг. местные комиссии, представлявшие интересы центральных учреждений, отвечавших за снабжение армии, поскольку возглавлявшие их лица получали соответствующие полномочия, позволявшие им оперативно принимать нужные меры для решения возникавших проблем. Пожалуй, единственным «камнем преткновения» оставался вплоть до конца XVIII в. вопрос о закупках провианта казной, поскольку здесь сталкивались интересы военного и финансовых ведомств империи, выливаясь в неразрешимую дилемму: как добиться снабжения провиантом в нужных объемах, при этом не допуская излишних растрат бюджетных средств? Иногда это приводило к отказу местных властей производить закупки по завышаемым продавцами ценам,

так что поиски, покупку и транспортировку провианта приходилось брать на себя офицерам, отправляемым в города и уезды из расположения своих частей и снабженным соответствующими суммами. Необходимость организовывать снабжение собственными силами отчасти объясняла любопытный эффект, выявленный при изучении статистики правонарушений и проступков военнослужащих сибирских частей, когда значительную долю совершенных ими преступлений можно было относить, говоря современным языком, к делам, связанным с нанесением экономического ущерба государству, или, как выражались в то время, «казенному интересу».

Современники достаточно высоко оценивали уровень воинской дисциплины и соблюдения законов в рядах регулярной армии России XVIII в. Правда, гарнизонных войск это касалось в меньшей степени, нежели полевых частей. Внутри самой армейской среды конфликтов между военнослужащими, которые оборачивались теми или иными проступками и преступлениями, на всем протяжении рассматриваемого периода было немного. Получившая одно время распространение практика ложных доносов, когда офицеры и рядовые кричали «слово и дело» на своих сослуживцев, в дальнейшем практически сошла на нет, особенно после упразднения Тайной канцелярии императором Петром III в 1762 г.

Во второй половине XVIII в. внутренние конфликты в рядах армейских частей возникали, как правило, на бытовой почве, из-за нанесения оскорблений или увечий «в пьяном образе». Не редкостью оказывались случаи, когда военные своими противоправными действиями причиняли ущерб гражданским лицам и местному населению. Однако постоянная вовлеченность рядовых и офицеров сибирских частей в повседневные контакты с населением региона диктовала необходимость выстраивания между обеими сторонами договорных отношений, подталкивала к сотрудничеству. Хотя регулярная армия являлась орудием имперского государства, но в XVIII в. использовалась внутри страны против собственных подданных не часто: единственным мас-

штабным примером подобного рода стало восстание Е. Пугачева, в подавлении которого были задействованы части Сибирского корпуса.

Изучение конкретных аспектов повседневных занятий военнослужащих и их взаимоотношений с населением и гражданскими властями дает основания утверждать, что военные играли заметную роль в жизни тех городов и уездов империи, где были расквартированы армейские части. Объяснялось это двумя существенными факторами: во-первых, дефицитом ответственных исполнителей на региональном уровне государственного управления, когда, в частности, армейским офицерам приходилось заниматься сбором податей, приведением населения к присяге, расследованиями злоупотреблений тех или иных «статских» должностных лиц; и во-вторых, слабостью, а то и почти полным отсутствием специализированных структур, отвечавших за жизнеобеспечение регулярной армии, так что военнослужащим приходилось собственными силами организовывать закупки и доставку в расположение своих частей необходимых материальных ресурсов. В Сибири, с ее громадными расстояниями и очень низкой плотностью населения, последнее оказывалось особенно сложной задачей, с учетом того, что доставку денег на выплату жалования, перевозку артиллерии и вооружения, обмундирования и пр. приходилось осуществлять из европейской части России. В этих условиях военные неизбежно «заполняли» собой тот организационно-управленческий «вакуум», который постоянно возникал на «восточной окраине» империи.

С затруднениями, сопровождавшими жизнь и деятельность военнослужащих регулярной армии в Сибири, было связано и нежелание части офицеров (прежде всего, выходцев из Западной Европы) нести службу за Уралом. Если до середины XVIII в. неизвестны случаи отказов от полученного назначения в сибирские части, то начиная с 1750–1760-х гг., когда условия службы и выхода в отставку в русской армии в целом смягчились, выявлено немало подобных эпизодов. Прибывавшим в Россию из Европы офицерам куда больше улыбалась перспектива служить если не в столице, то, по крайней мере, в частях, дислоцированных на территории европейских губерний. Си-

бирь в этом смысле выглядела малопривлекательно. С другой стороны, уже в екатерининскую эпоху некоторые офицеры в частях Сибирского корпуса, как русские дворяне, так и лица нерусского происхождения, даже после отставки предпочитали оставаться за Уралом, получая назначения на «статские» должности или обзаводясь здесь семьями и потомством. Это свидетельствовало о постепенном включении частей Сибирского корпуса в общую систему связей между регулярной армией империи и той социальной средой, в рамках которой она существовала.

Предложенный в диссертационном исследовании ответ на вопрос о положении регулярной армии в системе политических и социальных институтов Российской империи в XVIII в. на региональном сибирском уровне содержит следующие принципиальные выводы. Во-первых, верховная власть не всегда располагала надлежащими людскими и материальными ресурсами для эффективной организации процесса армейского строительства в масштабах региона. В Сибири необходимость наращивания армейских контингентов была обусловлена не столько задачами защиты государственных границ, сколько заменой иррегулярных формирований сибирского казачества частями регулярной армии в качестве главной вооруженной опоры имперского государства, и эта тенденция сохранялась на всем протяжении рассматриваемого периода. Правда, когда интересы военного ведомства вступали в противоречие с интересами финансовых учреждений или грозили чрезмерными потерями государственной казне, правительство все-таки вынуждено было сдерживать аппетиты военных. Попытки максимально детальной регламентации и контроля за использованием военнослужащими тех средств, которые выдавались им из казны, показывали, что как военное командование, так и его подчиненные не могли распоряжаться по собственному усмотрению людьми и ресурсами даже в условиях Сибири, отдаленного от имперского центра региона.

Во-вторых, роль армейских частей в процессе конструирования имперского государственного порядка в регионе была значительной, но не домини-

рующей. Задачи комплектования и поддержания боеспособности, управления и материального снабжения войск решались путем взаимодействия трех акторов: центральных ведомств, местных властей и военного командования. Местная администрация имела возможность оказывать влияние на состояние контингентов регулярной армии в Сибири в большей степени, чем имперский центр. Прямая зависимость успешности материального обеспечения воинских частей от лояльного отношения и усилий местных властей вынуждала военное командование искать пути сотрудничества с сибирскими губернаторами и «статскими» чиновниками. Во второй половине XVIII в. центральные государственные учреждения в значительной мере утратили контроль над положением армейских частей к востоку от Урала, что приводило к самостоятельным действиям местных органов власти и командующих Сибирского корпуса при решении текущих вопросов. Также этим было обусловлено вовлечение военнослужащих частей регулярной армии в Сибири в повседневную деятельность в целом ряде сфер, лежавших за пределами собственно военного дела.

В-третьих, регулярная армия сохраняла важное значение в качестве механизма социального «лифта» в структуре российского иерархизированного социума периода империи. Действовавший с петровской эпохи принцип выслуги дворянского звания на военной службе с успехом использовался верховной властью для отбора сколько-нибудь талантливых и честолюбивых представителей непривилегированных групп населения страны и комплектования ими командных и чиновничьих кадров. Общность интересов во время пребывания на службе, особенно в таком отдаленном регионе, как Сибирь, обеспечивала высокую степень внутреннего единства и корпоративной сплоченности военнослужащих. Полиэтничному и поликонфессиональному по своему составу офицерскому корпусу частей регулярной армии России удавалось поддерживать своих рядовых подчиненных в состоянии стабильно высокой боеспособности и внутреннего порядка без применения максимально жестких мер, дисциплинарных взысканий и наказаний. Массовый приток

выходцев из европейских стран на военную службу в Россию, продолжавшийся весь XVIII в., свидетельствовал о том, что карьера в русской армии рассматривалась как многообещающая стезя многими современниками, вне зависимости от их этнического происхождения.

Таким образом, в рамках модели имперской государственности, выстроенной в России Петром I, на всем протяжении ее дальнейшего развития в XVIII в. регулярная армия занимала значительное место. Будучи формально предназначена для обеспечения обороноспособности государства, охраны границ и ведения внешних войн, армия также выполняла полицейские и организационно-управленческие функции на всей территории империи. Эти особенности ее статуса играли самую заметную роль в условиях Сибири – наиболее отдаленного региона страны, где структуры имперского государства не всегда были способны в полной мере обеспечивать выполнение возложенных на них задач. Именно части регулярной армии, сменяя собой сибирское казачество в качестве главной вооруженной силы и опоры государственного порядка на территории Сибири, обеспечивали инкорпорацию этого региона в имперское пространство, подчинение жизни и деятельности подданных имперского государства тем же нормам и институтам, что и в масштабе всей страны. Исходя из этого, можно заключить, что регулярная армия должна быть признана не только одним из ключевых элементов сложившейся в Российской империи в XVIII в. системы взаимоотношений «власть – общество», но и средством утверждения и поддержания имперского политического и социального порядка на окраинной части территории государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные:

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ)

Фонд 88. Управление Верхнеудинского коменданта.

Оп. 1. Д. 20, 92, 150.

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО)

Фонд 1. Военно-походная канцелярия командира Сибирского корпуса.

Оп. 1. Д. 19, 95, 96, 105, 122, 124, 134, 135.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Фонд 20. Дела военные.

Оп. 1. Д. 16 (Ч. 1).

Фонд 214. Сибирский приказ.

Оп. 1. Д. 1429, 4068.

Оп. 5. Д. 2722.

Фонд 248. Сенат и его учреждения.

Оп. 2. Кн. 29.

Оп. 4. Кн. 155.

Оп. 7. Кн. 392, 402, 426, 429, 435.

Оп. 8. Кн. 448, 472, 500.

Оп. 13. Кн. 711.

Оп. 14. Кн. 789.

Оп. 21. Кн. 1361.

Оп. 39. Кн. 2707.

Оп. 69. Кн. 6082.

Оп. 71. Кн. 6221, 6239.

Оп. 113. Д. 482, 486, 861, 873, 885, 888, 1584, 1631.

Фонд 415. Сибирская губернская канцелярия.

Оп. 1. Д. 196.

Оп. 2. Д. 165.

Фонд 494. Илимская воеводская канцелярия.

Оп. 1. Д. 2270.

Фонд 517. Кузнецкая воеводская канцелярия.

Оп. 1. Д. 413, 697, 877.

Фонд 633. Томская воеводская канцелярия.

Оп. 2. Д. 64.

Фонд 1025. Иркутская провинциальная канцелярия.

Оп. 1. Д. 25.

Фонд 1092. Пограничные канцелярии в Селенгинске и Иркутске.

Оп. 1. Д. 32, 61, 63, 64, 65, 66.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 2. Канцелярия Военной коллегии.

Оп. 12. Св. 72. Д. 2.

Фонд 8. Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии.

Оп. 1. Д. 1274, 1605.

Оп. 2. Д. 121.

Оп. 3. Д. 1356.

Оп. 4. Д. 411.

Оп. 5. Д. 241, 529, 1295.

Оп. 10. Д. 2837.

Фонд 12. Комиссариатское повытье и экспедиции Военной коллегии по комиссариатской части.

Оп. 1. Св. 15. Д. 409.

Оп. 2. Св. 162. Д. 292; Св. 166. Д. 359.

Фонд 16. Иностранная экспедиция канцелярии Военной коллегии.

Оп. 1. Св. 244. Д. 242; Св. 249. Д. 316; Св. 250. Д. 399, 453; Св. 253. Д. 698; Св. 257. Д. 938.

Фонд 18. Провиантская экспедиция канцелярии Военной коллегии.

Оп. 2. Св. 172. Д. 13; Св. 187. Д. 66.

Фонд 20. Воинская экспедиция Военной коллегии.

Оп. 1. Д. 37, 280 (Ч. 1–8), 283 (Ч. 1–3), 343, 553 (Ч. 2), 582, 709 (Ч. 1–3), 722, 729 (Ч. 1), 742.

Фонд 23. Воинская комиссия Военной коллегии.

Оп. 1. Д. 407, 583.

Фонд 489. Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии.

Оп. 1. Д. 1292, 1985, 1989, 2366, 2562.

Фонд 490. Коллекция офицерских сказок.

Оп. 1. Д. 22, 36, 41а, 135, 136, 163, 192, 210, 241, 242, 246, 251, 254, 281, 302, 306, 309, 314, 316, 321, 335, 337, 339, 367, 393, 427, 439, 491, 492.

Оп. 3. Д. 83, 127.

Оп. 5. Д. 10, 324, 325, 494, 508, 510.

Опубликованные:

1. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя самим им для своих потомков: В 3 т. / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1. 1120 с.
2. *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с.
3. *Винский Г. С.* Записки Г. С. Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 1. С. 92–123; Вып. 2. С. 150–164.

4. *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 г. (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.) / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. В. Анисимова. Л.: Худож. лит-ра, 1991. С. 313–345.
5. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М.: Унив. тип., 1871. 119 с.
6. Жильбер Ромм о русской армии XVIII в. // Россия и Франция: XVIII–XX вв. / Отв. ред. П. П. Черкасов. М.: Наука, 2000. Вып. 3. С. 95–112.
7. *Ланжерон А. Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская старина. 1895. Т. 84. № 3. С. 147–166; № 4. С. 145–177; № 5. С. 185–202.
8. *Манштейн Х.-Г.* Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумова; послесл., указ. В. Наумова. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 62–272.
9. Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: Сб. док.: В 2 т. / Сост., вступ. ст., комм., оформл. К. В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2009. Т. 1. 727 с.; Т. 2. 591 с.
10. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 17… СПб.: Имп. акад. наук, 1777. 366 с.; 1780. 479 с.; 1781. 425 с.; 1782. 473 с.; 1787. 387 с.; 1791. 380 с.; 1794. 400 с.
11. *Миллер Г. Ф.* Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6) / Отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. С. 18–37.
12. Памятники сибирской истории XVIII в. СПб.: Тип. мин-ва внутр. дел, 1882. Кн. 1: 1700–1713 гг. 600 с.; 1885. Кн. 2: 1713–1724 гг. 584 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 7. 942 с.; Т. 9.

1028 с.; Т. 10. 1000 с.; Т. 14. 996 с.; Т. 15. 1052 с.; Т. 16. 1120 с.; Т. 17. 1138 с.; Т. 18. 1042 с.; Т. 20. 1088 с.; Т. 43. Ч. 1. 866 с.

14. *Потанин Г. Н.* Материалы для истории Сибири // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М.: Унив. тип., 1866. Кн. 4; 1867. Кн. 1, 2. 328 с.

15. *Ржевский С. М.* Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 357–362.

16. Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. 511 с.

17. Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II / Материалы для рус. воен. истории, изд. А. Лебедевым по рукописи, ему принадлежащей. М.: Унив. тип., 1898. 114 с.

18. Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы / Отв. ред. С. Л. Тихвинский; сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1990. Т. 2: 1725–1727. 669 с.; 2006. Т. 3: 1727–1729. 541 с.

19. Сборник военно-исторических материалов. СПб.: Воен. тип., 1904. Вып. 16: Записки собранные по повелению императора Павла I, о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах. 169 с.

20. Сенатский архив. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1893. Т. 6: Журналы и определения Правительствующего Сената 1744–1746 гг. 770 с.

21. Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам на 17… год. СПб.: Гос. Воен. колл., 1784. 230 с.; 1788. 256 с.

22. Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам на 1767 год. СПб.: Гос. Воен. колл., 1767. 126 с.

23. Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII в.: Сб. мат-лов: В 2 т. / Сост., вступ. ст., комм., оформл. К. В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2010. Т. 1. 455 с.; Т. 2. 514 с.
24. *Тучков С. А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766–1808 / Под ред. и со вступ. ст. К. ***А.*** Военского. М.: ГПИБ России, 2011. 388 с.
25. Ф. И. Соймонов. Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. (Труды ГИМ. Вып. 202) / Сост. Н. В. Горбушина, ***А.*** Е. Чекунова. М.: ГИМ, 2014. 536 с.
26. *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1985. С. 35–130.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азнабаев Б. А.* Воинские правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. (по смотровым и формулярным спискам полков и батальонов Оренбургской губернии) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2004. № 1. С. 101–114.
2. *Азнабаев Б. А.* Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 494–520.
3. *Акишин М. О.* Армия, общество, колонизация (Тобольский драгунский полк на Урале в первой половине XVIII в.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 25–32.
4. *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 406 с.

5. *Акишин М. О.* Сибирский губернатор Д. И. Чичерин. Рапорт обер-штеркригс-комиссара Г. М. Осипова. 1779 г. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 193–210.
6. *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
7. *Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М. П.* «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 3–20.
8. *Альбовский Е. А.* История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск: Типо-лит. Б. И. Соломонова, 1902. 316 с.
9. *Ананьев Д. А.* Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: Сова, 2005. 262 с.
10. *Андрейчук С. В.* Иностранцы на службе в российской армии (на примере Сибирского корпуса во второй половине XVIII в.) // Алтайский архивист. 2010. № 1 (18). С. 164–168.
11. *Андрейчук С. В.* Источники комплектования и личный состав регулярных полков Сибирского корпуса (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. мат-лов I Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 25–27 августа 2011 г.). Новосибирск: Параллель, 2011. С. 60–66.
12. *Андрейчук С. В.* Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг.: опыт и проблемы // Вестник алтайской науки. 2009. № 3. С. 121–129.
13. *Андрейчук С. В.* Роль командования Сибирского корпуса в колонизационных процессах на юге Западной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в.: внешнеполитические и внешнеэкономические аспекты // Исторический ежегодник. 2011: Сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 127–139.

14. *Андрейчук С. В.* Роль Сибирского корпуса в обеспечении военной безопасности и освоения юга Западной Сибири (1771–1796 гг.) // Вестник ТамбГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 8 (88). С. 174–179.
15. *Андрейчук С. В.* Сибирский корпус в период Пугачевского восстания (1773–1775 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Восьмые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина (Барнаул, 7–8 октября 2011 г.). Барнаул: АлтГУ, 2011. С. 97–98.
16. *Андрейчук С. В.* Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
17. *Андрейчук С. В.* Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42.
18. *Андриевич В. К.* Исторический очерк Сибири. Иркутск: Тип. окр. штаба, 1886. Т. 2. 353 с.; Томск: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1887. Т. 3. 337 с.; СПб.: Воен. тип., 1887. Т. 4. 308 с.
19. *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Нов. лит. обозр., 1999. 719 с.
20. *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
21. *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 371 с.
22. *Артамонов В. А.* Русская армия после Петра I // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 42–49.
23. *Бабич И. В.* Гарнизонный роман: по материалам следственного дела о полковнике Ф. А. Доригни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.). СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. Кн. 1. С. 68–81.
24. *Бабич М. В.* К проблеме военного управления 1730-х гг.: вокруг Комиссариата // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды

Седьмой международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2016 г.). СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Кн. 1. С. 99–114.

25. *Бабич М. В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 81–102.

26. *Бабич М. В.* Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х гг. // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13–17 сентября 2006 г.). СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. Ч. 2. С. 13–17.

27. *Бабич М. В.* Странное «дело» о полковнике Ф. А. Доригни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 13–15 мая 2015 г.). СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. Кн. 1. С. 82–95.

28. *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. СПб.: Тип. Гр. Скачкова с с-ми, 1909. Вып. 3. 91 с.

29. *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. Т. 1. 556 с.

30. *Байрау Д.* Империя и ее армия // Новый часовой. 1997. № 5. С. 19–39.

31. *Барсуков А. П.* Рассказы из истории XVIII века по архивным документам. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1885. 284 с.

32. *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.

33. *Бегунова А. И.* Сабли остры, кони быстры…: (Из истории русской кавалерии). М.: Мол. гвардия, 1992. 253 с.

34. *Бекмаханова Н. Е.* Присоединение Казахстана // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Рус. панорама, 2011. С. 245–257.
35. *Беловинский Л. В.* Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90.
36. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 307–320.
37. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 296–309.
38. *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 318 с.
39. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М.: Воениздат, 1958. 645 с.
40. *Беспрозванных Е. Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середины XIX в. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. 334 с.
41. *Богданович М. И.* Русская армия в веке императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. 36 с.
42. *Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: «Февраль», 1994. 148 с.
43. *Болтунова Е. М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М.: РГГУ, 2011. 349 с.
44. *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул: Азбука, 2002. 217 с.
45. *Бочков А. Ф.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии: (конец XVII – первая четверть XVIII в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008. 24 с.
46. *Булыгин Ю. С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.

47. *Булыгин Ю. С.* Формирование земледельческого населения на Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. // Вопросы истории Сибири. Томск: ТГУ, 1967. Вып. 3. С. 20–33.
48. *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск: КГПУ, 2007. 414 с.
49. *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: КГУ, 1985. 297 с.
50. *Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П.* Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск: КГУ, 1990. 300 с.
51. *Васильев А. П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк: В 3 т. Чита: Тип. Войскового хозяйств. правл. Забайкал. казачьего войска, 1916. Т. 2. 368 с.
52. *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1899. Ч. 2. 139 с.; Ч. 3. 141 с.; Ч. 4. 110 с.
53. Военный энциклопедический словарь: В 2 т. М.: Большая Российская энциклопедия, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. Т. 1. 848 с.; Т. 2. 816 с.
54. *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 571 с.
55. *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
56. *Волкова И. В.* Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35–51.
57. *Волкова И. В.* Русская армия в русской истории. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 640 с.

58. *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Военный сборник. 1887. № 4. С. 266–290.

59. *Голиков В. И., Чернов К. А.* Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII–XX вв. Томск: НТЛ, 2012. 427 с.

60. *Горбань Н. В.* Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Новоишимская линия крепостей // Вопросы географии. М.: Географгиз, 1953. Вып. 31. С. 206–227.

61. *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910 гг. М.: Тип. Вильде, 1910. 192 с.

62. *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 309 с.

63. *Демин Э. В.* Граффити древнего собора (Пограничный командир С. Ф. Власов) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ: Б/и, 2009. Кн. 1. С. 211–216.

64. *Демин Э. В.* Забайкальское пограничье петровского гвардейца (И. Д. Бухольц) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ: Б/и, 2009. Кн. 1. С. 121–162.

65. *Демин Э. В.* Кавалергарда век был долог… (Управитель пограничья, селенгинский воевода-комендант В. В. Якобий) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ: Б/и, 2010. Кн. 2. С. 36–70.

66. *Демин Э. В.* Полки селенгинские (Якутский гарнизонный, Селенгинский драгунский гарнизонный, Селенгинский мушкетерский, Селенгинский пехотный) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ: Б/и, 2010. Кн. 2. С. 99–119.

67. *Дмитриев А. В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: НГУ, 2008. 240 с.

68. *Епифанов П. П.* Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1969. 29 с.
69. *Епифанов П. П., Комаров А. А.* Военное дело. Армия и флот // Очерки русской культуры XVIII в. М.: МГУ, 1987. Ч. 2. С. 186–257.
70. *Золотарев В. А.* Генезис и тенденции развития военного искусства в России во второй половине XVIII столетия. М.: Известия, 2011. 422 с.
71. *Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е.* Во славу Отечества Российского: (Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). М.: Мысль, 1984. 335 с.
72. *Зотов С. В.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 24 с.
73. *Зуев А. С.* «В русскую службу шел волею». Шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири // Социокультурные исследования: Сб. ст. Новосибирск: НГУ, 1997. С. 64–76.
74. *Зуев А. С.* Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – XVIII в. // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения 2005 г. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 39–58.
75. *Зуев А. С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 444 с.
76. *Зуев А. С.* Регулярные формирования российской армии в Сибири в XVIII – начале XIX в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Мат-лы регион. науч. конф. (Новосибирск, 21 декабря 2008 г.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 13–15.
77. *Зуев А. С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск: НГУ, 1994. 191 с.

78. *Зуев А. С.* Численность и дислокация военнослужилых людей на северо-востоке Сибири в 1720–1760-х гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток: Дальнаука, 2003. Т. 4. С. 80–103.
79. *Зуев А. С.* Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 22–27.
80. *Иванов П. А.* Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии. От Петра Великого до наших дней. СПб.: Тип. Н. Тиблена и Ко, 1864. 320 с.
81. *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. Барнаул: АГУ, 1996. 226 с.
82. История военной стратегии России. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. 588 с.
83. История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX в. 316 с.
84. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 538 с.
85. История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М.: Наука, 1967. Т. 3: Превращение России в великую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. 747 с.
86. *Исупов С. Ю.* Бийск: острог, крепость, город. Бийск: Б/и, 1999. 149 с.
87. *Исупов С. Ю.* Динамика изменения численности гарнизона Бийской крепости в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Восьмые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина (Барнаул, 7–8 октября 2011 г.). Барнаул: АлтГУ, 2011. С. 95–96.
88. *Исупов С. Ю.* Динамика изменения численности регулярных воинских контингентов Западной Сибири к началу второй половины XVIII в. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского: Тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сентября 2006 г.). Бийск: БПГУ, 2006. С. 163–167.

89. *Исупов С. Ю.* К вопросу о расселении отставных военнослужащих по Колывано-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2000. С. 289–293.
90. *Исупов С. Ю.* Крепость Бийская есть главная… Барнаул: Азбука, 2009. 302 с.
91. *Исупов С. Ю.* Основные моменты истории Сибирского корпуса в первой половине XVIII в. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: БГПУ, 1999. С. 232–245.
92. *Исупов С. Ю.* Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия АлтГУ. Сер. История. Политология. 2010. № 4-3 (68). С. 91–94.
93. *Калашников Г. В.* Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) (Законодательство о поступлении на службу и его исполнение) // Кодекс-info. СПб., 1999. № 6. С. 70–80.
94. *Калашников Г. В.* К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (25–28 апреля 2002 г.). Тверь; Кашин; Калязин: ТвГУ, 2002. Ч. 1. С. 152–162.
95. *Калашников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999. 23 с.
96. *Калашников Г. В.* Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80–87.
97. *Калашников Г. В.* Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. СПб., 2000. № 3 (12). С. 116–124.
98. *Каменецкий И. П.* Генералы Скалоны в России (1735–1812 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41–45.

99. *Каменецкий И. П.* Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 1. С. 98–102.

100. *Каменецкий И. П.* Командующие войсками сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири (1744–1819 гг.) // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 81–87.

101. *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.

102. *Капитуров В. Г.* Исторический опыт подготовки офицерских кадров русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.

103. *Карпущенко С. В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М.: Воениздат, 1999. С. 13–150.

104. *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007. 360 с.

105. *Катанаев Г. Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб.: В. Березовский, 1908. 67 с.

106. *Кауфман А. О.* Артиллерия Кузнецка XVII – первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2003. Вып. 5. С. 5–11.

107. *Кауфман А. О.* Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2006. Вып. 8. С. 38–45.

108. *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4 т. М.: Голос, 1999. Т. 1: От Нарвы до Парижа, 1700–1814 гг. 302 с.

109. *Кипнис Б. Г.* О социальном составе и боевом опыте офицерского и унтер-офицерского корпуса российской армии в XVIII столетии // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М.: ИРИ РАН, 1992. С. 44–62.

110. *Кирпиченок А. И.* Возникновение и развитие регулярной русской кавалерии в XVIII в. // Клио. СПб., 2006. № 2 (33). С. 196–200.

111. *Коган Ю. Я.* Дворяне // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 75–84.

112. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.

113. *Короткова М. В.* Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX столетий: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2009. 44 с.

114. *Корчмина Е. С.* «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х гг. // Российская история. 2013. № 5. С. 77–91.

115. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город. Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. 112 с.

116. *Кузнецов Е. В.* Из Тобольской старины: Нападение на полицмейстера Бабановского. Тобольск: Б/и, 1891. 14 с.

117. *Кузнецов Н. А.* Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2003. Вып. 5. С. 108–139.

118. *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В. …». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. М.; СПб.: АИРО-XXI, Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.

119. *Куприянов А. И.* Дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX в.: от сословной корпорации к институту гражданского общества? // Российская история. 2012. № 1. С. 30–43.

120. *Куприянов А. И.* Элита московского дворянства и ее роль в формировании публичной сферы // Культура и менталитет России нового и новейшего времени. М.: ИРИ РАН, 2018. С. 390–403.

121. *Курукин И. В.* Поэзия и проза Тайной канцелярии // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 123–133.

122. *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: П. А. Трибунский, 2003. 565 с.

123. *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880 гг. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. Ч. 1, 2. 144, 283 с.

124. *Лангевише Д.* Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // Ab imperio. 2001. № 4. С. 7–28.

125. *Лапин В. В.* Постойная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб.: Лики России, 2000. Вып. 2. С. 135–164.

126. *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. имп. акад. наук, 1865. Ч. 3: Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. 1016 с.

127. *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М.: АСТ, 1995. 296 с.

128. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

129. *Лушников А. М.* Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль: ЯрГТУ, 1996. 151 с.

130. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Нов. лит. обозр., 2002. 973 с.

131. *Малолетко А. А., Малолетко А. М.* Воинство Алтайского горного округа (1726–1917). Томск: ТГУ, 2001. 231 с.

132. *Малышев В. Н.* Реформы Петра III в армейской одежде // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13–17 сентября 2006 г.). СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. Ч. 3. С. 18–23.

133. *Малютин С. Н.* Деятельность высших органов военного управления Российской империи во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.

134. *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII в. М.: Наука, 2008. 458 с.

135. *Марасинова Е. Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33.

136. *Марасинова Е. Н.* О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 81–92.

137. *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб.: Акад. ген. штаба, 1891. Вып. 1: 1683–1762 г. 356 с.; Вып. 2: Царствование Екатерины Великой 1762–1794 г. 507 с.

138. *Масловский Д. Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М.: Тип. окр. штаба, 1883. 199 с.

139. *Медушевский А. Н.* Российская империя в сравнительном освещении. Власть и собственность в абсолютистском государстве // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Рус. панорама, 2011. С. 759–851.

140. *Менщиков В. В.* Воинские ресурсы Южного Зауралья в середине XVIII в. // Земля Курганская. Курган: Б/и, 1994. Вып. 7. С. 79–81.

141. *Михайлов А. А.* Первый бросок на юг. М.; СПб.: АСТ, Северо-Запад Пресс, 2003. 429 с.

142. *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул: АГУ, 1998. 175 с.

143. *Муратова С. Р.* На страже рубежей Сибири: Строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск: ТобГПИ, 2007. 174 с.

144. *Мыльников А. С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М.: Мол. гвардия, 2002. 508 с.

145. *Мясников В. С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. 479 с.

146. На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов. СПб.: Искусство России, 2003. 256 с.

147. *Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): В 2 т. Омск: ОмГПУ, 2001. Т. 1. 404 с.

148. Новая имперская история Северной Евразии / Под ред. И. В. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. 630 с.

149. *Огурцов А. Ю.* Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 22 с.

150. *Огурцов А. Ю.* Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 1999. Вып. 3. С. 19–35.

151. *Огурцов А. Ю.* К вопросу о тактической фортификации линейных опорных пунктов // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2007. Вып. 9. С. 69–78.

152. *Огурцов А. Ю.* На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2007. Вып. 9. С. 40–67.

153. *Огурцов А. Ю.* «Отец милостливый…» (генерал-поручик Иван Иванович фон Шпрингер – командир сибирских войск) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2010. Вып. 1. С. 69–92.

154. *Огурцов А. Ю.* Штатная реформа 1736–1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1993. С. 69–79.

155. *Охлябинин С. Д.* Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М.: Мол. гвардия, 2004. 345 с.

156. *Пенской В. В.* Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 119–137.

157. *Пенской В. В.* Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М.: МГИУ, 2004. 282 с.

158. *Пенской В. В.* Возникновение, становление и эволюция русской тяжелой кавалерии в 1731–1801 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1996. 20 с.

159. *Пережогин А. А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: АГУ, 2005. 262 с.

160. *Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1063 с.

161. *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб.: Алетейя, 2001. 349 с.

162. *Петухов Н. А.* История военных судов России. М.: НОРМА, 2003. 345 с.

163. *Плешаков И. Н.* Рать саратовская: очерки военной истории Саратовского края. Саратов: Приволжское изд-во, 2009. 190 с.

164. *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.

165. *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркоблгосиздат, 1951. 207 с.

166. Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: В 3 т. / Сост., вступ. статья, оформл. К. В. Татарников. М.: Старая Басманная, 2013. Т. 1. 516 с.; Т. 3. 711 с.

167. *Прибыткова А. М.* Кузнецкая крепость // История СССР. 1975. № 1. С. 231–241.

168. *Проскурякова М. Е.* «Бежав ис полку…»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 82–92.

169. *Проскурякова М. Е.* «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII в. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. 179 с.

170. *Проскурякова М. Е.* Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009. 30 с.

171. *Пузанов В. Д.* Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // Зауралье в панораме веков. Курган: КурганГУ, 2000. С. 50–75.

172. *Путинцев Н. Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск: Тип. окр. штаба, 1891. 256 с.

173. *Рабинович М. Д.* Полки Петровской армии, 1698–1725. Краткий справочник. М.: Сов. Россия, 1977. 112 с.

174. *Рафиенко Л. С.* Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 58–67.

175. *Рафиенко Л. С.* Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М.: Наука, 1973. С. 364–380.

176. *Рафиенко Л. С.* Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода: Бахрушинские чтения 1969 г. Новосибирск: НГУ, 1973. С. 219–233.

177. *Рафиенко Л. С.* Следственные комиссии в Сибири в 30–60-х гг. XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1968. Вып. 3: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). С. 136–164.

178. *Редин Д. А.* Эффективность местного управления в петровскую эпоху: парадоксы централизации // Quaestio Rossica. 2016. № 3. С. 190–216.

179. *Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // Ab imperio. 2000. № 3/4. С. 343–358.

180. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.

181. *Розенгейм М. П.* Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1878. 377 с.

182. Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М.: Новое изд-во, 2004. 382 с.

183. Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с.

184. Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж: ВГУ, 2004. 470 с.

185. Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. М.: РОССПЭН, 2012. 462 с.

186. *Ростов Н. Д.* Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул: АлтГТУ, 2005. 299 с.

187. Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795). Список по Месяцесловам / Сост. В. П. Степанов. СПб.: Акад. проект, 2003. 829 с.

188. *Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.; СПб.: Весь Мир, Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998. 227 с.

189. *Сергеев А. Д.* Оборонительные сооружения Колывано-Кузнецкой линии (XVIII в.) // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 43–49.

190. *Сергеев А. Д.* Тайны алтайских крепостей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. 80 с.

191. *Серов Д. О.* Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обозрения) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 165–173.

192. *Серов Д. О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. № 2 (Т. LXXV). Февраль 2013. С. 113–121.

193. *Серов Д. О.* Судоустройство и судопроизводство в России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 92–138.

194. *Силин Е. П.* Кяхта в XVIII в.: из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркоблиздат, 1947. 204 с.

195. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири: В 2 кн. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. Кн. 1. 326 с.; Кн. 2. 364 с.

196. Служба ширванца 1726–1909 г. [История 84-го пехотного Ширванского Его Величества полка]. Тифлис: Лит. С. Быхова, 1910. 174 с.

197. *Смирнов Ю. Н.* Гвардейские недоросли. Сверхкомплектная служба дворян середины XVIII в. // Родина. 2010. № 11. С. 10–12.

198. *Смирнов Ю. Н.* Гвардия в военной истории и вооруженных силах Российского государства XVIII в. // Проблемы изучения военной истории: Сб. ст. Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Самара, 24–25 марта 2015 г.). Самара: НТЦ, 2015. С. 131–138.

199. *Соловьев Н. И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1900. Вып. 1. 200 с.

200. Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1902. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России. 679 с.; Т. 4. Введение: Главный штаб. Исторический очерк. Вооруженные силы России до царствования императора Александра I. 238 с.; Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1: Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. 317 с.; Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1: Главный штаб. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно. 414 с.

201. *Субботина Л. Е.* Идеи строительства полковых слобод в XVIII веке // Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 23–24 мая 2006 г.). Омск: Изд. дом «Наука», 2006. С. 21–23.

202. *Субботина (Яковлева) Л. Е.* Натуральный постой в XVIII–XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник ТамбГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.

203. *Татарников К. В.* Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указа-

тель / Сост., вступ. статья, оформл. К. В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.

204. *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение. М.: Любимая книга, 2008. 352 с.

205. *Татарников К. В.* Уставы и наставления русской армии XVIII века // Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII в.: Сб. мат-лов / Сост., вступ. ст., комм., оформл. К. В. Татарникова. М., 2010. Т. 1. С. 6–22.

206. *Татарников К. В., Юркевич Е. И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. М.: Б/и, 2009. 80 с.

207. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

208. *Тиванов В. В.* Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века). М.: ВФЭФ, 1993. 254 с.

209. *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М.: Наука, 1974. 394 с.

210. *Тучков С. А.* Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российский, какое оных употребление и к чему служат. М.: Кучково поле, 2008. 400 с.

211. *Фабрика Ю. А.* Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск: Новосиб. полиграфкомбинат, 2001. 249 с.

212. *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 222 с.

213. *Федюкин И. И.* «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-

е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею А. Б. Каменского. М.: Древлехранилище, 2014. С. 83–142.

214. *Феофанов А. М.* Российский генералитет XVIII в.: социальная динамика поколений // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2. Вып. 4 (14). С. 221–229.

215. *Черников С. В.* Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 128–143.

216. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.

217. *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М.: РГГУ, 2005. 209 с.

218. *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 222 с.

219. *Шлукина Н. А.* Быт провинциального дворянства во второй половине XVIII столетия: Дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 219 с.

220. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Иркутск: Тип. штаба Вост.-Сиб. воен. окр., 1883. 778 с.

221. *Bassett R.* For God and Kaiser: The Imperial Austrian Army, 1619–1918. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2015. 616 p.

222. *Beyrau D.* Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Köln; Wien: Böhlau, 1984. 504 S.

223. *Black J.* Warfare in the Eighteenth Century. L.: Harper, 2006. 240 p.

224. *Burkhardt J.* Die Friedlosigkeit der frühen Neuzeit. Grundlegung einer Theorie der Bellizität Europas // Zeitschrift für Historische Forschung. 1997. Bd. 24. S. 509–574.

225. *Davies B. L.* The Development of Russian Military Power, 1453–1815 // European Warfare, 1453–1815 / Ed. J. Black. L.; N. Y.: Macmillan, 1999. P. 145–179.

226. *Downing B.* The Military Revolution and Political Change. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992. 308 p.

227. *Duffy C.* The Army of Frederick the Great. Chicago: Emperor's Press, 1996. 360 p.

228. *Duffy C.* The Army of Maria Theresa: The Armed Forces of Imperial Austria, 1740–1780. N. Y.: Hippocrene Books, 1977. 256 p.

229. *Dunning C., Smith N.* Moving Beyond Absolutism: Was Early-Modern Russia a «Fiscal-Military» State? // Russian History / Histoire Russe. 2006. Vol. 33. No. 1. P. 19–43.

230. *Finer S. E.* The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2009. 268 p.

231. *Fuller W. C. Jr.* Strategy and Power in Russia 1600–1914. N. Y.: Free Press, 1992. 576 p.

232. *Hartley J. M.* Russia: 1762–1825: Military Power, the State and the People. Westport; L.: Praeger, 2008. 318 p.

233. *Henshall N.* The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. L.: Routledge, 1992. 256 p.

234. *Keep J. L. H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon Press, 1985. 475 p.

235. *Keep J. L. H.* The Russian Army in the Seven Years War // The Military and Society in Russia: 1450–1917 / Ed. E. Lohr, M. Poe. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 197–220.

236. *Menning B. W.* G. A. Potemkin and A. I. Chernyshev: Two Dimensions of Reform and Russia's Military Frontier // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution / Ed. D. Schimmelpenninck van der Oye, B. Menning. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. P. 273–291.

237. *Menning B. W.* The Imperial Russian Army, 1725–1796 // The Military History of Tsarist Russia / Ed. F. Kagan, R. Higham. N. Y.: Macmillan, 2002. P. 47–76.

238. *Parker G.* The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. 265 p.

239. *Poe M.* The Consequences of the Military Revolution in Muscovy in Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. 38. No. 4. P. 603–618.

240. *Poe M.* The Military Revolution, Administrative Development and Cultural Change in Early Modern Russia // The Journal of Early Modern History. 1998. Vol. 2. No. 3. P. 247–273.

241. *Ralston D. B.* Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990. 212 p.

242. *Roberts M.* Essays in Swedish History. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1967. 358 p.

243. *Taylor B. D.* Politics and the Russian Army: Civil-Military Relations, 1689–2000. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 355 p.

244. *Wirtschafter E. K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. 236 p.

245. *Wirtschafter E. K.* Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. Vol. 59. No. 2 (Apr., 1995). P. 215–235.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Воинские части, дислоцировавшиеся в Сибири в 1725–1796 гг. (справочные данные) *

Сибирский гарнизонный (с 1764 г. – полевой) драгунский полк

Сформирован в 1698–1699 гг. В 1727 г. именовался 1-м Сибирским. Со второй половины 1720-х гг. по 1744 г. был дислоцирован по форпостам по р. Тоболу и Ишиму. Штаб полка – в Цареве Городище. В 1745 г. переведен на Иртышскую линию, был расположен в Ямышевской и Железинской крепостях. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник Ф. Матигоров (1725), полковник И. Арсеньев (до 1741), полковник Я. Павлуцкий (с 1741), полковник А. Раменков (1767).

Тобольский гарнизонный пехотный полк

Сформирован в 1712 г. как Санкт-Петербургский гарнизонный, отправлен в Западную Сибирь в 1725 г. В 1727 г. именовался 2-м Сибирским, с 1727 г. – Тобольским. Дислоцировался в Тобольском уезде до 1744 г. Штаб полка – в Тобольске. В 1745 г. переведен на Иртышскую линию, в 1754 г. находился на Колывано-Кузнецкой линии. Расформирован в 1764 г. Командиры: полковник И. Батасов (до 1740), подполковник М. Лебедев (с 1741).

Енисейский гарнизонный пехотный полк

Сформирован в 1712 г. как Московский гарнизонный, отправлен в Западную Сибирь в 1725 г. В 1727 г. именовался Терским, с 1727 г. – Енисейским. Дислоцировался на юге Западной Сибири до 1744 г. В 1745 г. переведен на Иртышскую линию, в 1754 г. находился на Колывано-Кузнецкой ли-

* Составлено в хронологическом порядке (исходя из времени появления на территории Сибири) по доступным архивным и опубликованным источникам, включены сведения о датах формирования и расформирования, местах дислокации и командирах соответствующих воинских частей.

нии. Расформирован в 1764 г. Командиры: бригадир А. Сухарев (1733), подполковник С. Угримов (1748), полковник М. Лебедев (1754).

Якутский гарнизонный пехотный полк

Сформирован в 1720 г. как Тобольский гарнизонный, отправлен в Западную Сибирь в 1725 г., переведен в Забайкалье в 1726 г. В 1727 г. переименован в Якутский. Штаб полка – в Селенгинске. В 1755 г. переформирован из 2-батальонного в 3-батальонный. Расформирован в 1764 г. Командиры: бригадир И. Бухольц (1725–1741), бригадир В. Якоби (1741–1764).

Новоучрежденный гарнизонный (с 1764 г. – Колыванский полевой) драгунский полк

Сформирован в 1736–1738 гг., дислоцирован по форпостам по р. Ишиму до 1744 г. Штаб полка – в Коркиной слободе. В 1745 г. переведен на Иртышскую линию, был расположен в Ямышевской и Семипалатинской крепостях. В 1754 г. находился на Колывано-Кузнецкой линии. В 1765–1766 гг. переведен в Иркутск. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник Т. Зорин (до 1747), полковник Ф. де Гаррига (с 1752).

Новоучрежденный гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1736–1738 гг., дислоцирован в Оренбургской губернии на Уйской линии до 1743 г., затем возвращен в Тобольск, переведен на Иртышскую линию в 1745 г., находился на Колывано-Кузнецкой линии в 1748 г. Расформирован в 1764 г. Командиры: подполковник М. Окуньков (1748).

Вологодский полевой драгунский полк

Сформирован в 1705 г. Переведен в Сибирь из Казанской губернии в 1744–1745 гг., расположен на Новой линии. В 1762 г. именовался полком генерал-майора фон Веймарна. В 1765 г. переведен на Иртышскую линию в

Усть-Каменогорскую крепость. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник Н. Ифлант (до 1752), полковник С. Траню (с 1752), полковник П. Дреер (1767).

Луцкий полевой драгунский полк

Сформирован в 1706 г. Переведен в Сибирь из Казанской губернии в 1744–1745 гг., расположен по форпостам по р. Тоболу и Ишиму. В 1754 г. находился на Иртышской линии. В 1762 г. именовался полком генерал-майора кн. Путятина. В 1765 г. переведен на Колывано-Кузнецкую линию в Бийскую крепость. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник И. фон Эйкин (1748), полковник Ш. Дебонг (1754), полковник А. Скалон (1767).

Олонецкий полевой драгунский полк

Сформирован в 1707 г. Переведен в Сибирь из Нижегородской губернии в 1744–1745 гг., расположен на Новой линии. К 1760 г. переведен на Иртышскую линию, в 1765 г. переведен на Колывано-Кузнецкую линию в Кузнецк. Расформирован в 1771 г. Командиры: бригадир Д. Крофт (до 1756), полковник П. Арцыбашев (до 1767), подполковник И. Штендер (1767).

Ширванский полевой пехотный (с 1756 г. – мушкетерский) полк

Сформирован в 1724 г. в составе Низового корпуса. Переведен в Сибирь из крепости Св. Анны в 1744–1745 гг., расположен на Новой линии. Штаб полка – в Тобольске. В 1754 г. выведен из Сибири в Казанскую губернию. В 1785–1786 гг. вновь направлен в Сибирь, дислоцирован на Пресногорьковской линии. Командиры: полковник Х. де Гаррига (1748), полковник М. Унгерн Штернберг (1786).

Нотебургский полевой пехотный полк

Сформирован в 1726 г. в составе Низового корпуса. Переведен в Сибирь из крепости Св. Анны в 1744–1745 гг., расположен в Тобольске и То-

больском уезде. В 1754 г. выведен из Сибири в Казанскую губернию. Командиры: полковник И. Фок (до 1747), подполковник И. Сухатин (с 1748).

Троицкий полевой драгунский полк

Сформирован в 1701 г. Переведен в Сибирь из Уфы в 1758 г., дислоцирован на Новой линии. В 1762 г. именовался полком генерал-майора В. Брынка. В 1765 г. переведен на Иртышскую линию в Ямышевскую крепость. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник А. фон Гиленсберг (1767).

Азовский полевой драгунский полк

Сформирован в 1706 г. Переведен в Сибирь из Оренбургской губернии в 1764–1765 гг., дислоцирован на Новой линии в Петропавловской крепости. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник К. Валленштерн (1767).

Ревельский полевой драгунский полк

Сформирован в 1709 г. Переведен в Сибирь из Казанской губернии в 1764–1765 гг., дислоцирован в Омской крепости. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник И. Нагаткин (1767).

Якутский полевой карабинерный полк

Сформирован в 1764–1765 гг. на базе Якутского конного полка ландмилиции, дислоцирован в Забайкалье. Штаб полка – в Селенгинске. Расформирован в 1771 г. Командиры: полковник И. фон Линеман (1767).

Томский полевой пехотный полк

Сформирован в 1764–1766 гг., дислоцирован на Колывано-Кузнецкой линии и в Усть-Каменогорской крепости. В 1769 г. был выведен из Сибири для участия в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Командиры: полковник А. Клавер (1767).

Селенгинский полевой пехотный полк

Сформирован в 1764–1766 гг., расположен в Забайкалье по форпостам и крепостям. В 1769 г. был выведен из Сибири для участия в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Командиры: полковник И. Якоби (1767).

1-й Тобольский гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1764 г., дислоцирован в Тобольске. Командиры: секунд-майор Ф. Серебряков (1772, 1784).

2-й Тобольский гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1764 г., дислоцирован в Тюмени. Командиры: премьер-майор кн. Е. Ратиев (Ратишвили) (1772), секунд-майор Д. Пушкарев (1784).

3-й Тобольский гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1764 г., дислоцирован в Таре. Командиры: секунд-майор А. Мартышев (1772), секунд-майор И. Журавлев (1784).

Томский гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1764 г., дислоцирован в Томске и Красноярске. Командиры: подполковник И. Жидовинов (1772), секунд-майор Ф. Лебедев (1784).

1-й Селенгинский гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1764 г., дислоцирован в Селенгинске. Командиры: секунд-майор И. Венгерской (1772), секунд-майор И. Кузнецов (1786).

2-й Селенгинский гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1764 г., дислоцирован в Удинске. Командиры: секунд-майор Д. Круглов (1772), секунд-майор М. Воинов (1786).

Иркутский гарнизонный пехотный батальон

Сформирован в 1764 г., дислоцирован в Иркутске. Командиры: секунд-майор К. Арензее (1772), премьер-майор Е. Савельев (1786).

1-й Омский гарнизонный пехотный линейный пограничный батальон

Сформирован в 1771 г., дислоцирован в Омске. Командиры: полковник Т. фон дер Рооп (1772), секунд-майор И. Зеленой (1784).

2-й Омский гарнизонный пехотный линейный пограничный батальон

Сформирован в 1771 г., дислоцирован в Омске. Командиры: премьер-майор С. Красноперов (1772, 1784).

Бийский гарнизонный пехотный линейный пограничный батальон

Сформирован в 1771 г., дислоцирован в Бийской крепости. Командиры: секунд-майор И. Клеитин (1772, 1784).

Петропавловский гарнизонный пехотный линейный пограничный батальон

Сформирован в 1771 г., дислоцирован в Петропавловской крепости. Командиры: секунд-майор К. Г. фон Трайблут (1772), секунд-майор А. Соколов (1784).

Семипалатинский гарнизонный пехотный линейный пограничный батальон

Сформирован в 1771 г., дислоцирован в Семипалатинской крепости. Командиры: подполковник З. Яковлев (1772), секунд-майор Н. Поляков (1784).

9-я легкая полевая команда (когорта)

Сформирована в 1771 г., дислоцирована в Селенгинске. Расформирована в 1775 г. Командиры: подполковник Т. фон Клейст (1772).

10-я легкая полевая команда (когорта)

Сформирована в 1771 г., дислоцирована в Омске. Расформирована в 1775 г. Командиры: секунд-майор Т. Зайферт (1772).

11-я легкая полевая команда (когорта)

Сформирована в 1771 г., дислоцирована в Усть-Каменогорской крепости. Расформирована в 1775 г. Командиры: премьер-майор Х. Ф. де Кастро Ласерда (1772).

12-я легкая полевая команда (когорта)

Сформирована в 1771 г., дислоцирована в Ямышевской крепости. Расформирована в 1775 г. Командиры: премьер-майор Ф. Жолобов (1772).

13-я легкая полевая команда (когорта)

Сформирована в 1771 г., дислоцирована в Кузнецке. Расформирована в 1775 г. Командиры: премьер-майор Г. Эртман (1772).

14-я легкая полевая команда (когорта)

Сформирована в 1771 г., дислоцирована в Петропавловской крепости. Расформирована в 1775 г. Командиры: секунд-майор А. Сверчков (1772).

15-я легкая полевая команда (когорта)

Сформирована в 1771 г., дислоцирована в Красноярске. Расформирована в 1775 г. Командиры: секунд-майор И. Брикгаузен (1772).

Колывано-Воскресенский полевой мушкетерский батальон

Сформирован в 1775 г., дислоцирован на Колывано-Кузнецкой линии в Бийске. Командиры: секунд-майор Т. фон Винклер (1786).

Семипалатинский полевой мушкетерский батальон

Сформирован в 1775 г., дислоцирован на Иртышской линии в Ямышевской крепости. Командиры: подполковник М. Гейциг (1786).

Екатеринбургский полевой мушкетерский батальон

Сформирован в 1775 г., дислоцирован в Забайкалье в Кударинской крепости. Командиры: подполковник П. Дикер (1786).

1-й Сибирский полевой егерский батальон

Сформирован в 1775 г., дислоцирован на Колывано-Кузнецкой линии. Командиры: подполковник В. Буйносов (1788).

2-й Сибирский полевой егерский батальон

Сформирован в 1775 г., дислоцирован на Иртышской линии в Усть-Каменогорской крепости. Командиры: подполковник И. фон Транзее (1788).

Сибирский полевой драгунский полк

Сформирован в 1775–1777 гг., дислоцирован на Пресногорьковской линии. Штаб полка – в Петропавловской крепости. Командиры: полковник Я. Боувер (1788).

3-й Сибирский полевой мушкетерский батальон

Сформирован в 1784–1785 гг., дислоцирован на Иртышской линии в Ямышевской крепости. Командиры: подполковник Д. Карсаков (1787).

4-й Сибирский полевой мушкетерский батальон

Сформирован в 1784–1785 гг., дислоцирован на Иртышской линии в Омске. Командиры: подполковник Д. Дель-Потцо (1787).

5-й Сибирский полевой мушкетерский батальон

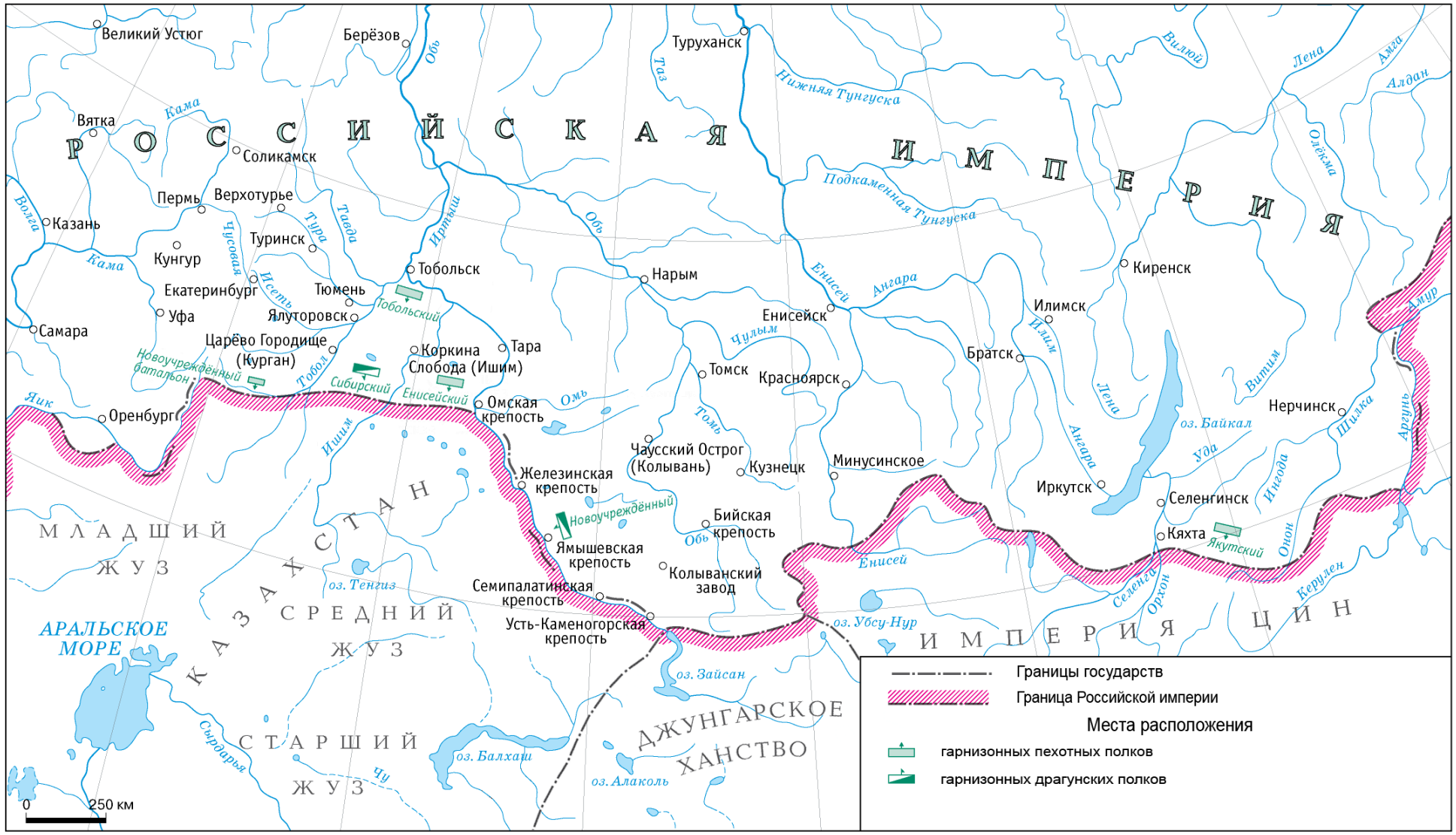
Сформирован в 1784–1785 гг., дислоцирован на Иртышской линии в Железинской крепости. Командиры: полковник П. Вильбоа (1788).

6-й Сибирский полевой мушкетерский батальон

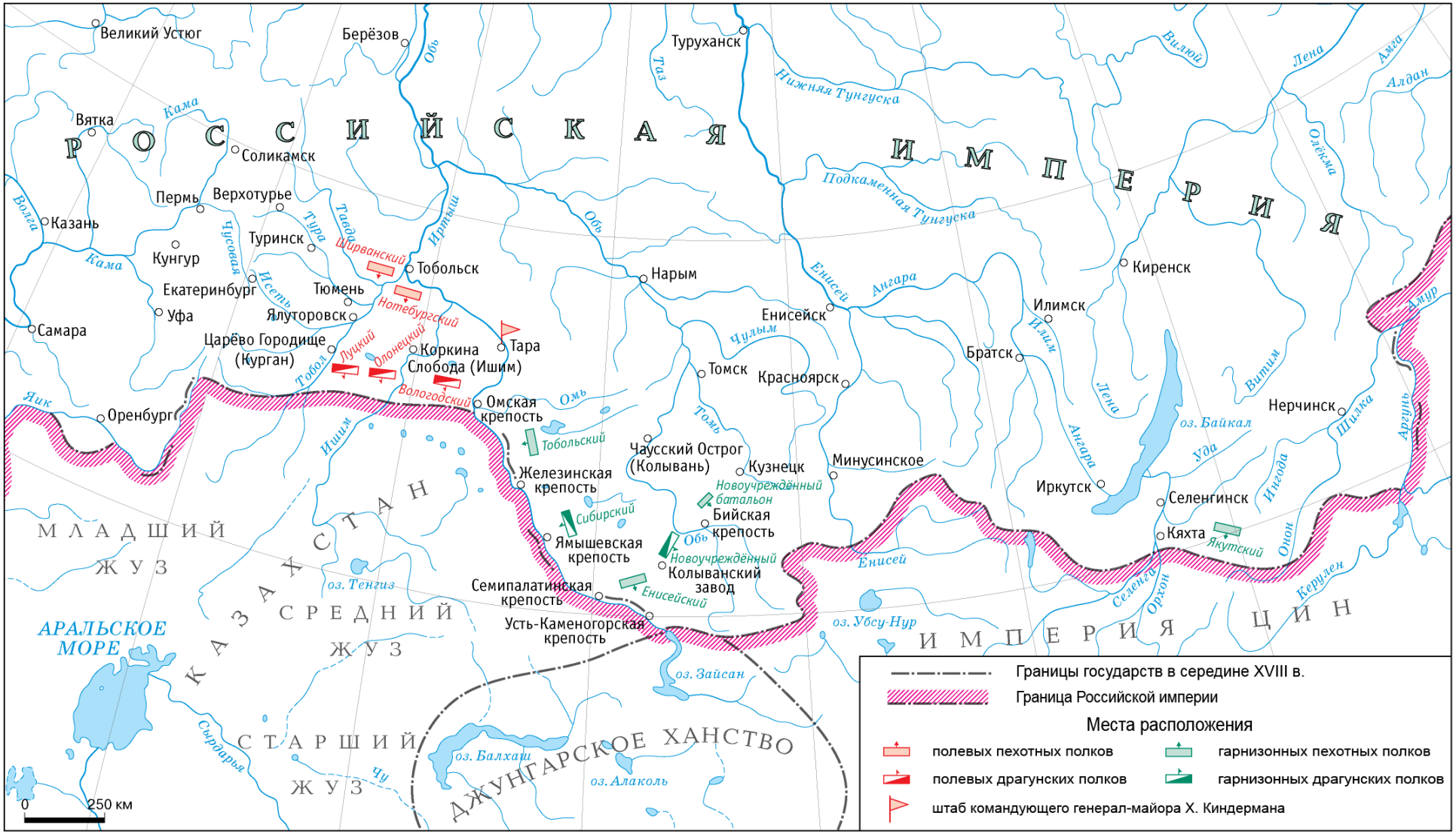
Сформирован в 1784–1785 гг., дислоцирован на Иртышской линии в Омске. Командиры: подполковник Л. Калантаев (1788).

Иркутский полевой драгунский полк

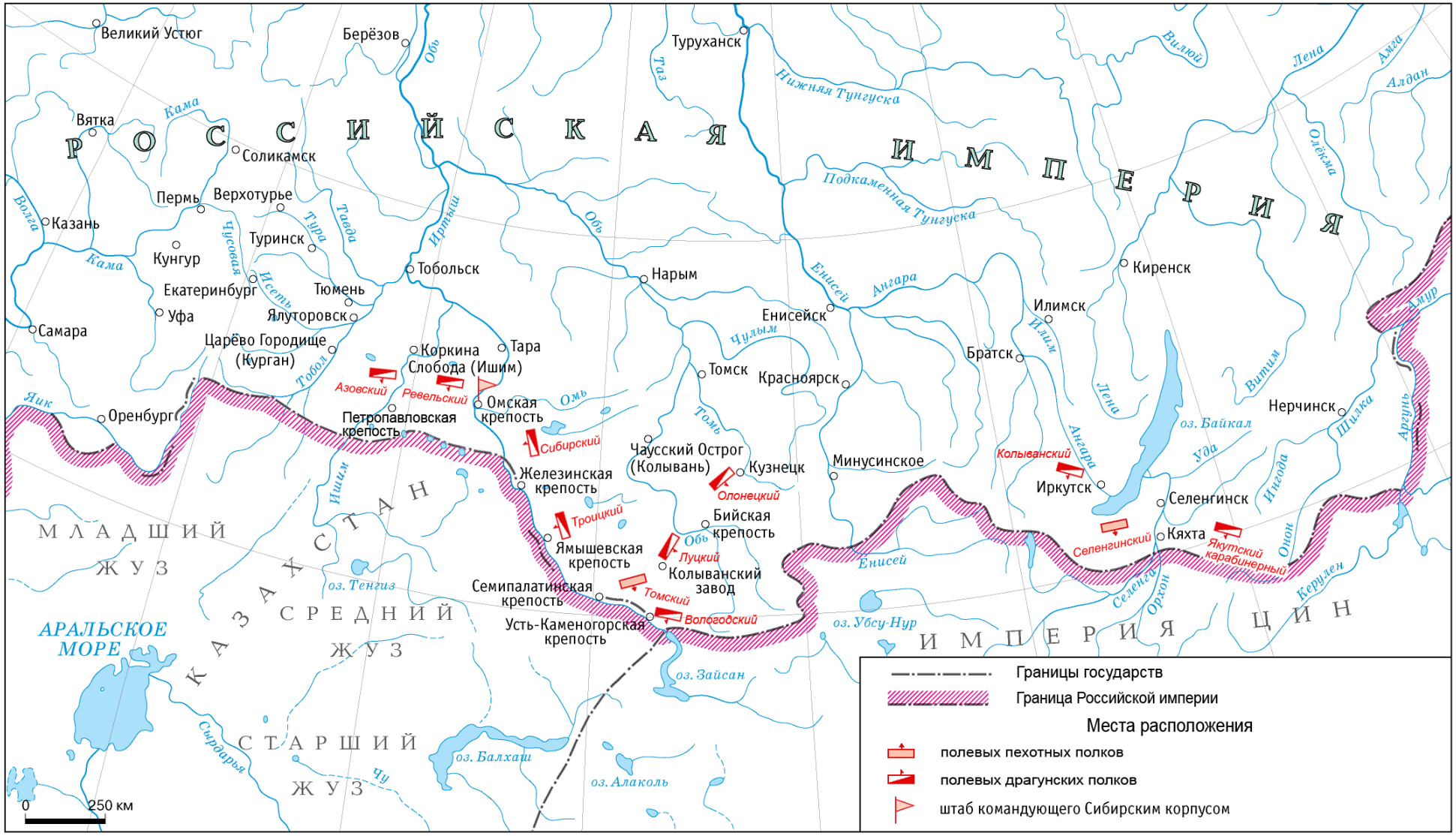
Сформирован в 1786–1789 гг., дислоцирован на Иртышской линии. Штаб полка – в Усть-Каменогорской крепости. Командиры: полковник А. Депрерадович (1789).



КАРТА 1. РЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ РУССКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В 1741 г.



КАРТА 2. РЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ РУССКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. (1748 г.)



КАРТА 3. ПОЛЕВЫЕ ПОЛКИ РУССКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В 1767 г.